ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЧЕЛЯБИНСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ
КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ»

FEDERAL STATE BUDGED-FUNDED
EDUCACIONAL ESTABLISHMENT
OF HIGHER VOCATIONAL EDUCATION
“THE CHELYABINSK STATE ACADEMY
OF CULTURE AND ARTS”

МОЛОДЕЖЬ В НАУКЕ И КУЛЬТУРЕ XXI ВЕКА

Материалы международного научно-творческого форума

Часть I

Челябинск, 2–3 ноября 2011 г.

YOUTH IN SCIENCE AND CULTURE OF THE XXIst CENTURY

Proceedings of the International Scientific and Creativ Forum

Part I

Chelyabinsk, November 2–3, 2011

Челябинск
2011

Chelyabinsk
2011

УДК 378
ББК 74.58
М75

Молодежь в науке и культуре XXI в. : материалы междунар. науч.-творч. форума. Челябинск, 2–3 ноября 2011 г. Ч. 1 / Челяб. гос. акад. культуры и искусств; сост. Е. В. Швачко. – Челябинск, 2011. – 354 с.
ISBN 978-5-94839-355-1
ISBN 978-5-94839-356-8

В сборник вошли научные материалы молодых ученых: аспирантов, соискателей, докторантов и кандидатов наук, подготовивших доклады и сообщения на международный научно-творческий форум «Молодежь в науке и культуре XXI века».

Печатается по решению редакционно-издательского совета ЧГАКИ

ISBN 978-5-94839-355-1
ISBN 978-5-94839-356-8 (I часть)

© Челябинская государственная академия культуры и искусств, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие…… 7

Раздел 1
ДИСКУРСЫ XXI ВЕКА В ФИЛОСОФИИ И КУЛЬТУРОЛОГИИ

Авсеев А. А.
Трансверсальная философия как отражение закономерностей культурно-исторического развития XXI века и ее спекулятивный анализ …… 8

Аггеев Ф. М.
Сакральная защита средневековых карт …… 12

Алдошина М. И.
Этноэстетический контекст современного университетского образования …… 15

Андреев В. М.
Смысловое поле археологического памятника: понятие и структура …… 18

Антонова Н. В.
Представления о «женской природе» в современной философии феминизма и культуре …… 20

Баричко Я. Б.
Формы проявления человеческой телесности в культуре …… 23

Бельчич Д. Ю.
О политическом искусстве …… 27

Бенгардт Д. В.
Культурное и акультурное: грани соотношения …… 29

Бетехтин А. В.
Мотивационные стратегии обращения потребителей к сфере искусства …… 32

Бушев А. Б.
Поэтический мир славян в XX веке …… 35

Биче-оол В. К.
Специфичность религиозного комплекса в культуре нганасан …… 41

Важенина О. А.
Интерпретации русской национальной идеи и перспективы ее развития в современных условиях … 44

Валеева Э. М.
Идентифицирующие возможности моды в процессе взаимодействия студентов …… 48

Герасимов В. К.
Критика «общества потребления» в философии XX века …… 51

Голованов А. И.
Демократические ценности в истории русской государственности …… 54

Гребенюк Н. И.
Духовность как онтологическая основа целостного образовательного пространства …… 60

Гутенев М. Ю.
Интеллект как философская категория: к постановке вопроса …… 64

Даутова Е. В.
Знаковые события как инструмент повышения инвестиционной привлекательности региона …… 68

Дворникова Е. И.
Язык и культура как семиотическая система …… 71

Димухаметов Р. С.
Фасилитация как механизм социализации …… 73

Добрикова А. А.
Содержание имиджа Челябинской области …… 80

Евсикова И. А.
И. Стравинский. «Черный концерт»: в контексте времени …… 83

Ёрова Р. У.
Основные источники финансирования развития сферы культуры в Республике Таджикистан …… 89

Звягинцева Е. П.
Развитие толерантности и гражданской идентификации в поликультурной среде вуза в условиях роста социальной, этнической, религиозной и культурной диверсификации ……. 94

Ишанова А. К.
Антропологический кризис современной культуры и масс-медиа …….. 98

Калинина В. М.
Проблема «индивидуальность и художественный канон» в эстетических философствованиях М. А. Волошина и её связь с вопросами развития современного искусства ……... 102

Карамчакова И. Р.
Трансформационные процессы в сфере социально-профессиональной ориентации населения Хакасии в постсоветский период …….. 104

Касьянова А. В.
Потенциал культурно-досуговой деятельности в развитии культурной идентичности молодежи ….. 107

Кокшаров Е. Н.
Влияние производственной культуры на развитие человеческой цивилизации ……. 110

Коростина Е. П.
О формировании мировоззрения С. З. Трубачева …….. 114

Кравец Д. В.
Взаимосвязь внешней и внутренней свободы личности в интернет-пространстве …… 117

Кусмидинова М. Х.
Концепт Волги в историко-культурном развитии России …… 121

Ланганс Е. Г.
«Самоидентификация» или «самоопределение» – выбор темы …….. 124

Лысова Н. А.
Интегративная функция гендерных традиций праздника как феномена культуры …….. 128

Манякин В. И.
Принцип золотого сечения как фактор корректировки темпа клавирных сочинений И. С. Баха ……. 130

Меняева М. П.
Роль и значение согласия в контексте современных глобализационных процессов …….. 134

Меняева М. П.
Роль культуры согласия в бытии современного человека …… 137

Метелёва С. С.
Социокультурные трансформации современной России сквозь призму телевизионных информационных программ …….. 140

Миляева Е. Г.
Человек-бренд в ракурсе философской антропологии …….. 144

Мугалимова А. В.
Причет как содержательно-жанровая основа «Эпитафии» М. Смирнова …….. 145

Наумов П. В.
Социальный и/или социологический эксперимент (об одной проблеме в обосновании категории «социальный эксперимент» в социальной философии) …….. 156

Никольский Е. В.
Современная субкультура дауншифтинга: предполагаемые истоки и аксиология …… 160

Павлова А. Ю.
Типология культур П. Сорокина и субкультурное мировоззрение …….. 168

Пеннер Р. В.
Символ свободы в рекламе ……... 170

Письменный Е. В.
Процесс реинтерпретации мотивов мифологии тюремно-воровской субкультуры как многоаспектный феномен …….. 172

Рожкова К. Е.
Связь религиозного мировоззрения и обратной перспективы в трудах П. А. Флоренского ……. 175

Селезнёва О. П.
Современное состояние и актуальность исследований
по проблематике духовной православной музыки ……. 177

Селютина Е. А.
Студент и массовая культура: столкновение ценностных систем в практике повседневности …… 180

Смирнова В. С.
Архетипические образы нравственности (на материале русской народной сказки «Колобок») …….. 183

Соловьёв О. Б.
Рыночный фундаментализм: от общества потребления к обществу растраты ……... 187

Солдаткин В. Е.
Возможности мультимедиа в проведении праздничного юбилея …… 190

Суленёва Н. В., Маркова А. В.
Интертекстуальность диалогов ситкомов ……... 194

Сычев И. Ю.
Определение понятия «комикс», его классификация, форма и базовые характеристики ……. 197

Тараторин Е. В.
Функциональное назначение литературно-художественных праздников в современном обществе ... 200

Тузовский И. Д.
Апология и критика эпистемологического анархизма П. Фейерабенда …….. 205

Усанова Д. О.
Виртуализация субкультур: культурологическая интерпретация …… 210

Филиппова А. Ю.
Социокультурное пространство в городах закрытого административно-территориального
образования Челябинской области …….. 213

Фукс Д. А.
Воспитание духовности современной творческой личности средствами шоу-программ ……. 215

Хаитова Ш. И.
Источники научно-отраслевой медицинской терминологии таджикского языка ……. 218

Хомяков В. И.
Категория пространства в поэзии Васильева …… 223

Хусейнова А. А., Дустова Н. К., Яхяева Х. Ш.
Анализ развития современного состояния борьбы с торговлей людьми в Узбекистане ……... 228

Яблонская Е. А.
Музыкальное искусство в контексте интеграционных стратегий глобального мира …… 231

Раздел 2
ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА
В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Аггеев Ф. М.
Вклад античной геодезии в создание карт-портуланов ……. 235

Белавина Ю. Г.
Отечественный кинематограф первой половины XX века. Дух, герои и ценности ……... 239

Ваганов А. А.
Первые музеи Челябинска …… 241

Ванина Е. В.
Развитие вёрджинельной музыки в контексте истории Англии XVI – XVII веков …… 248

Вуколова К. А.
Советы народного хозяйства Урала в советской и российской историографии ……. 251

Головина Э. Т.
Культурно-воспитательная роль библиотек Ставрополья в условиях формирования
советской идеологии (1920–1939 гг.) …….. 255

Давлетшин Р. А., Аккубекова Р. А.
Великая Отечественная война и молодежь в селе …… 260

Ерыкалина А. Ю.
Городская культура Южного Урала в начале XX века …….. 267

Кубасов А. В.
«Лучше быть холопом своей страны, нежели лакеем в европейских барах»:
интеграция большевиков и русской интеллигенции в 1920–1930-е годы ……. 271

Кузьмина А. Ю.
Развитие педагогической функции библиотеки в дореволюционной России ……. 275

Лешуков А. Г.
Эстетическая функция рекламы в рекламных объявлениях журнала «Нива» в конце XIX века…….. 279

Неклюдова М. А.
Советский период в историографии книжного дела Южного Урала……..... 281

Николаева Л. А.
Вклад общественных объединений в развитие социально-культурной жизни населения Южного
Урала: конец XIX – начало XX века …….. 283

Павлова О. С.
К вопросу о российской интеллигенции начала XX века в контексте истории повседневности ……. 287

Парфентьев Н. П.
Традиции искусства знаменного пения в среде старообрядцев-поморцев Урала ……. 290

Пельков Д. Е.
Культурно-просветительная деятельность народных домов Уфимской губернии
(на примере Уфимского уезда) ……. 303

Перебейнос А. Е.
Внебогослужебные религиозно-нравственные чтения в повседневной жизни уральского
православного населения в 80-е годы XIX – начала XX века. …….. 307

Переверзев В. В.
Советско-китайские переговоры 1964 года в зеркале современной российской мемуаристики
(на примере работ Ю. М. Галеновича) …… 312

Попова Л. В.
О некоторых особенностях музейного строительства в Советской России в 1920-е годы ……... 315

Свистунов В. М.
К вопросу истории страообрядчества Южного Урала XVIII – XIX веков ……...……... 317

Терентьева Н. А.
Региональный балет в профессиональном медийном пространстве …… 325

Терехов А. Н.
Морская история столицы Южного Урала (275-летие г. Челябинска) …… 328

Фабричнов М. А.
Периодизация истории телевидения ……... 336

Фурсова А. Ю.
Деятельность учреждений культуры и искусств на Южном Урале в 60–70-е годы XX века
(на материалах Челябинской области) …… 340

Шицкова М. А.
К вопросу о разносной торговле книгами в провинции …… 344

Шуляк Е. В.
Проблема земской медицины в современной исторической науке …….. 347

Юхименко Е. М.
Выго-Лексинское общежительство – главный духовный и культурный центр
поморского старообрядчества …….. 348

ПРЕДИСЛОВИЕ

Научная конференция «Молодежь в науке и культуре XXI века» проводится Челябинской государственной академией культуры и искусств ежегодно с 2002 г. Без сомнения, за эти годы в академии сложилась традиция: в ноябре аспиранты и молодые ученые организуют научные конференции по различным направлениям, объединенные в международный научно-творческий форум. В десятый раз мы встречаем единомышленников, чтобы обсуждать актуальные вопросы в дискуссиях, проводить мастер-классы. Первая юбилейная дата – повод подвести определенные итоги.

Лишь за одно десятилетие городская научная конференция переросла в региональную (2005 г.), затем – всероссийскую (2006 г.) и международную (2008 г.). С размахом территориального охвата менялся и статус: от конференции – к форуму, включающему в 2008 г. две конференции (по педагогике и библиотечному делу), сегодня в рамках форума работают уже четыре направления. Так, профессорами академии были инициированы следующие конференции: Н. Г. Апухтиной и В. С. Невелевой – по современным проблемам философии, В. С. Толстиковым и В. Я. Рушаниным – по актуальным вопросам исторической науки, Т. Ф. Берестовой – по состоянию информационного общества и социальной информатики, Р. А. Литвак – по проблемам педагогической науки.

Сборник материалов форума рос вместе с новой формой работы молодых ученых в Челябинской государственной академии культуры и искусств. В материалы первой межвузовской городской научной конференции (2002 г.) вошли статьи 24 молодых ученых академии, 17 из них на сегодняшний день получили степень кандидата и 1 – доктора наук (!), что подчеркивает высокий научный уровень нашего мероприятия. Сегодня сборник выходит в двух частях, содержит статьи около 200 авторов из разных регионов нашей страны и зарубежья. Среди них 20 докторов и 35 кандидатов наук. В этом году мы впервые включаем в сборник доклады уже сложившихся ученых, заслуживших авторитет среди коллег. Считаем этот шаг целесообразным, поскольку данные публикации безусловно привлекут внимание научного сообщества, а значит, будут способствовать и распространению нового научного знания, позволят молодым ученым заявить о своем научном поиске как общезначимом. Настоящее издание получит распространение не только среди самих авторов, как это часто бывает при проведении подобных мероприятий, но станет широко известно и востребовано. Это подтверждает и «география» участников. Среди них представители большинства вузов Челябинска, а также Москвы, Санкт-Петербурга, Краснодара, Абакана, Тобольска, Рязани, Чебоксар, Орла, Астрахани, Нижнего Тагила, Уфы, Арзамаса, Твери, Тюмени, Суздаля, Ханты-Мансийска, Майкопа, Перми, Екатеринбурга, Ставрополя, Омска, Магнитогорска и других городов Российской Федерации. В последних конференциях принимают участие ученые дальнего и ближнего зарубежья: США, Германии, Казахстана, Узбекистана, Украины, Таджикистана и др. Кроме того, в этом году мы планируем подготовить реферативное издание, которое позволит в целом осветить тематику и проблематику докладов, представить участников форума.

Следует выделить еще одно положительное и, безусловно, оригинальное достижение академического форума молодых ученых. С 2008 г. форум включил в себя творческую составляющую и стал именоваться (в настоящее время единственный в России) научно-творческим. Это подчеркивает своеобразие нашего творческого вуза, взаимодополняемость и взаимообогащение действующих в нем факультетов, специальностей и направлений, проводимых научных исследований. В каком еще вузе научный доклад или презентацию философского текста ученые могут подготовить в танце, музыке, актерской игре? Наши новации, оправдавшие себя, – пленарное заседание с обязательным участием представителей творческой аспирантуры, иллюстрация теоретических положений научной работы, неповторимые мастер-классы, выставки, выступления.

Юбилейная встреча научной молодежи позволит обсудить многие актуальные вопросы, откроет новые перспективы в научной и творческой деятельности талантливых молодых ученых. Качеством публикаций, актуальностью, глубиной тем мы стремимся сделать форум истинно международным, чтобы наши научные исследования были интересны всему миру.

В. Я. Рушанин,
ректор Челябинской государственной академии культуры и искусств, доктор ист. наук, проф.

Раздел 1

ДИСКУРСЫ XXI ВЕКА В ФИЛОСОФИИ И КУЛЬТУРОЛОГИИ

СЛОВО НАСТАВНИКА

Канд. филос. наук

А. А. Авсеев
Санкт-Петербургский государственный
университет сервиса и экономики

ТРАНСВЕРСАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ XXI ВЕКА И ЕЕ СПЕКУЛЯТИВНЫЙ АНАЛИЗ

Современная история философии тесно связана с футурологией, разрабатывающей концепции глобального мира и общечеловеческой перспективы его развития. В последнее время все чаще трансверсальность предлагается как новая парадигма философской концептуализации идеи глобализма или новая мировая философия, могущая радикально преобразовать саму идею философствования.

Понятийное употребление слова «трансверсальный» (поперечный) относится к началу XIX в. и традиции точных и естественных наук. В математике оно использовалось для обозначения прямой, пронизывающей пространственную кривую, в геологии – для характеристики явления проседания горизонтальных пород.

В философский дискурс его ввел Жан-Поль Сартр в эссе «Трансценденция Ego» как метафору, позволяющую «схватить» единство сознания [1, p. 119]. Сартр подверг критике гуссерлевское понятие *трансцендентального эго* как априорную аисторическую модернистскую абстракцию, противопоставив ему трансверсальность как пространство, служащее местом «сборки сознания». Сознание является глубинным, интенциональным образом, поскольку само объединяет «себя». Этот процесс описывается Сартром как игра «трансверсальных» интенциональностей, представляющих собой конкретное и реальное удерживание и сохранение прошлых сознаний.

Гваттари углубил сартровский подход, позиционировав трансверсальность как прием критики институализации посредством групповой субъективности, которая, в свою очередь, создается в пространстве, открытом посредством применения трансверсальности. Постоянный трансверсальный анализ разрушает как горизонтальные, так и вертикальные структуры, порождая переходные объекты, которые самокорректируют цель субъектной группы.

К. Шраг в монографии 1997 г. [2, p. 155] применил подход Делеза к трансверсальности как способу преодоления оппозиции модерн–постмодерн. Признавая значимость постмодернисиских постулатов о «недоверии к метанарротивам», «чувствительности к различиям», толерировании несопостовимого», «ведения войны с тотальностью», Шраг, однако, говорит о насущности выработки философского проекта «спасения целостности различий», проекта, который давал бы возможность нахождения общих оснований для интеграции «диверсифицированных дискурсов и социальных практик».

Второй значимой конкретизацией идеи трансверсальности является сходная со шраговской по пафосу и основным интенциям, но отличная по терминологическому аппарату концепция Вольфганга Вельша, начало формирования которой было положено монографией «Наш постмодерный модерн (1987). В ней Вельш вводит понятие «трансверсальный разум» и определяет его как способность освоения различных типов рациональности и перехода между ними. Специальное значение термину «трансверсальный разум» придал Вельш в работе 1995 г. «Разум. Современная критика разума и концепции трансверсального разума».

Несмотря на то, что как у В. Вельша, так и у Ф. Гваттари и К. Шрага обозначен концептуальный каркас новой философии, он, однако, является не завершенным и представляет только онтологический аспект трансверсальной философии, фундированный принципом дискрептивности социальных явлений и наблюдения. С точки зрения научного обоснования, отсутствие логического анализа привело, к интуитивизму и неопределенности в трактовке основных категорий трансверсальной философии. Например, разум в концепции В.Вельша является универсальной инстанцией, пронизывающей пространство партикулярных культур и различных типов априорных форм рациональностей. Но какие специфические или сущностные основания дают ему возможность это осуществлять и каким методом? Гносеологическая, аксиологическая и этическая неразработанность концепции очевидна.

На данном этапе генезиса истории философии задача заключается в том, чтобы постигнуть сущность трансверсального типа философствования. Это означает выявить и осознать закономерность или, говоря иначе, алгоритм, логику конституирования явления или процесса. Только такое познание будет носить характер всеобщности и необходимости, т. е. быть строго научным. Сначала, целесообразно использовать для анализа сути трансверсальности наиболее универсальные логические методы, уже имеющиеся в арсенале философии. Таким универсальным философским принципом выявления имманентной сути явлений, по мнению автора, служит диалектическая концепция спекулятивного мышления

Содержанием диалектической концепции спекулятивного мышления служат определения абсолютной идеи. В этом аспекте она представляет дока-

зательство бытия абсолютной идеи и возможность его спекулятивного познания как блага. В своем абстрактном моменте спекулятивное содержание мышления выступает как онтологическое (идея жизни), в диалектическом моменте – как гносеологическое (идея истины), а в спекулятивном – как этическое (идея блага). Диалектическая концепция спекулятивного мышления выражена спекулятивным методом философии, конституирующим как форму абсолютной идеи, так и постигающим ее абсолютное содержание. Моменты этого единства формы и содержания представлены качественным умозаключением, умозаключениями рефлексии и необходимости. По своей структуре идея есть «понятие как таковое», «суждение», «умозаключение». Это субъективный момент идеи, обозначенный в ней как «субъективное понятие». Объективный момент идеи представляет «объективное понятие» как процесс объективации моментов «субъективного понятия» и выражается моментами, обозначаемыми в качестве механизма, химизма и телеологии. Абсолютная идея есть единство и логическая последовательность конституирования идей жизни, истины и блага Основанием концепции служит гегелевская философия.

Сам немецкий философ концепции спекулятивного явным образом не эксплицировал. На основе исследования воплощения принципа конкретного тождества логического и исторического автор статьи выдвигает тезис о том, что различные исторические формы философии внутренне связаны между собой по логическому закону, открытому Гегелем. Как вся философия в целом, так и ее современный этап есть онто-гносео-этическое выражение логической идеи, а философские школы, направления и теории в истории философии – отражение конституирующихся моментов абсолютной, логической идеи. Из вышеизложенного следует, *что в соответствии с гегелевским учением* спекулятивная философия – это определения *генезиса моментов логической идеи в тождестве с ее онто-гносео-этическим воплощением*.

Диалектическая концепция спекулятивного мышления свидетельствует о том, что найден всеобщий имманентный принцип развития этих важнейших направлений культуры, в том числе, и в постгегелевский период – это логическая идея и ее онто-гносео-этическое презентирование в наличном бытии.

В соответствии с этой концепцией трансверсальная философия знаменует момент в абсолютной идее, означающий этап конституирования идеи блага.

Начнется ее конституирование с «понятия как такового». Оно выражается умозаключением, включающим «всеобщее», «особенное» и «единичное». Во «всеобщем» моменте понятия найдут отражение следующие признаки: во-первых, в процессе «снятия» (гегелевский термин, означающий сохранение предшествовавшего содержания, в единстве различий) будет иметь место преемственность форм как идеи жизни, так и идеи ис-

тины. К ним относятся всеобщие этические нормы традиций и религии, описанные марбургской и баденской неокантианскими школами; плюрализм партикулярных рациональностей постмодерна; коммуникативные практики конституирования этических ценностей в процессе субъект-субъектного дискурса. Подобным образом определяет и К. Шраг ареал всеобщих принципов трансверсальной философии. Во-вторых, «всеобщий» момент характеризует целостность или абстрактность понятия трансверсальной философии, поэтому различия в нем обозначены, констатированы, поименованы, но не представлены в своем диалектическом развитии.

«Особенный» момент диалектический, в нем должен происходить переход единичностей друг в друга – партикулярные рациональности взаимно проникать, смешиваясь как в химической реакции; этические нормы, складывающиеся в коммуникативных практиках должны коррелироваться воздействием всеобщих, общечеловеческих ценностей, которые в свою очередь конкретизируются, обогащаются разнообразием социальных речевых практик горизонтального этического дискурса. Эта стадия генезиса трансверсальной философии отражена в понятии «транскультурности» В. Вельша.

«Единичный» момент спекулятивный, он – единство различий, но не такое как во всеобщем моменте, а диалектически развитое, конкретное, во всем многообразии реальных проявлений. Если «всеобщий» и «особенный» моменты характеризуют субстанциальность в развития понятия идеи блага, то «единичный» субъективность. Субстанциальность выражается в движении сознания, субъективность – ступень самосознания. В этом моменте чистого понятия идеи блага всеобщие, субстанциальные этические ценности, включающие, в том числе, партикулярный коммуникативный этический дискурс, станут содержанием единичного самосознания субъекта, способного к телеологическому объективированию этих субстанциальных состояний. Намеченная в этой статье экспликация идеи блага свидетельствует об эффективности диалектической концепции спекулятивного мышления в процессе интерпретации истории философии современного этапа и в целом.

Следующий этап генезиса идеи блага будет заключаться в объективации чистого понятия абсолюта как любви в инобытии. Она будет выражена «суждением» субъективного понятия идеи блага, выступая как гносеологический и диалектический момент этой идеи. Таким образом, содержание чистого понятия идеи («понятие как таковое»), объективируясь (реализуясь), будет конституировать деятельность жизненного мира, его социальных институтов и культуру. Этот момент также будет отмечен плюрализмом партикулярных культур, становление которых будет обусловлено этическим дискурсом, скоррелированным всеобщими, субстанциальными, общечеловеческими ценностями.

Последний этап конституирования идеи блага будет манифестирован фактом, свидетельствующим о действительности добра (любви), как в социальном мире, так и в индивидуальных поступках человека, поскольку станет его сущностью не теоретически – в чистом понятии блага, а в действительности, воплотившись в продуктах его деятельности и морали и познанный в философии. Логической обусловленностью этого состояния будет объективирование субъективного понятия идеи блага, означающее его реализацию.

Как представляется история философии XXI в. будет фундирована закономерностями генезиса идеи блага как момента абсолютной идеи.

1. Sartre, J. P. Transcedence of the Ego: An Existetialist Teory of Consciousness.Tr. F. Williams and R. Kirkpatrick. – NewYork: Hill and Wang, 1991.
2. Schrag, C. O. The Self after Postmodernity / C. O. Schrag. – NewYork: Yale University Press, 1997.

Ф. М. Аггеев
Московский институт инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии

САКРАЛЬНАЯ ЗАЩИТА СРЕДНЕВЕКОВЫХ КАРТ

Одним из самых загадочных явлений картографии было появление в XIII в. средневековых карт портуланов. Портуланы обладали необыкновенной точностью, сопоставимой с картами XVIII – XIX вв. Происхождение портуланов в течение нескольких веков вызывало самые разные предположения, но ни одно из них не подтверждалось. Проблему удалось разрешить после открытия новых неизвестных ранее способов античной геодезии. Если говорить образно, то портуланы напоминали старые иконы, где на первородный слой накладывались краски более позднего времени. Оказалось, что точные контуры территории, окружающей Средиземное море, были созданы в античный период, а многочисленные гербы, флаги, названия и символы – в период Средневековья. Среди средневековых символов самыми необъяснимыми оставались так называемые компасные или ветровые розы. Пытаясь объяснить их происхождения некоторые картографы даже предполагали, что розы были своеобразными геодезическими пунктами, с которых проводили съемки берегов для создания карт. Подобные предположения оказались курьезом, поскольку «розы» часто были удалены от побережья на 300–600 км, попадая на горы и пустыни и располагаясь вдобавок по странно-непонятному кругу.

Исследования показали, что «розы» портуланов по природе своей не могли быть также ни компасными, ни ветровыми символами, поскольку компас вошел в практику мореплавания позднее первых портуланов, а ветры на древних картах всегда изображались в виде образных ликов, либо дующих ангелов. В этом легко убедиться, рассматривая древние карты. На

одних показаны только лики ветров, на других одновременно как ветры, так и пучки «роз», нисколько не мешая друг другу.

Примером первых служит, например, карта Ранульфа Хигдена (1375 г.), карта Рейча (1503 г.), карта Франческо Раселли (1508 г.), карта Иоганна Штабиуса (1515 г.), карта Лопо Хомера (1519 г.)… Примером вторых – портулан Валсека (1439 г.), портулан Йорге Рейнелла (1510 г.), карта Солвиати (1525 г.) и ряд других. Иногда (1364–1372 гг.) ветры обозначались подписями их названий, как, например, на карте из Сен-Дени (1364–1372 гг.).

Одной из главных причин, помешавших картографам разглядеть сущность портулановых «роз», была оторванность представлений от реальной жизни. Именно здесь, в реальной повседневности Средневековья, гнездились ответы на подобные интригующие вопросы.

Самой характерной чертой средневекового восприятия было тяготение ко всему загадочному и фантастическому. Такое восприятие не только культивировалось язычеством, но и поддерживалось христианством, которому предстояло приспособиться к языческому наследию, наполнив его новым содержанием. Знаковыми отличиями эпохи стали христианские мифы и символы. С детской наивностью в Средние века верят в нечистую силу, в расположение звезд, в сильфидов и сильфов – мифических невидимых духов мужского и женского пола, заполняющих воздух. С апломбом утверждается вера в солнечную природу золота, в Землю обетованную, в мерзкие народы гогов и магогов. Особое место в религиозных догматах отводится падшим ангелам и нечистой силе – бесам, сатане, колдунам, вампирам и иным представителям безбожного мира, борьба с которыми за души праведных составляла одну из важнейших задач церкви.

Религиозные представления о нечистой силе христианство переплетало с представлениями о живых обитателях Земли. Помимо бесов и колдунов средневековое воображение было пропитано сведениями об уродах и чудо-вищных народах, многие из которые были унаследованы еще от времен античности.

В XII в. чудовищные существа становятся излюбленным мотивом сначала книжных миниатюр, а затем и средневековых карт. Почти все они несли зло и опасность, которая требовала защиты. Единственно надежную защиту давала церковь и вера в Бога. Символами защиты стала молитва и крест. Крест чеканился на монетах, ставился на грамотах и частных письмах. Кресты водружали на холмах и рисовали на парусах судов, уходящих в плавание. Считали, что знак креста отвращает бесов и демонов. С крестом отождествляли Христа: крест был символом искупительной его смерти. Знак Т-образного креста как защита и как задуманное Богом земное деление господствовал на монастырских картах. (Карта Исидора Сивильского, ~600 г.; карта Мира Генри из Майнза, 1100 г.; карта из издания Псалтыря, 1250 г.; Эбсторфская карта, 1240–1250 гг.; Герефордская карта, 1260 г. …

Иногда защиту усиливали, дополнительно помещая за рамкой земного круга ангелов или изображение Христа и его небесного воинства. На Эб-сторфской карте контур Т-образного водного пространства терял четкость. Но здесь применялась другая, более явная форма защиты. Христос как бы обнял всю обитаемую Землю. На верху карты видна голова Христа, внизу – ступни ног, на востоке и западе – кисти распростертых рук.

С течением времени образное изображение стало заменяться символами. В основу закладывалось раннее христианское представление, отождествлявшее Христа с Солнцем. Символика в виде Солнца и солнечных лучей очень хорошо передана в десятках икон и рисунков. Наглядным примером является христианская дароносица, где символ Бога передан в форме круглого золотого или серебряного диска с расходящимися солнечными лучами. Варианты подобного изображения неоднократно встречаются в «розах» портуланов. Практика замены образных изображений символам сначала коснулась иконографии, а уже затем – карт. Наиболее характерными символами стали золотой диск, диск с лучами, точка с лучами, круг с точкой в центре, кольцо, колесо… Характерным становится также изображение в виде круга с восьмиугольной звездой (Ее называют Вифлеемовской, либо звездой «Ангела Великого Совета». Аналог подобной восьмилучевой звезды встречается на ряде карт). В пользу религиозного происхождения «роз» говорят применяемые в Средние века средства усиления сакральности. Так, на некоторых портуланах к «розам» добавляли изображения одного или двух крестов, один дорисовывали с севера, другой – с востока. Иногда крупные греческие кресты ставились на периферии изображения, как, например, на портулане Висконте, 1311 г. Нередко для усиления сакральности дополнительно применяли изображения святых. Их помещали в разных местах карт, иногда, располагая по кругу (портулан Валсека, 1439 г.). Важным дополнением было характерное для XI в. изображение Богородицы с младенцем. Его помещали либо в центре « розы», либо выносили на край карты.

Сакральностью объяснялись и большие круги, по границе которых располагались «розы». Круг олицетворял могущество Христа и становился непреодолимым препятствием для проникновения внутрь его нечистой силы. Та же идея прекрасно выражена в христианской картине Апокалипсиса. Вокруг ладони правой руки Всевышнего – символ могущества в виде расположенных по кругу лучезарных солнечных знаков.

Круговые сакральные символы на всех средневековых картах соединены лучами, которые, пересекаясь, образуют сложную картину, напоминающую паутину. Происхождение и назначение лучей также имеет религиозную основу. Это – праведные лучи, исходящие от Бога и ангелов и выполняющие функцию связи, единения небесных сил и одновременно – наказания «нечистой силы» и грешников (по мнению Б. А. Успенского – это лучи, связывающие графическое изображение с реальной жизнью).

В пользу сакральной сущности портулановых роз говорит и тот факт, что эти символы не исчезали с карт вплоть до конца XVII в., мирно уживаясь с географической сеткой параллелей и меридианов. Исчезновение сакральных знаков происходило постепенно по мере изменения прежних религиозных, географических и этнографических представлений.

1. Агеев, Ф. М. Рефераты по истории геодезии / Ф. М. Аггев. – М., 2006.
2. Постников, А. В. Развитие картографии и вопросы использования старых карт. – М., 1985.
3. Салищев, К. А. Основы картоведения / К. А. Салищев. – М., 1983.
4. Crone, G. R. Maps and their makers: An introduction to the history of cartography. 5th rev. ed. Folkestone: Kent, 1978. 181 p.
5. Dilke O.A.W. Illustrations from Roman surveuors´ manuals. Imago mundi, 1967, vol. 21, p. 9–28.
6. Wagner, H. The origin of medieval Italian nautical charts. – In: Rep. 6th Intern geogr. congr. – L.,1896. – 4 p.

СЛОВО НАСТАВНИКА

Д-р. пед. наук, доцент, проф.

М. И. Алдошина
Орловский институт искусства и культуры

ЭТНОЭСТЕТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ СОВРЕМЕННОГО УНИВЕРСИТЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Сложившаяся в России в начале XXI в. социокультурная ситуация делает актуальной проблему личностного развития специалиста в рамках его профессионального образования в университете. Кризис современной культуры и экосистемы человека в целом обусловлен, по мнению многих исследователей, такими факторами, как индустриализация, урбанизация, вестернизация, технический прогресс, массовые миграции. Массовая культура несет отпечаток насилия, гедонизации, стратификации и «варваризации». Наиболее восприимчивыми к негативным воздействиям, в силу несформированности мировоззренческих позиций, оказались подростки и молодежь, поддавшиеся влиянию «рынка», низкопробных образцов массовой культуры, криминальных структур, деструктивных сект. Сложившиеся обстоятельства оказывают давление на человека, заставляют осмысливать прошлое, задуматься о будущем, создают почву для обращения к основополагающим, глубинным проблемам человеческого существования, по своей сути философским: «Каково назначение человека?», «Что такое красота?» и др.

В России кризис образования (Б. С. Гершунский, Э. Н. Гусинский, О. В. Долженко, А. А. Корольков, Л. Д. Кудрявцев, А. С. Панарин) имеет двойную природу: как проявление глобального кризиса образования и следствие кризисных явлений в период построения новой системы общественных отношений. Новейшие социальные формы, которые заимствуются в современной России (рыночная экономика, парламентская республика, правовое государство и т.п.) не являются культурно нейтральными. Все это делает очевидным то, что в преодолении кризиса цивилизации, в решении острейших проблем человечества огромная роль принадлежит образованию.

Накопление и трансляция общественно-исторического опыта вне естественно-генетических структур оказываются возможными исключительно благодаря возникновению такого феномена, как культура (А. И. Арнольдов, М. М.Бахтин, М.С.Каган, М. К. Мамардашвили). Двуединый процесс опредмечивания – распредмечивания лежит в основе образования, раскрывает механизм того, как человек творит культуру, воспроизводя и изменяя ее, а культура творит самого человека (Б. М. Бим-Бад, М. В. Богуславский, И. Е. Видт, Э. Н. Гусинский, О. В. Долженко, Г. Б. Корнетов, Г. И. Петрова), т. е. «культура является определяющим условием реализации созидательного потенциала личности и общества, формой утверждения самобытности народа и основой духовного здоровья нации, гуманистическим ориентиром и критерием развития человека и цивилизаций» (Д. С. Лихачев). Образование выводится из логики культурно-исторического процесса, фиксирует в себе особенности конкретно-исторической судьбы нации, разворачивается в менталитете (Г. Д. Гачёв, Б. С. Гершунский, М. В. Захарченко, И. С. Кон, Д. С. Лихачёв, А. С. Панарин).

Образование, воспроизводя культуру и деятельность, должно включать в себя механизм такого воспроизводства. Понятие «традиция» представляется целесообразным трактовать в качестве механизма, обеспечивающего формирование, передачу и функционирование такого феномена, как культура. Именно через традицию, связывающую настоящее с прошлым, осуществляется отбор, стереотипизация опыта и передача стереотипов, которые затем вновь воспроизводятся, обеспечивая определенную устойчивость культурных форм (С. К. Бондырева, М. В. Захарченко, прот. Александр Зелененко, А. А. Корольков). Необыкновенно важна религиозная педагогическая традиция русского народа, т. к. православие составляет ядро его культурного самосознания (Н. А. Бердяев, И. А. Ильин, К. Касьянова, А. А. Корольков, Н. Д. Никандров, В. К. Трофимов). В образовании следует учитывать пластичность стереотипов, что обеспечивает вариативность традиции, ее способность адаптироваться к динамично меняющимся обстоятельствам. В этом контексте возрастает педагогическая значимость традиционной культуры как выражения педагогических традиций, а этнокультура рассматривается как фактор профессионально-педагогического образования, этнической идентификации и формирования основ ментальности личности, т. е. прослеживается тенденция современного образования – культурологической направленности современного образования, основанного на этнокультурных традициях.

В условиях постиндустриального общества происходит замена социально-ориентированной (конструирование человека с параметрами, заданными конкретными интересами общества) модели индивидуально-ориентированной (конструирование человека для себя и опосредованно для общества) (Е. В. Бондаревская, И. С. Видт, О. С. Газман, И. С. Якиманская). Человек культуры характеризуется развитием субъектных индиви-

дуальных свойств жизнетворчества, самостоятельности, адаптивности. Это позволяет сформулировать еще одну тенденцию современного образования – необходимость совершенствования образовательных технологий в университете на основе диалога, сотворчества и сотрудничества, в целях личностно-творческого развития каждой конкретной личности.

Осмыслению роли современного университетского образования в нашей стране посвящены работы Е. П. Белозерцева, О. В. Долженко, Н. С. Ладыжец, В. А. Сластенина. А. Ф. Зотов справедливо утверждает, что в современной непростой ситуации «университет, идеология университета могла бы стать толчком роста» не только для культуры вообще, но и нашей социальности. Рассматривая университет как «домен культуры», факт культуры, подчеркивается изначально существующая, но забытая культуро-сберегающая, преобразующая культуру функция университетского образования, дающая возможность говорить о культурообразующих основах университетского образования как тенденции.

Восприятие мира и культуры современным человеком, вследствие массированного натиска СМИ, предстает мозаичным, состоящим из весьма разнородных элементов, поэтому возрастает значимость этнической идентичности личности. Этническую идентичность понимают как систему отношений человека к этносреде (А. В. Сухарев), ко всем типам этнических признаков: климато-географических, антропо-биологических и социокультурных. Обычно человек этнически идентифицируется в школьном возрасте. Однако, влияние современных средств массовой информации, насильственное насаждение инокультурных образцов, перемещение в поликультурную среду может привести к переосмыслению этнопринадлежности, нарушениям процесса этнокультурного развития. Современный молодой человек воспитывается «видеорядом», готовыми «картинками» телевидения, перегружен образными структурами, несущими различную по уровню информацию, интерпретацию событий, лишен возможности самостоятельной их оценки. «Язык» человеческих чувств, его сложность и утонченность выражения, напрямую связан с развитием мира человеческой чувствительности.

Эстетический компонент этнокультуры является воспитательным инвариантом, ценностно-смысловой сущностью формирования личности любой национальности. Этнокультура, являясь *средством* формирования этноэстетической культуры студентов, реализует мощный спектр этноэстетического воздействия на личность через игры, труд, занятия искусствами, произведения фольклора, традиции, народные праздники, семейный уклад, природу. Это подчеркивает двойную соотнесенность эстетического и этнического в этноэстетическом: этническое выступает средством эстетического, а эстетическое выступает средством сохранения и трансляции этнического.

Анализ различных средств этноэстетического воздействия позволил сформулировать элементы взаимосвязи и взаимозависимости общей, профессиональной и этноэстетической культуры студентов: гуманистическая

и личностно-ориентированная направленность образовательного процесса, его обращенность к усвоению этнокультурных ценностей; использование высоких эстетических оценочных критериев; установка на духовное развитие личности, ее уникальности с учетом целей, мотивов, интересов и потребностей профессиональной деятельности; признание определенного равновесия интересов социально-целого (общемирового), единично-группового (национального) и индивидуально-конкретного (личностного) плана; повышение культуросообразности высшего профессионального образования, реализуемое через различные средства и формы этноэстетического обучения и этноэстетического воспитания, в которых эстетизация выступает принципом университетского образования; взаимодействие классической, национальной и массовой культуры, что снижает негативное влияние последней и утверждает, обогащает и развивает иные виды культуры; особенность восприятия этнокультуры через созерцание, переживание, понимание, воображение художественного образа, интерпретацию и эстетическое наслаждение как основа движения личности к творчеству; развитие и формирование творческого потенциала личности.

В. М. Андреев
Челябинская государственная академия культуры и искусств

СМЫСЛОВОЕ ПОЛЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ПАМЯТНИКА: ПОНЯТИЕ И СТРУКТУРА

Растущий в последнее время интерес к историко-культурному, и, в частности, археологическому наследию обусловил актуальность изучения процесса взаимодействия современного человека с объектами наследия. Постановка данной проблемы позволила взглянуть на объекты наследия как на феномены не только культуры, их породившей, но и культуры современной, а также рассмотреть варианты их культурного функционирования в исторической ретроспективе. Суть процессов взаимодействия объекта наследия с культурой заключается в смысловой составляющей, вкладываемой человеком в объект. Данная статья представляет собой попытку обоснования понятия и структуры смыслового поля археологического памятника.

Понятие «археологический памятник» является элементом научного аппарата археологии, но обозначенная проблематика выходит за ее границы на уровень междисциплинарного исследования. Общепринятое понятие археологического памятника [3, с. 5] применительно к цели данной статьи сужено до понимания памятника археологии как любых остатков древних сооружений, следов трудовой или культовой деятельности древних людей, находящихся в определенной ландшафтной среде (среде бытования), а также самих древних вещей, находящихся в системе памятника и не изъятых из нее.

Смысловое поле археологического памятника нами определяется как вся совокупность смыслов, приобретаемых памятником во время культурного функционирования на протяжении истории его существования. Размер смыслового поля напрямую зависит от культурных функций. Так, памятник археологии может активно функционировать в культуре в разные исторические периоды, а может существовать и вне культурного процесса. Культурное омертвение памятника, процесс прекращения его функционирования в культуре общества, его создавшего принято обозначать термином археологизация [2, с. 15]. Однако, на наш взгляд, археологизированное состояние памятника, как существование его вне культурного процесса, может быть непостоянным. Памятник, потеряв первоначальные функции, может приобретать новые в иных социо-культурных и исторических условиях, даже изменив свои внешние характеристики. Данное свойство археологического памятника и определяет многоуровневую структуру его смыслового поля. Смысловое поле археологического памятника, необходимо понимать как сложную систему, непрерывно расширяющуюся и формировавшуюся в историко-культурном процессе.

Структура смыслового поля археологического памятника строится в двух координатных осях: времени существования памятника с момента его создания и по сей день, и различных категорий смыслов памятника. На оси времени всех археологических памятников в разных местах появляются периоды, когда памятник выпадает из культурного процесса после того, как по разным причинам перестает быть объектом человеческой деятельности. Мертвая полоса прерывает смысловое поле памятника до возобновления его функционирования в культуре, но уже в новых качествах. Однако в ряде случаев, памятник и за чертой мертвой полосы продолжает функционировать по своему первоначальному назначению [1, с. 252; 4, с. 135].

Смысловые поля различных археологических памятников имеют три уровня, подчиненных оси времени. Первым уровнем являются первоначальные смыслы памятника – смыслы, которыми памятник наделяли его создатели, функции памятника в культуре (археологической культуре) его породившей, а также иных культурах, сменивших археологическую культуру «создателя», в случае если функции памятника не поменялись. Ко второму уровню системы смыслового поля относятся приобретенные смыслы. Третий уровень смыслов отражает функционирование памятника в современной культуре, он также относится к приобретенным, но в отличие от предыдущих уровней находится в постоянной динамике. Уровень первоначальных смыслов и уровень приобретенных смыслов на конкретный момент времени статичны. Третий уровень можно охарактеризовать как уровень смысловой динамики, который можно отслеживать и фиксировать.

Категорий на оси смыслов всего пять, четыре из них присущи всем трем уровням смыслового поля памятника, пятый появляется на втором и

третьем. Первая категория смыслов – бытовые (утилитарное назначение памятника, его использование в быту – место для жилья, хозяйственной деятельности, захоронение). Вторая категория – культовые/религиозные смыслы, отражающие духовные традиции и культовые практики (присуща жилищам и захоронениям, отражающим в своей структуре модель мира, святилищам, поминальным комплексам и т. п. Третья категория смыслов – мифологические – смыслы географически более локальные, связанные с легендой, либо мифом о месте, в котором был построен памятник, о происхождении памятника, его «волшебных» качествах, проклятиях. К четвертой категории относятся эстетические качества памятника. Пятой категорией является понимание археологического памятника как объекта наследия и источника информации о прошлом, т. е. интерпретации памятника специалистами в системе научного знания и личностные интерпретации памятников не специалистами в системе собственных знаний.

Приведенные категории оси смыслов, являясь элементами смыслового поля памятника, образуют взаимопроникающие микросистемы, развитие которых подчинено рассмотренным ранее уровням. Процесс формирования смыслового поля уникален для каждого памятника археологии и от его особенностей зависит набор рассмотренных выше смысловых элементов.

Создание теории смыслового поля объектов археологического наследия позволит понять механизм формирования смыслов памятника и, возможно, прогнозировать их появление после введения в культурный оборот посредством музеефикации новых, еще не функционирующих в современной культуре памятников археологии.

1. Кренке, Н. А. Археологические памятники Подмосковья в контексте культуры XV – XX вв. / Н. А. Кренке.// Культура средневековой Москвы – М., 1995. – С. 252.
2. Мартынов, А. И. Археологические источники / А. И. Мартынов // Археология: учеб. – М., 2005. – С. 15.
3. Мартынов, А. И. Методы археологического исследования / А. И. Мартынов, Я. А. Шер. – М.: Высш. шк., 2002. – С. 5.
4. Сериков, Ю. Б. Камень Дыроватый – уникальное пещерное святилище на р. Чусовой / Ю. Б. Сериков // Рос. археология. – 1996. – № 4. – С. 135.

Н. В. Антонова
Челябинская государственная академия культуры и искусств

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О «ЖЕНСКОЙ ПРИРОДЕ» В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ ФЕМИНИЗМА И КУЛЬТУРЕ

С конца 60-х гг. XX в. в социально-гуманитарном знании наблюдается существенный рост интереса к «женской теме». Необходимость теоретического анализа отношений полов была вызвана трансформацией целей феминизма в XX в. – от борьбы за равенство прав мужчин и женщин к требованиям признать специфику женского социального опыта. С этого вре-

мени в философии активно развиваются теории, объясняющие специфику женской сущности.

Все основные теории «женской природы» можно условно разделить на две группы: теории, анализирующие женскую сущность как обусловленную внутренними факторами (теории о решающей роли материнства в формировании женской идентичности, специфики женского образа жизни, женского мышления и морали) и внешними факторами, обусловливающими условия существования женщины (анализ явления патриархата и причин зависимого положения женщин).

Так, Нэнси Чадороу и Юлия Кристева в структуре женской гендерной идентичности на первый план выдвигают отношения матери и ребенка, поскольку именно в качестве матери женщина постигает всю глубину своей сущности.

Дороти Диннерштейн в своей книге «Русалка и минотавр» говорит о том, что женщины подсознательно мыслятся как «неодушевленные они», как часть окружающего мира, так как у ребенка понятие о матери формируется еще до того, как он понимает, что помимо ее существуют и другие люди. То есть, она как бы не вычленена из окружающего мира, она не-субъектна [1; 4].

Кэрол Макмиллан и Нэнси Холмстром, анализируя специфику соотношения рационального, эмоционального и интуитивного в природе сознания женщины, утверждают, что именно семейная сфера и соответствующие женские качества – любовь, забота и т.п. стали причиной формирования специфических особенностей женского мышления [1].

Итак, с точки зрения рассматриваемой позиции, «природа женщины» детерминируется ее повседневной жизнью. На протяжении тысячелетий женщина была ответственна за поддержание психологического микроклимата в семье, что объясняет особенности женского мировосприятия, мышления и чувствования.

Вторая группа теорий может быть условно обозначена как «теория двух систем». Авторы этого направления придерживаются точки зрения, что женщины являются объектом угнетения не только со стороны патриархата, но и капиталистической организации общества. Так, Кристин Дельфи и Айрис Янг полагают, что семья превращает женщин в дешевую и сговорчивую рабочую силу, а возникновение патриархатных отношений К. Дельфи связывает с развитием института брака [4]. Подобные взгляды разделяют Эли Зарецки, Хайди Хартманн, Джоан Хубер, Суламифь Файерстоун и Мэри О`Брайен.

В России исследованиями женской «природы» занимаются Г. А. Брандт, Т. М. Горичева, А. Г. Дугин и др.

В современном российском обществе признается, что женщины имеют равные с мужчинами права, они могут ориентироваться на различные роли, становиться профессионалами, домохозяйками, согласно своему выбору сочетать разные обязанности. Вместе с тем широко распростране-

но мнение, что женщины обладают отличными от мужчин природно обусловленными склонностями и имеют особое предназначение, ограничивающее их карьерные профессиональные возможности [2, с. 79].

Массовая культура закрепляет и воспроизводит нормативные гендерные идентичности. Особенно отчетливо это можно проследить на примере СМИ. По мнению Ж. Липовецкого, «женская пресса, покорно следуя требованиям законов рынка, отдает женщин во власть диктатуры потребительства; распространяя навеянные грезами образы, она вызывает в женщинах чувство неполноценности, усиливает страхи перед старостью, порождает несбыточное желание походить на соблазнительные модели; предоставляя очень много места рубрикам типа «Мода и красота», она поддерживает социальный стереотип легкомысленной и поверхностной женщины» [3].

Взгляды Ж. Липовецкого находят свое отражение и в российских женских глянцевых журналах. Так, в результате проведенного анализа женских журналов (журналы «Shape» – выпуски за 2009–2011 гг.; «Cosmopolitan» – выпуски за 2006–2011 годы, «Лиза» – выпуски за 2010–2011 гг., «Женские секреты» – выпуски за 2010–2011 гг.) были выявлены следующие женские типажи:

Девушка в стиле «Cosmo»:свободное время тратит на развлечения. Отношения с мужчинами наряду с внешностью являются для данного типажа заботой № 1. «Девушка Cosmo» нехозяйственна, часто в мыслях и поступках нелогична, противоречива, эмоциональна, переживает по пустякам, не мыслит себя без диеты и каблуков.

Таким образом, создан типаж женщины, хорошо вписывающийся в общепринятые представления о женской «натуре», которая в данном случае формируется исходя из специфики образа жизни и стиля мышления.

Девушка в стиле «Shape» – сильная личность, выбирающая активный отдых с пользой для фигуры и здоровья, уверенная в том, что женщина в экстремальных ситуациях может проявить и агрессивность, и целеустремленность; стремится к независимости и не сомневается в пользе профессионального роста, всегда имеет четкий план действий по решению проблемы. Главный девиз – «женщина сможет все, если захочет». Таким образом, здесь представлен типаж женщины, активно сопротивляющейся традиционным патриархатным стереотипам. Однако подобные характеристики женского образа характерны в основном для статей западных авторов, российским же свойственны традиционные взгляды, что порождает определенный дисбаланс между западными и российскими представлениями о нормативной гендерной идентичности.

Женские образы, созданные журналами «Лиза» и «Женские секреты», несколько отличаются от типажей, представленных выше. Приоритетом для них являются отношения с детьми, мужем и окружающими, интерес также вызывают новости из жизни знаменитостей, путешествия, новинки косме-

тики, актуальная мода, дизайнерские идеи, кулинарные рецепты. Таким образом, речь здесь также идет об ограниченном круге типично женских интересов, а ядром женской гендерной идентичности является материнство, которое рассматривается как главное предназначение женщины.

СМИ, создавая в своих материалах подобные женские типажи, несомненно, оказывают влияние на самосознание и стиль жизни молодых россиянок, воспроизводя традиционный гендерный порядок.

Таким образом, теории «женской природы» сформировали новый предмет для анализа в философской антропологии, интегрируя в ее дискурс гендерную теорию.

1. Брандт, Г. А. Природа женщины как проблема / Г. А. Брандт [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.ecsocman.edu.ru/images/pubs/2004/07/06/0000165904/017Brandt.pd. – Дата обращения: 11.06.2010.
2. Гендер для «чайников» / Барчунова Т. и др. – М.: Звенья, 2006. – 262 с.
3. Липовецкий, Ж Третья женщина. Незыблемость и потрясение основ женственности / Ж. Липовецкий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/lipov/03.php. – Дата обращения: 11.06.2010.
4. Тартаковская, И. Н. Гендерная социология / И. Н. Тартаковская. – М.: ООО «Вариант» при участии ООО «Невский простор», 2005. – 368 с.

Я. Б. Баричко
Челябинская государственная академия культуры и искусств

ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ТЕЛЕСНОСТИ В КУЛЬТУРЕ

Проблема телесности в современном социогуманитарном знании заняла особое место. Не будем, однако, выяснять причины этого, скажем лишь, что одни считают, что интерес к этой проблеме вызван эйфорией человеческого телесного бытия и чувственности, другие усматривают во внимании к данному вопросу проявление антропологического кризиса конца XX – начала XXI в.

Существует довольно большое количество научных подходов к рассмотрению человеческой телесности: социокультурный, аксиологический, психологический, биосферный, валеологический, постмодернистский. Философской же основой исследования проявлений телесности в разных сферах человеческой жизни выступает феноменология. Поэтому, чтобы проникнуть в сущность феномена телесности, нам видится логичным использовать именно феноменологический подход, который позволяет рассмотреть предмет изучения как данный нам в ощущениях, очищенный от дискурсивных напластований феномен.

Трактовка телесности, данная Б. Г. Акчуриным в диссертации, выглядит следующим образом: *телесность – это определенный тип целостности человека, характеризующийся подвижными и символичными грани-*

цами [1]. Не оспаривая это определение, заметим, однако, что оно было бы в рамках феноменологии, если бы не говорило о символичности границ, поскольку главным феноменологическим методом является редукция, подразумевающая «вынесение за скобки» всего культурного опыта (в том числе и привнесенной извне символики) при взаимодействии с объектом изучения. Однако простого сокращения формулировки путем отсечения лишних слов было бы не достаточно, чтобы объяснить феноменологическую трактовку данного понятия и заставить ее работать на нас. Здесь нужно пояснение, и, полагаем, оно может быть почерпнуто из мысли Л. П. Киященко о том, что тело не равно телесности, поскольку границы ее не совпадают с человеческим телом: «Включая его в себя, как бы в качестве своего ядра, телесность человека охватывает большее пространство» [2, с. 7]. Однако необходимо также уточнить, что для того, чтобы телесность человека сформировалась, одного его тела недостаточно – необходима психика, причем в поле телесности психика и тело существуют как неразрывное единство. Как замечает В. Круткин, необходимо учитывать, что, рассматривая телесность в онтологическом плане, мы имеем дело не с «природой человеческого тела», а с «телом человеческой природы» [5, с. 144].

В свете выделенных уточнений нам видится логичным определить человеческую телесность как *тип целостности, представляющий собой целокупность психики и чувственно воспринимающего тела (выступающего в качестве ядра этой целостности) и характеризующийся подвижными границами*. На это определение мы будем опираться в дальнейшем.

Телесность, с одной стороны, есть неотъемлемая составляющая культуры, поскольку практически вся деятельность человека напрямую связана с его телом, с другой стороны – телесность в значительной степени формируется и функционирует под влиянием определенной социокультурной ситуации. Исходя из того, что человеческая деятельность имеет разные формы проявления, нам видится возможным предположить, что и телесность являет себя в мире не однообразно (хотя, она, безусловно, является цельным феноменом), но разными путями, приобретая особые формы в зависимости от того, в каком слое культуры она реализуется. Культуру здесь мы будем понимать в самом широком смысле – как совокупность созданных и создаваемых человеком материальных и духовных артефактов.

Мы выделяем две основные формы воплощения человеческой телесности: субстанциальная (или феноменальная) и виртуальная. Поскольку объем статьи не позволяет нам рассмотреть их детально, вкратце поясним, что мы имеем в виду.

Феноменальная форма проявления телесности

Феномен есть нечто, постигаемое в чувственном опыте. Это может быть явление как природы, так и культуры, поскольку все, что создает человек в ходе своей деятельности, определенным образом выводится в поле

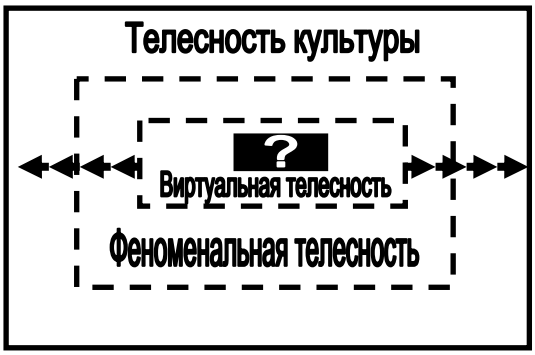
восприятия других людей. Реализовывать деятельность (которая может быть направлена на природу, на общество, на отдельного человека или на самог**о** активного субъекта) людям помогает их тело, поэтому феномены культуры в определенном смысле можно понимать как продолжение человека, продолжение его тела, и, следовательно, в той или иной степени они могут быть охарактеризованы как телесные. Феноменологическое пространство культуры – и есть та область, в которой происходит взаимодействие людей с феноменами и последних – друг с другом.

Феноменальная телесность в нашем понимании есть такая ее форма, которая развертывается и функционирует в физически воспринимаемой человеком области бытия и имеет смежные, причем довольно размытые, границы с телесностью культуры. М. Колесник определяет последнюю как визуально-символическую и материально воплощенную форму бытия культуры, в контексте которой формируется человеческая телесность [3, с. 12]. Эти границы открыты ввиду того, что довольно сложно с точностью определить, где кончается первая и начинается вторая телесность, ведь они не могут существовать раздельно, но взаимопроникают друг в друга.

Виртуальная форма проявления телесности

Уточним, что виртуальность мы не противопоставляем реальности. Антонимом виртуальности, на наш взгляд, может выступить понятие *невозможности*: все, что может быть помыслено (возможно, даже больше) имеет место в виртуальном пространстве. Виртуальная телесность (от лат. virtus — потенциальный, возможный, доблесть, энергия, сила, а также мнимый, воображаемый) существует, на наш взгляд, в нематериальном, но всегда актуальном слое культуры. К виртуальности мы относим память, обращение к настоящему с помощью воображения и проективную деятельность (составление разного рода планов, представление ближайшего и отдаленного будущего), пограничные состояния (галлюцинации, бред, опьянение, гипноз, сновидения и т. д.), спиритуальную реальность (бог; миф как, максимально интенсивная, конкретная и напряженная реальность), творческую (искусство и другие виды творческой деятельности), фантазийную (мечты, грезы, фантазии и т. д.), а также кибер-реальность (т. е. смоделированную техническими средствами).

Для виртуальной реальности характерно стремление к предельному овеществлению – потенциальное стремится воплотиться, следовательно, каждому указанному ее виду соответствует определенный тип телесности, которая, по сути, является частным случаем овеществления. Если телесность культуры можно условно назвать второй телесностью человека, то виртуальную телесность – третьей (хотя, возможно, логичнее было бы обозначить ее как нулевую, до-телесность). На основании вышесказанного построим следующую схему с одним дополнительным элементом:



Из схемы видно, что в телесность культуры входят феноменальная и виртуальная, причем последняя всегда стремится выйти за рамки своей потенциальности и стать актуальной частью первой и второй телесности. Однако, виртуальная, или нулевая форма телесности, на наш взгляд, таит в себе «зерно» человеческой природы, ее исток, находящийся на такой глубине нашего существа, что доискаться до него великие мыслители, творцы и ученые пытаются уже не первую сотню лет.

Необходимо сказать, что представленный таким образом феномен телесности не являет собой некий комплекс, поскольку все его составные части суть элементы целого, выполняющие свои функции: они едины и взаимовкладываемы, ни одна из них не может заменить другую и существовать без другой. Нам не хотелось бы впадать в излишнюю механистичность в понимании такого сложного феномена, как человеческая телесности, однако в то же время мы далеки и от абсолютного холизма при рассмотрении этой целокупности и допускаем выделение ее аспектаций (телесность культуры, феноменальная и виртуальная телесность) – по сути производных, которые обслуживают реальные потребности человека и общества, либо определяются психосоматическими состояниями отдельного индивида.

1. Акчурин, Б. Г. Человеческая телесность и социальные аспекты ее идентификации: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11 – Социальная философия / Б. Г. Акчурин. – Уфа, 2004. – 315 с.
2. Киященко, Л. П. О границах телесности человека / Л. П. Киященко // Телесность человека : междисциплинар. исслед. / под ред. В. В. Николаевой, П. Д. Тишенко. – М.: Изд. Филос. о-ва, 1991. – 159 с.
3. Колесник, М. В. Телесность массовой культуры : автореф. дисс. канд. филос. наук : 09.00.13 – Религиоведение, философская антропология, философия культуры / М. В. Колесник. – Омск: Ом. гос. пед. ун-т, 2007. – 22 с.
4. Круткин, В. Л. Телесность человека в онтологическом измерении / В. Л. Круткин // Общественные науки и современность. – 1997. – № 4. – С. 143–152.

Д. Ю. Бельчич
Челябинская государственная академия культуры и искусств

О ПОЛИТИЧЕСКОМ ИСКУССТВЕ

В Античности искусство трактовалась как возвышенная деятельность. Назовем, политическое искусство видом возвышенной деятельности. Что же возвышает эту деятельность? Возвышенной делают ее цель – создание государства граждан. Такое «царское искусство» – это технология властвования (греческое techne переводится в том числе как искусство). Мы попытаемся в этой статье пролить свет на цель политического искусства.

Я. Буркхардт в своем анализе политической ситуации в Италии в XV – XVI вв. охарактеризовал государство, зародившееся на заре Нового времени, как «сознательно задуманное построение, как произведение искусства» [2]. Однако кто создает государство как произведение искусства? При каких условиях появляется создатель? По мысли Я. Букхардта, в условиях нестабильности и крайней неопределенности только виртуоз может достигнуть успеха и доказать, что именно он достоин обладать властью. В раздробленной Италии эпохи Возрождения отсутствовала сильная центральной власть. Суверенной властью не обладал ни папа, ни император. Страна переживала постоянные столкновения между городами-государствами, феодальные князья плели вероломные интриги и из сиюминутных соображений призывали в родное Отечество «варягов» (испанцев, французов, турков). Я. Буркхардт подчеркивал, что как показала история, политический искусник рождается в котле политического хаоса. Политик задает задачу построения государства и сам, засучив рукава, берется за дело [2].

Государство – есть сфера социального бытия граждан. Фукидид отмечал: «государство – это, прежде всего, люди, а не стены и не корабли». Государство – есть то целое, необходимое для согласованного существования всех частей (гражданин, семья, корпорация, социальный класс), это органическая общность людей, связанных единой культурой, географическим пространством, языком, историей.

Политический деятель, стоящий во главе государства, сам и при помощи своих единомышленников (честных и умных политиков на службе Отечеству) должен внушить подданым государства, что они не только индивиды, но граждане, т. е. люди града, города, государства, Отечества. Тут, важно во что бы то ни стало прикрепить индивида к целому. Гражданин – часть той единой общности, без которой он немыслим как социальное существо. Государство не выстоит без гражданина, он – работник, который строит все здание. Аристотель в «Политике» писал: «человек без роду, без племени, вне законов, без очага, такой человек по своей природе только и жаждет войны, сравнить его можно только с изолированной пешкой на иг-

ральной доске… Гражданин находится в таком же отношении к государству, в каком моряк на судне к остальному экипажу. Хотя моряки на судне занимают неодинаковое положение: один из них гребет, другой правит рулем, третий состоит в положении рулевого… но благополучное плавание – цель, к которой стремятся все моряки» [1, с. 379]. Каждый гражданин велик настолько, насколько присоединен к великому делу, т. е. величие гражданина измеряется величием того, чему он служит. Политический деятель должен обращаться к сердцу каждого человека, взывая к гражданскому поступку, ибо только гражданский поступок образует естественную связь в государстве. Речь идет о производстве новой субъективности. Кто еще должен работать над созданием государства как не политик-суверен? Только сами граждане, которые перестали быть дробями, оторванными от целого! Об этом писал Гегель: «Так как отдельное лицо действительно и субстанциально только в качестве гражданина, то оно, поскольку оно – не гражданин и принадлежит семье, есть только лишенная действительности бесплотная тень» [3].

Политиком движет осознание стратегической цели. Каким должно быть государство, что есть и что будет это государство? Для актуализации стратегии политик применяет средства – конкретные тактические шаги, ведущие к достижению цели. Тактические шаги – это политическая технология, совокупность специализированных организационных приемов.

Например, для 26-летнего генерала Наполеона Бонапарта 12–13 вандемьера 1795 г. стратегической целью было подавление мятежа против Конвента. Для реализации этой цели он применил несколько тактических шагов. В частности, стрелял из артиллерийских орудий в гущу толпы. И хотя в конкретном случае. Наполеон не являлся автором стратегии, он проявил себя как тактик, который знал, какими путями можно добиваться целей. Как известно, после подавления мятежа карьера бестрепетного «вандемьерского генерала» круто пошла вверх, он был обласкан правящей элитой и назначен командующим парижским гарнизоном. Конечно, приведенный пример не самый яркий показатель политического и военного гения Наполеона. В его профессиональной жизни были куда более изощренные, многоходовые тактические рисунки. Однако подавление вандемьерского мятежа было первым шагом Наполеона как политика. С тех пор весь смысл наполеоновской тактики заключался в том, чтобы «настроить» последнего солдата на победу, вознося и приковывая его к пьедесталу общезначимого. Французский солдат чувствовал, что его судьба – это часть судьбы родной страны. Солдат понимал, что его личный подвиг спасет Отечество, его личная жизнь увязана с жизнью целого государства.

Политическое искусство связано с умением обращать меняющиеся обстоятельства в свою пользу. Н. Макиавелли называл это доблестью (virtu) [4]. В то же время преодоление внешних обстоятельств требует понимания двух моментов: 1) какие действия ведут к каким целям, 2) какие цели требуют ка-

ких средств и действий. Очень часто различные действия приводят к одному и тому же результату, и наоборот, одинаковые действия ведут к разным результатам. Поэтому в политическом искусстве необходимо различать средства по степени их пригодности целям. Рекомендации великого флорентийца освещают технологию достижения и удержания власти. Под политическим искусством в нашем случае следует понимать технологию отстраивания государства граждан. Этой технологии должна сопутствовать virtu, деятельная разумная активность, сопротивляющаяся всякой стихийности.

Задача политика – вселить в простого человека веру, что он, – самый простой человек, – есть важный гражданин, на котором держится весь Град. Не без огорчения приходится констатировать, что чаще всего современные политические функционеры не способны объединить в единое целое нацию и аппарат управления, поэтому они (аппарат и нация) существуют как-бы в брезгливой независимости друг от друга. Причина здесь в том, что сами функционеры в сущности не являются гражданами и не ставят перед собой задачи полноценного и ответственного служения Отечеству. В современных государствах нарастает отчуждение общества от комплекса действующих политических институтов. Это пагубно и для первого и для второго, поскольку и то и другое – составные и неразрывные части государственного организма. Если коротко ответить на поставленный нами в самом начале вопрос, то ответ будет следующим: цель политического искусства – преодоление опасного отчуждения.

1. Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 4. / Аристотель. – М.: Мысль, 1983. – С. 376–644.
2. Гегель, Г. В. Ф. Феноменология духа [Электронный ресурс] / Г. В. Ф. Гегель. – Режим доступа: http://www.alkor-s.net/biblio/1/gegel02/txt14.htm (Просмотрено 13.06.2011).
3. Буркхардт, Я. Культура Возрождения Италии. Опыт исследования [Электронный ресурс] / Я. Буркхардт. – Режим доступа: http://www.gumfak.ru/kult_html/italy/content.shtml (Просмотрено 13.06.2011).
4. Макиавелли, Н. Государь: сочинения / Н. Макиавелли. – М.: Эксмо-Пресс, 2001. – 656 с.

Д. В. Бенгардт
Челябинская государственная академия культуры и искусств

КУЛЬТУРНОЕ И АКУЛЬТУРНОЕ: ГРАНИ СООТНОШЕНИЯ

Сегодня часто происходит смысловая подмена культурных явлений акультурными, а также размывание границ понятия «культура». В общественной жизни такие теоретические «недочеты» могут иметь большие следствия (в сфере образования, воспитания, прежде всего).

Под культурным в настоящем исследовании мы понимаем все то, что несет в себе аксиологическую сущность культуры, проявляет в себе сущностные свойства культуры. Аксиологическое структурирование культуры (выявление в структуре культуры ценностных феноменов – мифологии,

религии, морали, искусства, философии, науки, техники) позволяет выделить следующие сущностные свойства (качества) культуры как ценности: гуманизм (человеколюбие, человечность, антропофилия), духовность, почитание благого начала, восхождение к Высшему, к идеалу, добро в его действенности, красота в ее творческом величии, знание, созидательный труд, патриотизм, альтруизм. Также особым проявлением культурного в условиях эпохи информационного общества является информационная безопасность, безопасность сознания.

Соответственно, акультурным является все, что противоречит данным свойствам (качествам). Акультурное – это внекультурные явления, способствующие разрушению культуры. Если проявления морали (нравственности), этическое – суть ядро культуры, то логично предположить, что акультурно все то, что аморально.

В жизни мы различаем культуру и некультуру. А в теории, определяя культуру как все без исключения созданное и создаваемое человечеством, относим к ней все пороки и беды нашего времени: наркоманию, учения новоявленных «пророков» и «целителей», псевдонауку, низкого художественного уровня эстраду, рассчитанные на низменные инстинкты телевизионные передачи, в которых попираются элементарные нормы нравственности, и т. п. [См.: 1]. Основными формами акультурного выступают антикультура и псевдокультура.

И. В. Бестужев-Лада указывает, что культура может рассматриваться как совокупность культов (фундаментальных, основополагающих ценностей) – Милосердия, Любви, Семьи, Разума, Добра и др.. Эти ценности помогают достигать очищения, возвышения духа («катарсиса»), резко отделяющего человека от зверя. Однако все земное имеет обыкновение отбрасывать тень: «теневая экономика», «теневое правительство», «теневая культура», которую точнее было бы именовать антикультурой, поскольку она являет собой полную противоположность собственно культуре, опираясь на прямо противоположные культы Насилия, Похоти, Наркодурмана (включая алкоголь и никотин), Зла и т. д. Здесь мы видим апелляцию к низменным, звериным инстинктам, которые «будят в человеке зверя» («эффект антикатарсиса» – загрязнения, замутнения духа). К этим явлениям относятся в том числе сквернословие, порнография и т. д. [См.: 2].

Для того чтобы определить грань между культурой и антикультурой необходимо, не ограничиваясь онтологическим статусом культуры, применить к ней аксиологический подход. Аксиологический подход выявляет в культуре то, что служит во благо человеку и природе, носит созидательный характер. То, что ведет к разрушению личности, обращено к низменным инстинктам, не способствует духовному развитию человека, улучшению нравов, не может быть отнесено к культуре. Это антикультура [См.: 1].

Различие культуры и антикультуры также проявляется в *характере их восприятия и результатах воздействия на человека*. Приобщение к

культуре – длительный и сложный процесс. Постижение культуры требует постоянной работы ума и души. Антикультура примитивна и доступна. Для ее восприятия не нужды усилия. Она не требует духовного и интеллектуального труда. В этом ее привлекательность для многих людей и причина ее распространенности: не надо думать, глубоко чувствовать [См.: 1].

В *результате духовной и умственной работы в процессе приобщения* к культуре у человека формируются избирательность, нетерпимость к пошлости, к житейской грязи, неприятие низменного и аморального. Антикультура, наоборот, превращает это в норму, делает обыденным и привычным. И находит этому оправдание, пытаясь доказать, что такова природа человека.

Приобщение к культуре, делая человека духовно тоньше, душевно богаче, формирует понимание того, что в культуре могут быть разные подходы и возможны разные оценки. Глубинное постижение культуры формирует терпимость по отношению к другому, отличающемуся от тебя. В противоположность культуре антикультура агрессивна, ее оценки однозначны и категоричны. Предположить возможность другого подхода человек, сформированный антикультурой, не может и не хочет [Там же].

И главное, что различает культуру и антикультуру, – это *вектор развития*: в результате приобщения к культуре человек поднимается к свету, становится лучше, стремится к добру и творит его. Истина, добро и красота становятся для него критериями оценки действительности. Но если верх берут низменные инстинкты, если пошлость воспринимается как норма, а сама культура как излишество, нечто второстепенное – это результат, сформированный антикультурой [Там же].

Вся история человечества шла по пути развития культуры, выводя людей из животного состояния, развивая их ум, делая более тонкими их чувства. История культуры не была однозначной, но она сохраняла только то, что имеет непреходящую ценность, отторгая то, что было неизбежным злом. Именно в этом направлении развивалась культура человечества.

Иные характеристики имеет XX в., появились и расцвели такие явления, которые возвращают человека в животное состояние: демонстрация самых интимных отношений людей, утверждение культа силы, жестокости, насилия. Культивируется музыка, исполняемая на низких частотах, раскрепощающая агрессию и низменные инстинкты. Совсем не случайно концерты такой музыки часто заканчиваются побоищами [Там же].

Другое опасное для общества явление, способствующее кризису и разложению – это псевдокультура. Ее можно определить как имитацию культуры [3, с. 9], подача внешней формы, «не обремененной» содержанием, смыслом и ценностной сущностью культуры.

Это явление по характеру своего воздействия на сознание людей может быть опасней прямого проявления акультурного в форме антикультуры – его сложнее выявить, пресечь, преобразовать…

Проявлением псевдокультуры могжет служить, по словам А. С. Запесоцкого профессионализм без морали, он превращается в «меч в руках сумасшедшего» [См.: 4]. Чем более безнравственный человек имеет высокую профессиональную квалификацию, тем более он опасен. Юрист, вместо того чтобы защищать человека, начинает помогать планировать преступление так, чтобы можно было уйти от ответственности. Педагог, который творит с детьми чудовищные вещи, врач, который вырезает у еще живого человека органы на продажу… [См.: 4]. Псевдокультура проявляется с достаточной степенью изощренности, поэтому ее труднее распознать в отличие от антикультуры.

Таким образом, можно выявить примеры проявления акультурного: разложение духовное и нравственное (цинизм, разврат, пошлость, вульгарность), нарушение моральных заповедей, безобразие, невежество, информационное насилие, информационное растление и др.

Следует отметить, что приобретение акультурными явлениями еще большей распространенности, накопление оружия массового уничтожения на Земле, увеличение среди населения числа людей, которые труду предпочитают забавы, наслаждение или нищенство, массовое нарушение экологических норм – все это ставит под реальную угрозу существование жизни человека и человечества [5, с. 68].

Роль и возможности философского осознания культуры в разрешении данных проблем человечества – предмет дальнейшего исследования.

1. Апресян, Р. Г. Культурология: учебник для вузов [Электронный ресурс] / Р. Г. Апресян, Е. А. Ботвинник, Б. А. Эренгросс. – Режим доступа: http://lib.ololo.cc/b/218320/read. – Загл. с экрана. – Дата обращения – 13.01.2011 г.
2. Бестужев-Лада, И. В. Культура, антикультура, контркультура / И. В. Бестужев-Лада [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.stihi.ru/2010/05/04/42. – Загл. с экрана. – Дата обращения – 05.05.2011 г.
3. Большаков, В. П. Культура как форма человечности: учеб. пособие / В. П. Большаков. – Великий Новгород: НовГУ имени Ярослава Мудрого, 2000. – 92 с.
4. Куда идет российская культура? (материалы «круглого стола») [Электронный ресурс] // Вопросы философии. – № 9. – 2010. – Режим доступа: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=200& Itemid=52. – Загл. с экрана. – Дата обращения – 10.10.2010 г.
5. Лапина, Т. С. Общее понимание культуры: социально-философское обоснование / Т. С. Лапина // Философия и общество. – 2008. – № 2 (50). – С. 54–70.

А. В. Бетехтин
Министерство культуры Челябинской области

МОТИВАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ ОБРАЩЕНИЯ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ К СФЕРЕ ИСКУССТВА

Исследование мотивации обращения к сфере искусства представляется весьма актуальным в современной социокультурной ситуации в силу необходимости понимания механизмов привлечения и приобщения человека к сфере художественной культуры, поскольку именно здесь концен-

трировано выражен совокупный опыт достижений духовной культуры человечества. Именно через реализацию запроса в сфере художественной культуры человек перестает быть просто пассивным потребителем, но восходит к особой форме «восприятия как творчества», выступающей оппозицией растущему засилью потребления масскультурной тиражированной продукции.

В данной статье мы обратимся к феномену **репрезентации личностных притязаний**, основывающихся на определении ключевой мотивации обращения потребителя к сфере художественной культуры, выявлении и дифференциации факторов воздействия на запросы и мотивы аудитории. В данном случае речь идет об учете двух основных составляющих в формировании художественных запросов: личностно-субъективной – внутренней ориентации (психологическая мотивация обращения – личностная диспозиция) и социально-объективной – внешне-организованной составляющей социокультурного пространства (факторы воздействия среды).

Мотивационная основа формирования художественного запроса по отношению к сфере культуры и искусства предполагает понимание ключевых (базовых для личности) *оснований обращения* к соответствующей информации (культурному продукту), в терминологии бихевиоризма: «стимул – реакция» или «потребность – удовлетворение». Мотивация понимается нами в двояком смысле: как обозначающее систему факторов, детерминирующих поведение на личностном уровне и как характеристика процесса, который стимулирует и поддерживает поведенческую активность. Представления о мотивации возникают при попытке объяснения поведения как поиск ответов на вопросы: «почему?», «зачем?», «ради чего?», «для какой цели?», «какой смысл?».

Этот внутренне-стимулирующий раздражитель (потребность–запрос), порождающий действенную реакцию обращения (удовлетворение), может классифицироваться по различным основаниям. Так, М. С. Каган [Цит. по: 2, с. 285] рассматривает данную проблему через призму четырех видов человеческой деятельности: преобразовательной, познавательной, ценностно-ориентационной, коммуникативной. Осуществление преобразовательной деятельности активизируется потребностью в созидании; познавательной – в информировании; ценностно-ориентационной – в оценке; коммуникативной – потребностью в общении. В зависимости от представленности того или иного мотива могут быть выделены несколько типов личности потребителя художественной информации: несформировавшиеся – это люди, у которых недостаточно развиты все четыре вида деятельности; эклектично развитые – в эту группу входят те, у кого сформированы лишь отдельные виды деятельности, притом весьма поверхностно; односторонне развитые – развита только одна стороны деятельности; разносторонне развитые – у них сформированы на достаточно хорошем уровне три или все четыре вида.

Ориентация типологии М. С. Кагана на ключевые типы деятельности задает необходимую основу понимания мотива именно в «привязке» к области его реализации в сфере художественной культуры. Однако в данной типологии не в полной мере представлена градация личностно-психологической основы обращения, столь необходимой для понимания механизмов формирования художественного запроса.

Теоретической основой экспликации спектра мотивационно-поведенческих сценариев личности в данной работе избрана типология эстетического вкуса, разработанная И. Лукшиным [Цит. по: 1], ориентированная на выделение следующих типов потребителей художественного продукта: информационно-прагматический: основной мотив – развитие информационного тезауруса личности; эмотивный тип: мотив – эмоциональное переживание; социативный тип – мотив – межличностный обмен информацией; когнитивный тип: познавательный мотив; художественно-эмпирический тип: мотив – удовлетворение смешанного типа интересов в области художественной культуры.

Отталкиваясь от предложенной модели, нами были выделены ключевые потребности получения художественной информации (ориентации на культурный продукт), ставшие основой типологии мотивационных стратегий потребления художественной информации:

– потребность в расширении общекультурного кругозора, формировании общей (или специализированной) осведомленности в процессах актуальной художественной культуры, познавательная ориентация в существующем культурно-информационном «потоке» – **культурно-восполняющая мотивационная стратегия**;

– потребность в духовном самосовершенствовании, ориентации на художественную информацию как необходимость переживания чувства «прекрасного» – **духовно-эстетическая мотивационная стратегия**;

– потребность получать новые ощущения и эмоции, обновление личностно-значимого психологического пространства, ориентация на эмоциональный эффект переживания культурного продукта – **катарсическая мотивационная стратегия**;

– потребность «ухода» от обыденного опыта существования, рассмотрение художественной информации как своеобразной оппозиции повседневно-бытовой сфере существования – **художественно-компенсаторная мотивационная стратегия;**

– потребность в развлечении, получении удовольствия, рассмотрение художественного пространства как зрелищно-занимательной формы заполнения свободного времени – **гедонистическая мотивационная стратегия**;

– потребность в обсуждении новой информации с друзьями и коллегами, ориентация на межличностную коммуникацию – **референтная мотивационная стратегия.**

Оговоримся сразу, что предложенная типология, являясь теоретической моделью, не лишена недостатков, присущих любому идеальному ти-

пу построений: умозрительности, пересечений, неполноты охвата по отношению к изменчивым реалиям действительности. Однако необходимость ее введения вызвана стремлением к более детальному разграничению личностно-психологических оснований формирования художественных запросов аудитории. Безусловно, чистые типы данных стратегий встречаются крайне редко: сложность и во многих случаях неочевидность мотивационной сферы внутреннего мира личности делает различные подходы к их типологии равновероятностными и взаимодополняющими. В приведенной типологии осуществлен сознательный уход от распространенного качественного деления: «знаток – просвещенный потребитель – любитель – дилетант») – схемы, выступающей концептуальным основанием большинства классических моделей типологизации публики (Т. Адорно, А. Н. Сохор, Ю. Давыдов). Как нам представляется, подобный – вертикальный тип деления публики по принципам подготовленности восприятия, в меньшей мере применим к осознанию *мотивационной* структуры формирования запроса, осуществляемого по принципу горизонтального деления равнодопустимых оснований выбора (независимо от уровня художественной осведомленности и подготовки человека).

1. Синецкая, Т. М. Социология музыки: учеб. пособие / Т. М. Синецкая. – Челябинск: ЧГИИК, 1998. – 282 с.
2. Фохт-Бабушкин, Ю. У. Искусство в жизни людей / Ю. У. Фохт-Бабушкин. – СПб.: Алетейя, 2001. – 556 с.

СЛОВО НАСТАВНИКА

Канд. филол. наук, доцент

А. Б. Бушев

Санкт-Петербургский государственный инженерно-экономический университет (филиал в г. Твери)

ПОЭТИЧЕСКИЙ МИР СЛАВЯН В XX ВЕКЕ

Россия вновь принимает международный поэтический фестиваль славянской поэзии «Поющие письмена». Как и в былые годы, запланированы выступления поэтов из славянских стран, презентации книг антологии славянской поэзии серии «Из века в век», выступления ученых литературоведов и переводоведов, переводческие мастер-классы, концерты, поездки и много других мероприятий.

«Веселье», «невеликий», «новый», «праздную», «люблю», «образ», «пепел», «поминаю», «любезный», «единый», «сила», «срам», «страх», «помогать», «благой», «снег», «смех» – список узнаваемых славянских слов может быть продолжен до бесконечности. Это важнейшие понятия славян, концепты нашей культуры. Кириллица воплощает систему универсальных кодов славян. Но таковы же и славянские корни, которые в силу исторической судьбы западно-славянских народов написаны латиницей.

В сборниках серии «Из века в век», по меткому выражению переводчика В. Куприянова, представлен путь поэзии славян за одну еще не оконченную человеческую жизнь. Это поэзия, случившаяся на нашем веку.

При детальном знакомстве с изданными антологиями, нетрудно заметить, что даже в славянских языках латинской графики легко, без труда определяется решающее значимое количество общеславянских корней – концептов единого общеславянского фонда культуры, позволяющего понимать славянскую поэзию без перевода.

Посмотрим на знакомые корни общеславянского фонда слов в чешском языке и поэзии: *mraz, mesic, srdce, vino, cervene, duse, mlceni, slov, vzletl, ziv, vecnosti, bezmerna, na cele, propast, lyra*…[1] Мы без труда расшифровываем родные слова: мороз, месяц, сердце, *алые(червонные), душа, молчание, слов, взлетел бы, жив, вечности, безмерна, на челе, пропасть, лира…*

Глаголы *pismem, myslet, ze rozumim* тотчас же понятны русскому: *пишите, понимаю, думать*… Общеславянские концепты *ocim, telo, tma, den, domu* – это ведь такие знакомые русским слова *очи, тело, врат, день домой; ruky – рука; prostorem, sladky, mtrve ne budime – пространство, сладкий, мертвых не разбудим*. Всему славянскому миру понятно без перевода *mlekam vina, vecere, snehu, zima, usta, trava, sveta, krasa, leto, prach., nebe, dar, v dome, radost.*

Справедливым было бы считать, что на то мы и объединены славянской судьбой наших языков, чтобы понимать без перевода:

Vzduch mi protekal mezi prsty – воздух протек между перстами, между пальцами

A Leto me vtahlo do rozpalenych ulic mesta- лето втянуло меня в горячие улицы города.

Чешская поэзия интровертна, самодостаточна, иронична. Это урбанистическая поэзия, поэзия рисунка. Ей, как и всякой европейской поэзии, свойственен авангардный язык, поиск. Вообще, поэзии славянских народов разные: так, говорят о рефлексивной минорной словенской поэзии, об одной из самых значительных в мировой польской поэзии.

Подборка стихов польских поэтов в журнале 2010 года посвящена памяти погибших в авиакатастрофе под Смоленском. 10 апреля 2010 г. – Ярослав Ивашкевич, Вислава Шимборская. Збигнев Херберт, Роман Сливоник, Богдан Дроздовский, Уршула Козел, Ежи Харасымович, Анджей Бартынский…

А посмотрим, например, на музыку словацкого стиха

Al dokazes lasku
Opisat slovami
Laska sa do slov
Uvaznit neda

[1] В словах латинской графики автором исключены диакритические значки.

Это стихи современного словацкого поэта Штефана Храпы, понятные без перевода « Если можешь любовь описать словами, все оттенки ее… Любовь невозможно упрятать в тюрьму слов». *Просим, человек, надежда, сердце* – как в унисон звучат наши слова со словацкими *prosime, cloveku, nadej, srdcu*. Понятно без лишних объяснений: *celym svetom – это же целым светом, целым миром.* Посмотрим на общеславянские слов в словацком и русском языках*: века, срастись, слепота, волосы, первый, близко, навсегда, снег, свет, взор, ласка, книга, слово, дети, робить, главы, басни., слезы, обратить, солнечный, радость…*

Общая у нас и история. Незаживающая косовская рана – печальный славянский опыт конца XX в. Так, словацкий поэт Павел Яник создает страшное стихотворение «Косово»:

Горящий
Бумажный Гете
Молится
По-сербски
За четыре сотни мертвых детей
В каменных глазах Шиллера
Блестит слеза ртути
Это цыганский плач
По маленькому дому гонимых
На дне Адриатики
Кровь имеет искушающий цвет
Синеватого свечения неба,
С которого она падает
Легкая и сверкающая
Как спрей майского дождя
Чтобы удобрить раненую землю.

Есть в наследии этого поэта стихотворения, посвященные ласточкам, Пушкину – тоже явные знаки общности менталитетов славянских народов. И русские поэты слагают стихи о счастье и несчастье, о встрече, о слове, о пути-дороге, о птицах.

В 2007 г. был издан том хорватской поэзии «Из века в век», и его участники и переводчики тоже были на тверской земле в гостях фестиваля славянской поэзии.

Возникает гора, высокая,
Белая от снега, передо мною.
Гляжу на нее , а она говорит: поднимайся!
И я поднимаюсь.
Собираю снег.

Эти стихи хорватского поэта Крешимира Багича «Подъем» имеют параллели в русской поэзии золотого и серебряного веков. Таков же поэтический восторг перед красотой Кавказа и Крыма, перед красотой гор, перед красотой горнего мира.

Приятно, что в XXI в. тысячи русских смогли посетить Сербию, Хорватию, Черногорию, почувствовать славянский мир, выразить солидарность с народами многострадальной Югославии, которая стала полигоном распада многонационального государства.

И опять общее: то, что не нужно переводить. *gosti, strsasno, brasno, vodu, srce, pusta zvuke, glas, zavesa neba, zrnce, zvijezda*. Стоит только привыкнуть к необычной латинской графике славянских слов – так уж сложилась судьба этих славянских языков. Кстати, именно в хорватском языке долгое время существовала глаголица – как считают многие авторитеты, первая азбука, принесенная славянским народам моравскими просветителями.

Приятно отметить, что первый том антологии славянской поэзии связан с землей Кирилла и Мефодия – с древней Македонией.Вскоре появился и Болгарский том. История государства Болгария насчитывает 1300 лет: основанная в 681 г., Болгария менее чем за два века превращается в могущественное царство и центр христианской цивилизации в Восточной Европе. Великое дело братьев – святых Кирилла и Мефодия, созданная ими славянская азбука и письменность, крещение болгар дают возможность болгарам занять достойное место в европейской культурной и религиозной общности. Христианизация Восточной Европы – от Чехии и Моравии до степей Руси – была делом болгар.

Нет нужды говорит о том, что нам особенно дороги поэзия братских украинского и белорусского народов – народов Киевской Руси, трагически разделенного восточно-славянского братства. Усилиями поэтов и литературоведов В. Г. Крикунеко и Л. Н. Тубиной, бывшими гостями фестиваля «Поющие письмена» в Твери в 2010 г., созданы антологии поэзии этих стран. Здесь представлены имена как поэтов-классиков, так и поэтов последнего времени. Среди последних должны быть названы Евгения Янищиц – белорусская поэтесса, трагически рано ушедшая из жизни, и Владимир Некляев, вошедший в клинч с белорусскими властями.

Всматривайся в глаза вселенной,
Всматривайся глаза себе…
Но прежде научись видеть красоту своего языка
В маленьких глазенках буквы і.

Это стихи самой юной участницы украинской антологии Катерины Калытко, которой было семь лет во время беловежских событий. Вот как они звучат по-украински:

Подивися ув очі Всесвітові,
Подивися собі ув очі…
Але насамперед вчися ачти
Красу своеі мови
У маленьких оченятах літери «і».

Понятно без перевода. По мнению многих исследователей украинской поэзии, последнюю сегодня характеризуют небывалое разнообразие и

активный творческий поиск собственной украинской идентичности в XXI в. Приятно отметить, что участниками антологии стали украинские поэты, проживающие сегодня вне пределов Украины, в том числе живущие в России.

Исследователям литературы и любителям поэзии интересно прочитать лирику представителей расстрелянного возрождения Украины, стихи представителей так называемого Станиславского (ивано-франковского) литературно авангарда, оценить размах поэтов украинского зарубежья. В эмиграции сформировались и сохранили родную украинскую речь такие поэты, как Васыль Барка, Олег Зуевский, Эмма Андриевська, Богдан Бойчук, Богдан Рубчак, Вира Вовк, Юрий Тарнавский, Роман Бабовал и другие. Необычна судьба украинской поэтессы немецко-норвежско-ирландского происхождения, американки в нескольких поколениях Патриции Кылыны. Уже в зрелом возрасте, будучи женой поэта Юрия Тарнавского, она выучила украинский язык и стала писать на нем. Интересна Нью-йоркская группа украинских поэтов. По мнению авторитетного литературоведа и поэта В. Крикуненко, их творчество не ощущает влияния литературы страны поселения, наоборот, среди писателей Киева и Львова мы можем найти куда как больше имитаторов североамериканской поэзии.

В томе украинской поэзии представлено творчество украинских поэтов, которым муза диктовала стихи в мордовских, пермских лагерях, которые были подвергнуты репрессиям в годы советской власти. Интересны традиции новации украинского авангарда (Бу-ба-бу, новая дегенерация, девятидесятники, постдесятники). И везде ощущается в поэзии связь с традицией, с классикой – с вещим словом Шевченко, со стихами Ивана Франко, Леси Украинки, П. Грабовского.

Вдумчивого читателя не может не привлечь осмысление чернобыльской трагедии в современной украинской поэзии.

Обозревая историю белорусской поэзии послевоенного времени, Л. Н. Турбина замечает, что испытаний у белорусского народа хватало в минувшем веке. В белорусской поэзии мощно прозвучало так называемое поколение начала шестидесятых годов, названное филологическим поколением. « Все мы из хат», – сказал об этом поколении Янка Сипаков. Все эти поэты были обожжены войной, все они высказывали новые идеи оттепели шестидесятых годов. В поколении белорусских поэтов-семидесятников выявляется много интересных, заслуживающих внимания имен – Сергей Законников, Геннадий Пашков, Алесь Рязанов, Владимир Некляев, Рыгор Семашкевич, Виктор Ярец, Юрка Голуб, Леонид Голубович, Нина Матяш, Таиса Бондарь, Раиса Боровикова, и конечно, безвременно погибшая Евгения Янищиц, которая вот так обращается в своих стихах к собственной матери:

Мама, сею не жито я, сею не лен.
Но слова мои тоже льняные, ржаные

Благодарствуй
За твой голубой небосклон,
Благодарствуй за наши страданья земные.

Василю Быкову посвящает поэт свое стихотворение «Обелиски»:

Живем–- как светлой памяти залог.
У каждого – далеко или близко –
есть на земле заветный уголок
С немеркнущей звездою обелиска.

В. Некляев в своих стихах, посвященных Людмиле, пишет:

Не пачую водгуку у мальбе,
Пракрычу у прасцяг глухі
«Ісусе!»
Божа мой, я плачу без цябе,
Божа мой, я без цябе смяюся.

Следующее поколение белорусских поэтов – это те, кто пришел в поэзию в конце восьмидесятых годов на высокой волен национального Адраджэння (Возрождения). Одной из тем белорусской поэзии становится Чернобыль.

В конце века в Беларуси появились новые поэтические голоса Алеся Пашкевича, Миколы Вича, Алеся Туровича.

Кажется, что от имени всех славянских поэтов декларирует словенский поэт Янез Менарт (пер. С. Мнацаканяна):

На память спутникам моим
Я, переживший ту эпоху, оставлю назиданий дым
И память, что подобна вздоху:
Пора поднять на вечный щит,
Приметы рыцарства и веры:
Честь, благородство, чувство меры…
Пусть вечно благовест звучит,
Впечатанный в бессмертный камень: потомки,
не сдавайтесь!
Амен!

Поэзии Марьяна Строяна присущи вечные мотивы (А. Ермаковой):

Но кануло мгновенье. Сгинул вечер.
И дня сосуд опорожнен до дна, –
и взгляд недвижных звезд тяжел и вечен,
И снега нового мерцает тишина.

Современные проблемы славянской поэзии – и утрата представление разномыслия и вольнодумства, и коммерциализация, и утрата литературоцентризма, и изменение читательского вкуса.

Нет нужды говорить о том, что такой фестиваль – это и повод вновь задуматься о судьбах русского языка, его геополитическом положении языка, объединяющего наши народы. Это и возрождение культурных свя-

зей и контактов, и популяризация поэтического слова братских славянских литератур. Неслучайно, в альманахе праздника 2010 г. опубликованы стих А. С. Пушкина на многих славянских языках.

Звучащее поэтическое слово заставляет размышлять о многом, сохранить поэтическое наследие славянских народов, задуматься об исторической роли славянства и судьбе славянского мира, идущего в третье тысячелетие.

1. Из века в век. Поющие письмена. обществ.-лит., культурол. журн. – Тверь, 2010.

СЛОВО НАСТАВНИКА

В. К. Биче-оол
Канд. культурологии, доцент
Уральский государственный университет физической культуры

СПЕЦИФИЧНОСТЬ РЕЛИГИОЗНОГО КОМПЛЕКСА В КУЛЬТУРЕ НГАНАСАН

Широко известно определение религии (от лат. religio – воссоединение, набожность, святыня, святость, благочестие, предмет культа) как одной из форм мировоззрения; социального явления, которое включает религиозное сознание, религиозный культ и религиозные организации. Религия связана с верой в сверхъестественные силы, в их влияние на жизнь людей, является регулятором нравственности и одной из основ духовной культуры.

Особенностью религиозной культуры многих локальных этносов является феномен шаманизма. Шаманизм присущ религиозным культурам различных народов, в том числе и североевразийского региона. Однако это явление у каждого народа обладает своей спецификой. Шаманизм – специфическая форма верования, несущей конструкцией которой выступает богоподобный авторитет шамана – харизматической личности (медиума), способной впасть в транс, исцелять больных и убогих, а также находящейся в контакте с загробными мирами.

В духовной культуре нганасан также был развит культ шаманов. В разное время исследованием шаманизма занимались Г. Н. Грачева, К. Доннер, В. Ислявин, М. Кастрен, Ж.-Л. Ламбер, А. А. Мордвинов, А. А. Попов, Н. В. Плужников, Ю. Б. Симченко, П. И. Третьяков, Л. А Файнберг. Шаманы пользовались большим уважением и почитанием этноса. Как пишет А. А. Попов, «шаманами могли стать не все, а только те, среди предков которых были шаманы; активная роль в избранничестве принадлежала духам ушедших предков-шаманов... после смерти шамана сын его, желая наследовать власть отца над духами, делал из дерева подобие руки отца, и этот символ власти переходил у шаманов по наследству» [5, с. 124].

Для первобытного человека сверхъестественный мир был прежде всего неразрывно связан с природой. Мистическое единство было основано на том, что сверхъестественное является общим для природы и челове-

ка. Священные камни или деревья почитаются не благодаря их естественной сущности, а лишь потому, что они являются иерофаниями, потому, что они отражают что-то, уже являющееся не минеральным или растительным, а священным – совершенно иным [8, с. 141], иномирным, инобытийным.

Шаманизм является ни чем иным как магией, основанной на мистической сопричастности, слитности человека с явлениями природы и возможности влиять на них. По утверждению М. Элиаде, шаманский обряд камлания в примитивных обществах включает глубокие мистические переживания. Шаман говорит на языке животных, становится их другом и повелителем, подтверждая тем самым гипотезу, что человек на ранних стадиях своей эволюции обладал способностью внушения [Там же, с. 143].

Как указывает А. А. Горелов, одной из форм практической мифологии, является анимизм [2, с. 56]. «Близко сталкиваясь с животными, он [первобытный человек. – *В. Б.*] точно подмечает у них наличие тех же, по его мнению, сознательных и разумных действий, которые присущи ему самому, – пишет А. А. Попов. Он находит у них свои собственные человеческие чувства и свойства и не видит грани, отделяющей его самого от животных... Грань между человеком и животным настолько стирается, что некоторые животные почитаются превращенными людьми или даже предками людей...» [6, с. 49].

Для нганасан, как и для многих коренных народов Севера, животные – часть человеческого мира. К ним относились с уважением и почтением, им приписывали черты характера людей. А. А. Попов, анализируя анимистические воззрения нганасан, пришел к выводу, что для этого народа «человек представляет собою только маленькую частицу многочисленного сонма живых существ, наполняющих весь окружающий его мир. Эти живые существа так же разумны и сознательны, как и люди» [Там же, с. 65].

Так исконно нганасаны почитали гусей. «Увидев весною в первый раз гусей, нганасаны не стреляют в них, а здороваются, кланяясь им...» – пишет А. А. Попов. «Точно также и осенью, видя отлет последних гусей, прощаются с ними, желая им счастливого возвращения» [6, с. 53].

Одной из черт нганасанского мистического мировоззрения является фетишизм – вера в сверхъестественную силу природных и искусственных предметов.

Койка – родовые и семейные духи, материализованные в зооморфном или антропоморфном образе, или же в виде камней, оленьих рогов причудливой формы и других природных элементов, обработанных руками человека. Койка хранились в специальных нартах, покрытых шкурой дикого оленя. Домашних покровителей каждый месяц окуривали дымом от сжигаемого на огне жира дикого оленя. Кормили койка и после удачной охоты, в нарту койка клали жир и копченое мясо диких оленей и гусей.

Характерной чертой духовной жизни нганасан являлось пограничное положение между язычеством и религией – состояние проторелигии, цен-

тральным в котором был обряд жертвоприношения. Опираясь на мнение Г. Спенсера, культуролог А. А. Горелов, рассматривая мистику жертвы, выделяет три ее разновидности. К первоначальному виду он относит «кормление» покойников. «Вторая стадия жертвоприношения – жертвоприношения духам и богам, третья – принесение в жертву себя» [2, с. 50]. У нганасан были развиты первые два вида жертвоприношений.

По обычаю нганасан, чтобы всегда был хороший улов, и никто не тонул, нужно было принести жертву воде. Для этого удушали собаку, оставляли ее на берегу головой к воде и читали следующее заклинание: «Вода-мать, вот твоя доля! Пусть наши сети будут, всегда полны рыбы и пусть мы не будем тонуть в воде» [4, с. 122].

«На севере, как нигде, человек должен чувствовать благожелательное влияние солнечного тепла; неудивительно поэтому, что солнце пользуется у нганасанов большим почитанием» [6, с. 40]. У нганасан было принято приносить в жертву солнцу, появившемуся впервые после полярной ночи, белого оленя. Они вешали на дерево голову, шкуру и внутренности оленя, при этом произнося следующее заклинание:

«Солнце-мать, вот твоя доля!
Теперь ты нас не оставляй!
Дай нам хорошую жизнь!
Пусть родится много детей» [4, с. 197].

Мистические свойства крови как очистительного средства Л. Леви-Брюль квалифицировал как «жизненное начало, которое борется с другой силой, такой же невидимой, с другим зловредным началом, с другим влиянием, каковым является болезнь. Кровь имеет силу колдовского средства, лекарства, одерживающего победу над околдованием» [3, с. 215].

Традиционные верования нганасан сохраняются и по сей день, процесс христианизации для этого народа, как и для многих других аборигенных этносов Таймыра, начался в конце XVII – начале XVIII в. с приходом на полуостров переселенцев и проходил достаточно сложно и неоднозначно. Это объясняется рядом причин. «Во-первых, кочевой образ жизни при удалении кочевий и зимних стоянок от обитания русского и христианизованного населения затруднял деятельность миссионеров. Во-вторых, отсутствовал достаточный штат миссионеров, а тем более миссионеров, знающих языки коренного населения. В третьих, миссионеры имели слабое представление о традиционных культах, прежде всего о шаманизме. Нежелание менять веру объяснялось также сохранением родовых пережитков и слабым влиянием русской православной культуры. Наименьший успех христианизация имела среди самоедов. По имеющимся сведениям ненцы, например, «не только не хотели креститься, но и преследовали крещеных аборигенов» [7, с. 325].

Таким образом, проторелигия нганасан является достаточно сложным явлением. С религиями многих аборигенных этносов ее связывает наличие

феноменов шаманизма и жертвоприношений. Однако, нганасанская религия имеет и свои самобытные черты, в частности, ритуал жертвоприношений никогда не включал в себя убиение и приношение в жертву человека.

В современной духовной жизни северных этносов продолжают занимать особое место проблемы веры в бога, религиозности человека, определения им собственной конфессиональной принадлежности. Эти вопросы актуализировались с окончанием эпохи всеобщего атеизма, борьбы с религией, суевериями и проявлением религиозных тенденций в обществе. Христианство в целом не смогло значительно повлиять на жизнь аборигенов. В том виде, в котором осуществлялось приобщение к вере, внедрение православия породило скорее ситуацию религиозного симбиоза и двоеверия. Местные традиционные календари дополнялись христианскими праздниками. В домах появились иконы, которые могли порой сосуществовать с идолами. Крещеные стали носить нательные кресты наряду с привычными амулетами. Традиционные обряды включили христианские элементы, и напротив шаманская практика обогатилась «обрамляющими» христианскими деталями.

1. Биче-оол, В. К. Культура нганасан: от истоков до современности: моногр. / В. К. Биче-оол / науч. ред. докт. филос. н, проф. Н. Г. Апухтиной – Челябинск, 2010. – 180 с.
2. Горелов, А. А. Культурология: учеб. / А. А. Горелов. – М.: Юрайт, 2002. – 400 с.
3. Леви-Брюль, Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении / Л. Леви-Брюль. – М:. Педагогика-Пресс, 1999. – 380 с.
4. Нганасанская фольклорная хрестоматия. Ня ”дүрымы” туобтугуйся / под ред. К. И. Лабанаускаса. – Дудинка: РПК «Таймыр», 2001. – 208 с.: ил.
5. Попов, А. А. Нганасаны: Вып. 1: материальная культура / А. А. Попов. – М. – Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1948. – 174 с.: ил.
6. Попов, А. А. Нганасаны: Социальное устройство и верования / А. А. Попов. – Л.: Наука, 1984. – 152 с.: ил.
7. Хакимулина, О. Н. К вопросу о христианизации коренных народов Таймыра в досоветский период / О. Н. Хакимулина // Реальность этноса / под ред. И. Л. Набока. – СПб.: РГУ им. А. Герцена 2006. – С. 325–329.
8. Элиаде, М. Мифы и сновидения мистерии / М. Элиаде. – М.: Рефл-бук, 1996. – 288 с.

О. А. Важенина
Южно-Уральский государственный университет

ИНТЕРПРЕТАЦИИ РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЕ РАЗВИТИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

В настоящее время проблематика русской национальной идеи остается актуальной для многих ученых и исследователей. Обилие информации, эксплуатирующей понятие «национальная идея», ведет к размыванию понимания сущностных характеристик данного концепта. Многочисленность публикаций по данной тематике приводит многих авторов к мысли о том, что национальная идея сводится к национальной мифологии [4, с. 115].

Однако согласиться с этим было бы неверно, так как, по мнению этих же ученых, «перестройка кардинально изменила и статус страны и ее место

на мировой арене, что обусловило необходимость определения особенностей и специфики именно российской цивилизации, вычленения ее духовных ценностей и ориентиров», которые могли бы найти свое воплощение в новой актуальной национальной идее, рассматриваемой как важнейшая компонента российского государственного строительства [4, с. 115].

Стоит отметить, что в процессе развития научных дискуссии по вопросу содержания русской национальной идеи, который начал формироваться еще в XVIII в., сформировалось два течения – славянофилы и западники.

По мнению одного из важнейших русских исследователей проблемы русской национальной идеи – Николая Бердяева, спор славянофилов и западников был спором о судьбе России и ее признании в мире [2, с. 20].

Следует отметить, что на сегодняшний день оба направления в своей исторической форме устарели, но сама тема и различие взглядов на проблему русской национальной идеи сохранились.

Основными представителями славянофилов были такие великие умы нашей страны, как Ломоносов, Хомяков, Достоевский, Данилевский, Леонтьев, Ильин….

Не менее значимые фигуры разделяли взгляды западников: Чаадаев, Вл. Соловьев…

Начать интерпретацию определений русской национальной идеи логичнее всего с рассмотрения позиции славянофилов или антиглобалистов, так как именно они (славянофилы) являются родоначальниками дискуссий по поводу понимания данной проблемы.

Подход к пониманию русской национальной иди с позиции антиглобалистов представлен в статье Е. С. Троцкого «Русская идея: национальное, общероссийское, евразийское, славянское». По его мнению, одной из главных черт русской культуры является верность Родине, именно поэтому так значительна всегда была роль мобилизирующей общенациональной идеи («За Бога, за Царя и Отечество») [4, с. 28].

Раскрывая смысл Русской национальной идеи, И. Ильин пришел к заключению: «Это есть идея православного христианства. Россия восприняла свое национальное задание тысячу лет тому назад от христианства: осуществить свою национальную земную культуру, проникнутую христианским духом любви и созерцания, свободы и предметности. Этой идее будет верна и грядущая Россия».

Исследователь М. И. Беляев при определении данного термина тяготеет к западническому подходу (глобалисты). По его мнению, термин русская национальная идея используется рядом мыслителей для характеристики проблем и представлений, связанных с определением исторической роли России в составе мирового сообщества, особенностями российской истории, русской культуры, народного характера и менталитета, со смыслом существования России во всемирной истории [1].

Его понимание сходится с позицией Вл. Соловьева, который считает, что каждая нация, объединенная в государственное целое, призвана выполнять в составе Человечества определенную миссию или роль. Под нацией он понимал не этнос, а совокупность индивидов, объединенных в одном государстве. Миссия или роль нации в составе мирового целого и есть ее национальная идея. Каждая нация должна обрести свою идею, в противном случае ее существование не оправдано.

Таким образом, данные исследователи указывают на необходимость формирования идеи для каждой нации, но она должна формироваться с учетом мирового целого, сохраняя при этом свою специфику, зависящую от менталитета той или иной нации, в данном случае российской.

Более крайнюю форму понимания национальной идеи представляет идеолог глобализма Жак Аттали, объявившей ее главной ценностью деньги, сведя ее к лозунгу «Обогащайтесь!», независимо от этнической принадлежности [см. 7, с. 31].

Как мы видим оба рассмотренных нами направления представляют собой крайние, в некотором роде, утопические взгляды на суть русской национальной идеи. Это можно объяснить тем, что религия (в нашем примере – христианство) набирает роль лишь в критические моменты истории России.

В повседневной же современной жизни религия не имеет определяющего значения, таким образом, остается немного шансов на то, что национальная идея, сведенная к миссионерскому предназначению России, сможет консолидировать нашу страну и способствовать стабилизации ситуации в ней.

В то же время, нельзя утверждать, что и идея стремления к обогащению найдет отклик в сознании жителей нашей страны.

Наиболее актуальным определением национальной идеи, в условиях современной жизни, на наш взгляд, является определение данное Президентом нашей страны Д. А. Медведевым: «каждая уважающая себя нация в тот или иной исторический период должна иметь набор ценностных представлений, которые значительная часть этой нации должна разделять. И желательно, чтобы они разделялись не по принуждению, а на основе личных убеждений» [6, с. 9].

Так, по мнению Медведева, русская национальная идея представляет собой набор ценностных представлений, которые значительная часть этой нации разделяет на основе личных убеждений.

Именно это высказывание, на наш взгляд, можно считать выражение содержания русской национальной идеи в данный момент.

Данное определение является емким и универсальным одновременно. Здесь мы наблюдаем и возвышение статуса нашей страны – «каждая *уважающая* себя нация», и единение русского народа на основе прежде всего его интересов – «ценностные представления, которые значительная часть этой нации разделяет на основе личных убеждений», но в то же время про-

слеживается соотнесение с интересами государственно идеологии, так Медведев отмечает, что «*желательно*, чтобы они (ценностные представления. – *О. В.*) разделялись не по принуждению».

Универсальность данного подхода к пониманию национальной идеи выражена в уточнении, сделанном Медведевым – «в тот или иной исторический период», что позволяет изменять или дополнять рассматриваемые ценности в зависимости от социокультурных, экономических или политических особенностей какого-либо исторического периода, кроме того данное определение может стать базовым практически для любой работы, в проблемное поле которой включен термин «Национальная идея».

Представленные обстоятельства, на наш взгляд, являются достаточными для признания данного контента русской национальной идеи как наиболее адекватного современному состоянию российского общества.

Однако это не освобождает современных гуманитариев от необходимости поиска научной трактовки понятия «национальная идея».

В завершении данной работы хотелось бы отметить, что русская идея не застывшая идеологическая форма, это живое биение мысли, плодотворный диалог ученых в рамках единого научного пространства. Ее характеризуют цельность и многомерность, поэтому она актуальна сегодня. Необходимость в формировании национальной идеи объясняется тем, что она проясняет смысл существования России во всемирной истории, смысл существования нации. Несмотря на противоречивые подходы к определению русской национальной идеи, главное ее содержание сводится к разрешению проблемы судьбы России. Русская идея не является националистической или шовинистической. Любовь к России («святой Руси») сквозь призму русской идеи сочетается с уважительными отношениями к другим народам и культурам. Более того, русская идея в своих конечных устремлениях нацелена на объединение народов. Русская идея не является идеей только этнических русских, огромно ее значение для всех россиян, независимо от их этнического происхождения и даже религиозной принадлежности. Дело в том, что феномен русской культуры преисполнен пафосом человеческого братства и единения [3, с. 380].

Итак, русская идея – это цельное мировоззрение, во главе которого вопрос о сохранении и развитии России в европейском и мировом сообществе. Это специфическое видение и разрешение вопросов бытия, это предостережение человеку о сложных путях жизнеустройства. В XXI в. Россия может и должна, наконец, стать современным государством, не потеряв при этом своих уникальных культурно-исторических черт [Там же].

1. Беляев, М. И. Единый периодический закон эволюции материи и тайна золотого сечения [Электронный ресурс]/ М. И. Беляев. – Режим доступа: http://newphysics.h1.ru/sep_art/mystery.htm/.
2. Бердяев, Н. Русская идея / Н. Бердяев. – М.: АСТ: Астрель: Политиздат, 2010. – 286 с.
3. Ильин, В. В. Российская цивилизация: содержание, границы, возможности / В. В. Ильин. – М.: Изд-во МГУ, 2000. – 384 с.

4. Ионов, И. Н. Парадоксы российской цивилизации / И. Н. Ионов // Обществ. науки и современность. – 1999. – № 5. – С. 115.
5. Ковалевский, И. П. «Психология русской нации» [Электронный ресурс] / И. П. Ковалевский // Р. Л. Перин «Гильотина для бесов». – Режим доступа: http//www.xpomo.com/ruskolan/liter/psiholog_rn.htm/.
6. Сванидзе, Н. М. Медведев / Н.Сванидзе. – Спб.: Амфора, 2008. – С. 258.
7. Троцкий, Е. С. «Русская нация» / Е. С. Троцкий – М.: Изд. дом «Граница», 2006. – 397 с.

СЛОВО НАСТАВНИКА

Э. М Валеева
Канд. пед. наук
Южно-Уральский государственный университет

ИДЕНТИФИЦИРУЮЩИЕ ВОЗМОЖНОСТИ МОДЫ В ПРОЦЕССЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СТУДЕНТОВ

Мода – неоднозначный и интересный социокультурный феномен, который присутствует в самых различных сферах человеческой деятельности и культуры.

Сегодня мода во многом детерминирует мировоззрение современного человека. Она отражает функциональные потребности личности – творческое стремление к воспроизводству индивидуального и группового самоопределения, стремление «выделиться» и стремление «быть как все». Мода, таким образом, выполняет роль идентификатора в стратификационных процессах в жизни общества.

Социальная идентификация, как глубокое и широкое социальное явление, имеет прямое отношение к модному поведению. Л. В. Петров определяет идентификацию как «исходную точку моды» [3, с. 12].

Социальная идентификация – процесс отождествления индивидом себя с другим человеком, группой, образцом, происходящего в ходе социализации, посредством которого приобретаются нормы, ценности, социальные роли, моральные качества представителей тех социальных групп, к которым принадлежит или стремится принадлежать индивид.

К формам идентификации относятся: прямое отождествление индивидом себя с реальным или вымышленным лицом; причисление себя к определенной номинальной социальной группе (например, молодежь); причисление себя к реальным социальным общностям, преимущественно основанным на совместной реальной деятельности (студенчество).

Как отмечает В. А. Ядов, базисная социальная функция социальной идентификации отражает включение в систему социальных взаимосвязей, стремление индивида слиться с общностями и группами, которые обеспечат защиту их жизненных интересов, основных потребностей в самосохранении, развитии и самовыражении перед лицом реальной и мнимой опасности ущемления базисных потребностей другими группами, общностями и составляющими их индивидами.

Если характеризовать общее влияние моды в обществе, то его смысл был прекрасно выражен Ж. Бодрийяром: «Во-первых, мода внедряет оп-

ределенную меру единодушия и единообразия посредством выбора из различных культурных моделей одной, которая интерпретируется как норма, и таким образом принуждает к ее принятию; во-вторых, мода обеспечивает возможность разрыва с ближайшим прошлым и подготовку к ближайшему будущему, причем она упорядочивает этот процесс перехода от прошлого к будущему. Представляя новые разнообразные культурные модели и подвергая их коллективному отбору, мода становится средством приспособления к изменяющемуся, непостоянному миру; в-третьих, модный процесс воспитывает и формирует общность восприятия и вкуса, так как текущая «мода» в противовес странности и неуместности прошлых «мод» понятна и естественна» [1, с. 58].

Мода связывает и обособляет студентов на уровне общественных настроений, как правило, с помощью рефлекторных, аффективно – малоосознанных оценок. Поэтому в структуре социальных механизмов моды имеет место внешняя идентификация, которая проявляется в демонстрации модного поведения; в обладании модными предметами, демонстрации модной внешности.

Основой идентификации является подражание, способное дать студенту уверенность в том, что он не одинок. Тем самым подражание освобождает индивида «от мучений, связанных с выбором, и позволяет ему выступать просто в качестве творения группы». Подражание является также одним из основных составляющих моды как социального явления. Другими словами, мода самым активным образом участвует в процессах идентификации студенческой молодежи со своей социальной группой.

З. Б. Элькина выделяет 3 вида подражания: подражание-уважение, подражание-соперничество и интегральное подражание. Вероятно, что модное поведение студентов в большинстве случаев опирается на интегральное подражание.

Само подражание имеет неосознанный и полуосознанный, эмоциональный, относительно иррациональный и принудительный характер, что создает определенные трудности при попытке анализа его как механизма влияния моды на социальное поведение студентов.

Тем не менее подражание в большей степени, чем другие механизмы моды (заражение, внушение), включено в групповой контекст. И поскольку речь идет об усвоении студентами предложенных образцов поведения, то, напоминаем, существует два плана подражания: или какому-то конкретному человеку, или нормам поведения, выработанным группой (группой членства или группой, членом которой индивид не является, но она значима для него). Таким образом, с одной стороны, мода удовлетворяет желание студенческой молодежи не слишком выделяться на фоне окружающих, но с другой – позволяет реализовать потребность быть неповторимой, подчеркнуть то, в чем заключается ее индивидуальность, пробудить интерес окружающих к ней.

Частным случаем социальной идентификации является конформизм. Мода прежде всего влияет на индивидов, привыкших к покорности. Упрямым и непокорным натурам недостает нужной для внушений гибкости. Кроме того, дисциплинированные студенты более поддаются капризам моды, чем недисциплинированные. «Мода регулирует поведение индивидов и групп, составляющих социальную систему, и способствует адаптации последней к изменяющимся внутренним и внешним условиям ее существования», – подчеркивает А. Б. Гофман [2, с. 125].

Другой психологический механизм моды, воздействующий на личность студента, – внушение основано на авторитете, доверии, эмоциональной привязанности к источнику информации. Доступность информации, ее эмоционально-оценочная насыщенность и постоянная пополняемость создает эффект «эмоционального заражения», который становится причиной внушения.

Студенты по-разному подвержены внушающему воздействию моды. Воздействие моды на студентов духовно развитых и обладающих высоким интеллектом, затруднено по сравнению со студентами низкого уровня развития.

Если новая мода согласуется тем или иным образом с назревшими общественными потребностями молодых людей, то она начинает входить в быт сначала наиболее чувствительных к этим потребностям студентам, а затем и более чувствительных, но более конформных.

Существующие формы групповой идентификации в моде (например, в молодежных группах) носят чаще всего изменчивый и групповой характер. Границы «мы» постоянно размываются вследствие функции нивелирования, присущей моде. Но существует также сильное стремление принадлежать к определенной группе: человек – «животное социальное» и нуждается в ощущении своего единства с обществом. Мода фактически представляет собой форму выражения принадлежности к определенной общности людей и способ четко обозначить свое место в ней. В этом случае большую роль играют ценности, принимаемые группой, поскольку именно они влияют на принятие или отказ от того или иного модного стандарта поведения или модной новинки.

Таким образом, система моды играет формирующую, интегрирующую и мотивирующую роль, побуждающую студентов и их группы к социальному взаимодействию. Такое ее свойство и социальная роль предопределяется тем, что она формирует и навязывает действующим личностям нормы, идеалы, ценности, образцы поведения, которые мотивируют их действия. Иными словами, мода является существенной частью социального механизма формирования личности, либо вырабатывая в ней целостность и стремление к творчеству, либо унифицируя, вырабатывая у нее типовые (хорошо распознаваемые и прогнозируемые) социальные реакции. Функциональное значение последнего «отесывающего» формирования состоит в том, чтобы подготовить студентов к тесному сосуществованию, обеспечить их предстоящее взаимодействие и взаимопонимание.

Итак, выполняя интегративную функцию в социально-групповой идентификации студенчества, мода основывается на механизме подражания, который выступает основной составляющей также и самого процесса идентификации. В итоге идентификация одного и того же модного образца поведения, основанного на законе конформизма, приводит к интеграции студентов в одну социальную группу, унифицированию и единообразию их поведения.

1. Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. – М.: Добросовет, 2000. – 389 с.
2. Гофман, А. Б. Мода и люди. Новая теория модного поведения / А. Б. Гофман. – СПб.: Питер, 2004. – 208 с.
3. Петров, Л. В. Мода как общественное явление / Л. В. Петров. – Л.: Знание, 1974. – 32 с.

В. К. Герасимов
Санкт-Петербургский государственный университет

КРИТИКА «ОБЩЕСТВА ПОТРЕБЛЕНИЯ» В ФИЛОСОФИИ XX ВЕКА

Причиной, по которой автором была выбрана именно эта тема, служит желание проанализировать, опираясь на работы выдающихся мыслителей, специфическую взаимосвязь между улучшением качества жизни, сопровождающимся ростом потребления, и кризисом устоявшихся ценностных ориентиров, потерянностью человека в системе жизненных координат, в качестве показателей чего которых могут рассматриваться как контркультура 1960-х во всем своем многообразии, так и современный дауншифтинг.

Кроме того, в условиях процессов глобализации и изменения в последние годы тренда развития мировой экономики, актуальность данной работы (в том числе и в условиях российского социума), на мой взгляд, может быть охарактеризована через понятие Zeitgest'а – «духа времени», который пропитывает в своей консьюмеристской нацеленности все вокруг: от гламурных бутиков и хипстерских тусовок до обещаний председателя правительства не прекращать индексацию зарплат и пенсий [9].

Выражаюсь максимально конкретно, главный вопрос моего исследования, ответ на который, в силу формата данной работы я лишь в общих чертах попытаюсь обрисовать, звучит следующим образом: «Детерминирует ли консьюмеризм как жизненная философия экзистенциальную депривацию человека, и если да, то в какой степени?»

Для начала я хотел бы обратиться к работе «Мифологии» виднейшего представителя (пост)структурализма Ролана Барта. В ней мыслитель трактует современное ему французское общество 1950-х как погрязшее в мифах буржуазной идеологии. Мифом, по Барту, «может стать все, что покрывается дискурсом» [1, с. 265], т. е. эссенциальным для него является не предмет, а способ сообщения.

Что же касается буржуазии, то это «социальный класс, не желающий быть названным» [1, с. 299–300], через свое «разыменование» и непризнание себя как субъекта социальных процессов устанавливающий свое господство: «Существует еще и сугубо потребительская буржуазная культура… Все в нашем повседневном быту обусловлено тем представлением об отношениях человека и мира, которое создает *себе и нам* (курсив автора. – *В. Г.*) буржуазия» [1, с. 302]. Ее идеология – «это то действие, посредством которого реальный мир превращается в образ мира» [1, с. 303, 304] – грезу, мечту, задающую идеал (зачастую недостижимый для т.н. «простых людей») и образец «успешной/сложившейся» жизни. Происходит подмена: те или иные атрибуты материального достатка заслоняют и заменяют собой экзистенциальную свободу человека, его «самость», тем самым эффективно защищая сложившийся социально-экономический status quo (эта идея получит свое развитие в творчестве Герберта Маркузе, в то время как идея «разыменования» найдет радикальное воплощение в работах Жана Бодрийра, воспринимавшего не только буржуазию, но и весь социум как принципиально нерепрезентативный феномен).

Совмещая психоаналитический и марксистский подходы, данный вопрос рассматривал Герберт Маркузе. В своей работе «Эрос и цивилизация» (1955) он вводит понятие «прибавочной репрессии», обозначая ее как «дополнительный контроль, проистекающий из специфических институтов господства» [6, с. 42]. Суть прибавочной репрессии заключается в подавлении либидозных влечений человека, в то время как «навязываемый “Сверх-Я” категорический императив… остается императивом самодеструкции» [6, с. 59]. И все это – во имя триумфа принципа реальности, в капиталистическом обществе принявшем форму принципа производительности. Итог – всевозрастающий контроль общественных институтов над жизнью отдельного человека, отчуждение индивида как от труда, так и от самого себя, его сексуальная и социальная фрустрация, в результате усиливающая инстинкт смерти (Танатос).

В своей самой известной работе «Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества» (1964) Маркузе утверждает: «Развитая индустриальная цивилизация – это царство комфортабельной, мирной, умеренной, демократической несвободы, свидетельствующей о техническом прогрессе» [5]. Существующая Система иррациональна, пытаясь, вооружившись принципом рациональности, сдержать развитие производительных сил, способных подорвать ее господство. Люди подчиняются диктату ложных потребностей: «Ложными» являются те, которые навязываются индивиду особыми социальными интересами в процессе его подавления: это потребности, закрепляющие тягостный труд, агрессивность, нищету и несправедливость. Результат – эйфория в условиях несчастья. Большинство преобладающих потребностей (расслабляться, развлекаться, потреблять и вести себя в соответствии с рекламными образ-

цами, любить и ненавидеть то, что любят и ненавидят другие) принадлежат именно к этой категории ложных потребностей» [Там же]. Так и создается «одномерность» человека, его объектность/инструментальность по отношению к системе производства.

В свою очередь, «одномерное общество» может быть также охарактеризовано и проанализировано как «общество спектакля», что и сделал Ги Дебор в одноименной книге, вышедшей в 1967 г. Для него «вся жизнь обществ, в которых господствуют современные условия производства, проявляется как необъятное нагромождение спектаклей… Спектакль – это не совокупность образов, но общественное отношение между людьми, опосредованное образами… …Спектакль, взятый в своей тотальности, есть одновременно и результат, и проект существующего способа производства… Он есть средоточие нереальности реального общества. Во всех своих частных формах… спектакль конституирует наличную модель преобладающего в обществе образа жизни» [Там же].

Таким образом, Дебор в своем осознании отчужденности человека в окружающем его потребительском «раю» вторит Маркузе: «Истоком спектакля является утрата единства мира… То, что объединяет зрителей, представляет собой лишь необратимую связь с тем самым центром, который и поддерживает их разобщение... Отчуждение зрителя в пользу созерцаемого объекта (который является результатом его собственной бессознательной деятельности) выражается следующим образом: чем больше он созерцает, тем меньше он живет, чем больше он соглашается признавать себя в господствующих образах потребностей, тем меньше он понимает собственное существование и собственное желание» [4].

Наконец, для характеристики и описания феномена «общества потребления» представляется совершенно необходимым обратиться к концепции «симулякра», детально разработанной выдающимся философом-постмодернистом Жаном Бодрийяром, понимавшим его как явление гиперреальности, когда объект полностью теряет свою соотносимость с чем-либо: «Именно принцип симуляции правит нами сегодня вместо прежнего принципа реальности. Целевые установки исчезли, теперь нас порождают модели. Больше нет идеологии, остались одни симулякры… Вся стратегия системы заключается в этой гиперреальности зыбких, “плавающих” ценностей... Ценность осуществляет свое господство через неуловимо тонкий порядок порождающих моделей, через бесконечный ряд симуляций» [3].

Логичным итогом служит то, что общество превращается в социологически нерепрезентативную «черную дыру»: «Существо нашей современности состоит в глухом, но неизбежном противостоянии молчаливого большинства навязываемой ему социальности» [2, с. 56–57]. «Масса выступает характеристикой нашей современности – как явление в высшей степени имплозивное, не осваиваемое никакой традиционной практикой и никакой традиционной теорией» [2, с. 7].

Подводя итог, можно констатировать тот факт, что работы, посвященные критике «общества потребления», стали классикой философской мысли. В то же время они не утратили свою актуальность: счастье и экзистенциальная свобода принципиально несводимы только лишь к одному материальному благополучию, наглядным подтверждением чего служат как английские погромы этого лета [7], так и данные «Happy Planet Index», в соответствии с которыми жители Коста-Рики счастливее жителей Швейцарии [8, с. 61]. Консьюмеризм влечет за собой психологическую и социальную фрустрацию и/или относительную депривацию в масштабах, которые нельзя недооценивать; он онтологически антагонистичен как «позитивной свободе» Исайи Берлина, так и «Свободе» Сартра. И в данных условиях одной из важнейших целей философии может стать стремление к выработке нового альтернативного мировоззренческого концепта, свободного от идеологических утопий и способного как противостоять доминированию дискурсов гламура и «потребления», так и быть воплощенным практически в габитусе новых поколений.

1. Барт, Р. Мифологии / Р. Барт. – М., 2010.
2. Бодрийяр, Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального / Ж. Бодрийяр. – Екатеринбург, 2000.
3. Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть [Электронный ресурс] / Ж. Бодрийяр. – Режим доступа: http://yanko.lib.ru/books/philosoph/baudrillard-symv-obmen-i-smert.htm
4. Дебор, Г. Общество спектакля [Электронный ресурс] / Г. Дебор. – Режим доступа: http://avtonom.org/old/lib/theory/debord/society_of_spectacle.html?q=lib/theory/debord/ society_of_spectacle.html
5. Маркузе, Г. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества [Электронный ресурс] / Г. Маркузе. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Markuze/index.php
6. Маркузе, Г. Эрос и цивилизация / Г. Маркузе. – М., 2003.
7. Сапрыкин, Ю. Новое гопничество [Электронный ресурс] / Ю. Сарыкин. – Режим доступа: http://www.afisha.ru/article/new-gopnicks/
8. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.happyplanetindex.org/public-data/files/happy-planet-index-2-0.pdf.
9. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kremlin.ru/news/12802.

А. И. Голованов
Челябинский государственный университет

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ В ИСТОРИИ РУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Современный этап развития Российского государства характеризуется правовым закреплением демократических принципов в общественных отношениях. Базовым является отражение в Конституции Российской Федерации принципа народовластия как основы конституционного строя России, а также основных положений народовластия в тексте Конституции.

Закрепление принципа народовластия произведено в ст. 3 Конституции Российской Федерации:

ч. 1 Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ.

ч. 2 Народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления.

ч. 3 Высшим непосредственным выражением власти народа является референдум и свободные выборы.

В качестве одной из высших форм непосредственного осуществления власти народа закреплены выборы, являющиеся важнейшим конституционно-правовым институтом, обеспечивающим функционирование российской системы публичной власти. Правовую основу выборов образуют Конституция Российской Федерации и Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ», являющийся базовым нормативно-правовым актом, консолидировавшим все основные нормы избирательного законодательства.

В тексте Конституции РФ важными для реализации народовластия через выборы являются положения ст. 32:

ч. 1 Граждане Российской Федерации имеют право участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей.

ч. 2 Граждане Российской Федерации имеют право избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления.

Одна из главных ценностей выборов заключается в фактической реализации принципов избирательного процесса – всеобщего равного прямого избирательного права при тайном голосовании, обязательность и периодичность проведения выборов независимыми избирательными комиссиями, открытость и гласность избирательного процесса, добровольность, альтернативность выборов и равенство статуса кандидата.

Отражение народовластия как основы конституционного строя Российской Федерации и выборов в качестве одной из важнейших форм реализации народовластия основано на длительном историческом опыте развития данных институтов в Российском государстве.

В качестве примера проявления народовластия в истории Российского государства можно выделить институт вече или вечевых собраний в IX – XV вв. Важным является тот факт, что регулирование общественных отношений, связанных с институтом вече, в указанный период развития Российского государства было основано на обычае.

В «Словаре русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой дается следующее толкование слова ***обычай***: «1. Общепринятый порядок, традиционно установившиеся правила общественного поведения. 2. *разг.* Привычный образ действий, поведения; привычка, обыкновение» [12, с. 581]. В толковом словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой это слово интерпретируется как «традиционно установившиеся правила общественного пове-

дения» [8, с. 433]. В Энциклопедическом словаре обычай – это «стереотипный способ поведения, который воспроизводится в определенном обществе или социальной группе и является привычным для их членов». Итак, в самом широком смысле обычай – это некое установление, обыкновение, традиция.

Регулирование вече обычаем свидетельствует о сформированности у русских людей к моменту образования государства в IX в. правила общественного поведения, которое заключалось в решении важнейших вопросов деятельности общества с использованием выборов (вече) как института прямого народовластия.

Под вече принято понимать народное собрание на Руси. Наибольшее развитие оно получило в русских городах второй половины XI – XII вв. – Киеве, Новгороде и др. Вече решало вопросы войны и мира, призывало и изгоняло князей, принимало законы, заключало договоры с другими землями и т. д.

«Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля содержит обширную статью, посвященную этому слову и соответствующему явлению: ВЕЧЕ или вечье, ср. стар. (вещать? завет?) народное собрание, совещание, мирская сходка. На одном вече, да не одне речи. Большое вече, общее, законное, порядочное, при посаднике, тысяцком и пр.; малое или вечье, частная сходка и совещание, нередко самовольное, заугольное, крамольное; или созванное на сенях у князя, у владыки, гласный, открытый суд. Вечевать, стоять, быть на вече, совещаться. Вечеванье, действ. по глаг. || Площадь сборная, место сходки; || колокольный звон для созыва сходки и сама башня, колокольня, вежа или вечь ж. Стать вечем, сойтись на сходку. Вечье вологодск. поные знач. набат, тревога, сполох; не так давно еще в урал. каз. войске жил обычай этот, но там вечевой звон звали сполохом, а сходку войсковым кругом. Вечевой, вечный, относящийся к вечу. Вечный дьяк, вечевой секретарь; письмовод. Вечная грамота, заключение веча. Вечник м. член веча, мирянин с голосом на сходке; депутат, представитель, выборный. Вечь? ж. арх. речь, причитанье? сходка?» [4, с. 189].

Вечевые собрания созывались обычно по звону вечевого колокола по инициативе представителей власти или самого населения, они не имели определенной периодичности. При этом у вече было постоянное место сбора, в Новгороде – Ярославово дворище, в Киеве – двор храма Софии, в Пскове – двор храма Троицы. Кроме того, собирались вече отдельных частей крупных городов (например, «кончанские» вече в Новгороде).

Необходимо отметить, что вече не было подлинным народовластием, фактически власть принадлежала феодальным и городским верхам; однако оно предоставляло народу определенную возможность воздействовать на политическую жизнь. Не случайно феодальная знать стремилась уменьшить значение вече, а княжеская власть добивалась полного упразднения вечевых порядков. В Новгороде существовал особый «совет господ», в ко-

торый входила феодальная знать и которому принадлежала фактическая власть в городе. В Северо-Восточной Руси, где города были ослаблены монголо-татарским вторжением, укреплявшаяся великокняжеская власть уже к концу XIV в. ликвидировала вечевые учреждения. Дольше всего вечевой строй удерживался в Новгородской (до 1478 г.) и Псковской (до 1510 г.) республиках, где он достиг наибольшего развития, а также в Вятской земле.

Примечательны сведения о вече, зафиксированные в «Малом энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона»: «Вече, стар. термин, имевший троякое значение: 1) народное собрание вообще; 2) сходка для совещания; 3) орган политической власти народа. В этом смысле *В*. есть форма непосредственного участия народа в общественных делах, а ее через представителей. В. собиралось во всех больших городах древней Руси по мере надобности по звону вечевого колокола. Участие в *В*. было правом, а не обязанностью жителей; право слова имели все, но говорили больше старейшины; дела решались единогласием. *В.* могло призывать князей, заключать с ними договоры, решать вопрос о войне и мире, иногда было верховным судилищем (особенно в Новгороде и Пскове). *В.* особенно развилось в Новгородской и Псковской областях, где обратилось в главный орган верховной власти. В остальной Руси значению *В.* нанесло сильный удар татарское иго и назначение князей ханами. В сев.-восточ. Руси, где было мало древних городских общин, большинство городов построено князьями, рано (XII в.) усилилась княжеская власть, и *В.* исчезло. В юго-запад. Руси оно подавлено усилением класса бояр землевладельцев и влиянием Польши, где всесословное *В.* обратилось в собрания высших классов. *В.* существовало у всех славянских народов; получило особенное развитие в древн. Дубровнике (ныне Рагуза). Дьячан, “Участие народа в верх. власти в слав. госуд.” (1882); Сергеевич, “Вече и князь”. Участниками вече могли быть “мужи” – главы всех свободных семейств сообщества (племени, рода, поселения, княжества). Их права на вече могли быть равными либо различаться в зависимости от социального статуса».

Исходя из приведенных толкований, можно сделать вывод, что под вече понимается форма прямой демократии или форма непосредственного народовластия, когда народ самостоятельно и непосредственно в ходе выборов решал основные вопросы развития общества и государства.

Вече, хотя и рассматривается в основном как «орган республиканского самоуправления», выступает не государственным органом, а институтом непосредственной демократии древнерусского государства [7, с. 4].

Время появления вечевого народовластия на Руси определить затруднительно: оно «существовало у славян с самой глубокой древности» [1, с. 47]. М. Ф. Владимирский-Буданов отмечал, что вече имеет «доисторическое происхождение» [3, с. 75]. Исследователь выделил в истории развития народных собраний три исторических этапа. Первоначальной эпохе соответ-

ствовало народное собрание в форме племенной сходки. На втором этапе (IX – X вв.) «вече находится в процессе перехода от племенного собрания к городскому» [3, с. 76]. В качестве третьего этапа вечевых собраний (XI – XIII вв.) названа «эпоха полного выделения этой формы власти в самостоятельную (как собрание простых граждан) и полного развития ее прав» [Там же, с. 77].

В летописях вече впервые упоминается в Белгороде Южном под 997, в Новгороде Великом – под 1016, Киеве – под 1068 г.. Однако сведения о явно вечевых совместных действиях горожан упоминаются и под более ранними датами. Единственным примером сравнительно точного определения выбора епископа на вече является 1156 год: «съ этого года по смерти владыки Нифонта, епископы Новгородскіе сдѣлались выборными отъ вѣча» [2, с. 27].

В компетенцию вечевых собраний входил широкий круг вопросов: заключение мира и объявление войны, распоряжение княжеским столом, финансовыми и земельными ресурсами [12, с. 184]. На вече происходил также выбор тысяцкого (начальника земского ополчения и городского судьи), посадников, сотских, десятских, старост.

Наибольшего расцвета вечевой уклад достиг в Новгородской земле и позднее отделившейся от Новгорода Псковской республике, а также в изначально входившей в состав Новгородской Руси Вятской земле. Вместе с тем вечевой строй нельзя считать особенностью только Новгорода, Пскова и Вятки, поскольку до XIII в. этот уклад был общерусским, и вече функционировало в разных русских городах [10, с. 146–147].

Характерными чертами прямой демократии или процесса выборов в Древней Руси являлись следующие:

1) порядок проведения выборов в IX – XV вв. допускал вариации, поскольку не сложилось единой, обязательной процедуры выборов. Порядок проведения зависел как от оснований выборов (фактов, которые послужили причиной проведения выборов), так и от поста лица, которое предстояло выбрать. Общим для процессов выборов являлось принятие вечевого решения;

2) выборы были одним из способов замещения княжеского престола, который применялся как самостоятельный или как дополнение к наследованию. В некоторых случаях, получив престол от отца, князь считал нужным собрать вече и предоставить общине возможность принять его кандидатуру или отвергнуть ее. В других случаях выборы являлись самостоятельным способом, не противоречащим переходу власти по наследству: в 1175 г. «пришедшие послы въ Черниговъ къ Ростиславичемъ глаголющие сице къ нимъ Ростовци, и Суздальцы, и Переаславци: еда отецъ вашъ княжилъ у насъ, зѣло добръ былъ; пойдите убо княжити къ намъ...» [11, т. 9, с. 252];

3) в призвании князя, замещении владыки или иного поста отсутствовал признак периодичности, поэтому выборы указанного периода можно

отнести к чрезвычайным. При этом выборы проводились как на вакантный пост, так и без вакансии;

4) выборы, по сути, всегда были прямыми и открытыми;

5) требования к избирателям и избираемым не имели правового характера. Однако в силу обычая были выработаны обязательные условия для избирателей и избираемых лиц, к которым отнесены мужской пол и личная свобода. В качестве специальных были выработаны условия для замещения определенной должности (принадлежность к княжескому роду, монашество – для архиепископской кафедры);

6) на указанном этапе развития государства отсутствуют органы и лица, специально предназначенные для организации выборов или осуществления контроля над процедурой избрания;

7) основной регулятор выборов на ранней стадии развития русского государства – обычай. Лишь на заключительной стадии и только в княжеских выборах фигурирует еще один источних – договор [6].

Спорным является вопрос об участниках вече. Учитывая многочисленность и противоречивость документальных данных, а также различия в их оценке, можно выделить основные точки зрения по данному вопросу.

Немногочисленная группа авторов (М. Х. Алешковский, Б. Д. Греков, В.Л. Янин, Г. Бирнбаум) считает вече небольшим по количеству социально-однородным институтом. Однако большинство исследователей (Н. Н. Андреев, В. Н. Вернадский, А. Ю. Дворниченко, В. Дьячан, В. О. Ключевский, А. Лимберт, И. А. Линниченко, В. В. Луговой, М. К. Любавский, Б. А. Рыбаков, В.И. Сергеевич, Р. Г. Скрынников, М. Н. Тихомиров, И. Я. Фроянов, С. М. Шпилевский, Я. Н. Щапов) признает право участия в вечевых сходах не только за городской аристократией, тем более что летописи и грамоты довольно часто указывают на роль «черни» в вече, например: «отъ бояръ, и отъ житьихъ людей, и отъ купцовъ, и отъ черныхъ людей и от всего Великаго Новгорода на вѣчъ».

В содержание семейных и половозрастных критериев большинство исследователей (И. Д. Беляев, М. Ф. Владимирский-Буданов, М. С. Грушевский, И. Дьячан, И. А. Линниченко, М. К. Любавский, С. Ф. Платонов, В. И. Сергеевич) вкладывают не только возрастные, но и семейно-имущественные характеристики – участниками веча должны быть только мужчины – домохозяева, «главы семейств». Другими словами, участие в выборах было обусловлено не только и не столько достижением определенного возраста, сколько отделением от отцовского хозяйства. Анализ документальных сведений, содержащих упоминания о «детях» и вечниках «от мала и до велика», позволяет предположить, что в сфере государственных отношений «дети» – это молодежь, которая начинает учитываться при формировании ополчения.

Изложенное свидетельствует о достаточно широком распространении в период развития древнерусского государства практики принятия решений народом в процессе вечевых собраний. Несмотря на возрастающее значение Московского княжества, в Новгороде и Пскове до принудительной отмены вечевых собраний Иваном Грозным существовал механизм реализации власти народа.

Институт вече был не просто каким-то подобием народовластия, а реальным механизмом влияния граждан на положение дел в обществе и государстве. Институт вечевых собраний и выборов на вече в Древней Руси свидетельствует о наличии в истории России демократических традиций, а также показывает традиционность принципа народовластия как основы Конституционного строя Российской Федерации.

1. Андреев, Н. Н. Кіевская Русь. Культурно-историческіе очерки Россіи / Н. Н. Андреев. – № 3. – СПб., 1910.
2. Беляев, И. Д. Судьбы земщины и выборнаго начала на Руси / И. Д. Беляев. – М. 1905.
3. Владимирский-Буданов, М. Ф. Обзор истории русского права / М. Ф. Владимирский-Буданов. – Ростов н/Д, 1995.
4. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. И. Даль. Т. 1. – М., 1989.
5. Минникес, И. В. Выборы князя в русском государстве (X – XIV вв.) / И. В. Минникес // История государства и права. – 2003. – № 6.
6. Минникес, И. В. Древнерусское вече – государственный орган или институт непосредственного народовластия? / И. В. Минникес // Вопросы правоведения. Вып. 4. – Иркутск, 1999. – С. 3–6.
7. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. 1994.
8. Подвигина, Н. Л. Очерки социально-экономической и политической истории Новгорода Великого в XII–XIII вв. / Н. Л. Подвигина. – М.: Статут, 1976.
9. Покровский, М. Н. Избранные произведения Кн.1. Русская история с древнейших времен / М. Н. Покровский. Т. 1–2. – М. 1966.
10. Полное собрание русских летописей. Т. 3. – М., 1965.
11. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – М., 1982. – Т. 2.
12. Фроянов, И. Я. Киевская Русь / И. Я. Фроянов. – Л., 1980.

СЛОВО НАСТАВНИКА

Н. И. Гребенюк
Д-р. пед. наук, проф.
Ставропольский государственный университет

ДУХОВНОСТЬ КАК ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ЦЕЛОСТНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Мировое образование идет по пути исследования как организационной стратегии развития, так и исследования развития духовно-ориентированной личностно-развивающей парадигмы образования в условиях постепенного формирования целостного образовательного пространства.

С. К. Бондырева, исследуя психолого-педагогические проблемы интегрирования современного образовательного пространства, обосновала положение о том, что образование выступает основой приобщения разных субъектов к миру знаний, **общечеловеческим интеллектуальным достижениям. Оно** является условием становления и развития разных форм, типов организации общения, познавательных отношений образовательного взаимодействия, находящих свое осмысление в разных системах знаний [1, с. 12].

В условиях развития образовательного пространства приращение содержания образования за счет духовной составляющей и определяющей смысл познавательной сущности человека объективно актуализируется.

В этом контексте, исходя из понимания целостного образовательного пространства как социокультурного феномена, призванного транслировать необходимые в современном изменяющемся обществе общечеловеческие интеллектуальные познавательные ценности, важно чтобы содержание их основывалось красотой духовности и в условиях образования в течение всей жизни определяло его вечность и бесконечность как смысл и счастье бытия человека.

Педагогический, объективно востребованный смысл онтологической сущности духовности, красоты духовности познаваемого знания в целостном образовательном пространстве является формой как законом признания истины, достаточно обоснованной многовековым педагогическим опытом и познавательной практикой человечества, осмысленной в педагогических теориях от Я. А. Коменского до современного научного педагогического знания.

При этом важно подчеркнуть, что духовность как онтологически обусловленное состояние имманентно присущее человеку, проявляется в отклике на духовно содержательную, сущностную основу познания в целостном педагогическом образовательном процессе и жизни в целом. Духовность обосновывает универсальную познавательную способность человека особым содержанием мышления, выводящим личность в пространство смыслов и ценностей, основанных законами красоты жизни, и имеющих общечеловеческое значение.

Онтологическая сущность духовности, отражая устремленность познающего человека к постижению высшего смысла жизни и творчески-преобразовательную установку на приумножение гармонии и красоты в мире, определяет сущностную основу содержания духовного образования.

При этом очевидно, что современному образованию важно систематизировать содержание знания для образования закономерностью всеобщей взаимосвязи на основе анализа межпредметных содержательных образовательных связей, что позволит оптимизировать образовательный процесс и уступит место красоте образовательной духовности как в содержании, так и образовательной практике.

И в этом анализе важно исходить из того, что величие, истинность, достоверность познания в процессе обучения дают совершенство всякому познанию универсальную, духовную красоту постигать смыслы. И в этом смысле красота как наше духовное достояние, как истина, отражающая мир, улавливает объективную гармоничность всех явлений и процессов жизни, определяя сущность и образовательные смыслы, даруя радость познавательного творчества, как основы образования красоты духовности развивающейся личности.

И в этом основополагающем содержании знания методологически значимым при исследовании духовности как онтологической основы целостного образовательного пространства является понимание и осмысление сущности родного языка народа как общечеловеческой ценности, по В. Гумбольдту, «произведения национального духа», «основы умственного развития человека… господствующего над ним своею силою», «средство объективировать субъективный наш мир».

Родной язык, по П. Флоренскому, – «огромное лоно мысли человеческой, среда, в которой движемся, воздух, которым дышим. Но это он же – лепечущая затаенность наша, трепетное сердце младенца, сокровенная песнь нашей внутренности, душа души в нас» [2, с. 157].

Эти мысли П. Флоренского, пройдя мысленный эксперимент, смоделированы в величайшем поэтическом выводе шведского поэта Гуннара Экелефа:

«Во всяком человеке – целый мир…
В любой душе томится душ без счета,
И в каждом мире нет числа мирам…» [3, с. 477].

И, как «лоно мысли человеческой», родной язык определяет онтологическую сущность духовности.

Анализируя диалектичную связь языка и мышления, ведущего за собой духовное развитие человека (что чрезвычайно важно для современного состояния реформирования образования в нашей стране, предполагающего вывод изучения родного языка за пределы обязательных и приоритетных дисциплин), П. Флоренский в работе «Язык и мысль» писал о том, что в мышлении: «Поцелуем вешнего луча – сжатая и бесцветная почва расправляется в свежую зелень и в пышные цветы, Так, под пристальным взором внимания, распускаются в уме, из невидного и невыразимого зачатка, мысли богатые, полные. Мысли, т. е. слова, ибо слова-то и суть мысли раскрытые» [4, с. 132].

Родной язык, будучи духовным миром человека, вечно его творящим и развивающим, наполняет общечеловеческим смыслом его духовный организм, определяет смысл его жизни. Отсюда духовность, духовная деятельность как познавательная и преобразовательная деятельность являет собой сущностную основу целостного образовательного пространства.

Понимание духовности как онтологической основы функционирования единого образовательного пространства связано с исследованием красоты духовности познаваемого знания в целостном педагогическом процессе, определяющем познание в процессе всей жизни.

Образовательная сущность красоты духовности интерсубъективна в силу того, что воспроизводима в ощущениях, восприятии, памяти, воображении и мышлении: музыка, живопись, литература, все виды и жанры искусства и, в целом, жизнь. Вместе с тем раскрытие сущности красоты как высшей духовности на основе системного историко-теоретического анализа объективно востребовано современной образовательной практикой и

необходимостью отбора содержания знания для образования, основанного красотой духовности, способной обосновать духовностью красоту жизни человека. В этом контексте системность связана с организованностью красоты духовной жизни научного, художественного и обыденного знания. При этом истинность познаваемого знания, интерсубъективность и системность как критерии научности знания определяют сущность и красоту содержания знания для духовного образования личности. При этом системность взаимопроникновения духовных образовательных смыслов, методологически значимо обосновавших образ мироздания, познавательно основаны диалектичным соединением духовности интеллекта и умственных способностей человека. В этом основополагающем смысле духовный, когнитивный, основанный сущностной красотой познания, подход к анализу интеллекта и умственных способностей познающей личности должен исходить из понимания того, что общее, духовное основание развития интеллекта передается генетически. Умственные, духовные способности познающей личности – понятие динамическое, они проявляются, развиваются и формируются в познавательной, творчески преобразовательной деятельности в образовательной системе, возрождение которой стало первоочередной задачей нашего правительства и государства.

Интеллект, как основа теоретического, абстрактного мышления человека, определяет сущность духовности человека, являющего собой единственное, основанное красотой духовности, образование в мире, бытие которого – результат познания как духовного основания творения самого себя.

При этом важно исходить из понимания того, что онтологическая сущность теории познания и теории жизни, соединив свои исследовательские силы, смогли бы раскрыть тайны познавательной бесконечности, предметом которой мог стать генезис той материи, приведшей к возникновению интеллекта, как корня единства природы и духа в человеке. Представляя в обобщенном виде бесконечное богатство материального и духовного мира, человек способен к бесконечному познанию и преобразованию мира, примером чему является высокий уровень развития современного научного знания.

Общечеловеческое содержание духовности, ее истинная красота определяют духовную жизнь народа. Опора на общечеловеческие ценности, духовные ценности России, как живой «духовной» системы, любящей «огнем сердца» [4, с. 111], включение в методологическую основу педагогики духовности православного миросозерцания при сохранении светского характера образования способны на основе толерантности привести к единению светскости и православия в едином образовательном пространстве.

В этом методологически определяющем смысле онтологическая, образовательная сущность духовности красоты в том, что, будучи источником переживания и приятия содержания знания в процессе познания, доставляя духовное удовлетворение, побуждает, зовет к раскрытию духовной, интеллектуальной сущности человека и определяет его готовность творить свою интел-

лектуальную и практическую деятельность по ее незыблемым законам. Вместе с тем, красота в духовной своей сущности формирует идеалы, основанные общечеловеческими ценностями, и зовет человека к их воплощению.

1. Бондырева, С. К. Психолого-педагогические проблемы интегрирования образовательного пространства: избр. тр. / С. К. Бондырева. – М.: Изд-во Моск. Психол.-социал. Ин-та; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2003. – 352 с.
2. Флоренский, П. А. У водоразделов мысли: черты конкретной метафизики / П. А. Флоренский. – М.: АСТ: АСТ Москва, 2009. – 346 с.
3. Поэзия Европы: в 3 т. Т. 2. – М.: Прогресс, 1979. – 656 с.
4. Флоренский, П. А. У водоразделов мысли: черты конкретной метафизики / П. А. Флолренский. – М.: АСТ: АСТ Москва, 2009. – 346 с.
5. Ильин, И. А. О русском национализме: сб. ст. – М.: Росс. фонд культуры, 2007. – 151 с.

М. Ю. Гутенев
Челябинская государственная академия культуры и искусств

ИНТЕЛЛЕКТ КАК ФИЛОСОФСКАЯ КАТЕГОРИЯ: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

Интеллект и его сущность исследуют в философии, биологии, социологии, психологии, педагогике и таком новом направлении в науке как когнитология (совокупность междисциплинарных исследований приобретения и получения знания). Тем не менее основные принципы научного познания интеллекта все еще строятся на основе знаний из психологии и философии. Несмотря на то, что современная наука и философия уже накопили достаточно знаний о сущности человеческого интеллекта, на сегодняшний день все еще не существует четкого и однозначного определения понятия «интеллект», его нет ни в рамках междисциплинарных исследований, ни в рамках исследований конкретных наук.

В 70-е гг. XX в. междисциплинарные исследования интеллекта оформляются в когнитивную науку. Когнитология соединила в себе различные научные дисциплины, изучающие процесс мышления (психология, антропология, философия, нейрофизиология, лингвистика, теория информации и др.). Для междисциплинарных исследований характерно понимание интеллекта как некой реальности, функционирующей как целостное структурно-функциональное образование, статус которого однозначно не определен. При этом для междисциплинарных исследований (когнитивная наука) характерны разные виды этой реальности (космическая реальность, техническая реальность, социальная реальность, психическая реальность и т. д.). Сам же вопрос о сущности интеллекта в рамках когнитологии остается в тени. Ввиду неясности определения понятия «интеллект» и размытости рамок его содержания в современных междисциплинарных исследованиях прослеживается стремление избавиться от него, заменив его когнитивными процессами.

Термин «интеллект» «представляет собой латинский перевод древнегреческого понятия Нус («ум») и по своему смыслу тождествен ему» [8, с. 311]. Рассмотрим его содержание более подробно.

В психологии понятие интеллект раскрывается в ряде психологических теорий, среди которых наиболее известны: психометрические теории интеллекта (Ч. Спирмен, Л. Терстон, Дж. Гилфорд, С. Берт, Р. Кэттел), когнитивные теории интеллекта (Ф. Гальтон, Ф. Вернон, И. Хант), теория множественности интеллекта (Р. Стернберг, Г. Айзенк, Х. Гарднер). В нашем исследовании мы не ставим целью раскрыть особенности содержания понятия «интеллект», а также дать ему развернутое определение в рамках каждой из этих теорий. Однако мы воспользуемся общим определением современной психологии, которая под интеллектом понимает «единственный психический механизм, который отвечает за переработку информации об окружающей действительности и ее воспроизведение в индивидуальном сознании в виде познавательных образов той или иной степени полноты и сложности» [10, с. 9].

В античной философии «ум» ил «нус» является важной категорией. Одним из первых мыслителей, придавших наибольшую ясность термину «Нус», был Анаксагор. Под Нусом он понимал «силу, приводящую частицы в движение и производящую видимое в настоящее время состояние мира» [4, с. 51]. Нус у Анаксагора выступает как первоначало мирового порядка и одновременно характеризуется и как сознательная, целесообразно действующая сила и как чисто механическая сила. В истории философии после Анаксагора данная категория редко встречалась, но благодаря ему было положено начало традиции представлять интеллект как субстанцию.

В Античности были предприняты попытки определения структуры интеллекта. Так, Аристотель в своей работе «О душе» выделил ум деятельный (активный) и теоретический (пассивный). Деятельный ум у Аристотеля мыслит понятиями и постигает истину, являясь бессмертным началом человеческой души. Пассивный ум является источником толкования содержания вещей, обращается к мысленным предметам. В отличие от активного, пассивный ум является преходящим и смертным, Стоит отметить, что под движением ума Аристотель подразумевал мышление. Кроме того, Аристотель дал классификацию когнитивных процессов на основе определения свойств души.

У Плотина ум (интеллект) – это то, что дает форму душе, сила, составляющая основу идей. Плотин придерживался мнения, что ум происходит из Единого, а душа – из интеллекта. В уме Плотин выделял три момента: понятие вещества, мыслимое бытие, само мышление. Сам ум (интеллект) у Плотина в одно и то же время множественен и един. «1) Ум – не самодовлеющее начало: к Уму мы возвысились от красоты, а красота зависит от блага; 2) Ум содержит в себе множество – множество идей; 3) Даже рассматриваемый сам по себе, в качестве только Ума, он предполагает двойственность: мыслимого и мышления, предмета и интеллектуальной

деятельности. Будучи высшим, он имеет своим предметом то, что выше его самого» [1, с. 513].

В средневековой философии понятие «интеллект» также занимает одно из центральных мест. Для мыслителей того времени (Альберт Великий, Фома Аквинский) было характерно стремление ограничить значение интеллекта в познании и подчинить его вере. Зачастую под интеллектом вообще понималось только пассивное познавательное свойство души (Иоанн Дунс Скотт). Познание при помощи интеллекта противопоставлялось познанию с помощью веры, при этом считалось более низким видом познания. Как орган познания Бога интеллект вообще был исключен.

В Новое время интеллект рассматривается в работах многих философов. Так, Николай Кузанский понимал под интеллектом некую духовную силу, с помощью которой можно познать истину – «начало и конечную цель рационально постигаемого» [6, с. 255]. Интеллект в его представлении является основанием всей познавательной деятельности человека: «Как известно, человек состоит из чувства, интеллекта и посредника-рассудка. Ощущение стоит порядком ниже рассудка, рассудок – интеллекта. Интеллект не погружен во временное и вещественное, он абсолютно свободен от них…» [6].

В философии Б. Спинозы понятие интеллект тождественно понятию разум. Интеллект понимается им как врожденная способность человека к познанию сущности вещей. При этом интеллект, по мнению Б. Спинозы, обладает идеями от природы, кроме того, интеллект способен создавать более совершенные умственные орудия: «…подобно тому как люди изначала сумели природными орудиями (inslrumenta innata) сделать некоторые наиболее легкие, хотя и с трудом и несовершенно, а сделав их, сделали и другие, более трудные, с меньшим трудом и совершеннее, и так постепенно переходя от простейших работ к орудиям и от орудий к другим работам и орудиям, и дошли до того, что с малым трудом совершили столько и столь трудного; так и разум природной своей силой создает себе умственные орудия (instrumenta intellectualia), от которых обретает другие силы для других умственных работ, а от этих работ – другие орудия, т. е. возможность дальнейшего исследования, и так постепенно подвигается, пока не достигнет вершины мудрости» [9, с. 329].

Немецкий философ Иммануил Кант, изучая познавательную деятельность человека, в работе «Критика чистого разума» выделил понятия *разум* и *рассудок*. Интересно то, что оба немецких слова «Verstand» (рассудок) и «Vernunft» (разум) можно перевести как интеллект. Под рассудком И. Кант понимал способность образовывать понятия, суждения, правила, а также способность мыслить предмет чувственного созерцания. Под разумом И. Кант имел в виду специальную способность образования идей [5]. Так как И. Кант считал, что объективное знание о мире недостижимо, он отвергал постановку вопроса об интеллекте как способности познания.

В философии Гегеля разум (интеллект) приобретает максимальную степень обожествления, который в качестве абсолютной идеи развертывается в сфере истории, духа, природы. Человеческий разум по Гегелю есть «В-себе-и-для-себя-сущая истина… представляет собой простое тождество субъективности понятия с его объективностью и всеобщностью» [3, с. 250].

Анри Бергсон в своих работах противопоставляет интеллект «чистой интуиции». Интеллект он трактует как орудие оперирования с материальными, пространственными объектами: «…точное приспособление ума к его объекту, совершенная настройка внимания, некое внутреннее напряжение, дающее нам в нужный момент силу, необходимую, чтобы быстро схватить, крепко сжать, удержать надолго. Именно это и есть, наконец, интеллект как таковой» [2, с. 266, 267].

В марксистской философской литературе посвященной гносеологии, эпистемологии понятие интеллект практически не употребляется, либо употребляется как синоним понятию мышление. В диалектическом материализме мышление не является некой изначальной способностью души, оно представляет собой функцию головного мозга, которая возникла в результате воздействия на человека внешних факторов. Появление мышления (интеллекта) и его дальнейшее развитие в марксистской философии объясняется теорией отражения.

В современной философии проблема понимания термина «интеллект» стоит все еще остро: «интеллект по-прежнему остается «черным ящиком», неким комплексом активности, который уважается, но не понимается» [11, с. 31]. Основная трудность заключается в том, что интеллект не является монолитной структурой, у него много различных и многообразных проявлений. Отсутствие общепринятого терминологического понимания интеллекта мы также можем обнаружить в философских исследованиях Д. И. Дубровского, В. Г. Пушкина, А. Д. Урсула, Ю. Ю. Петрунина, А. И. Ракитова. Сложность определения понятия свидетельствует об отсутствии достаточной системности в использующих его теориях. Кроме того, массовое распространение компьютеров в социальном пространстве привело человечество к эре искусственного интеллекта. Развитие информационно-вычислительных технологий обостряет в терминологическом плане проблему толкования понятия интеллект.

Тем не менее, современная философия понимает под интеллектом некое умственное начало человека, мыслительную способность, определяющую его деятельность. Во всемирной энциклопедии по философии дается следующее определение интеллекта: «Интеллект (лат. intellektus – разумение, познание) – система познавательных способностей индивида» [1, с. 418–419]. При этом отмечается, что высший уровень развития интеллекта определяется по уровню развития мышления, рассматриваемого в единстве с другими познавательными процессами – восприятием, памятью и т. п. Именно мышление является ключевым понятием в современном понимании термина «интеллект».

Так как понятие «интеллект» является многоаспектным и сложным, а в отношении его, как мы уже говорили, существует множество мнений, стоит отметить, что мы будем исходить из функционального подхода. Под интеллектом мы будем понимать способность к получению нового знания, способность к решению новых задач. Понятие интеллект требует дальнейшего философского осмысления.

1. Асмус, В. Ф. Античная философия: учеб. пособие / В. Ф. Асмус. – Изд. 2-е, доп. – М.: Высш. шк., 1976.
2. Бергсон, А. Избранное: сознание и жизнь / Анри Бергсон; [пер.с фр.]. – М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2010.
3. Гегель. Энциклопедия философских наук. Т. 3. Философия духа / отв. ред. Е. П. Ситковский; ред. кол.: Б. М. Кедров и др. – М.: Мысль, 1977.
4. Краткий очерк истории философии / под ред. М. Т. Иовчука, Т. И. Ойзермана, И. Я. Щипанова. Изд. 2-е, переработ. – М.: Мысль, 1971.
5. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант / пер. с нем. Н. О. Лосского сверен и отред. Ц. Г. Арзаканяном и М. И. Иткиным; прим. Ц. Г. Арзаканяна. – М.: Эксмо, 2010.
6. Кузанский, Н. Соч.: в 2 т. Т. 1: перевод / общ. ред. и вступ. ст З. А. Тажуризиной. – М.: Мысль, 1979.
7. Кучинский, Г. М. Интеллект/ Г. М. Кучинский // Всемирная энциклопедия. Философия / под. ред. А. А. Грицанова. – М.: АСТ, 2001.
8. Попов, Ю. Н. Интеллект // Большая советская энциклопедия. Т. 10 / гл. ред. А. М. Прохоров. – 3-е изд. – М.: Совет. энцикл., 1972.
9. Спиноза, Б. Избранные произведения: в 2 т. Т. 1. / Б. Спиноза. – М.: Гос. изд-во полит. Лит., 1957.
10. Холодная, М. А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума / М. А. Холодная. 2-е. изд. – СПб.: Питер, 2004.
11. Шипунова, О. Д. Интеллект и субъективность: социально-философский анализ: дис. … д-ра филос. наук / О. Д. Шипунова. – СПб., 2004.

Е. В. Даутова
Челябинская государственная академия культуры и искусств

ЗНАКОВЫЕ СОБЫТИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ РЕГИОНА

В последние годы признаком современной культуры можно считать явно выраженную ориентацию на духовно-символические, в большей мере воображаемо-конструированные образы, а не на материальные объекты. Переход цивилизации от индустриального к постиндустриальному типу, привел к тому, что основным объектом внимания стало то, что невидимо глазу – социальные и технические символы, власть, престиж, эмоции, интеллект. Также и в современном обществе, традиционные средства регулирования, такие как экономика, политика, социальные рычаги, исчерпали себя. Сложность и многогранность существующего мира сделала их неэффективными. Все больший интерес вызывает не столько то, чем является город в реальной действительности, сколько то, каким он предстает на знаково-символическом (во многом – визуальном) уровне.

В эти годы внимание исследователей привлекает понятие имидж территории. Имидж, определяющий характер наших взаимоотношений с любыми объектами, как инструмент обладает высочайшей степенью эф-

фективности. Рыночная парадигма, принятая в качестве стратегической основы функционирования современной России, предполагает не только партнерство, но и конкуренцию между регионами. Стремление завоевать и расширить собственное место на рынке заставляет региональные органы власти обращать особое внимание на создание индивидуального имиджа города, позволяющего выделиться среди себе подобных. Если в сегодняшнем информационно ориентированном мире не научиться правильно использовать данные методы, которые могут служить и для привлечения инвестиций, и для выравнивания экономического уровня регионов, и для взаимодействия с региональными властными структурами, и для сглаживания этнических противоречий, завтра другие используют имидж города, возможно, гораздо более результативнее для себя. В современном обществе имидж территории приобрел статус одного из основных ресурсов, которые предопределяют ее экономическую, политическую, социальную перспективу.

Выделяют два основных подхода к определению понятия имидж территории:

1. Социально-психологический – авторы этого направление делают акцент на эмоциональном восприятии людей конкретной территории, возникающих образах и символических представлениях [4; 6].

2. Экономический. Ученые, работающие в данном подходе, на первое место ставят инвестиционную привлекательность города [9; 10].

Нам представляется, что наиболее эффективным может стать путь совмещения вышеназванных подходов – то есть создание благоприятных условий для инвестиций за счет проведения масштабных событий, рождающих, в свою очередь, эффект психологической вовлеченности аудитории – жителей области. Важным обстоятельством позиционирования имиджа региона, на наш взгляд, является порождение особого рода ***культурных акций и событий***.

Челябинская область долгое время воспринималась в качестве особого «индустриального культурного контекста» – при котором, наиболее событийными оказывались мероприятия, отражающие выгодные позиции территориального субъекта на промышленном и экономическом рынке. При этом, несмотря на значимость, объективную ценность прежних акций, они, все же, не в полной мере могли претендовать на статус «зрелищности» и общественной сопричастности данному событию. В то время как акции социально-культурного характера, связанные с общепринятыми и одобряемыми сферами развития культуры, способны выполнять ***консолидирующую*** (объединение жителей в сообщество заинтересованных субъектов) и ***идентифицирующую*** (сопричастность происходящим в регионе событиям) ***культурные функции***. Таким образом, важным направлением формирования имиджа Челябинской области становится порождение и продвижение значимых социокультурных акций, мероприятий и проектов.

Ключевыми характеристиками проведения данных акций и мероприятий, могут стать:

– знаковость события,

– масштабность события,

– уникальность события,

– межсубъектный уровень вовлеченности в событие (международные контакты, межведомственный характер события).

На примере Чемпионата Европы по дзюдо, который пройдет в Челябинске в 2012 г., рассмотрим, как знаковое событие может служить инструментом позиционирования региона, а, как следствие, может повысить инвестиционную привлекательность Южного Урала.

Чемпионат Европы по дзюдо – это крупнейший европейский турнир накануне Олимпийских игр 2012 г. в Лондоне, беспрецедентное событие для Челябинска! Соревнования сильнейших дзюдоистов состоятся на площадке ледовой Арены «Трактор». Челябинская область впервые будет принимать официальный международный старт такого высокого уровня. Более того, чемпионаты Европы по дзюдо ни разу не проводились в истории новой России. В этом заключается одно из преимуществ для нашего региона – уникальность события.

Челябинск примет 2 000 спортсменов, более 5 000 гостей и туристов. Проведение соревнований такого уровня должно послужить стимулом для развития спортивных и культурных международных связей региона, а так же открыть туристические возможности уникального природно-климатического уголка России, как для представителей Европы, так и для жителей нашей страны. Благодаря Чемпионату Европы по дзюдо 2012 г. о Челябинской области может узнать весь мир. Масштабность проекта работает на позиционирование Южного Урала и напрямую на повышение инвестиционной привлекательности региона. Причастность государственных структур к организации само по себе повышает степень доверия, интерес к мероприятию растет.

Даже не углубляясь в анализ экономических показателей, можно сразу обозначить несколько неоспоримых преимуществ: уникальность проекта, масштабность события и сам факт причастности государственных структур к организации. В результате, используя их, Челябинская область получает повышение узнаваемости на мировом уровне, международные связи, возможность презентации своих промышленных и туристических ресурсов, а, как следствие, повышение инвестиционной привлекательности.

1. Вдовин, И. Имидж региона – важнейшая составляющая его инвестиционной привлекательности [Электронный ресурс] / И. Вдовин. – Режим доступа: http://www.napi.ru/default.aspx?mode=binary&id=1.
2. Выгонский, С. И. Что такое региональный имидж? [Электронный ресурс] / С. И. Выгонский. – Режим доступа: http://sv-psycho.narod.ru/regionimage.html.
3. Галумов, Э. А. Международный имидж России: стратегия формирования / Э. А. Галумов. – М.: Известия, 2003. – 447 с.

4. Григорьев, Е. Роль СМИ в формировании и развитии имиджа регионов [Электронный ресурс] / Е. Григорьев. – Режим доступа: http://grigoryev.novoemnenie.ru/articles3/5.html
5. Карпова, Т. Ю. Маркетинг Челябинской области / Т. Ю. Карпова // Челябинская область: энцикл. – Челябинск, 2005. – Т. 4 : М–О. – С. 132–133.
6. Лэндри, Ч. Креативный город / Ч. Лэндри. – М.: Классика-XXI, 2005. – 399 с.
7. Медведь, Т. Формирование имиджа города средствами рекламы и PR [Электронный ресурс] / Т. Медведь. – Режим доступа: http://russbrand.ru/city-image-reklama-pr 001
8. Осетрова, А. «Имидж региона»: формула успеха / А. Осетрова // Publicity. – 2006. – № 1.
9. Панкрухин, А. П. Маркетинг территорий: учеб. пособие / А. П. Панкрухин. – М.: РАГС, 2002. – 328 с.
10. Черная, И. П. Маркетинг имиджа как стратегическое направление территориального маркетинга // Маркетинг в России и за рубежом. – № 4. – 2002.
11. Шаталов, Г. Образ, имидж, бренд и репутация региона – что это такое? [Электронный ресурс] / Г. Шаталов. – Режим доступа: http://regionpr.ru/page122.html.

СЛОВО НАСТАВНИКА

Д-р. пед. наук, доцент, проф.

Е. И. Дворникова

Ставропольский государственный педагогический университет

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА КАК СЕМИОТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

В научной традиции отечественного структурализма подчеркивается особая роль отношения языка и культуры. Однако сторонники Тартуской школы семиотики прежде всего предлагают ввести разграничения: естественные (национальные) языки и языки вторичных моделирующих систем (языки искусств, архитектуры). При этом разграничении Б. А. Успенский и Ю. М. Лотман рассматривают диалектику отношений культуры и языков следующим образом: «...в реально-историческом функционировании языки и культура неотделимы: невозможно существование языка (в полнозначном понимании этого слова), который не был бы погружен в контекст культуры, и культуры, которая бы не имела бы в центре себя структуры типа естественного языка» [2, с. 328].

Главная функция культуры, по мнению Ю. М. Лотмана и Б. А. Успенского, заключается в том, чтобы упорядочивать, структурировать, вносить системный характер в окружающий человека мир. Организовывать то замкнутое, маркированное пространство, которое будет противостоять некультуре. Генерируя вокруг человека структурность, культура, таким образом, делает возможной и общественную жизнь, социальную систему отношений. Но для того, чтобы быть таким генератором структурности, культура должна располагать естественным языком. Так как язык обладает феноменальным качеством: он структурирован имманентно, т. е. признаки структурности присущи его природе. В силу этого язык на интуитивном уровне сообщает членам коллектива чувство структурности. Он упорядочивает и систематизирует через наименование вещей внешний, несистематизированный мир. Ю. М. Лотман помещает язык в центр системы культуры, определяя его как ядерную, замкнутую зону культуры. Если полагать, что язык является мощнейшим центром культуры и что культура не мыслима вне естественного языка, то само устройство языка, законы его орга-

низации будут распространяться и на культуру. Фундаментальным принципом языковой структуры можно считать систему правил, регламентирующих, запрещающих либо разрешающих, развертывание грамматических конструкций. Иными словами, язык работает как бинарная система противопоставлений, подчиняющихся общему принципу «запрещено/разрешено». Язык содержит в себе запрет, сформулированный в правилах его употребления. Если правила (запрет) нарушаются, то коммуникативная функция становится невозможной. Система, не подчиняющаяся запретам и правилам, не пригодна для хранения и передачи информации. Если же принять этот постулат в качестве главной характеристики языка, то и культуру можно представить как систему, выполняющую языковые функции и действующую на основе запрета. «Мы понимаем культуру, (пишут Ю. М. Лотман и Б. А. Успенский), как ненаследственную память коллектива, выражающуюся в определенной системе запретов и предписаний» [2, с. 328–329].

Выделяется, прежде всего, ненаследственный и культурно обусловленный характер передачи ценностной для данного коллектива информации. Это значит, что информации хранится в особых знаках культуры, в языке символов. Этот символический язык культуры структурирован в текст. Кроме того, обращается внимание на то, что функции культуры обусловлены работой механизма памяти. Будучи явлением сугубо социальным, культура обеспечивает устойчивость общественных институтов, ценности культуры регламентируют поведение индивидов. Оформляя тексты, структурируя духовный опыт народа, культура предлагает «программы поведения». На них ориентируется человек при выборе того или иного действия. Однако существует и обратный процесс, когда «жизненный опыт человечества претворяется в культуру... Само существование культуры подразумевает построение системы правил перевода непосредственного опыта в текст» [Там же, с. 329]. Но для того, чтобы это произошло, чтобы поступок был включен в память культуры, в список текстов, нужна его оценка посредством отождествления с уже имеющимися формами. Необходим перевод события на символический язык культуры. Например, поступок современного неканонизированного мученика сопоставляется с деянием святого, т. е. включение недавно жившего современника в исторический контекст (его образ в галерее святых иконостаса).

Давая определение культуре как системе языка запретов, оформленных текстуально, Ю. М. Лотман обращает внимание на то, что процесс выработки текстов культурой имеет обратную силу: корпус текстов может влиять на развитие культуры. «Культура вообще может быть представлена как совокупность текстов; однако с точки зрения исследователя точнее говорить о культуре как о механизме, создающем совокупность текстов, и о текстах как о реализации культуры» [2, с. 333]. Тексты, относящиеся к произведениям искусства, определяются здесь как важнейшая подсистема культуры.

Сопоставления языка и культуры в трудах отечественных структуралистов, тем не менее, выявили не только сходства, но и различия. Они касаются подвижности, изменений языка и культуры. Очевидно, что культура в большей степени обладает динамизмом. Язык является основой культуры, и он не подвергается столь заметным трансформациям, как она. Хотя и язык постоянно изменяется. В этом мысли Ю. М. Лотмана совпадают с идеями Э. Сепира.

Описывая феномен культуры, Ю. М. Лотман выделяет важнейшее качество культуры: с одной стороны, культура представляет собой единое информационное поле с ценностными смыслами, разделяемыми всеми индивидами, входящими в данный континуум, а с другой каждый индивид не тождественен целому, он сохраняет свою уникальность. Мыслящая индивидуальность находит опору в коллективных представлениях, ценностях и разуме. Однако многоуровневый механизм культуры допускает наличие в ней Другого: партнера по коммуникации, говорящего на ином языке. «Польза партнера по коммуникации заключается в том, что он другой. Коллективная выгода участников коммуникативного акта заключается в том, чтобы развивать нетождественность тех моделей, в форме которых отображается внешний мир в их сознании. Это достигается при несовпадении образующих их сознание кодов. «Чтобы быть взаимно полезными, участники коммуникации должны «разговаривать на разных языках»... Весь механизм культуры, делающий одну индивидуальность необходимой для другой, будет работать в сторону увеличения своеобразия каждой из них... Личные индивидуальности, сохраняя свою отдельность и самостоятельность, будут включаться в более сложную индивидуальность второго порядка – культуру» [1, с. 45].

1. Лотман, Ю. М. О двух моделях коммуникации в системе культуры // Ю. М. Лотман. Избранные статьи: в 3 т. Т. 1. / Ю. М. Лотман. – Таллинн, 1992.
2. Лотман, Ю. М. О семиотическом механизме культуры // Избранные статьи: в 3 т. Т. 3. / Ю. М. Лотман. – Таллинн, 1993.

СЛОВО НАСТАВНИКА

Д-р. пед. наук, проф.

Р. С. Димухаметов

Челябинский государственный педагогический университет

ФАСИЛИТАЦИЯ КАК МЕХАНИЗМ СОЦИАЛИЗАЦИИ

Здравствуй, племя молодое, незнакомое.
А. С. Пушкин

Тектонические социальные процессы, происходящие в мире и в российском обществе, вызвали к жизни мощные, социализирующие личность механизмы: компетентность, конкурентоспособность, самостоятельность и пр.

Новая «сетка» человеческих отношений, сформировавшаяся под влиянием трансформации общества за последнюю четверть века, оказала социализирующее влияние на представителей поколения переходного пе-

риода. Ровесники независимости – поколение Next – уже успели окончить школу, создать семью и живут в мире, в котором было мало общего с миром, где выросли их родители – в мире бизнеса, информационных и коммуникационных технологий, миллионов бездомных, безработных и лиц без определенного места жительства.

Порой кажется, что общество вышло из состояния аномии, но дискуссия о ценностях и ценностных ориентациях государства, общества и отдельной личности всякий раз наталкивается на «законы» «рыночной экономики» – «греби себе, пока есть возможность» и «грабь награбленное». Именно эта перспектива («завтрашняя радость» – по А.С. Макаренко) определяет цели отдельной части молодежи. Но самое главное заключается в том, что в поликультурном, поликонфессиональном, многопартийном государстве нет ни одной общепризнанной авторитетной пассионарной личности, способной увлечь за собой российский народ на социально-политические и экономические преобразования.

Видный американский этнограф Маргарет Мид (1901–1978 гг.) в человеческой истории различала три типа культур с точки зрения характера трансляции опыта между поколениями. Взяв за основу характеристики типа культуры понятие «фигуративный», т. е. изображающий реальные предметы действительности [2], М. Мид определяет *постфигуративные, кофигуративные и префигуративные* культуры [14].

Постфигуративные культуры свойственны патриархальному обществу, когда дети учатся и практически повторяют жизненный сценарий своих предков: отношения возрастных групп жестко регламентированы, нововведения не одобряются, каждый знает свое место, господствуют преемственность и традиции.

Кофигуративные (приставка *«ко»,* от лат. *«со»* обозначает вместе, сообща) культуры М. Мид характеризует ситуациями, когда и дети, и взрослые учатся у своих сверстников. *Префигуративные* культуры – это состояние, когда взрослые учатся у своих детей: жизнь родителей не становится образцом, моделью поведения детей. Более того, молодежь сама является творцом жизненного опыта, определяет ответы на сущностные вопросы бытия, показывает предкам и современникам пути, которые ничей жизненный опыт не повторяют. Они намечают новый тип социальной связи между поколениями, заявляя: «Ты никогда не был молодым в мире, где молод я, и никогда им не будешь» (М. Мид). Темп обновления знаний настолько высок, что молодежь оказывается более сведущей, чем старики. Обостряются межпоколенные конфликты, молодежная культура перерастает в контркультуру.

Постфигуративные культуры ориентированы на прошлое, и для них характерен очень медленный, черепаший прогресс. Кофигуративные культуры ориентированы на настоящее и умеренный темп прогресса, а префигуративные – на будущее и ускоренное движение. Практически в

течение четверти века система образования новой России терпеливо изменяет массовое сознание, опираясь при этом на молодое поколение, которое быстрее адаптировалось к новой системе ценностей, выработала свой взгляд на будущее.

М. Мид – «прижизненный классик», внесла выдающийся вклад в понимание человеческой культуры и проблем социализации. По М. Мид получается, что в ситуации префигуративной культуры пассионарной личности нет места.

В ситуации аномии поколение Next (стоя на плечах старшего поколения) вырабатывает свою ценностную матрицу.

Развитие личности происходит в течение всей жизни человека и прежде всего в процессе социализации, воспитания и саморазвития. Образование имеет четкий социальный заказ на формирование всесторонне развитой личности готовой к реализации функций труженика, защитника Отечества, общественного деятеля и семьянина.

Поэтому в основу современного процесса социализации и воспитания должен быть положен весь мир человеческой культуры. Это не «перекодировка» российского характера. Это те общие качества современного человека, делающие его патриотом малой родины, гражданином государства, мира. Они «накладываются» на основы личности, заложенные в самом раннем детстве. Этнопедагоги (К. Ш. Ахияров, Г. Н. Волков, К. Ж. Кожахметова и др.) увидели в народной педагогике общие черты, которые не разрушают, не объединяют, а, наоборот, соединяют народы, обогащая друг друга своими подходами к воспитанию подрастающего поколения.

Авторы доклада ЮНЕСКО «Образование: Сокрытое сокровище» [16], с которым выступил Жак Делор (1996 г.), предложили четыре основополагающих принципа современного образования в поликультурном изменяющемся мире (рис. 1). По их мнению, образование должно помочь детям и молодежи: научиться жить вместе, научиться приобретать знания, научиться работать, наконец, научиться жить [16].

Студенческая молодежь далеко неоднозначна и как в зеркале отражает социальную неоднородность и расслоение общества, социальное неравенство: как всегда есть очень «продвинутые» и лузеры (от английского неудачник), «партийные», представители различных конфессий, национально-культурных центров, субкультур и пр. Заметно влияние материального положения семьи на достижения студента (наличие компьютера, Интернета, машины, возможность совершать заграничные поездки, посещать театры, концерты звезд эстрады и пр.); наблюдается существенная связь между образовательным уровнем родителей и ценностно-ориентационными установками обучающихся. Однако прямая экстраполяция благосостояния семьи на академические достижения студента не в пользу последнего.

Чтобы не обострять межпоколенные и прочие конфликты преподаватель вуза просто обязан создавать пространство *свободы для выражения*

мысли каждого студента, и в то же время гибко реагировать на потребности подготовки компетентного и конкурентоспособного специалиста.

В ситуации префигуративной культуры в работе со студенческой молодежью актуализируются идеи о фасилитации изменения и учения педагога (to facilitate – облегчать, способствовать спонтанной познавательной активности, содействовать, создавать благоприятные условия), о синергии (обмене энергией, информацией, сотрудничестве), когда знания и усилия нескольких человек могут организовываться таким образом, что они взаимно усиливаются, когда «целое больше простой суммы своих частей» (*Аристотель*).

Три ключевых положения – синергия, взаимозависимость и личная автономия лежат в основе фасилитации. Они дополняют комплекс психолого-педагогических условий и предопределяют успех познания и социализации в антропо-центрированном педагогическом пространстве.

Фасилитация выполняет несколько функций: стимулирования, специфического вида педагогической деятельности, принципа педагогики, управления образовательным процессом, технологии деятельности педагога и обучающихся, обладает средоформирующими качествами и направляется на создание творческой образовательной среды.

Отечественные психологи, исследующие проблемы развития и социализации личности (Р.С. Немов, Н.И. Шевандрин), к механизмам социализации помимо идентификации, подражания, внушения, конформности относят *социальную фасилитацию – стимулирующее влияние поведения одних людей на деятельность других, в результате которого их деятельность протекает свободнее и интенсивнее* [22].

Итак, фасилитация выступает не только механизмом социализации, но и выполняет социализирующую функцию. Формирование субъектного опыта студента – важнейшее условие баланса приспособления и обособления в процессе социализации.

Работая в режиме фасилитации, обучающийся адаптируется в образовательной среде, проходит ценностную, эмоциональную, поведенческую, коммуникативную, политическую, правовую и др. социализацию, вырабатывает собственные взгляды, суждения, реализует потребность решать касающиеся его вопросы, формирует способность противостоять ситуациям, которые могут мешать его самоизменению, самоопределению, самореализации и самоутверждению.

Фасилитация в работе со студентами – нормативное положение для осознания обучающимися индивидуальной сущности, становления автором и творцом жизненных обстоятельств. Стержневая идея *принципа фасилитации* исходит из понимания того, что навязать модели учебного поведения студенту («дышать ему в затылок») невозможно, можно только «извлечь» его творческий потенциал, опираясь на искреннюю веру и поддержку его стремления к самоактуализации. Преподаватель уже не являет-

ся пассивным «агентом» вузовской социализации, он не претендует на обладание истиной. Студенты, поддерживающие отношения фасилитации, достаточно смелы и креативны, они не просто модифицируют образовательную среду, а коренным образом преобразовывают ее (Ф. Э. Зеер). Сама среда становится условием «ситуации успеха» (А. С. Белкин). Отношения признания ценности, принятия, доверия, созданные в среде, – выступают стимулом к творческой деятельности. Роль преподавателя-фасилитатора – создать среду, формирующую отношения заботы, доверия и взаимоуважения субъектов учения, чувственное и эмпатическое слушание, климат освобождения от разочарования, тревоги, раздражительности, отчаяния, стимулирующую самоинициированное учение и рост.

Таким образом, сегодня в педагогике и психологии утверждается социально-фасилитационный подход, способствующий будущим педагогам интериоризировать модели учебной деятельности через модели образования (М.Т. Громкова) [3].

Фасилитация учения – это технология, позволяющая реализовать принятую во всем мире современную парадигму образования «Обучение в течение жизни», отвечает требованиям социального заказа на подготовку специалиста для экономики, основанной на знаниях.

В декларации международной конференции «Обучение на протяжении всей жизни – на пути к реализации целей программы ЮНЕСКО «Образование для всех» и решений пятой международной конференции по образованию взрослых» (София, 2002 г.) записано: *«не всегда в теории и практике образования взрослых присутствуют такие базовые принципы, как ведущая роль обучающегося в образовании и активное вовлечение их на всех этапах учебного процесса»* [17]. Модели *педагога-транслятора* информации и обучающегося, *репродуцирующего* знания, сегодня уже не отвечают требованиям информационного общества. В этих условиях *модель учителя-фасилитатора*, фасилитационная компетентность педагога, классного руководителя, педагога-психолога, социального педагога (работника), вожатого и пр. приобретает особую актуальность, а от обучающегося требуется активная деятельностная позиция.

Одна из задач, определенная в Национальной образовательной инициативе «Наша новая школа», – диверсифицировать (переориентировать, изменить) сознание обучающихся на основе глубокой веры в их творческий потенциал, признавая их субъектом когнитивной деятельности, источником собственного знания.

При этом важную роль играют формы организации учебных занятий, направленные на овладение знаниями, навыками и умениями, их соотношение по объему, чередование, а также формы контроля, способствующие закреплению полученных знаний.

Ведущая идея фасилитации может быть выражена словами И. Канта: *«Не мыслям надобно учить, а мыслить».* Общая цель вузовского образо-

вания – формирование и развитие профессионально-педагогических компетентностей личности педагога (специалиста, будущего профессионала).

Работая в режиме фасилитации, обучающийся усваивает знания педагогических проблем социальной психологии, структуры, средств и техник межличностного взаимоотношения и взаимодействия, знания и умения применения методов активизации социально-педагогического обучения, проведения тренинговые занятия с клиентами и пр.

Научить обучающегося – будущего преподавателя-фасилитатора, действовать в различных нестандартных ситуациях невозможно при традиционном обучении, основывающемся на трансляции готового знания и умении применять это знание на практике в «упакованном виде». Знания, умения и навыки становятся действительно ценными лишь в том случае, если они приобретены через практический, субъектный опыт обучающегося, его готовности «учиться в течение всей жизни».

Главными составляющими становятся такие процессы межличностного взаимодействия, которые создают наилучшие условия для развития учебно-профессиональной мотивации, способствуют развитию обучаемых, позволяют педагогу повышать свой профессионально-педагогический потенциал и обеспечивают достижение целей образования. Такой подход позволяет выделить в обучении такую функцию педагогического взаимодействия как фасилитационную. *Фасилитация – феномен межличностного общения, который усиливает продуктивность обучения или воспитания субъектов образовательного процесса за счет их особого стиля общения и личности педагога* [4].

Сегодня в педагогике актуализируется фасилитационная компетентность, которая представляет собой *интегративное качество педагога, отражающее уровень его способности и готовности к стимулированию развития личностного потенциала обучающихся как субъектов когнитивной деятельности* [5].

В фасилитационной модели обучения наиболее интенсивно протекает коммуникативная социализация: студент овладевает новыми способами решения когнитивных задач в модели профессионально-коммуникативной социализации личности, характеризующейся высоким уровнем коммуникативного взаимодействия в процессе общения, вырабатывает навыки критического мышления. Именно в этот период важно строить обучение таким образом, чтобы вооружить будущего специалиста моделями деятельности, сформировать способы решения коммуникативных задач.

Коммуникативная компетентность (А. С. Белкин [1], И. А. Зимняя [8], В. П. Зинченко [9], Д. А. Иванов [10. 11]. Дж. Равен [18], Б. И. Хасан [20], А. В. Хуторской [12, 21], Д. Б. Эльконин [23] и др.) рассматривается как важнейшее качество необходимое человеку во всех ситуациях жизни, как готовность и способность субъектов педагогического процесса к вербальному и невербальному (мимика, язык тела) взаимодействию, к осуществлению успешной коммуникации с другими людьми.

Таким образом, коммуникативная компетентность, с одной стороны, является *характеристикой личности человека, его способностью,* которая, с другой стороны, *проявляется в его поведении, деятельности, позволяя ему разрешать жизненные, практические ситуации (в том числе и коммуникативные).* Коммуникативная компетентность – это готовность и способность к осуществлению успешной коммуникации [10; 11].

Советом Европы определено 5 ключевых компетенций, которыми должны овладеть молодые европейцы. Это социально-политические, информационные, коммуникативные, социокультурные и способность к образованию.

На наш взгляд, перечисленные качества выступают основой базовой культуры (социализационной траекторией) и способствуют формированию социального типа личности студента.

В процессе социализации в условиях вуза обязательно наличие двух важнейших компонентов: усвоение социального опыта и способность переносить полученные знания в социальную реальность.

Формирование перечисленных компетентностей актуально не только для будущих педагогов, но и для каждого гражданина страны, члена общества, так как способствует осознанию своих социальных функций, устойчивому позитивному отношению к общественным обязанностям, нацеленности на совершенствование и развитие общества на принципах гуманизма, свободы и демократии, критическому осмыслению социального опыта, освоению культуры социальных отношений, умению обосновывать и выражать свою позицию по вопросам ценностного отношения к реалиям социальной и политической жизни, готовности к диалогу, сотрудничеству при выполнении своих социальных функций [19].

Фасилитация становится ключевым понятием в педагогике. В сфере образования предпринимаются меры не только по поддержке фасилитаторов-одиночек, но и по формированию педагогических коллективов-команд, работающих на основе фасилитации. Место и роль педагога-фасилитатора в системе российского образования медленно начинает осознаваться, укрепляются связи с Международной ассоциацией фасилитаторов, Международным институтом фасилитации, мировой сетью фасилитаторов и пр.

1. Белкин, А. С. Компетентность. Профессионализм. Мастерство / А. С. Белкин. – Челябинск, 2004.
2. Большой англо-русский и русско-английский словарь // [Электронный ресурс]: – Режим доступа: http:// dic.academic.ru/
3. Громкова, М. Т. Синергетический принцип непрерывности в образовании взрослых / М. Т. Громкова // Образование взрослых: проблемы и перспективы: материалы междунар. науч.-практ. конф. – СПб.: ГНУ ИОВ РАО, 2006. – 188 с. – С. 33–37.
4. Димухаметов, Р. С. Фасилитация в системе повышения квалификации педагогов: дис. … д-ра пед. наук / Р. С. Димухаметов. – Магнитогорск, 2006.
5. Димухаметов, Р. С. Образование взрослых: Социально-фасилитационный подход в системе повышения квалификации педагогических кадров / Р. С. Димухаметов, Н. П. Димухаметова. – LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG. Saarbrücken, Germany, 2011. – 360 с.; Р. С. Димухаметов. Настольная книга фасилитатора: учеб. пособие / Р. С. Димухаметов, Е. Ю. Парунова. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2010. – 384 с.
6. Зеер, Э. Ф. Личностно-развивающее профессиональное образование / Э. Ф. Зеер. – Екатеринбург, 2006.

7. Зеер, Э. Ф. Модернизация профессионального образования: компетентностный подход: учеб. пособие / Э. Ф. Зеер, А. М. Павлова, Э. Э. Сыманюк. – М., 2005.
8. Зимняя, И. А. Общая культура и социально-профессиональная компетентность человека / И. А. Зимняя // Высш. образование сегодня. – 2005. – № 11.
9. Зинченко, В. П. Психологические основы педагогики / В. П. Зинченко. – М., 2002.
10. Иванов, Д. А. Компетентности и компетентностный подход в современном образовании / Д. А. Иванов. – М., 2007.
11. Иванов, Д. А. Компетентностный подход в образовании / Д. А. Иванов, К. Г. Митрофанов, О. В. Соколова. – М.: АПКиПРО, 2003.
12. Ключевые компетенции и образовательные стандарты: Доклад А. В. Хуторского на Отделении философии образования и теоретической педагогики РАО 23 апреля 2002 г. – Центр «Эйдос». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.eidos.ru/news/compet.htm.
13. Концепция модернизации российского образования на период до 2010 г.: Прил. к приказу Минобразования России № 393 от 11.02.2002 г. – М., 2002.
14. Мид, Маргарет // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/
15. Мильруд, Р. П. Компетентность в изучении языка / Р. П. Мильруд // Иностр. яз. в шк. – 2004. – № 7.
16. Образование: Сокрытое сокровище. Доклад Междунар. комиссии по образованию для XXI в., представленный ЮНЕСКО. – ЮНЕСКО, 1996.
17. Обучение на протяжении всей жизни – на пути к реализации целей программы ЮНЕСКО «Образование для всех» и решений пятой международной конференции по образованию взрослых: Конфинтеа V: конференция по образованию взрослых: Призыв к действию, 9 ноября 2002 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.znanie.org/docs/sofia.html - 17k
18. Равен, Дж. Компетентность в современном обществе / Дж. Равен. – М.: КОГИТО-ЦЕНТР, 2002.
19. Татур, Ю. Г. Компетентностный подход в описании результатов и проектирования стандартов высшего профессионального образования: Материалы ко второму заседанию методологического семинара. Авторская версия / Ю. Г. Татур. – М.: Исслед. центр проблем качества подготовки специалистов, 2004.
20. Хасан, Б. И. Психология конфликта и переговоры / Б. И. Хасан, П. А. Сергоманов – М. – 2004
21. Хуторской, А. В. Ключевые компетентности как компонент личностно ориентированной парадигмы образования / А. В. Хуторской // Нар. образование. – 2003. – № 2.
22. Шевандрин, Н. И. Социальная психология в образовании: учеб. пособие. Ч. 1. Концептуальные и прикладные основы социальной психологии / Н. И. Шевандрин. – М. – С. 199.
23. Эльконин, Б.Д. Понятие компетентности с позиции развивающего обучения / Б. Д. Эльконин. – Красноярск, 2002.
24. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.countries.ru/library/culturologists/midm.htm.

А. А. Добрикова
Южно-Уральский государственный университет

СОДЕРЖАНИЕ ИМИДЖА ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ

Имидж региона представляет собой модель территории, которая создается по инициативе руководства региона, базируется на таком его имманентном качестве, как ценности, позволяет воспринимать его как значимый, тем самым выделяя из совокупности ему подобных, и транслируется группам целевой общественности, на которых призвана оказать воздействие. Ценности, лежащие в основе имиджа, являются ключевыми элементами данной модели. Именно они определяют содержательный план имиджа.

Предпримем попытку охарактеризовать содержательную сторону имиджа Челябинской области, проанализировав выступление Губернатора Челябинской области Михаила Юревича перед Законодательным Собранием 24 февраля 2011 г. (отчет о работе регионального правительства за

2010 год и планы на 2011 год) и доклад члена Генерального совета партии «Единая Россия», Губернатора Челябинской области М. В. Юревича на XIX отчетно-выборной Конференции регионального отделения партии «Единая Россия» 8 июня 2011 г., размещенные на официальном сайте руководителя региона http://www.gubernator74.ru/, а также расшифровку пресс-конференции Губернатора Челябинской области, которая была посвящена итогам 2010 года (http://yurevich-m.livejournal.com/17541.html).

Первая группа ценностей, лежащая в основе имиджа региона, связана с экономической сферой. Прогресс, подъем, развитие – это те характеристики, которыми наделяет губернатор экономику региона, подчеркивая ее приоритетное значение для развития территории. Каждое из трех выступлений начинается с краткой информации о развитии промышленности: 1. «Наши базовые отрасли экономики преодолели кризисный спад и снова показывают хорошие темпы роста. В промышленности они исчисляются двузначной цифрой – 12 %. Это намного выше российского показателя» (пресс-конференция). 2. «Практически по всем отраслям реального сектора наметился устойчивый рост. В промышленности по итогам года он закрепился на уровне 12 процентов» (вступление перед Законодательным собранием). 3. «В экономическом плане область находится на подъеме практически по всем отраслям. С начала года рост производства составил 8 %, и эта динамика закрепляется» (доклад, «Единая Россия»).

К первой группе также можно отнести такую ценность, как «инвестиционная открытость». Показать бизнесменам, что область обладает высоким инвестиционным потенциалом, другим аудиториям продемонстрировать конкретные успешные действия в данном направлении, – эта одна из приоритетных задач руководства области в процессе развития региона и выстраивания его имиджа. Так например губернатор в своих выступлениях делает следующие акценты: 1. «Успешное ведение областных финансов во многом предопределило то, что Челябинской области присвоен высокий инвестиционный рейтинг» (пресс-конференция). 2. «Особый акцент сделан на сельском хозяйстве и переработке, где будет реализован каждый третий инвестпроект» (вступление перед Законодательным собранием). 3. «Принципиальная перемена наметилась в отношении инвестиций. В Челябинской области реализуются крупные проекты в металлургии, машиностроении, сельском хозяйстве. Это хорошо. Но это совсем не повод пренебрегать малыми инвестициями» (доклад, «Единая Россия»).

Важно отметить, что данная ценность стала лежать в основе имиджа региона с приходом к власти в 2010 году губернатора Михаила Юревича, который подчеркивает это во многих своих сообщениях («Раньше эту работу в Челябинской области вообще не вели. Не было информационной раздатки на разных языках, постоянного контакта с зарубежными торговыми представительствами, предпринимателями, посольствами иностран-

ных государств. Мало было визитов, а этим надо заниматься постоянно…», пресс-конференция).

Вторая группа ценностей может быть названа, как «социальная защищенность», которая является приоритетной в процессе выстраивания коммуникаций с внутренней общественностью территории («Подсчеты показывают, что по уровню социальных выплат на душу населения Южный Урал опережает очень многие регионы страны, даже Москву. И это, замечу, при несопоставимой разнице бюджетов», выступление перед Законодательным собранием). Социальная стабильность как ценность, лежащая в основе имиджа Челябинской области, значительно повышает привлекательность территории как для жителей региона, так и для инвесторов. В рамках данной группе можно выделить подгруппу «семья и дети» («Свыше миллиарда восьмисот миллионов рублей направлено на поддержку детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Мы будем и дальше поддерживать семьи, которые берут детей на воспитание», выступление перед Законодательным собранием).

Третья группа ценностей – «комфорт и удобство». Ее приоритетность подчеркнута в следующих высказываниях губернатора: 1. «При взятых темпах строительства, благоустройства, развития экономики и социальной сферы Южный Урал уже в обозримой перспективе может войти в число самых удобных и подходящих для проживания территорий страны» (выступление перед Законодательным собранием). 2. «...наша область должна стать и станет местом, где удобно и комфортно жить, работать, рожать и воспитывать детей. Для этого нужно отладить инфраструктуру повседневной жизни, которой требуется восстановление и обновление, особенно после недавнего кризиса» (доклад, «Единая Россия»).

«Информационная открытость и доступность» также является одной из ценностей, лежащей в основе имиджа региона. Проведение пресс-конференции по итогам 2010 г. – яркий пример, демонстрирующий что регион продвигает себя как субъект, который ведет постоянный диалог со СМИ.

«Безопасность» – еще одна ценность, которая определяет содержание имиджа Челябинской области. Безопасность часто рассматривается с такой ценностью, как «дети» («Особого внимания требует безопасность наших детей. Поручаю до начала нового учебного года оборудовать тревожными кнопками все школы в Челябинске и других крупных городах области, выступление перед Законодательным собранием»).

Таким образом, в структуру имиджа Челябинской области входят различные ценности, среди которых превалируют те, которые связаны с материальной стороной жизни общества. Они позволяют продвигать регион как прогрессивную и стабильную территорию.

И. А. Евсикова
Челябинская государственная академия культуры и искусств,
Миасский колледж искусства и культуры

И. СТРАВИНСКИЙ «ЧЕРНЫЙ КОНЦЕРТ»: В КОНТЕКСТЕ ВРЕМЕНИ

Музыка, обеспечивая определенное пространство для самопознания, как специфическая модель мирозданья воплощает «неслиянную слиянность» (М. М. Бахтин) мира и человека. Устремленность ее в процессе эмоционального развертывания является той первоосновой, которая становится психологической составляющей самой жизни. В XX в. – периоде «великого перелома», музыкальные сочинения, как своеобразные документы или «протоколы», зафиксировали оригинальные философско-эстетические концепции композиторов. В них отразилась эпохальная новизна ушедшего времени. Можно согласиться с мыслью А. Лосева, что «музыка – это философское откровение, а философия – это музыкальный энтузиазм» [2].

Стравинский – ключевая фигура в музыкальном искусстве XX столетия – своим творчеством определил весь ход ее истории. Поиски «истины сегодняшнего дня» [7, с. 249] побуждают композитора искать новые средства выражения, модели в разных художественных системах. Его девиз «con moto: вместе со временем» способствовал интересу к новому жанру раннего джаза – регтайму. «Джаз – пишет композитор – идеально соответствует нашему времени с его склонностью к трюкачеству и эрзацами» [7, с. 107]. Его привлекает идея свободной игры и гротескность, отражающие «играющего человека современности», где, как пишет Н. Дмитриева, «творимая в игре «реальность» становится подлинной и неподлинной» [1, с. 41].

Влияние регтайма на творчество И. Стравинского рассмотрено многими отечественными музыковедами: С. Савенко, Н. Шахназаровой, В. Смирновым, В. Холоповой, И. В. Нестьевым… Однако «Черный концерт», созданный в пору расцвета неоклассицизма, до сих пор не получил освещения в отечественных трудах. Как модель, жанр регтайма использовался в ряде небольших инструментальных сочинений в период освоения стилистики, затем «модель» растворяется в «Октете духовых», «Симфонии псалмов», джазовой обработке оперы «Мавра», вступая в диалог с иными стилями и в первую очередь с барокко.

По характеристике самого Стравинского, в 1940-е гг. начинается новый творческий подъем, наступивший после кризиса 1930-х гг. Расширяется круг интересов, в орбиту вовлекаются новые жанровые модели[1].

[1] Стравинский выполняет серию заказов: Танго для фортепиано (1940), музыка для кинофильмов (1941), Полька для дрессированных слонов (1942), пьесы для джазовых оркестров Поля Уайтмана и

Трехчастный «Черный концерт» с типично джазовыми эффектами, виртуозными соло кларнета и цветовой партитурой был написан в 1945 г. для негритянского джаз-оркестра Вуди Германа. Исполненное в 1946 г. в Карнеги-Холле произведение имело большой успех. Музыка «Ebony Concerto» интересна тем, что композитор соединяет в ней различные стилевые модели – джазовую и барочного концерта. Продолжается своеобразный диалог стилей и эпох, связь прошлого с настоящим.

В качестве модели здесь использован классический трехчастный цикл с быстрыми крайними и медленной средней частями. Однако есть специфическая особенность, заключенная в постепенном замедлении темпа к финалу, что дает свободу импровизации:

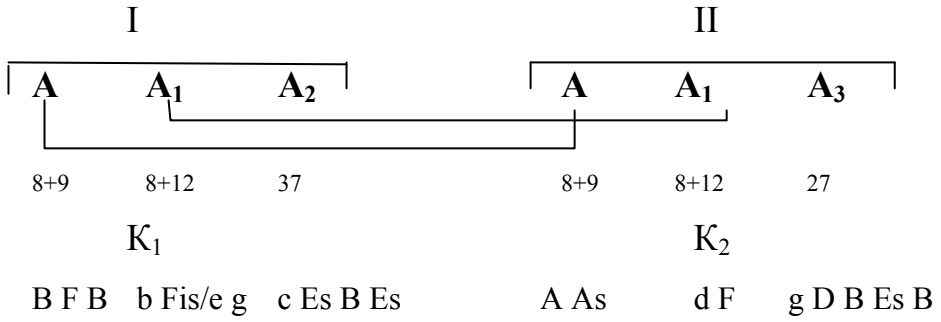
I часть – Allegro Moderato, II часть – Andante, III часть – Moderato.

Рассмотрим каждую часть цикла[1].

I часть по характеру скерцозная.

Форма выглядит следующим образом:

Схема 1



Признаки варьированной строфичности, сокращение последнего раздела (A_3), придает ей черты структурной незавершенности, открытости. В экспозиционном разделе обращает на себя внимание тема – небольшое построение, выполняющее роль первичного толчка. (В. Бобровский такой тематизм определяет как микротематизм или эмбриональный).

Тема представляет собой ритмоформулу, утверждающую аккорд тонического трезвучия (B dur), обогащенного второй ступенью. Тема выполняет роль импульса в интонационном, ритмическом, тембровом, гармоническом развитии. В дальнейшем ядро выступает как инвариант, после которого следует вариант (1–2 тт., trombe)

Вуди Германа. Творческая эволюция продолжается в таких сочинениях, как: Симфония in C, возрождающая жанр «чистой симфонии» (1940), симфония в 3 частях, замыкающая искания в жанре концерта (1945), концертные танцы для камерного оркестра (1941), соната для двух фортепиано. В этом ряду – образец бессюжетного балета «Балетные сцены» (1944); в 1947 г. появляется балет на античный сюжет – «Орфей». Через год (1948) написана Католическая Месса с претворением традиций Ars nova XIV в.

[1] Подробный анализ ткани обусловлен отсутствием его в литературе по Стравинскому.

Такой принцип характерен и для построения предложений: 1-е предложение (1–3 тт., piano), 2-е (9–20 тт., piano). Оба предложения образуют первый раздел **А**. Грань между ними трудно обозначить, так как постоянное варьирование (сюда относится и акцентное варьирование) модели приводит к текучести развертывания, без четких кадансов. Тематическая ячейка (вращение интонации восходящей секунды) развивается ритмически: в ней обнаруживаем богатство синкоп, характерных для джаза, варьирование протяженности остинатных фраз. Именно такими средствами ритмического развития Стравинский добивается ощущения непрерывности движения вперед, внутренней жизни музыки как воплощение идеи «игры».

Отношение к инструментам как равноправным участникам-героям ансамбля приводит к тому, что гармония рождается из наложения мелодических пластов.

Все способы организации материала части **А** характерны и для остальных разделов. Бобровский определяет такой тип построения как структурное подобие. В разделе А (до цифры 9) происходит жанровое преобразование мотива: меняется фактура, ритм становится более четким, подчеркивая маршевый характер. В гармоническом плане привлекает внимание раздел, начинающийся с цифры 3, где в партии фортепиано использовано параллельное движение квартсекстаккордами, так называемые «парикмахерские» гармонии (34–35 тт.).

Раздел **А** – второй (итоговый) этап. Господствует развернутая мелодическая линия, являющаяся кульминацией развития, своеобразной каденцией в объеме 37 тактов.

Если проследить структурное развитие разделов, то снова видна интересная закономерность разрастания частей, четко продуманная конструкция: **А** – 17 тактов, $\mathbf{A_1}$ – 20 тактов, $\mathbf{A_2}$ – 37 тактов.

Раздел $\mathbf{A_3}$ – вариант каденции $\mathbf{A_2}$, звучит после повторения первых двух частей. Кульминация, находящаяся в середине части, суммирует структуры первых двух разделов. Такие принципы построения и развития приводят к тому, что форму в целом представляют два больших раздела, имеющих признаки варьированной строфичности.

Своеобразна и тембровая драматургия. Проходя различные ступени развития, мотив-импульс звучит у разных солирующих инструментов: у труб, саксофонов, валторн по типу вступления участников джазового ансамбля. Солирующий инструмент – кларнет – появляется только в кульминации и почти сразу же подхватывается тромбоном solo. Такая подача темы с дублировкой интересна тем, что у тромбона есть «отклонения» от нее. Изложение напоминает гетерофонный эффект, когда одновременно звучат и тема, и ее вариант. М. Сапонов в книге «Искусство импровизации» отмечает подобное явление как один из приемов импровизации: «Второй певец (или инструменталист), присоединяясь к солисту с намерением дублировать его в унисон, мог петь в удобном для себя регистре и разойтись с солистом» [5, с. 17].

Лишь шесть тактов в ц.17 звучит чистое solo! Возникает эффект «микрокаденции». Тип каденции можно обозначить как зафиксированную импровизацию, что выражено в ритмической, мотивной, регистровой, фактурной подвижности. В ней происходит новое смыкание моделей, заключенное в приемах развития тематического материала, характерных для каденции джазовой и каденции солиста в барочном концерте.

Вторая часть – своеобразный лирический центр концерта, музыкальный материал которого контрастирует крайним частям по типу оттеняющего контраста. Ясность гармонического языка, гомофонно-гармонический тип изложения, небольшой объем, ладово-интонационное содержание, а главное – свинговый ритм, – вызывают ассоциации с негритянской песенностью типа спиричуэлс, или трудовой песни, источников раннего джаза. По форме изложения эта часть приближается к периоду единого строения, со сквозным вариантным развитием тематического комплекса. Тональный план следующий:

Схема 2

f – D – f – F

Отсутствие яркого конфликта, простота структуры сказались и на типе фактурного изложения, характерном скорее для регтайма (1 – 3 тт., piano).

Рассмотрим подробнее тематический комплекс. Первые пять тактов периода представляют собой ядро темы, импульс (восходящее движение в объеме терции, вариантное развитие его – усечение, расширение, акцентное варьирование и завершение в виде остановки).

«Тема» проходит несколько ступеней в развертывании музыкального материала, исполняясь не солирующими инструментами, а группами инструментов. Первоначально звучит у саксофона (в квинту), затем – у группы труб в ритмически усложненном виде (за счет использования синкоп), далее начинаются тембровые переклички. Особо отметим отсутствие как таковой партии одного солирующего инструмента. На протяжении всей части солируют группы инструментов: трубы, валторны и тромбоны, кларнеты (последние подключаются только в конце и подготавливают третью часть). Инструменты: фортепиано, арфа, контрабас, выполняют аккомпанирующую функцию. Композитор своеобразно их трактует, подчеркивая ударность, сухость звучания.

В гармонии преобладают тонические функции, есть лишь небольшая модуляция в VI ступень. Такая простота сказалась и на использовании аккордов преимущественно терцовой структуры (2,4-6тт.). Есть и чисто джазовый прием в использовании этих аккордов, когда сталкиваются, звучат одновременно тон и его изменения – так называемые «голубые тона»[9]. Создается эффект расстроенного инструмента (4-5,11 тт.)

Третья часть – финал. Форма простая трехчастная с развивающей серединой, репризой продолжающего действия, вступлением и кодой.

Схема 3

Вступление	A	B	A	Coda
d	B d/g B d	Es B	d/F,des Fis ges G e/fis F	D

Принцип сквозного движения подчеркивается отсутствием разделяющих кадансов, направленностью кульминаций между разделами от предыдущего к последующему. Единый ток развития приводит к тому, что во втором разделе происходит образная трансформация темы (меняется фактура, ритм), а в третьем (реприза продолжающего действия) повторяется только первое предложение, за которым следует раздел, где происходит удаление от исходного материала.

Повлиял этот принцип и на тембровую драматургию: от раздела к разделу количество тембров увеличивается, постепенно подключается группа кларнетов (во втором разделе), но поскольку у них нет темы, их функция сводится к аккомпанирующей. И только в репризе впервые в концерте появляется solo кларнета, подготовленное всем ходом развития материала! Solo построено на интонациях темы, но это не тема, а как бы зафиксированная импровизация, подобно микрокаденции из первой части концерта.

В коде впервые появляется tutti, троекратно утверждающее главный тематический мотив. Рассмотрим его отдельно. Он звучит уже во вступлении и интересен тем, что суммирует тематические комплексы первой и второй частей концерта, постоянно вращаясь вокруг основных интонаций – секунды и терции. Принципы варьирования остаются теми же: тембровое раскрашивание, изменения акцентов в ритмическом рисунке, смена фактуры. Еще раз подчеркнем конструктивную значимость финала, суммирующего все принципы развития материала, устремленность формы концерта к финальному соло кларнета.

Отдельно остановимся на тональной драматургии концерта. Т.к. она необычна и своеобразна. Если в барочном концерте для средних частей характерна минорная тональность, а для крайних мажорная (при условии, что соотношение тональностей происходит по принципу близкого родства), то в «Черном концерте» идея выбора другая. Каждая часть имеет ладовый центр, который в процессе развертывания предстает и в мажорном и в минорном виде (с преобладанием мажора): I часть – in B, II часть – in F, III часть – in D.

Нельзя отбросит и влияние джаза – внутренний ладовый конфликт отражает эффект «Мерцающих терций» (голубые тона). Выбор этих «тональностей» обусловлен некоторыми особенностями. «Черный концерт» написан для солирующего кларнета и джазового оркестра, куда входят саксофоны, валторны, трубы, тромбоны и ударная группа, включающая фортепиано, арфу и гитару. Избраны тональности строя инструментов наиболее удобные для игры солиста: кларнет in B, валторна in F, труба in B[1].

[1] Не меньшее влияние оказала и эмоциональная характеристика тональностей: D dur – радостная, маршевая, солнечная; B dur – весёлая, шутливая, немного конфликтная, с огнём; F dur – дружелюбная,

Есть закономерности и в интервальном соотношении тональностей: квинта B–F, терции F–D, B F– D. Расположив тональности по терцовому принципу, получим ряд: B – D – F – выстраивается мажорное трезвучие. И можно сделать вывод, что тональным центром всего концерта является си бемоль, своеобразное ядро, дающее толчок развитию.

Определенная закономерность обнаруживается и в драматургическом развитии образов, заключенном в показе устремленности вырваться из «круга» через медитацию и радости восприятия жизни.

Интонационное строение тем, тональное соотношения частей не могли не сказаться на тональной драматургии внутри частей. Рассмотрим все части.

Тональным центром I части является B – ось симметрии, вокруг которой располагаются все остальные тональности с разнообразными видами сцепления: секундовое, терцовое, кврто-квинтовое, тритоновое, через мерцающую терцию. Во II части снова просматривается определяющая конструкцию интонация – терция. Она проявляется как в плане следования тональностей, так и в моменте соединения мерцающих терций (мерцающие тона: ре – фа, ре – фа #; фа – ля, фа – ля бемоль). Третья часть – финальная, суммирует все предыдущее развитие, где тональное движение богато необычными сочетаниями. Своеобразные красочные мазки подчеркивают принцип мозаичности в построении. Помимо основных сцеплений проявляются и новые – энгармонические.

В ряду сочинений, написанных на модель барочного концерта[1] – «Черный концерт» выделяется своей насыщенностью джазом. Это яркое и необычное сочинение раскрыло новые возможности в развитии направления симфоджаз.

Основные принципы регтайма: его яркая театральность, мозаичность, юмор, в соединении с вариационно-вариантным типом развития в рамках старинного концерта привели к новому результату – диалогу различных стилевых моделей. Особенности языка регтайма отразились на тематизме. Для концерта характерен определенный тип тематизма – микротематизм, в основе его развития – транспозиция мотива, тембровые изменения, акцентное варьирование, перегармонизация, структурные увеличения и сжатия. Отсутствие ярких контрастов сказалось на свободе развертывания одного мотива, имитирующего импровизацию.

Стравинский многое определил в судьбе европейского, а затем и американского культурного мира [4, 5]. Его творчество вместило в себя весь XX в., открыло новую эру в музыкальной эволюции. В готовых моделях предшествующих эпох композитор искал импульсы для воплощения

пасторальная [Червякова Г. Цветной слух. Синтез природного и культурно-исторического. Дипломная работа. – Уфа, 1990. – С.30–35].

[1] Симфония in C, Соната для 2 фортепиано, Скерцо a la russe для оркестра, Симфония в 3 движениях, Концерт для струнного оркестра

современного мышления. Результатом завораживающего многообразия становится новая звуковая реальность. Прогрессированное насыщение творчества Стравинского современными и старинными моделями приводит через диалогичность стилей к универсализму.

«Черный концерт» положил начало целому ряду подражаний: К. Швен «Concerto piccolo», Р. Бернс «Летняя секвенция», Дж. Рассел «Птица в Игоревом саду», Р. Щедрин Концерт № 2 для фортепиано с оркестром.

1. Дмитриева, Н. А. Пикассо / Н. А. Дмитриева. – М.: Наука, 1971. – 127 с.
2. Лосев, А. Ф. Сборник статей / А. Ф. Лосев. – Тбилиси, 1983. – С. 5–6.
3. Нестьев, И. В. Национальные школы / И. В. Нестьев // Музыка XX в. Очерки: в 2 ч. Ч. 1, Кн. 1. – М.: Музыка, 1976. – С. 35–45.
4. Савенко, С. И. Мир Стравинского / С. И. Савенко. – М.: Композитор, 2001. – 328 с.
5. Сапонов, М. А. Искусство импровизации / М. А. Сапонов. – М.: Музыка, 1982. – 7 5с.
6. Смирнов, В. В. Игорь Федорович Стравинский / В, В. Смирнов // История зарубежной музыки. Вып. 6. Учебник для музыкальных вузов. – СПб.: Композитор, 2001. – С. 28–102.
7. Стравинский, И. Ф. Хроника моей жизни / И. Ф. Стравинский. – М.: Музыка, 1963. – 276 с.
8. Стравинский, И.Ф. Черный концерт [нотный текст] / И. Ф. Стравинский.– М.: Музыка, 1984.
9. Чугунов, Ю. Н. Гармония в джазе / Ю. Н. Чугунов. – М.: Совет. композитор, 1988. – 152 с.

Р. У. Ёрова
Таджикский государственный институт искусств им. М. Турсун-заде,
г. Душанбе, Республики Таджикистан

ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ФИНАНСИРОВАНИЯ РАЗВИТИЯ СФЕРЫ КУЛЬТУРЫ В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН

Основой государственных гарантий сохранения и развития культуры в Республике Таджикистан является государственное финансирование. Получение общественных благ на безвозмездной основе в социальной сфере (здравоохранения, образования, социальное обеспечение) практикуется еще с советских времен и продолжается в условиях перехода к рыночной экономике. С другой стороны, финансовое состояние нынешнего потребителя культурных благ не позволяет им заплатить по рыночным ценам. Поэтому государство вынужденно взять на себя обеспечение социально-значимых общественных благ. Государственные источники финансирования объединяют республиканский, отраслевой, межотраслевые и местные бюджеты текущего содержания и целевые программы. Ежегодное финансирование развития культуры в Республике Таджикистан осуществляется по мере необходимости и существующих возможностей из республиканского и местных бюджетов.

Одной из первых экономических работ, рассматривающей культуру как независимый фактор, было исследование, проведенное известным американским ученым, специалистом в области государственного управления Эдвардом Бэнфилдом в 1958 г. Он доказывал, что низкие темпы развития тех или иных экономик могут быть объяснены культурными системами, сложившимися в различных странах. Э. Бэнфилд показал, что слабость

экономики на юге Италии (в отличие от индустриально развитого севера страны) может объясняться местными культурными традициями. Американский политолог Р. Патнэм в 1993 г. выдвинул гипотезу, согласно которой, чем более «альтруистично» общество, тем выше качество ействующих в нем политических и государственных структур. Историк и экономист Д. Ландес доказал существование прямой зависимости между процветанием национальной экономики и такими качествами ее граждан, как экономность и бережливость, трудолюбие, упорство, честность и терпимость. Такие качества, как ксенофобия, религиозная нетерпимость, коррупция гарантируют бедность широких масс населения и медленное развитие экономики. Итальянский экономист Г. Табеллини проанализировал уровень образования и качество политических институтов в 69 европейских регионах. Его вывод: объем ВВП и темпы экономического роста выше в тех регионах, где процветают взаимное доверие, вера в индивидуальную инициативу человека и уважение к закону [1, с. 48]. К числу наиболее актуальных проблем всегда относилась проблема бытия человека в качестве социального существа, его существование в конкретной сфере жизни общества (сфера культуры), включающей сохранение и использование культурно-исторического наследия, творческую деятельность, исполнительство, концертную деятельность, организацию досуга и развлечений, любительство и т.д. Экономика социокультурной деятельности и призвана обес-печить успешное функционирование этой сферы жизни человека и общества [3, с. 69].

Интересным представляется зарубежный опыт стимулирования развития и поддержки сферы культуры. Правительство многих западных стран ввели стимулирующие механизмы в виде долевых дотаций. Так, к каждым трем фунтам спонсора Правительство Великобритании добавляет еще один фунт стерлингов из государственной казны, а во Франции пять франков из бюджета страны соединяются в культурном проекте с одним деловым франком. Более того, налоговые льготы для предприятий-спонсоров по прежнему являются ключевым звеном европейской и американской концепций финансирования культуры.

Наиболее эффективной системы децентрализованного финансирования сферы культуры функционирует в США, где объем благотворительных отчислений превышает 100 млрд. дол. в год [4, с. 55]. Такая финансовая поддержка позволяет культуре и искусству США безбедно существовать вне зависимости от государственного бюджета.

В Австрии узаконена надбавка к обычной лицензионной плате в размере одного шиллинга (культуршилинг), поступления от которой используются на субсидирование живого искусства и культуры. Поступающие средства обеспечивают 15 % совокупных государственных расходов этой страны на искусство и 25 % – на культуру. Во Франции и странах Северной Европы 1 % от стоимости строительства госучреждений отчисляется на приобрете-

ние произведений изобразительного искусства. Снижена ставка НДС на предметы искусства, книги, на реставрацию исторических памятников.

Творческие работники ряда европейских стран (Ирландия, Франция) освобождены от подоходного налогообложения: авторский гонорар при налогообложении распределяется на несколько последних лет [4, с. 56].

Следует учесть, что учреждения культуры покрывают свои расходы за счет средств учредителя (учредителей), доходов от собственной деятельности и иных доходов и поступлений, не запрещенных законодательством Республики Таджикистан. Деятельность государственных учреждений культуры финансируется учредителями в соответствии с договорами, но не ниже нормативов государственного финансирования по каждому типу и виду учреждений культуры. Средства, поступившие из других источников, не уменьшают нормативов и абсолютных размеров финансирования учреждений культуры учредителем (учредителями). Право организаций культуры на получение безвозмездных пожертвований (даров, субсидий) от отечественных и зарубежных юридических и физических лиц, международных организаций не ограничивается.

Бюджетные ассигнования, выделенные на финансирование культуры при формировании бюджетов всех уровней, выделяются отдельной строкой. Для развития культуры направляются также средства, полученные от предприятий, учреждений, организаций и граждан, доходов от проведения лотерей, аукционов, выставок и других общественных мероприятий, продажи ценных бумаг и другие поступления, не противоречащие законодательству Республики Таджикистан. При этом поступление средств из внебюджетных источников не является основанием для сокращения бюджетных отчислений на развитие культуры.

Общественные объединения, предприятия, учреждения, организации и граждане имеют право самостоятельно или на договорной основе создавать фонды для финансирования культурной деятельности. Организация и деятельность указанных фондов осуществляется в соответствии с утвержденными их уставами и законодательством Республики Таджикистан. В качестве соучредителей фондов могут выступать государственные органы и органы местного самоуправления.

Организационно-экономические основы культуры как сферы экономики включают многообразие форм собственности, основанные на собственности граждан, на коллективной собственности, на классической государственной собственности республиканского и местного уровней.

В Таджикистане освобожден от налога на добавленную стоимость поставка газет и журналов, художественной и детской литературы, научно-технических книг и учебников, а также выполнение работ по их изданию. Поставка изделий народных художественных промыслов и музыкальных инструментов освобожден согласно перечню, которое определяет Правительство Республики Таджикистан.

Распространение и популяризация культурного, научного и литературного наследия таджикской классической литературы, шедевров классического культурного наследия и достижения современной мировой культуры стимулируется и поддерживается путем целевого финансирования и налоговой политики.

Преимущественное право использования архитектурных памятников принадлежит учреждениям культуры и искусства. Ответственность за содержание и сохранение объектов национально-культурного достояния возлагается на их хозяев и потребителей (пользователя). Невыполнение указанной обязанности влечет прекращение представленного права.

В случае отсутствия у субъекта материальных возможностей на содержание объекта национально-культурного достояния, расходы берет на себя государство.

Правительство Республики Таджикистан осуществляет бюджетное финансирование государственных учреждений культуры и при необходимости принимает долевое участие в финансировании негосударственных учреждений культуры и не допускает государственной монополии в области культурной деятельности. О динамике бюджетного финансирования отрасли приведены в рис.1.

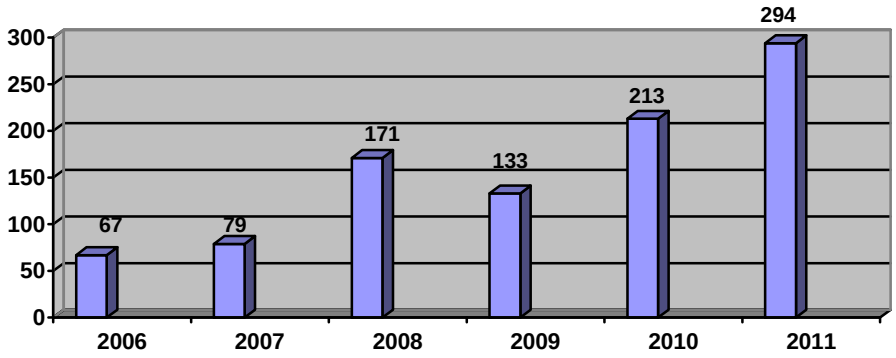


Рис. 1. Объем финансирования культурно-массовых, оздоровительных и общественных мероприятий в 2006–2011гг. в млн. сомони

Большая часть молодых специалистов даже при наличии соответствующего образования по причине низкой заработной плате, ограниченные социальные льготы на селе, ослабление сотрудничества местных властей с культурными учреждениями, отсутствие поддержки творческих и культурных инициатив, не являются на работу в сельские местности. Слабо налажено взаимодействие культурных учреждений и высших учебных заведений в деле подготовки высококвалифицированных кадров отрасли. Поэтому Правительство Республики Таджикистан считает необходимым разработку новой государственной программы развития культуры с учетом потребности современного общества, охватывающей систему до 2015 г. [5].

Сегодня в Республике Таджикистан функционируют 94 учебных заведений культуры и искусства, в том числе 2 высших учебных заведения,

6 колледжей культуры и искусства, 2 республиканских специальных школы-интерната, 84 начальных школ искусства, музыки и художества с количеством учащихся и студентов свыше 14 500 тыс. Число преподавателей и мастеров сферы культуры и искусства в этих учреждениях согласно данным Министерство культуры Республики Таджикистан составляет 2,5 тыс. человек.

В настоящее время в республике функционируют 1332 массовых библиотек, 941 клубных учреждений, 42 музея, 47 парков культуры и отдыха, 24 народных театра, 33 ансамблей песни и танца, 15 профессиональных театров, Государственная филармония Таджикистана имени А. Джураева, Государственное объединение концертно-творческих групп, Государственное гастрольно-концертное учреждение «Базморо», Творческий центр «Илхом», Государственный заслуженный танцевальный ансамбль «Лола» имени Г. Валаматзаде, Ансамбль песни и танца «Сомон», Государственный цирк Таджикистана.

На сегодняшний день в Республике Таджикистан зарегистрировано 2020 историко-культурных памятников, в том числе 441 исторических, 1278 памятников древней старины, и 300 архитектурных памятников. В течение 20 последних лет согласно данным Минкультуры Республики Таджикистан за счет бюджетных средств были реставрированы и восстановлены 32 памятников, в том числе 7 было заново восстановлено, 16 реставрировано, 4 сохранено, 2 памятника ремонтировано и было построено 3 новых музеев.

Одной из основных целей политики Республики Таджикистан в области культуры является обеспечение равномерной деятельности и развитие всех отраслей культуры, в том числе подготовка кадров и укрепление материально-технической базы учебных заведений, содействие дальнейшему развитию культурной жизни общества, адаптация деятельности культурных учреждений страны к условиям рыночной экономики и гражданского общества, всестороннее эффективное обеспечение культурных потребностей, укрепление материально-технической базы культурно-досуговых учреждений, улучшение социального положения и статуса работника отрасли.

Для обеспечение устойчивости развития и стабильности источников финансирования отраслей сферы культуры считаем целесообразным обратить внимание на следующие моменты:

1. Необходимо подготовка и переподготовка кадров и работников по различным направлениям сферы культуры со знанием вопросов рыночной экономики, средств для повышения квалификации и обучения работников этой сферы за рубежом.

2. Предоставить организациям сферы культуры, прежде всего с регулярной и успешной коммерческой деятельностью, долгосрочные кредиты с более низкими процентными ставками, а также льготные условия налогообложения с учетом специфики этих отраслей.

1. Ванчугов, В. В. Культура и экономика / В. В. Ванчугов // Проблемы современной экономики. – № 1(17). – 2006. – 216 с.
2. Закон Республики Таджикистан «О культуре». – Душанбе, 2011.
3. Иванов Г. П. Экономика культуры / Г. П. Иванов, М. А. Шустов. – М.: Изд-во ЮНИТИ, 2001. –184 с.
4. Помпеев, Ю. А. Экономика социально-культурной сферы / Ю. А. Помпеев. – СПб., 2003. – 2-е изд. – 96 с.
5. Программа развития сферы культуры Республики Таджикистан на 2008–2015 гг. – Душанбе, 2007.

Е. П. Звягинцева
Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва

РАЗВИТИЕ ТОЛЕРАНТНОСТИ И ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ В ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ ВУЗА В УСЛОВИЯХ РОСТА СОЦИАЛЬНОЙ, ЭТНИЧЕСКОЙ, РЕЛИГИОЗНОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ДИВЕРСИФИКАЦИИ

Зарубежные средства массовой информации давно и тщательно навязывают образ Европы как сообщества с прочными демократическими основами, граждане которого толерантно относятся друг к другу, не смотря на разные этнические, религиозные, культурные основы. Последние события в Норвегии (расстрел молодых людей террористом-европейцем на острове Утойя и взрыв машины в центре Осло), массовые беспорядки в Британии (поджоги, грабежи, уличные бои, учиненные подростками и молодежью разных национальностей) доказывают обратное: время политкорректности подходит к концу, больше нет смысла рисовать радужные картинки и прятать голову в песок. Расовый пожар может перекинуться с этих благополучных стран на территорию всей Европы. С учетом того, что в России напряженность в обществе тоже достаточно высокая (масса проблем с регионами Кавказа еще до конца не решены, террористические взрывы то и дело сотрясают государство), подобные ситуации вполне могут возникнуть и в нашей стране. Проблема усугубляется еще и тем, что социальные сети стали самым активным образом участвовать в беспорядках, революциях, гражданских войнах. Есть ли шанс охладить градус кипения в обществе? Думается, общество в лице образовательных учреждений, религиозных организаций, средств массовой информации вполне может начать поиски решения этой проблемы. А это значит, что основная задача профессорско-преподавательского состава на современном этапе – давать не только знания, но и воспитывать гражданскую идентичность поликультурного студенческого сообщества.

Существуют различные формы идентичности: половая, возрастная, этническая, религиозная и др. Но с точки зрения целостного компонента стоит подробнее рассмотреть гражданскую идентичность, ибо она, наряду с толерантностью, значительно влияет на воспитательный процесс в студенческой среде.

Прежде всего, стоит разделить понятия идентификация и идентичность. Исследователи данного феномена выделяют три основных этапа формирования гражданской идентичности:

- начальный этап (структурирование индивидом понятным для него способом своего социального окружения);
- гражданская идентификация (поиск подходящей индивиду структуры или категории);
- идентичность (полное гражданское отождествление индивида с выбранной им структурой или категорией) [2].

Отсюда можно сделать вывод, что идентификация – одна из составляющих и один из этапов формирования гражданской идентичности. Кроме того, функционально гражданская идентификация является важнейшим конструктом гражданской общности. Она представляет собой основу группового самосознания, создающего из совокупности индивидов коллективного субъекта. Именно гражданская идентификация интегрирует население страны и является залогом стабильности государства в целом. Результатом самоопределения личности выступает формирование идентичности, составляющее важнейшую задачу развития старшего подросткового и юношеского возрастов [4].

Возвращаясь к более широкому понятию гражданской идентичности, следует отметить, что ее структура включает в себя четыре основных элемента: когнитивный (познавательный), ценностный (аксиологический), эмоциональный (коннотативный) и деятельностный (поведенческий) [1].

Нельзя отрицать наличие формальных признаков гражданского общества в России (например, официальные неподконтрольные государству общественные организации, провозглашенные демократические права и свободы и т.д.). Но на практике граждане страны сталкиваются с целым клубком противоречий и сложностей в плане определения и способов выражения не только устойчивой гражданской идентичности, но гражданской идентификации как таковой. В подтверждение данных слов можно привести напряженную социальную обстановку, неразрешенные конфликты со многими странами постсоветского пространства, что выливается в постоянные угрозы террористических актов, расшатывание политического равновесия.

Особое внимание в этой связи хочется уделить студентам из кавказских регионов, с которыми доводилось работать и общаться. Многие из них, особенно девушки, сталкиваются с проблемой, которую можно обозначить как раздвоения гражданской самоидентификации. С одной стороны, прожив минимум 4–5 лет в Москве в студенческой среде, они впитывают в себя новые суждения, в чем-то меняют убеждения, стиль поведения, манеру одеваться. Приехав с благой целью получить знания, а затем вернуться на родину и применять их на практике для повышения благосостояния своей нации, к выпуску из вуза они начинают понимать, что мир за это время успел сильно измениться, и они – вместе с ним. Многие из девушек сетовали в частных беседах, что уезжая домой на каникулы (в Чечню, например), они вынуждены проводить все дни взаперти, не выходя на улицу, опасаясь похищения с целью замужества. Они не желают таким ди-

ким образом начинать свою семейную жизнь, для них подобные проявления мужского внимания – уже атавизм. Найти в своей республике работу по специальности, честно (без огромных взяток) пройдя собеседование с HRом крупной компании или госучреждения почти невозможно. Сидеть дома с дипломом об окончании одного из ведущих финансовых вузов страны – глупо. Вместе с тем родители убеждают, что надо чтить традиции, говорить в семье только на родном языке, соблюдать шариат. Вот и маются их мятежные души: с одной стороны, они зачастую не могут остаться жить в Москве, найдя достойную работу в столице (национальный вопрос еще сидит занозой в мозгу у многих работодателей), однако им уже не очень хочется возвращаться в родные пенаты, ибо влияние иной (русскоязычной) культуры оказало сильное воздействие на их мировоззрение, и возврат к былому образу мыслей и жизни уже невозможен. Отказаться от прошлого, от своих корней нельзя. С другой стороны, полное погружение в иную (русскую) культуру с ее собственными ценностями и социальным опытом, с особенностями психофизического баланса тоже кажется неимоверно трудным по ряду причин.

Анализируя проблему раздвоения гражданской идентификации, можно сделать вывод, что некоторые элементы гражданской идентичности проявляются студентами вуза довольно полно, например, когнитивный (знание студентов о принадлежности к определенной социальной общности по национальному признаку) и ценностный (наличие позитивного отношения к факту принадлежности). Однако коннотативный компонент проявляется в частичном принятии и одновременно отторжении гражданской общности своей национальной диаспоры в качестве группы членства. Педагогическая практика и эмпирические исследования в ходе диссертационной работы показывают, что студенты в условиях все более активной социальной, этнической, религиозной и культурной диверсификации менее активно демонстрируют деятельностный компонент гражданской идентичности (их желание и готовность участвовать в общественно-политической жизни, нести ответственность за принятые решения, действия и их последствия проявляются не в полной мере, а зачастую отсутствуют вообще).

Как быть в подобной ситуации? Чем помочь студентам, испытывающим проблемы раздвоения гражданской идентификации? Конечно, отдел трудоустройства есть почти в каждом вузе, но дать координаты отдела кадров компании – не значит реально помочь найти свое место под солнцем выпускнику, который за годы обучения стал почти родным. Да и как примет коллектив «иноверца», будет ли ему комфортно работать? Думается, что наряду с активной внеаудиторной деятельностью деканата (управления, отдела) по работе с иностранными студентами, необходимо создание специальных программ и тренингов по интеграции таких выпускников (билингвальных и бикультурных) в современное российское общество еще

в процессе обучения. Кроме того, моральная, информационная поддержка не помешала бы им и после окончания вуза. В этом случае выпускники легче бы прошли процесс интеграции в российское общество, у них снизился бы порог неопределенности в процессе гражданской идентификации. Такие люди уж точно не пойдут участвовать в уличных боях, не будут устраивать беспорядки и расстреливать мирных жителей.

Говоря о гражданской идентификации, нельзя игнорировать проблему воспитания толерантности в обществе. Почему в некоторых странах мира уровень проявления толерантности выше, а где-то интолерантное отношение к Другим является нормой? Существует много предпосылок развития толерантности, влияющих на ее состояние, а именно: экономический, социальный, политический и социокультурный аспекты. Есть ли у нас время, чтобы решить все проблемы в данных сферах деятельности и ждать благоприятных обстоятельств, которые автоматически будут формировать, развивать и воспитывать толерантное отношение в поликультурном обществе, коим является Россия? Конечно же, нет. Процесс должен быть континуальным и постоянно развивающимся именно здесь и сейчас.

Говоря о процессах воспитания культуры толерантности в российском обществе, стоит упомянуть Федеральную целевую программу «Формирование установок толерантного сознания и профилактики экстремизма в российском обществе» [3]. Эта программа, рассчитанная на 5 лет, ставила целью добиться снижения социально-психологической напряженности в обществе. В программе определена задача «использования в полной мере возможностей отечественной системы образования при формировании толерантного поведения у молодежи». Программа продолжает развивать складывавшиеся веками гуманистические традиции российской школы. Но научить толерантности за 5 лет невозможно, поскольку это связано с процессом формирования культуры в нескольких поколениях.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что концепты гражданской идентичности и толерантности имеют чрезвычайно сложную и многоплановую структуру и обладают определенным содержанием.

Воспитание и развитие толерантности наряду с гражданской идентичностью в образовательной среде остается задачей, не имеющей искусственных решений и шаблонов. Характеристики развитого общества – способность к саморегуляции (в рамках определенной рамками статьи проблемы через формирование и воспитания гражданской идентичности и толерантности как одного из ее компонентов) в ходе постоянного движения и развития. Политологи уверены не государство должно регулировать процесс формирования гражданской идентичности и толерантности, а само общество. Эти два показателя зрелости гражданского общества нуждаются в поддержке, актуализации в различных формах социальной практики, иначе они могут вообще исчезнуть. И вновь возникает потребность участия педагогических кадров в данном процессе. Именно они должны взять

на себя функции по формированию, воспитанию, развитию и постоянной актуализации гражданской идентичности и толерантности в социуме? Это необходимо делать постоянно и повсеместно для того, чтобы как можно больше людей со зрелой гражданской позицией влились со временем в общество и идентифицировали свою гражданственность. Ведь именно будущей элите государства, ее управленческим структурам придется определять условия и векторы развития и гражданской идентичности, и толерантных взаимоотношений внутри России и за ее пределами.

1. Асмолов, А. Г. Как будем жить дальше? Социальные эффекты образовательной политики / А. Г. Асмолов // Лидеры образования. – 2007. – № 6. – С. 4–10.
2. Прохода В. А. Гражданская идентичность российской молодежи В. А. Прохода, В. В. Рязанцев // Вестник московского университета. – 2006. – № 1. – С. 24–40.
3. Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе. Федеральная целевая программа // http://mon.gov.ru
4. Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризис // М.: Прогресс, 1996. – 344 с.

СЛОВО НАСТАВНИКА

Д-р. филол. наук, проф.

А. К. Ишанова
Евразийский национальный университет
им. Л. Н. Гумилева, г. Астана

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ КРИЗИС СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ И МАСС-МЕДИА

В эру современного антропологического кризиса, в конце первого десятилетия XXI в. стал особенно очевиден эпистемологический разрыв, в разломах которого проявились абсолютно андеграундные, другие ориентиры, стратегии, а также способы, приемы представления человека и мира, наиболее ярко проявляющиеся в медийной сфере бытия человека.

Ю. Хабермас в книге «Расколотый Запад» (2004) указывает, прежде всего на утрату принципов «правильной жизни», значительное время прежде определявших основу культуру Запада.

Жизненно-культурный разлом, наиболее ярко воплотившийся в масс-медийном пространстве, сегодня позволяет наблюдать появление новых медийных моделей коммуникации – дневниковая журналистика, блогосфера, реалити-шоу, попытка совмещения радио и социальных сетей, соединение в интернет-порталах почти всех жанров СМИ (использование популярного приема развертываемости жанровых форм от простых к сложным), так называемая, «мобильная» журналистика, «народная» журналистика и др.

Наблюдаются и новые особенности взаимодействия арт-культуры и СМИ, в основном характеризующиеся все большим отдалением от подлинных и глубинных основ литературы, музыки, кино и других видов искусства и творчества. Беглое, мозаичное информирование об элитарной культуре перекрывается потоком «ширпотребтоваром» – основным

продуктом низкого качества – массовой культурой во всех ее разновидностях.

Кино, телевидение, Интернет значительно повлияли на смену всего масс-медийного пространства жизни современного человека. Сегодня изменились типы взаимодействия автора–зрителя, автора-читателя. В Интернете произошло своего рода «слияние читателя и зрителя», на телевидении также, правда в меньшей степени, этот процесс наблюдается, там по-прежнему доминирует визуальный мир контактов. Зритель-читатель часто становится соавтором, автором, критиком. И здесь происходят совершенно невероятные процессы, результаты которых мир пока еще не осмыслил. «Нечитающие» страны постепенно превращается в некое интернет-сообщество, иногда молниеносно реагирующее на вызовы мира и социума, примером могут быть социальные сети, специфику и возможности функционирования которых не без основания мировые СМИ связали с началом современных арабских революций.

Однако мы хотели бы заострить внимание на другой особенности медийного взаимодействия дискурса – автор – читатель. Достаточно известная, талантливая писательница после публикаций своих статей на одном из сайтов, неожиданно для себя обнаружила массу разноречивых откликов. Безусловно, это великолепная возможность, даруемая Интернетом – прочесть почти сразу отклики читателей. Но писательница была отдельными мнениями не просто обескуражена, а просто сражена. Какой-то читатель требовал призвать ее к ответу, кто-то грозился отомстить. И все из-за фразы, в которой Абай был назван пророком (есть всем образованным людям знакомые строки: «пророком жечь сердца людей»). Профессионалы-литературоведы знают о полисемичной возможности употребления этого слова. К сожалению, современный полуграмотный, особенно в гуманитарном плане, технократически образованный читатель-зритель, которого легко увлечь в какой-либо религиозный омут, начинает потрясать кулаками в сторону автора, романы и повести которого он вряд ли способен осмыслить и понять. Ведь даже небольшая статья «Абай и Гете» ввела его в фанатический транс негодования, так как с его позиции грех уподоблять пророка Ислама и казахского классика.

Безусловно, подобные явления связаны со всеобщей медийной тенденцией исчезновения подлинного «мнения» и заменой его информацией, фактом. Не каждый читатель-зритель готов к аналитике, чужому, другому мнению и считает своим долгом выливать ведро помоев на автора, стоящего гораздо выше его как в образовательном, так и в духовном плане. Современное поколение людей, лишенное гуманитарной подпитки (такова образовательная стратегия – побольше экономистов, математиков, технических специальностей), очень часто будет спотыкаться и попадать в ров собственных сомнений, незнаний из-за духовной скудости ума и сердца.

Таким образом, особенно актуальным в современных условиях представляется разработка новой концепции медиа, при которой лиди-

рующие позиции должна занимать «гражданская журналистика». Но прежде нужно восстановить культурный уровень народа, (значит, не следует повышать стоимость высшего образования), обучить его правилам дискуссии и хорошим манерам.

Еще одна проблема современных СМИ, в основном касающаяся телевидения – процветание форм-имитаций журналистики. Имитация гражданственности – самая изощренная форма обмана. Сплошное развлечение, отказ от просвещения и честной информации, умалчивание, искажение фактов заполонили экран.

Сегодня новости на многих отечественных телеканалах подчас можно спутать с программой криминальных сводок («Рейдер», «Ситуация» и др.). Исчезает традиция начинать с «новостей дня», телезрителя оглушают сразу же сообщением о пожаре, убийстве, катастрофе и так до самого конца новостей. Происходит искажение реальности. Согласно современным философским и культурологическим концепциям, СМИ сегодня являют собой «способ производства реального» (В. Подорога), событие в масс-медийном отражении для нас, прежде всего интересно как новость. Но новость отменяет новость. «Механизм забвения в массмедийной культуре является условием, без которого нет нового. Подвергать забвению - вот что ценно.

Пришло другое время, время массмедийного дискурса, время стеба, который способен сделать общезначимым событием все что угодно» [1].

Имманентная природа СМИ такова, что в определенной мере нельзя масс-медиа абсолютно подчинить чьей-либо власти. Журналисты выполняют свою работу, являясь винтиками многоканального объекта.

Информационные потоки должны воссоздавать многомерный образ мира, реальности, по которой можно улавливать процессы развития общества, цивилизации. Так ли у нас? К сожалению, одномерность и крайности. На одном канале сплошное развлечение: от кулинарных шоу до бесконечных концертов однообразного звучания и жанров, на другом – криминально-любовные драмы или жуткие, кровавые истории. На наших телеканалах нет интеллектуального духа, нет ни одной передачи, заставляющей размышлять и думать. Возможно, это связано с тем, что у нас, особенно в телевизионной журналистике произошел крен в сторону избыточного развлечения, подчас до дурноты. Здесь, ведь тоже должен быть вкус и чувство меры. Сатиры, иронии, глубокой, вдумчивой тоже нет, я не имею в виду КВН-щиков, которые в последнее время стали много концертировать и даже сниматься в кино, а кое-кто стал заниматься политикой, в первую очередь строя единоличную карьеру в плане удовлетворения материальных потребностей.

Тем самым антропологический кризис выражается и в том, что в эпоху постмодерна (культ игры, особый гедонизм, гипертекстовость, мультивизуализм, клиповая поэтика) значительно искажается мир аксиологических ориентаций. Возникает своего рода диссонанс многих сфер бытия человека.

Многие культуры, имеющие тысячелетние истории, в том числе казахская, русская, сформировали центром ментальности эмоциональную сферу восприятия реальности. Поэтому культ сердца, души, совести и созерцания важны и сегодня, однако в современную эпоху повсеместной рыночности они нещадно эксплуатируются с целью «захвата реальности» современными телережиссерами и продюсерами, редакторами крупнейших казахстанских массовых и так называемых «элитных» деловых изданий, на самом деле не являясь таковыми как по сути, так и по внешнему формату. Поэтому сегодня актуальны такие приемы воздействия на сознание массового читателя и зрителя, как «изощренный драматизм нарратива», «эмоциональный перегрев» и прочие приемы манипулирования сознанием. Темы насилия, кровавых разборок, обмана, жульничества, эпидемий, психозов, терактов, секса по принцип у «максимум эмоций, минимум мыслей» заполонили сегодня и отечественные СМИ.

Гипервизуальное сосредоточение на телесном, на интимном и скандальном последством непубличных вопросов («Дом», «Давай, поженимся», «Детектор лжи», «Пусть говорят») перенасыщены подчас шокирующими подробностями сокровенного, исповедального. Подчас герои программ легко говорят о том, что никогда не принято было выносить на суд общественного суждения, мнения. Создается впечатление перевернутого мира. При этом ведущий не стремится делать какие-либо выводы в духе «дневников» Ф. Достоевского или «Слов назиданий» Абая. Внутренний мир человека становится театральным подмостком, ареной шутовского, уродливого, частью шоу, развлечения. Тем самым постепенно стирается важная особенность нравственного в человеке – сочувствовать и сопереживать.

Масс-медиа активно использует лжеискренность, которая давно уже стала способом достижения цели, можно вспомнить библейского Иуду. Следы «политического мистицизма» (М. Мамардашвили) можно наблюдать и во взаимодействии современных СМИ с политиками. Современные электронные и печатные СМИ способствуют затуханию подлинной искренности человеческого восприятия, порождая инфантильное отношение к реальности и бытию. Потребительская журналистика потеснила гражданственную на очень далекую обочину жизни. Сегодня рождается некий новый психотип Автора (журналист, редактор, режиссер, музыкант, актер и т.д.) и читателя-зрителя. Внешнее и внутреннее в нем не сходятся. Это может быть очень активный и громкий с виду, но пустотный и безнравственный внутри человек.

Однако подлинная истина и нравственность, охраняемые внутренней совестью и развиваемые сознанием, знанием, национальной ментальностью, не могут разрушиться навсегда.

Сегодня в Казахстане, обретшим Независимость 20 лет назад, делается много усилий для того, чтобы вечный свет истины и добра, заложенные в основу национальной культуры, вновь воссияли, но для этого нужно

на деле провозгласить подлинный приоритет культуры и искусства. Громадная роль в этом важном деле возложена на отечественные СМИ.

1. Подорога, В. К настоящему времени массмедиа победили на всех фронтах / В. К. Подорога // EL-НГ. – 2003. – № 3.

В. М. Калинина
УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина г. Екатеринбург

ПРОБЛЕМА «ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КАНОН» В ЭСТЕТИЧЕСКИХ ФИЛОСОФСТВОВАНИЯХ М. А. ВОЛОШИНА И ЕЕ СВЯЗЬ С ВОПРОСАМИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА

Рубеж веков – кризисный, переломный, открывающий новые отношения к миру, к иному пониманию значения человека в мире. На рубеже XIX – XX вв. на пересечении разных художественных течений в пьянящей атмосфере шумного и многоликого ощущения своей причастности к творимой истории, «всеотрицания» и «вседосягаемости» искусство становится крайне индивидуалистичным.

Личность Волошина – многогранная, неоднозначная, до сих пор до конца нераскрытая и непонятая; формирование его мировоззрения, лиричность и музыкальность его художественного самовыражения - основные тенденции Серебряного века помогали раскрыться его лучшим качествам и проявить собственную индивидуальность.

Волошин был не только современником Серебряного века, но и его активным творцом. Лики его творчества разнообразны, многогранны, величественны. И взаимосвязаны: в его стихах – красочная живописность, в его пейзажах – лиричность и поэтичность Бытия.

Статьи и высказывания Максимилиана Александровича свидетельствуют о том, что он не выстраивал как классический философ искусства строгую систему взглядов, законов, принципов. Исходя из мировоззренческих основ, его ощущений, переживаний, постижений мира, он откликался на события и размышлял о вопросах актуальных на данный момент для него самого, для его творчества, для окружающей его художественной и социальной среды. Его взгляды на искусство нельзя отнести к философии искусства, они выражают философствование художника как стремление познать мир, прояснить свое бытие на уровне метафизического восприятия, на грани чувствования, переживания.

Для Волошина как теоретика искусства проблема индивидуальности/индивидуализма становится ключевой. Индивидуальность, по мнению Волошина, лишь тогда способна выявить все заложенные в ней возможности, когда, преодолев себя, «свое имя», осознает себя в коллективном творческом сознании. И в этой мысли Максимилиан Александрович проявляет истинное по-

нимание принципов космизма, один из которых состоит именно в соединении мироотношений, а не в индивидуальном отгораживании себя от мира. Торжествует общечеловеческое, оттого и анонимность в творчестве.

Индивидуализм: у каждого художника – своя ответственность за выбор собственного пути, за нежелание приспосабливаться, за смелость быть другим, за талант открывать мир. Одинок ли художник, или окружен учениками, в любом случае он в ответе за те мысли, которые пробудил, за те слезы, которые вызвал своими творениями. «В основе каждого великого искусства, – размышляет Волошин об ответственности художника перед Вечностью, – лежит индивидуализм, но индивидуализм не самодовлеющий, а преодолевающий самого себя, отказавшийся от себя ради своего плода». Индивидуальность – великое испытание.

В видении Максимилиана Александровича проблема индивидуальность/индивидуализм в искусстве представляется кристаллом с множеством граней: индивидуальность и легенды о поэте, индивидуальность и рукомесло, индивидуальность и ответственность за преображение материи, индивидуальность и плагиат, индивидуальность и художественный язык произведения, индивидуализм художника и его судьба, индивидуализм художника и индивидуальность понимания/восприятия зрителя. Эти грани кристалла складываются для Волошина в «цельный лик художника».

Волошин подчеркивает ответственность зрителя перед тем, кто становится ему понятным. Ведь искусство – это диалог, взаимодействие двух метафизических величин, живущих в одном духовном пространстве. Шепот двух, понимающих друг друга. Волошин никоим образом не умаляет значение индивидуального взгляда художника на собственное художественное произведение, но он одним из первых обращает внимание на важную роль восприятия/понимания искусства, которая до него была недооценена.

Проблема лик-личина-маска. Волошин рассматривает сущность искусства через индивидуальность, через лик творца. Волошин рассматривает сущность искусства через индивидуальность, через лик творца. Именно так он исследовал творчество многих художников, в живописных подробностях характеризуя их неповторимый творческий «лик». Через постижение ликов творчества Волошин проявляет собственную приверженность к космизму, стремясь символически выражать свои мысли и читать символистские послания художников-творцов нового понимания искусства как теургического откровения. Своеобразно вводит Волошин в проблему индивидуальности и понятие «личина». Волошин характеризовал «личину» как маску, подчеркнуто «отрицательно индивидуалистический» почерк художника; и одновременно, наделенный богатым творческим воображением и художественным прозрением, усматривал проявление подсознательного Я художника не только в творчестве, но и в его «личине», в его собственной пластике, выражающей глубинную сущность его искусства. Мысли нередко налагают отпечаток на внешний облик.

Символизм как иное видение мира, другое эстетическое сознание. Для Волошина символизм – значит в обыденном провидеть вечное. Символизм он тоже понимает через лик, который находит свое воплощение в творчестве художника. Когда человек творит, он становится автором собственной жизни.

Новое осознание канона и традиций через индивидуализацию искусства, по мысли Волошина, основывается на постоянном стремлении человека к самосовершенствованию и самоутверждению, на отрицании значимости наследия предшествующих поколений и, одновременно, на преодолении противоречий современности и поиске новых вдохновений и идей в своих истоках, в национальных традициях.

Личность Волошина неслучайно появляется в истории рубежа веков. Гениальный человек гениален не случайно, а по сплетению космических нитей, сходящихся в нем как в центре Вселенной.

СЛОВО НАСТАВНИКА

канд. социол. наук

И. Р. Карамчакова
г. Санкт-Петербург

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОРИЕНТАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ ХАКАСИИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Степень социального развития того или иного этноса, наличие прогрессивных социальных групп и престижных форм занятости, высокого уровня образования создает определенную систему завершенности всего этносоциального развития любого народа, которое важно проследить в сравнении с другими контактирующими этносами. Еще до радикальных рыночных преобразований накануне реформ 1990-х гг. в Хакасии сложились этнические различия по преимущественным сферам занятости и распределению по отраслям хозяйства, представленные в *табл. 1* и *2*.

Таблица 1

Социально-профессиональный состав хакасов и русских по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. городское население (%) [1, с. 54]

Социально-профессиональные группы	Хакасы	Русские
Специалисты и руководители высшего звена	12,9	10,6
Специалисты и руководители среднего звена	11,8	12,6
Работники умственного труда, не требующего высшего или среднего специального образования	9,0	10,1
Работники физического труда высшей квалификации	31,3	34,9
Работники физического труда средней квалификации	16,2	12,2
Работники мало- и неквалифицированного физического труда	18,8	19,6
Итого	100	100

Таблица 2

Отраслевой состав хакасов и русских по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. (%) [1, с. 51]

Отрасли	Город		Село	
	Хакасы	Русские	Хакасы	Русские
Промышленность	30,7	37,6	6,3	11,5
Строительство, транспорт, связь	28,2	25,2	6,9	9,6
Сельское хозяйство	3,1	3,0	56,0	48,0
Торговля, бытовое обслуживание	10,1	13,2	8,0	9,6
Наука, культура, здравоохранение, просвещение	21,5	14,6	19,0	16,1
Кредитование, управление, партийные и общественные орга-	4,3	4,2	3,1	3,8
Прочие отрасли	2,1	2,2	0,7	1,4
Итого	100	100	100	100

Учитывая тот факт, что основную часть населения Хакасии составляют русские, соответственно, большинство работающих во всех отраслях хозяйства представлено русскими. Однако «несмотря на десятилетия совместного проживания с русскими и заметно меньшую численность по сравнению с ними, хакасы сумели не «раствориться» среди окружающего этнического большинства, сохранив самобытность не только в языке и культуре, но и в хозяйственной деятельности» [1, с. 50].

Характер расселения хакасов и русских (уровень урбанизированности) определил преимущественную занятость хакасов в сельском хозяйстве, русских в промышленности. Хакасы также активно комплектовали кадры работников строительства и транспорта, интеллектуальных областей занятости – образовании, здравоохранении, науке, культуре, искусстве. «При определенном сходстве в социально-профессиональном составе хакасы и русские являли собой образец трудовой кооперации в хозяйственных отраслях. Примерно равный социальный статус, но разная отраслевая специализация представляли довольно серьезный механизм, блокирующий рост межэтнической конкуренции и конфронтации в трудовой сфере» [Там же, с. 55–56]. По мнению Л. В. Остапенко в период постсоветских трансформаций радикальных сдвигов в отраслевой специализации хакасов и русских не произошло [Там же, с. 58]. Итоги исследования в столице Хакасии по проекту «Этнорегиональные модели адаптации к условиям трансформирующегося общества (постсоветский опыт)» показали, что хакасы и русские сосредотачивались преимущественно в тех же отраслях хозяйства, что и накануне реформ. В индустрии (промышленность, строительство, транспорт, связь) было занято 30 % русских г. Абакана и чуть более 20 % хакасов, в здравоохранении, образовании, науке, культуре соотношение русских и хакасов, как и в советском прошлом, было противоположным – 31 % русских и 43 % хакасов. Уровень

занятости русских оставался несколько выше в отраслях торговли и бытового обслуживания, а также в финансово-кредитной сфере – 24 % русских и 19 % хакасов [1, с. 58].

В условиях происходящих экономических преобразований происходит изменение в разных сферах занятости, обусловленные их престижностью. Поэтому наиболее интересным представляет именно анализ перспективных ориентаций этнических групп на различные сферы трудовой деятельности. По результатам опроса, проведенного в апреле 2010 г., самооценка респондентов с точки зрения их занятости в определенной отрасли и желанием видеть профессиональное будущее своих детей, существенно не совпадают. Русские, занятые в промышленности хотели бы видеть своих детей, работающими в основном в сфере финансовой и юридической деятельности (26,5 %), на втором месте работающими в сфере промышленности (16,3 %); хакасы на первом месте назвали государственное и муниципальное управление (37,8 %), на втором – промышленность (11 %). Только русские, занятые в сельском хозяйстве, хотели бы в одинаковой степени видеть своих детей работающими в сферах промышленности, сельском хозяйстве, государственном и муниципальном управлении (по 25 %). Только русские, занимающиеся предпринимательской деятельностью, хотели бы в большей степени, чтобы их дети работали на первом месте в сфере государственного и муниципального управления (40 %) и на втором также занимались предпринимательской деятельностью (30 %). Хакасы и русские, трудящиеся в сфере государственного и муниципального образования также хотели бы, чтоб их дети работали в данных сферах: 28,6 % русских и 46 % хакасов. Хакасы и русские, занятые в сфере финансовой и юридической деятельности в разной степени хотели бы, чтоб их дети работали в этой же сфере: русские 50 %, хакасы 33 %. Только хакасы, работающие в сфере науки и образования на первом месте желали бы видеть профессиональное будущее своих детей в государственном и муниципальном управлении (по 36 %) и на втором месте в сфере науки и образования (18 %). Только русские, работающие в сфере здравоохранения, желают видеть на первом месте детей, работающих в одинаковой степени в области государственного и муниципального управления, финансовой и юридической деятельности и здравоохранения (по 33 %). Таким образом, самооценка респондентов, занятых в сферах государственного и муниципального управления и финансовой и юридической деятельности позволяет желать, чтобы их дети были заняты в данных сферах деятельности. Чем выше престиж профессии родителей, чем больше прослеживается преемственность в видении профессионального будущего собственных детей.

В общих чертах установки на профессиональную ориентацию своих детей русских и хакасов представлены в *табл. 3*.

Таблица 3

Установка на профессиональную ориентацию своих детей (%)

Отрасли хозяйства	Этничность	
	русские	хакасы
Промышленность	9,4	6,6
Сельское хозяйство	3,5	3,5
Предпринимательство	14,4	9,1
Государственное и муниципальное управление	22,8	29,3
Финансовая и юридическая деятельность	21,8	20,7
Торговля, услуги, посредничество	5,4	3,0
Наука, образование	6,9	8,6
Здравоохранение	8,9	8,6
Армия, милиция	7,9	6,1
Культура, искусство, спорт	5,0	6,6
Другое	0,5	0,0
Строительство	0,5	1,0
Затрудняюсь ответить	0,5	3,0
Итого:	100,0	100,0

Хакасы первостепенно хотели бы видеть своих детей, занятыми в сфере государственного и муниципального управления, в этом заметно их желание управлять в собственной республике, на втором месте – финансовой и юридической деятельности, на третьем – в предпринимательской. У русских прослеживаются подобные хакасам тенденции: на первом месте – государственное и муниципальное управление, на втором – финансовая и юридическая деятельность, на третьем – предпринимательская. В целом в обеих этнических группах наблюдается ориентация на выбор более престижных сфер деятельности.

1. Остапенко Л. В. Социально-экономические процессы и адаптационные возможности хакасов и русских / Л. В. Остапенко // Постсоветская Хакасия: трансформационные процессы и этнорегиональные модели адаптации / отв. ред. М. Н. Губогло, Л. В. Остапенко. – М.: Наука, 2005. – С. 47–173.

А. В. Касьянова
Челябинская государственная академия культуры и искусств

ПОТЕНЦИАЛ КУЛЬТУРНО-ДОСУГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РАЗВИТИИ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДЕЖИ

Современное общество характеризуется активным обновлением предметной среды, изменением типов общения и форм коммуникации людей, трансформацией системы социальных связей, видов деятельности. Все это сформировало дефицит традиционных объектов идентификации человека, в связи с чем, он ищет новые виды идентичности. Актуальным становится вопрос о развитии культурной идентичности, поскольку привычные

основы культуры в меняющемся обществе подвергаются воздействию культурных образцов, отражающих иные системы ценностей и социальных норм, не всегда отвечающие высокому культурному уровню и дезориентирующие субъектов в культурном пространстве.

Термин «идентичность» происходит от латинского слова identicus – «тождественный, одинаковый» и означает «тождественность, совпадение чего-нибудь с чем-нибудь» [1, с. 565]. Поэтому суть культурной идентичности заключается в «психологической принадлежности личности к определенной культуре и предполагает осознание своего «Я» на основе самоотождествления с принятыми в обществе культурными характеристиками» [6, с. 38].

Поиск подлинной культурной идентичности обусловлен практической потребностью российского общества в личности, обладающей определенными качествами мышления и степенью самосознания, степенью зрелой нравственности, степенью ответственности за будущее страны. Поэтому в рамках данной ситуации особую роль играет изучение особенностей культурной идентичности современной молодежи.

Молодежь – это самая динамичная часть общества, которая четко реагирует на малейшие изменения, быстро улавливает новые тенденции в культуре, отличается высокой мобильностью. Е. С. Соколова отмечает, что не смотря на расслоение по мировоззренческим ориентирам, уровню интеллектуального развития, социально-имущественному признаку, особенность современной молодежи состоит в возникновении таких качеств, как «индивидуализм и самостоятельность, прагматизм и расчет только на собственные силы и умения, получение различного социального опыта, удовлетворение потребностей в самореализации, интересном и разнообразном досуге, социальных связях» [4; с. 25]. Современные молодые люди считают образование в сочетании с целеустремленностью, упорством и трудолюбием необходимыми составляющими жизненного успеха, они достаточно легко вписываются в рыночные отношения, включаются в профессиональную деятельность. В этой связи в качестве критериев культурной идентичности молодежи выступают: общекультурные знания; наличие эстетического вкуса; развивающее содержание досуговых занятий; творческая активность и инициатива; стремление к самовыражению, самореализации, личностному саморазвитию.

В последнее время появляется тенденция повышения интереса ученых и практиков к исследованию развивающего потенциала культурно-досуговой деятельности. Это объясняется, по всей видимости, многими причинами, порождаемыми современными процессами, но в основном есть и постоянные, глубинные, соответствующие самой природе человека. Как отдельному человеку, так и целой социальной группе свойственны виды деятельности, реализация которых возможна или наиболее эффективна в сфере досуга. Таковой, в частности, является процесс развития культурной идентичности.

Как отмечает А. Д. Жарков, «в специальных исследованиях культурно-досуговая деятельность рассматривается чаще всего как составная часть

свободного времени, которая затрачивается человеком на удовлетворение социальных потребностей, в том числе физических и духовных. Виды досуговой деятельности настолько разнообразны, насколько развиты культурные интересы и потребности личности» [2, с. 23].

«Культурно-досуговая деятельность является одним из важнейших средств реализации сущностных сил человека и оптимизации социально-культурной среды, окружающей его. В культурно-досуговой деятельности, как правило, слитно присутствуют моменты преобразования, познания и оценки» [5, с. 15] – так определяет это ключевое понятие В. Я. Суртаев. Также он отмечает, что культурно-досуговая деятельность – это, прежде всего, «внутренняя культура, предполагающая определенные личностные свойства: склад ума, характер, организованность, потребности, интересы, умения, вкусы, жизненные цели, желания, которые позволяют содержательно и с пользой проводить свободное время» [Там же, с. 20].

Культурно-досуговая деятельность есть процесс создания, распространения и умножения духовных ценностей. Это положение подтверждается следующим определением Н. Ф. Максютина: «Культурно-досуговая деятельность есть специализированная подсистема духовно-культурной жизни общества, функционально объединяющая социальные институты, призванные обеспечить распространение духовно-культурных ценностей, их активное творческое освоение людьми в сфере досуга в целях формирования гармонично развитой, творчески активной личности» [3, с. 21].

Таким образом, потенциал культурно-досуговой деятельности в развитии культурной идентичности молодежи связан как с условиями досуговой сферы, с ее широким спектром содержания и форм, так и с внутренним богатством личности, вариативностью ее культурных запросов и интересов. Виды досуговой деятельности настолько разнообразны, насколько развиты культурные предпочтения личности.

Итак, культурная идентичность личности представляет собой результат личностного отождествления себя, своего «Я» (своих культурных интересов и потребностей, досуговых предпочтений, системы общекультурных знаний, ценностных ориентаций, творческой деятельности) с принятыми в обществе культурными образцами на основе выработки представлений, отношений, убеждений, «программ поведения», базисом для которых может стать культурно-досуговая деятельность.

1. Большой российский энциклопедический словарь. – М.: Большая российская энциклопедия, 2003. – 1888 с.
2. Культурно-досуговая деятельность: учебник / под науч. ред. академика РАЕН А. Д. Жаркова и проф. В. М. Чижикова. - М.: МГУКИ, 1998. – 462 с.
3. Максютин, Н. Ф. Культурно-досуговая деятельность: конспект лекций, опорные занятия и определения: учеб. пособие / Н. Ф. Максютин. – Казань: Медицина, 1995. – 137 с.
4. Соколова, Е. С. Структурный подход к понимаю мотивации социальной активности студенческой молодежи / Е. С. Соколова // Педагогика. Психология. – 2008. – № 2. – С.23–27.
5. Суртаев, В. Я. Социология молодежного досуга / В. Я. Суртаев. – СПб.: Гефест, 1998. – 224 с.
6. Флиер, А. Я. Культурология для культурологов / А. Я. Флиер. – М.: Академический проект, 2000. – 496 с.

Е. Н. Кокшаров
Челябинская государственная академия культуры и искусств

ВЛИЯНИЕ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ НА РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Все существовавшие ранее и существующие сегодня цивилизации характеризуются прежде всего уровнем технико-технологического развития. Такие исследователи как Д. Белл, Г. Канн, З. Бжезинский, Р. Арон, и др. характеризуют уровень развития цивилизации, как «доиндустриальный», «индустриальный» и «постиндустриальный». Высокий уровень «постиндустриального» развития сегодня называют «информационным обществом». Каждый из перечисленных уровней развития цивилизации имеет свои показатели развития технологии, свои специфические способы ее освоения: соединения человека с орудиями производства, его трудовые навыки, формы управления производством и что немаловажно свой уровень развития производственной культуры.

Уровень развития производственной культуры зависит от степени распространения того или иного типа орудий производства (на пример машин).Так в птолемеевском Египте между 100 и 50 гг до н. э. «инженер» Герон изобрел эолепил, своего рода паровую турбину (и это за восемнадцать веков до практического использования пара!), приводившую в движение механизм, способный дистанционно открывать тяжелую дверь храма. Это открытие произошло вслед за немалым числом других: всасывающим и нагнетательными насосами, инструментами, предвосхищающими термометр, и др. [1, с. 559]. Изобретения шли группами. Однако древнее общество не стало от этого даже «доиндустриальной» цивилизацией, не говоря уже о «индустриальной» цивилизации. «Виной» всему отсутствие производственной культуры под действием которой смогли бы сформироваться «профессиональные» рабочие владеющие специальными навыками и представлением о применении в работе необходимых механизмов. Главная причина отсутствия необходимой производственной культуры – рабство, которое давало античному миру всю необходимую для производства вещей рабочую силу. Именно поэтому горизонтальная водянная мельница останется приспособленной лишь для помола зерна, а пар будет применятся в «хитроумных» игрушках.

Для «доиндустриальной» цивилизации присущи качественный технико-технологический уровень развития: водяные и ветряные мельницы, вокруг которых помимо помола зерна, образуются лесопильное, сукновальное, бумажное производства. Происходит всеобщее распространение разделения труда, требующее разнообразия орудий производства и соответственно необходима производственная культура. Начинается быстрый прогресс «третичного» сектора (после промышленности и сельского хозяйства) – рост числа

преподавателей университетов, мастеров профессиональных ремесел, врачей, изобретателей и новаторов.Развивается горно-добывающая промышленность, где происходило внедрение передовых технических механизмов – создание гиганских для того времени устройств, предназначенных для откачки подземных вод и подъема руды. Внедрение механизмов упрощающих ручной труд приводит к расцвету городских ремесел.

В период «доиндустриальной» цивилизации, особенно в XV в. царила атмосфера научных и технических открытий: то было время, когда сотни итальянцев, копируя Леонардо да Винчи, заполняли свои записные книжки зарисовками проектов чудесных машин. По мнению американского культуролога Л.Уайта до Леонардо да Винчи уже была целая гамма изобретений механических систем, которые как он считает будут приводиться в действие в течении последующих столетий. Но по мнению Л.Уайта «новое изобретение лишь открывает дверь, но не делает возможным прохождение в эти двери» [1, с. 574].

На вопрос: почему в эпоху «доиндустриальной» цивилизации, так же как и в античном мире, изобретения не получили массового внедрения, ответил К. Маркс: существовавшим в то время потребностям вполне соответствовал достигутый уровень производительности труда, достаточно было дешевой рабочей силы.На наш взгляд низкий уровень производственной культуры на появившихся производствах и отсутствие элементарных условий для ее формирования оказывало сдерживающий эффект на массовое распространение изобретений. Согласно К. Марксу, «История промышленности и сложившееся предметное бытие промышленности являются раскрытой книгой человеческих сущностных сил, чувственно представшей перед нами человеческой психологией, которую до сих пор рассматривали вне ее связи с сущностью человека, а всегда лишь под углом зрения какого-либо внешнего отношения полезности» [1, с. 123].

«Индустриальная» цивилизация связана с промышленной революцией XVI – XVII вв. и экономическим подъемом. Качественное изменение технико-технологического уровня, формирование института «наставничества», что дало импульс к повышению культуры труда, технико-технологической культуры, оказав таким образом огромное влияние на повышение производственной культуры в целом поможенное на использование орудий упрощающих и заменяющих ручной труд. Так например, внедрение паровой машины Уатта оказало влияние на развитие всей угольной промышленности, которая в свою очередь стимулировала развитие других отраслей в том числе и на использование пара, так как паровые машины рабоали на древесном угле.

Со временем начала промышленных революций в странах Западной Европы происходит смена в трудовых установках рабочего. Религия, этика и социальные установки оказывают значительное влияние на формирование материальных и духовных ценностей. Теперь с отменой рабства и становлением института гражданства, рабочий становится вольнонаемным и

представляет отдельную классовую характеристику в условиях формирования буржуазного общества. Меняется отношение к труду как таковому. Труд – свободно избирательная часть жизни свободного человека. Само слово труд преображается, теряя страдательное наклонение и превращается в богоугодное дело. Это хорошо показал немецкий социолог М. Вебер в своей работе «Протестанская этика и дух капитализма». Протестанская этика, т. е. неформальная система норм и ценностей протестансткой религии, регламентирующая человеческие отношения и общественное отношение людей, являющаяся основанием социально-этических оценок, оказала решающее воздействие на развитие промышленного производства и всей предпринимательской деятельности. Таким образом «индустриальная» цивилизация , начавшаяся с XVI – XVII вв. – это такая ступень развития общества, технологический базис которого составляет техника, заменяющая физические усилия человека при наличии определенного уровня культуры труда. «Индустриальная» цивилизация характеризуется изменением всего образа жизни общества: сельского хозяйства, транспорта, профессиональных навыков, образования, воспитания и культуры труда человека.

В 90-е гг. XX в. достигнут уровень «постиндустриальной» цивилизации, для которой характерна не механическая система машин, а полная автоматизация и управление производством основанные на системах автоматизированного управления (САПР, АСУ) и технологиях программирования. «Постиндустриальная» цивилизация – это баланс технического совершенства и технологических продуктов (програмное обеспечение) позволяющее осуществлять самые смелые открытия и достигать высокого качества при высоком профессиональном уровне работника и не менее высокой производственной культуры. Однако «постиндустриальная» цивилизация предъявляет высокие требования к уровню производственной культуры в связи с усложнением уровня технического оснащения производств и это обязательное условие, т. к. риски возникновения техногенных катастроф значительно высоки и последствия достаточно непредсказуемы.

Сегодня в начале XXI в. ученые и специалисты говорят о вступлении в новую стадию «постиндустриальной» цивилизации – «информационное общество». Для него характерно использование новейших интеллектуальных технологий основанных на информатике, использовании дистанционных методов одновременного доступа к информации в разных точках земного шара.Последнее обстоятельство используется компаниями в мировом процессе разделения труда. Новая технико-технологическая база меняет весь образ жизни общества и человека. Научно-техническая революция охватывает все основные периоды жизни человека: подготовка и обучение, время труда и время для творчества, время досуга. Меняется отношение к труду увеличивая время профессиональной подготовки и обучения, выдвигаются требования мобильности по отношению к изменяющимся условиям и характеру труда. Сокращается время труда, что содействует улучшению

условий труда и благополучию работника. Наблюдается тенденция включения ранее безработных в производство путем перераспределения рабочего времени, сокращения рабочего дня и рабочей недели. У людей появляется время для творчества и досуга. Известный отечественный исследователь Ж. Т. Тощенко еще в 1980-е годы отметил – что появление новых технологий приведет к возникновению принципиально новых моментов в сфере труда, когда место и роль человека, формы и методы его вмешательства в производственный процесс существенно изменятся. В современных условиях активного развития информационных технологий насущной потребностью становится индивидуализация труда. По-иному трактуются проблемы надомного труда. Появилась такая новая форма, как дистанционный труд. Идет процесс отхода от универсализации и стандартизации труда к его индивидуализации, разнообразию форм его проявления и функционирования. Возрастает роль науки, которая превращается в непосредственно производительную силу [1, с. 54].

Возросшие требования к человеку и производству выдвигают непростые вопросы связанные с духовностью и гуманизацией самого труда.
Важно понимать, что развитие постиндустриальной цивилизации, вхождение в нее через рынок, как мы сегодня провозгласили, связанны с тем, каким способом происходит овладение новыми материальными и духовными ценностями, прежде всего новыми технологиями, информатизацией.

Культура не безралична к новому: идет постепенная трансформация ценностей.Культура может отторгнуть или принять, переработать, сделать своим.

Новый этап мирового развития общества – информационное общество обусловлен, прежде всего, пересмотром ряда «традиционных» для индустриального периода периода подходов к оценке роли производственной культуры не просто как «имиджевого» инструмента, и да же не столько в управлениии производством и позиционирования предприятия на рынке, а как необходимого условия эффективного развития самого производства, ориентированного прежде всего, на формирование конкурентных преимуществ для последующей реализации потенциала предприятия на мировом рынке в условиях предъявляемых к производству в постиндустриальной эпохой.

Современная практика управления показывает, что, будучи одним из наиболее значимых нематериальных активов, производственная культура во многом предопределяет направление вектора развития предприятия, а ее уровень и эффективность с позиций работников производства прямо влияют на инвестиционную привлекательность компании, а также качество продукции соответствующее мировым стандартам. Таким образом, производственная культура наравне с традиционно ликвидными материальными активами предприятия вносит свой весомый вклад в повышении конкурентоспособности предприятия в условиях глобализации и интеграции.

1. Бродель Ф. Структуры повседневности: возможное и невозможное. – М.: Норма, 1989. – 660 с.

Е. П. Коростина
Челябинская государственная академия культуры и искусств

О ФОРМИРОВАНИИ МИРОВОЗЗРЕНИЯ С. З. ТРУБАЧЕВА

Если при изучении произведения искусства, являющего собой материальный продукт художественного творчества и сознательной деятельности человека, ограничиться эстетической ценностью и художественным содержанием, несомненно, такой подход будет иметь определенную значимость, но вряд ли может считаться полным и всеохватывающим. За произведением искусства стоит его производитель – художник, творец, создатель, обладатель той самой сознательной деятельности как причины материализации той или иной авторской идеи. Что волновало автора в момент творческого озарения, каковы были его миропонимание и мироощущение, и как они отразились на результате творческой деятельности – в попытке найти ответ на эти вопросы мы можем приблизиться к более полному и глубокому пониманию художественного произведения. Исследуя хоровое наследие современного русского композитора Сергея Зосимовича Трубачева (1919–1995) считаем необходимым в рамках данной статьи коснуться вопросов, относящихся к сфере его мировоззрения.

Прежде всего, рассмотрим, что есть мировоззрение. На протяжении существования человечество волновали вопросы о собственной судьбе, тайнах мироздания, жизни и смерти, горя и счастья. Следствием поиска ответа на них стала потребность в самоопределении человека в мире, в нахождении общей ориентации.

Мировоззрение представляет собой феномен как общественного так и индивидуального сознания, общие представления о мире и человеке, на основе которых люди живут и действуют [5]. Это совокупность взглядов, принципов, оценок включающих жизненные позиции и программы поведения, выражающих отношение к эволюции окружающей действительности и определяющих жизненную позицию, необходимую для духовно-культурного развития в современных условиях коэволюции природы и общества и выработки поведения глобальном процессе устойчивого развития цивилизации. Взаимодействие данных элементов в сознании ведет к целостному пониманию мира и себя, что свидетельствует об интегральности мировоззрения. И здесь принципиально важна взаимосвязь его структурных компонентов: системы знаний, взглядов, убеждений и идеалов человека [1].

Объект мировоззрения – реальный мир, предмет – отношение человека к миру в целом. Его функции заключаются в обобщении отношения к окружающей действительности, осознании цели и смысла жизни и деятельности, в определении человеком своего места в мире.

Мировоззрение обусловлено уровнем общественного развития, принадлежностью к общественному классу, особенностями личной жизни че-

ловека, формируется под воздействием разных типов познавательной деятельности. Поэтому рассмотрим особенности непосредственно русского мировоззрения в контексте их влияния на формирование творческого облика С. З. Трубачева.

Академик Н. Н. Моисеев считал, что мир и человек объединяются «если это можно назвать объединением, только на религиозной основе воззрений» [1]. С раннего детства С. З. Трубачев, происходивший из семьи священника, впитывал духовно-нравственные каноны православного исповедования веры. В данной статье мы не будем подробно затрагивать суть христианского православного вероучения, сосредоточившись на особенностях русского религиозного мировоззрения.

Суть типично русского онтологизма, отражаемого в русской религиозности – в чувстве глубинного бытия (мое бытие есть именно мое бытие, и оно принадлежит бытию всеобщему и укореняется в нем, являясь основой для жизненного содержания личности). «Русское религиозное сознание никогда не спрашивало, каким образом приходит человек ко спасению: через внутренний образ мысли и веру или внешние действия: <…> только сам Бог, и Он один по мере того как Он завладевает человеком, если тот погружается в Него, может спасти Его» [4]. Следовательно, суть религиозного онтологизма не в стремлении к Богу а в бытии в Боге.

Коренное отличие русской психологии от западной в том, что на Западе душа рассматривается как сфера внутренней реальности, противостоящая чувственно-предметному миру природы, а в русской традиции душевное переживание рассматривается по направлению изнутри вовне, являя себя не постороннему наблюдателю, а самому себе, переживающему «я». И хотя обе культуры, как западноевропейская так и русская, происходят от сплава христианства с духом античности и являются лишь различными ответвлениями этого общего ствола, представление об индивидуальной личностной сфере, заключенной в себе самой, совершенно чуждо русскому мышлению. Бытие души основано на взаимодействии с Богом. «Отсюда характерное предубеждение против индивидуализма и приверженности к определенного рода духовному коллективизму» [4].

Но самобытный русский духовный коллективизм не враждебен понятиям личной свободы и индивидуальности. В его основе лежит понятие «соборность» (от слова «собор»). В отличие от западной философии, где центральное место занимает «я», либо заключенная в себе независимая сущность, в русской философии «мы» как первичное нерасторжимое единство, из которого произрастает «я». Свобода и своеобразие «я» не отрицаются, а наоборот видятся получаемыми из связи с целым (дерево и его листья), позволяя говорить о «мы-философии» в России и «я-философии» на Западе [4].

По А. С. Хомякову, «мы-мировоззрение» образует основу русской церковной мысли. Церковь понимается не институционально, а как живое, внутреннее духовное единство верующих, в котором «индивидуализм и

универсализм друг друга не исключают и не ограничивают, но внутренне совпадают и взаимно поддерживают». Примечательно, что славянофилы именовали принцип соборности «хоровым принципом» русской жизни – роль и историческое значение хорового пения в России соответственно также можно считать одним из факторов, определяющих национальное мировоззрение. «Русское мировоззрение можно считать практическим в высоком смысле слова: оно изначально всегда рассчитано до некоторой степени на улучшение мира, мировое благо и никогда – лишь на одно понимание мира» [4].

Отсюда можно выделить следующие особенности русского мировоззрения:

– принцип жизненного опыта;

– познание через переживание – онтологизм;

– соборность (истина дана в духовной общности человечества), в центре духовных интересов всегда стоит человек, его судьба и смысл жизни;

– истина должна не только объяснять жизнь, но лежать в ее основе;

– понимание «блага» не как моральной проповеди или нравственной заповеди, а как истины – живой онтологической сущности, которую человек должен постичь и отдать ей всего себя;

– религиозность: русский дух насквозь религиозен, оторванность от религиозных корней ведет к искажениям в форме радикализма, максимализма (национализма). Обратная сторона – русский нигилизм;

– в центре русского мировоззрения не природа, а человек, природа же религиозно очеловечивается и втягивается в сферу метафизики человека.

А. Бергсон писал, что «если философия не может способствовать тому, чтобы постигать откуда и куда, собственно, мы идем, то она не стоит и получаса размышлений» – эти слова, по мнению С. Л. Франка, полностью соответствуют сути русского мировоззрения.

Русский мыслитель А. Ф. Лосев вычленяет мироощущение как категорию, посредством вечного творчества и восприятия удивительного мира, выражающую предметную и психологическую специфику музыки. В светлой и ласковой песенности славянского мелоса он видел символический и мистический тип мироощущения, в основе которого надежда на Преображение мира и человека, утверждение триединства истины, добра и красоты [2].

Рассмотрим, опираясь на доступные биографические сведения, основные факторы, оказавшие влияние на формирование мировоззрения С. З. Трубачева.

– восприятие церковной культуры, как синтеза книжного, художественного и певческого потоков религиозного творчества, осуществляемого в богослужении [3, с. 135];

– личность П. А. Флоренского, обобщившего в своем мировоззрении колоссальный опыт человеческой культуры с установкой на глубоко жизненные, реалистические основы миропонимания [Там же, с. 254];

– отношение к музыке как к одному из источников познания мира [3, с. 256];

– эстетическое воздействие архитектурного ансамбля Троице-Сергиевой Лавры [Там же, с. 451];

– восприятие церковного пения как слияния образа ангельского славословия и человеческого участия в небесном служении [3, 520];

– значимость хорового искусства как фундамента не только музыкального образования, но и воспитания национального самосознания в рамках русской культуры [Там же, с. 655];

– значение знаменного напева как основы музыкального творчества не только в произведениях для Церкви, но и во внецерковном музыкальном искусстве [Там же, с. 620];

В заключение добавим, что актуальный подход к пониманию мировоззрения заключается в единстве научного мировидения и различных форм духовной жизни человека [1]. Рассмотрев в данной статье что собой представляет мировоззрение вообще, а также какие черты и особенности заключает в себе русское мировоззрение, мы лишь попытались выделить некоторые факторы, существенно повлиявшие на становление мировоззренческой позиции композитора С. З. Трубачева. Несомненно, полученные результаты заслуживают дальнейшего осмысления и разработки применительно к анализу уникального творческого наследия автора, что будет отражено в дальнейших публикациях.

1. Мукушев, Б. А. Проблемы формирования научного мировоззрения личности / Б. А. Мукушев // Alma mater: вестник высшей школы. – 2010. – № 5. – С. 21–29.
2. Смирнова, Е. В. А. Ф. Лосев о музыке / Е. В. Смирнова Вестник Мордовского госуниверситета. – № 3. – 2008. – С. 91–92.
3. Трубачев, Сергий (Трубачев, С. З). Избранное: Статьи и исследования / С. З. Трубачев / [сост. игумен Андроник Трубачев, М. С. Трубачева, О. С. Никитина; биографич. очерк игумена Андроника Трубачева]. – М. : Прогресс-Плеяда, 2005. – 720 с. ил., – 2000 экз. – ISBN 5-93006-032-0.
4. Франк, С. Л. Русское мировоззрение [Электронный ресурс]. – / С. Л. Франк. – http://www.chestisvet.ru/ index.php4?id=226ю. – Дата обращения 7.06.2011.
5. Фролов, И. Введение в философию [Электронный ресурс]. – / И. Фролов. – http://www.gumer.info/ bogoslov_Buks/Philos/frol/index.php. – Дата обращения 7.06.2011.

Д. В. Кравец
Челябинская государственная академия культуры и искусств

ВЗАИМОСВЯЗЬ ВНЕШНЕЙ И ВНУТРЕННЕЙ СВОБОДЫ ЛИЧНОСТИ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ

Вопрос о соотношении внешней и внутренней свободы личности был неоднократно в центре внимания многих как западных, так и отечественных философов. В XXI в. интерес к данной проблеме актуализируется в связи с развитием новых информационных технологий и прежде всего Ин-

тернета. Особенности взаимоотношения внешней и внутренней свободы в Интернете зависят, как нам представляется от ряда факторов. Во-первых, от специфики самой виртуальной реальности. В отличие от объективного мира, в котором человек, пытаясь реализовать свою внешнюю свободу, постоянно наталкивается на целый спектр ограничений в виде не только пространственно-временных, географический границ, но и политических, социально-экономических, этических запретов и норм, виртуальная реальность, с которой имеет дело пользователь Интернета характеризуется неограниченностью возможностей, вбирающее в себя практически все сферы его жизнедеятельности.

В реальном мире внешняя свобода – это свобода, которая дается человеку (или достигается им) безотносительно к его внутреннему состоянию. Чтобы внешняя свобода реализовалась, для этого необходимы определенные предпосылки в виде правового государства, гражданского общества, свободной личности. При этом внешняя свобода может не осознаваться человеком как ценность, пока он ее не потеряет, или же воспринимается как формальная свобода, если человек не может ею воспользоваться.

Не так обстоит дело в Интернете, где деятельность человека изначально выступает как бы никем и ничем не ограниченная, кроме желания самого человека. Именно поэтому большинство исследователей склонны считать, что коммуникативное пространство Интернета дает человеку неограниченные возможности для реализации свободы. Действительно, человек находясь в пространстве Интернета неограничен никакими материальными, духовными или даже правовыми рамками (во многих странах, в том числе и России, система правовых норм для Интернета находится в стадии становления). Создавая виртуальную реальность, Интернет дает возможность пользователям по своему желанию инициировать целые виртуальные миры, или проявлять свое виртуальное могущество.

Но в то же время виртуальные технологии, открывая новые возможности для реализации творческих сил человека, создают условия для манипулирования его сознанием и позволяют сделать информационные воздействия индивидуальными, ориентированными на сознание конкретной личности. Благодаря данным технологиями возможно навязывание человеку тех представлений о свободе и самой свободы в тех формах, которые необходимы системе властных отношений. Они позволяют заменить прямой социальный контроль и воздействие опосредованными. Вместо прямых требований и ограничений виртуальные реальности приглашают нас в завлекательные миры и путешествия, вместо грубого или менее мягкого подавления происходит свободное вовлечение. Человеку продолжает казаться, что его действия и выбор являются свободным и связаны только с его волеизъявлением, хотя на самом деле выбор человека заранее детерминирован информационным воздействием на его психику.

Вторым, не менее значимым фактором, определяющим взаимодействие внешней и внутренней свободы, является положение человека в виртуальном пространстве Интернета. Человек действительно выступает здесь, прежде всего, как пользователь, не имеющий ни плоти, ни имя, вернее он может создать себя, свою внешность, свою профессию, свое имя сам. Он может менять их по своему усмотрению как маски. Возможность анонимно действовать в Интернете может породить и порождает у человека опьяняющее чувство безнаказанности, безответственности и полной и абсолютной свободы. Особенно это касается молодого поколения, которому информационное пространство одно из первых предоставляет возможность самостоятельно действовать и проявить себя как личность в мировом масштабе. В результате не все могут справиться с такой свободой. Примеров асоциального поведения человека в информационном пространстве достаточно много (хакерство, разработка вирусных программ, прямое воровство чужих кредитных карт, и т. д.),

Современная общность, формируемая посредством Интернета, часто предстает как обезличенная и освобожденная от теоретического мышления совокупность потребителей и носителей информации. Привычка к языковым играм, скоростным информационным потокам может вызвать непоправимые деструкции в мышлении и сознании (породить хаотизм, клиповость, разрушить способность сосредоточиваться и удерживать в сознании какой-то один идеальный образ [1, с. 176]. Но человек не способный к самостоятельному мышлению, в свою очередь, не может стать субъектом свободы, так как он теряет способность творчески мыслить и действовать, теряет духовные ориентиры свой деятельности.

Чтобы преодолеть негативное воздействие Интернета на человека и его асоциальную деятельность в нем предлагается поставить Интернет под контроль общества или государства. Такие примеры уже существуют, например в Китае. Но вряд ли они оправданы для демократических стран. Выход большинство авторов видит в развитии внутренней свободы личности. Внутренняя свобода человека – это, говоря словами И. А. Ильина, «способность созидать свой дух из материала своих страстей и своих талантов и, значит, прежде всего – способность владеть собою и вести себя; а затем – и внутреннюю способность жить и творить в сфере духовного опыта, добровольно, искренно и целостно присутствуя в своей любви и своей вере» [2, с. 174]. Именно внутренняя, или субъективная свобода личности представляет особый интерес для философского анализа, ибо этот аспект связан с активностью, самодеятельностью личности, ее творчеством и самоорганизацией. Здесь раскрывается многогранная противоречивость феномена свободы человека, которая характеризуется единством противоположных моментов сознательного и бессознательного, рационального и иррационального, чувственно-эмоционального и логического, необходимого и случайного, индивидуально-личностного и социального и т. д.

Внутренняя свобода не возможна без самоограничения личности, ее ответственности за сделанный выбор и поступок. Как отмечает Г. Еляков, если не выработать у человека моральные ограничения, то можно утверждать, что сферы и размеры его преступных действий в процессе расширения информационного пространства будут только возрастать [3, с. 98]. Ограничение в процессе творческой самореализации является необходимым и существенным элементом внутренней свободы личности, что убедительно показано в истории философской мысли. Неограниченная свобода оказывается на деле своеволием и произволом. Проблема состоит в том, насколько в условиях развития информационных технологий это ограничение может быть обеспечено и реально обеспечивается внешними социальными факторами (скажем, виртуальным сообществом), а в какой мере ограничение осуществляется личностью добровольно, т. е. является по сути своей самоограничением. Только в последнем случае имеет место действительная свобода личности. Самоограничение и творческая самореализация личности – диалектически взаимосвязанные стороны единого процесса свободного саморазвития личности.

С другой стороны, через призму диалектики автономности и самоограничения личности полнее раскрывается важная связь внутреннего и внешнего аспектов ее свободы. Внешний аспект свободы определяется теми конкретно-историческими (социальными, материальными и духовными) факторами, которые регулируют, регламентируют процесс самореализации личности. Ограничения, устанавливаемые этими регламентирующими факторами, существенно опосредствуются самоограничением личности и лишь таким образом влияют на реальную свободу личности. Самоограничение в той или иной мере «снимает» в субъективном восприятии личности границы внешней свободы, ослабляет, смягчает их воздействие на жизнедеятельность личности. Недостаточное самоограничение, напротив, приводит к более жесткому воздействию внешних регламентированных ограничений, что воспринимается, переживается личностью как ущемление свободы. Уже сейчас раздаются голоса, что необходимо разработать механизмы, позволяющие более эффективно отслеживать «жизнь», поведение пользователей в виртуальной реальности Интернета. Этого требует непрекращающаяся борьба с терроризмом, пиратством интеллектуальной собственности, вмешательство в личную жизнь. Но нельзя забывать, что внешняя и внутренняя свобода тесно взаимосвязаны, при определяющей роли внутренней свободы. И. А. Ильин в этой связи пишет: «Воистину свободен *духовно самостоятельный человек*; человек же освобожденный только во внешнем, может злоупотреблять своей свободой и превращать ее в совершенную, внутреннюю *несвободу*, в ужасающее внутреннее рабство» [2, с. 175].

1. Громыко, Н. В. Интернет и постмодернизм – их значение для современного образования / Н. В. Громыко // Вопр. философии. – 2000. – № 2.
2. Ильин, И. А. Путь к очевидности / И. А. Ильин. – М., 1993.

СЛОВО НАСТАВНИКА

Канд. филос. наук

М. Х. Кусмидинова
Астраханский государственный университет

КОНЦЕПТ ВОЛГИ В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ РАЗВИТИИ РОССИИ

Вода и река являются древнейшими архетипами, повлиявшими на становление национальных картин мира. Образы воды и реки, как правило, имеют амбивалентный характер, причем семантические поля концептов «река» и «вода» на уровне гносеологии и аксиологии имеют антиномичные характеристики. Вода и река – неотъемлемые составляющие всех мировых мифологий и космогоний. В представлении многих народов вода выступает в качестве колыбели жизни. Образы реки в культурах народов мира могут актуализироваться через различные аллоформы: змея, мировое древо, Млечный путь и т. д. Все это свидетельствует о неком универсализме данного символа, или точнее метасимволе, т. е. некой обобщающей универсалии, объединяющей в себе множество других символов.

Функция образа реки в национальных картинах мира многообразна: река выступает в качестве оси мира, река – медиатор, родоначальник, предок, река – граница между мирами, река носитель информации и место забвения.

Неудивительно, что одним из ключевых концептов в российской культурном ландшафте является концепт великой русской реки Волги. Для полного понимания всей полифонии этого концепта его можно рассмотреть через призму семантических рядов: цивилизационного, визуального, вербального, телесного, генетического, ноуминативного, гендерного.

На цивилизационном уровне волжский концепт предстает нам как основа для могущества России. Она великая река великой страны. Она служит на благо России. Волга – это река рек, некая мета – река или река *par excellence*, т. е. идеальная река. В дорусский период она очень часто носит название Итиль (Атиль, Эдель), что в переводе с тюркского означает «река». Но это не простое обезличивание, это некое возведение ее в статус универсальности, именно поэтому на ее берегах и расположена столица Хазарии с тем же названием, т. е. один урбанистический локус с этим же топонимом размещен на гидрониме, носящем такое же имя. Все это свидетельствует об особой сакральности этих объектов в представлении народов хазарского государства.

Визуальный ряд – физически, исторически и биографически локализуемый образ речного ландшафтного пространства. Здесь концепт Волги нашел свое отражение через различные когнитивные стороны восприятия этой реки, выраженные в литературных или художественных произведениях. Волга – полноводная река, это река могучая, одна из красивейших в России и т. д.

Вербальный – переживание конкретного ландшафта в словесных образах, его описание, интерпретация. Вербальный аспект Волги очень разнообразен, он нашел свое отражение через такие дуальные конструкции

как река = речь, река = песня, но в отдельные периоды российской истории это и река победы, река человеческой скорби.

Телесный ряд волжского концепта проявился на самых различных уровнях деятельностной составляющей культуры, выражающуюся как в способах хозяйственной деятельности, так и в ритуалах традиционного цикла, очень часто эмоциональной сфере наблюдателя, его антропологической характеристики и т.д. Особенно ярко этот аспект проявился в связке река = любовь, причем он может существовать и на уровне антиномии – река = несчастливая любовь. Множество песен, как традиционных, так и современных посвящены именно этой теме, нашла она свое отражение и в художественных полотнах художников, особенно XIX в.

На антропологическом уровне аспект телесности раскрывается в образах волжских жителей, как неком особом типе: сильном, смелом, красивом, вольном и т.д.

Генетический уровень проявился в символической связь того или иного субъекта с конкретным объектом географического ландшафта, в нашем случае с рекой. Очень часто этот географический объект мыслится как некоторое место рождения или происхождения народа или индивидуума. Герой, населенный пункт или даже целый народ как бы генетически оказывается связанным с этой рекой (Волгой, Доном). К этому же ряду можно отнести и некие патронимические символы, т. е. вписывание ландшафта в символические патронимические связи, например, Волга-матушка, Дон-батюшка, сестра Вазуза, брат Днепр. Кроме этого генетический аспект проявился и в таком выражении, как Волга-кормилица. Под кормилицей здесь следует понимать не ресурсный аспект, а аспект патерналистский – она та, кто кормит. Эта связка зафиксирована как на уровне старых фольклорных нарративов, так и в современном русском языке.

К гендерному ряду относится связь ландшафта с гендерной составляющей. Хотя не во всех языках это можно проследить, однако в русском языке гендерные характеристики объекта ярко прослеживаются. Наличие родов в русском языке делает практически все ландшафтные объекты гендерно окрашенными, уже из предыдущего примера с генетической составляющей можно легко заметить, что Волга, Двина, Вазуза и другие реки мыслились как объекты женского рода, а, например, Дон, Днепр, Дунай – мужского. Все это позволяло осмысливать реки в самых разнообразных аспектах, вписывать их в различные модели культурного ландшафта.

Волга – образец национальной гендерной метафоры, ведь Волга – матушка, т. е. прародительница. Она порождает, творит Россию и русский народ, но и вбирает в себя другие народы, страны, реки и т. д., превращаясь в мегаметафору всеземного масштаба. В ней как бы находят отражение все народы, все другие реки, с которыми она ведет свои речи в согласии. От конкретной биографической (человеческой) любви она вместе с другими реками заявляет о любви ко всему миру. И, наконец, это пробуждаю-

щая река – река, не только пробуждающая поэта, но и пробуждающая гражданина, как она однажды пробудила Некрасова, услышавшего на ее берегах стон бурлаков. В воображении разных поэтов, начиная с XVIII в., она оказывается в одном ряду с великими реками мира.

Ноуменативный ряд волжского концепта самый сложный и самый разнообразный. Он включает космогонические, онтологические и гносеологические составляющих. Естественно, что ноуменативные характеристики этого концепта проявляются через визуальные, вербальные, генетические и прочие ряды.

Волга на протяжении всей долгой российской истории являлась многоплановым речным символом. С одной стороны, она отражала все архитипичные культурные парадигмы (рождение, смерть, слово, песня, любовь, свобода), но вместе с тем она являла собой уникальный пример гидрополитического характера. Она воспринималась, как осевое (в пространственном и временном) явление, тесно переплетающееся с историей России. Россия и Волга в сознании многих россиян были явления взаимозаменяемые или взаимодобавляемые.

Таким образом, Волга выступает важнейшим культуробразующим символом российской ментальности. Большинство перечисленных архетипов, мотивов и сюжетов репродуцируются поэтами, художниками и писателями по сей день. Волга ретранслирует все эти культурные элементы, формирует новые образы, в которых тесно вплетены образы старые. Она – выражение русской самобытности и метаметафора русской национальной жизни.

Подытожив, скажем, что волжский концепт – феномен не статичный, а весьма динамичный, изменявшийся на протяжении веков. В нем появлялись новые понятия, уходили старые и вновь актуализировались. Подчас он весьма противоречивый, так как построен на порой взаимоисключающих принципах любви и утилитарности, жизни и смерти. Но как бы, то, ни было, он был и остается краеугольным камнем русской, да и российской культуры в целом.

1. Афанасьев, А. Н. Диво дивное, чудо чудное / А. Н. Афанасьев. – М.: Моск. рабочий, 1988. – 480 с.
2. Афанасьев, А. Н. Живая вода и вещее слово / А. Н. Афанасьев. – М.: Совет. Россия, 1988. – 508 с.
3. Афанасьев, А. Н. Поэтические воззрения славян на природу / А. Н. Афанасьев. Т. 1., 1865. – 385 с.
4. Вернадский, Г. В. Начертание русской истории / Г. В. Вернадский. – СПб.: Лань , 2000. – 320 с.
5. Гачев, Г. Национальные образы мира / Г. Гачев. – М., «Академия», 1998. – 432 с .
6. Дворецкова, К. И. Волга в песнях и сказаниях / К. И. Дворецоква. – Сарат. обл. изд-во, 1937. – 166 с.
7. Забелин, М. Русский народ. Его обычаи, предания, суеверия и поэзия / М. Забелин. – М, 1880. – 564 с.
8. Копылова, Э. В. Ловецкое слово / Э. В. Копылова. – Волгоград, 1984. – 128 с.
9. Мечников, Л. Цивилизация и велики исторические реки / Л. Мечников. – М.: Прогресс,1995. – 464 с.
10. Потебня, А. А. Символ и миф в народной культуре / А. А. Потебня. – М., 2000. – 287 с.
11. Тимофеев, М. Ю. Нациосфера: опыт анализа семиосферы наций / М. Ю. Тимофеев. – Иваново, 2005. – 146 с.
12. Тимофеев, М. Ю. Реки в семиосфере нации: случай России / М. Ю. Тимофеев // Междунар. науч. конф. «Великие реки и Мировые цивилизации». – Астрахань, 2006. – 463 с.
13. Якушенков, С. Н. Речи рек / С. Н. Якушенков // Материалы междунар. конф. «Великие реки – мировые цивилизации». Астрахань, 7–9 сент. 2006 г. – Астрахань: Издат. дом «Астраханский университет», 2006. – 463 с.

14. Якушенков, С. Н. Семиотический анализ духовной культуры аймара / С. Н. Якушенков. – Астрахань, 2001. – 230 с.
15. Романова, А. П. Речной хронотоп и цивилизационный процесс / А. П. Романова // Материалы междунар. конф. «Великие реки – мировые цивилизации». Астрахань, 7–9 сент. 2006. – Астрахань: Издат. дом «Астраханский университет», 2006. – 463 с.

Е. Г. Ланганс
Челябинская государственная академия культуры и искусств

«САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ» ИЛИ «САМООПРЕДЕЛЕНИЕ» – ВЫБОР ТЕМЫ

Выбор темы гуманитарного (в широком смысле) исследования – непростая задача. С одной стороны есть независимый «внутренний» интерес исследователя, с другой – некая необходимость (вызов) «внешней» реальной социокультурной ситуации, которая настойчиво требует размышления и разрешения. До тех пор, пока ничего не мешает двигаться в русле своего интереса, а также своей привычной логики, строя понятий, нет нужды выбирать или конструировать новую тему. Ходы мысли вполне укладываются в границах сознания, «не натыкаясь» на них. Однако гармония сознания и мысли заканчивается там, где мысль наталкивается на сопротивление, и мы впервые начинаем осмысливать границы нашего сознания как пределы нашей мысли.

То, что «оказывает сопротивление», в новейшей истории социально-гуманитарными науками, искусством и философией было осмыслено как глобальный кризис. Поразительно всеохватный и длительный, «Иногда лишь снижая остроту, становясь менее заметным, он прошел через весь минувший век – и ныне мы констатируем, что кризисное сознание обострилось вновь. Очередную фазу мы называем уже кризисом не рубежа веков, а рубежа тысячелетий; и мало-помалу постигаем, что перед нами не смена времен, а некое особое время …самостоятельная *кризисная эпоха*», – утверждает С. С. Хоружий [9, 52].

«Кризис идентичности» предстает одним из важных направлений тематизации этого обстоятельства. «Экран» темы высвечивает для нас повсеместное акцентирование культурной, политической и экономической самобытности в ответ на усиливающуюся динамику глобализации. С. Хантингтон в своей книге «Столкновение цивилизаций» называет это реакцией на травмы, нанесенные перманентными процессами модернизации (как одного из составляющих процессов глобализации – Е. Л.). Вопросы, которые встают перед людьми в ситуации кризиса идентичности: « «Кто мы такие?», «Откуда мы?» и «Кто не с нами?»»[8, 186]. Последний вопрос, обозначенный Хантингтоном, настораживает, поскольку определенно несет в себе деструктивный смысл, что подтверждает огромное количество межэтнических конфликтов XX – начала XXI в. При этом идея коллективной (культурной, религиозной, национальной, гендерной и т. п.) идентичности превратилась в мощный инструмент политики. «В большинстве дис-

курсов «-измов», например, в расистском дискурсе, создается негативный образ Других, – пишет курдский исследователь Тов Скутнабб-Кангас, – В то же время этот дискурс конструирует образ Себя (Я) как позитивный противо-образ Другого, как зеркально отражающий оппозицию негативному Другому. Это позитивное Я конструируется как самоочевидная норма, к которой Другой должны стремиться. До тех пор, пока Другой отличается, он считается дефектным, неразвитым или слаборазвитым относительно позитивного Я. Если Другой хочет развиваться и получить больше власти и материальных ресурсов, он должен аннулировать себя или путем исчезновения, или соглашаясь быть полностью поглощенным этим Я, становясь как Я, ассимилируясь в Я» [7, с.129].

Очевидно, что различные элиты используют понятие идентичности и идентификации в своих интересах для создания оппозиции между Мы-идентичностью, и Другими – «Ими», что неминуемо закладывает, если не провоцирует противоречия и конфликты между разными социальными группами[1]. Там, где утверждается идентичность, подразумевается, что всякий Иной – явление негативное, в том числе и в смысле угрозы моей тождественности (идентичности).

Понятно, что при этом все вопросы этики идентификационных различий остаются, как правило, открытыми. Проблема не разрешается и в логике постмодернистского дискурса «уважения к различиям» и «права на описание», поскольку «Рефлексивное «уважения к различиям» неизбежно покровительственно, а апелляция к индивидуальному опыту чревата культурным и политическим релятивизмом…»[5, с.21]. «Право на описание» может быть превращено в нравственное оправдание любых предосудительных действий и даже преступлений.

Интерес же в умножении количества идентичностей, также просматриваемый в наши дни, – это интерес рыночный, ведь каждая новая идентичность создает объект рыночных инвестиций. Любая социальная группа сегодня может сконструировать свою идентичность (это не проблема!), которая обретает жизнь не только в сознании и жизни членов группы, но и в медиапространстве, что влечет за собой разворачивание рекламных кампаний, выпуск новых товаров, организацию специализированных клубов и т.п.

В рамках отношения производство-потребление идентичность – это, прежде всего товар, который хорошо продается, ведь мы этого достойны!

Итак, в фокусе социально-гуманитарного рассмотрения идентичность предстает необходимым и актуальным понятием системы контроля и управления сложными процессами в современном обществе. То, что нельзя идентифицировать, – нельзя контролировать, следовательно, нужно вся-

[1] Так, например, движение «Наши» – проект идентификации для молодежи, где уже в названии заложено деление на «наших», т. е. своих и чужих. Что из этого получилось известно.

чески поддерживать процессы самоидентификации (и самоманифестации) или инициировать их. В этой связи идеология кризиса идентичности становится незаменимой. Это, во-первых. Во-вторых, вероятно, выход из социокультурного кризиса следует искать не на путях самоидентификации, поскольку в этих условиях скорость процессов изменений такова, что вновь сконструированная идентичность постоянно устаревает, что в свою очередь продлевает кризисное состояние.

Столкновение образа мира, имеющегося у человека (а в рамках действительности сознания человеку присущ образ мира), и мира происходит всегда, так как всегда присутствует несовпадение, которое фиксируется нормальным сознанием. Но в кризисную эпоху это столкновение сокрушительно. Мир меняется стремительно. «Изменения происходят так быстро, что не остается времени реагировать» [3, с. 32]. Человек сегодня не в состоянии построить достаточно устойчивый образ мира, а значит, не имеет возможности обрести долгосрочное отождествленное существование в мире (идентичность). И мы согласны с суждением о том, что в современном обществе, основными характеристиками которого являются неустойчивость, увеличивающаяся скорость изменений, фрагментарность, многомерность и неопределенность его настоящего и будущего, «…идентичность…основывается на возможности стать другим» [5, с. 23]. При этом можно сколь угодно часто отвечать на вопрос, кто я, но в ситуации кризиса первый вопрос, который приходится решать, – это – что делать?

Если представить себе, что дом, в котором мы живем, достаточно быстро разрушается, то вряд ли здесь будет уместна интроспекция. Скорее мы постараемся что-то предпринять, не сетуя на отсутствие нужной идентичности (строителя или архитектора). На первый план здесь выходит реально-практическое действие, которое и составляет подлинное основание человеческого существования. Образ разрушающегося дома, на наш взгляд, может выступить в качестве некоторой аналогии при обсуждении кризиса, охватившего мир. И если, рассуждая в рамках этой аналогии, из дома можно, в конце концов, уйти, то из мира человек уйти не может. «Деться от мира человеку некуда. Потерять человеку мир можно, лишь разрушив свою человечность» [1, с. 240]. Следовательно, возникает необходимость выстраивать мир. И в этом месте встают новые вопросы, какой мир потребен в нашем случае – случае перманентного мирового кризиса, как его строить, и что такое, вообще, мир? Подобное вопрошание есть начало разворачивания пространства человеческого самоопределения и соответствующего действия. А быть человеком и означает для нас выстраивать мир, что, конечно же, не является новой мыслью. На этом стоит марксизм, нечто похожее утверждали экзитенциалисты [4]. Однако принципиально иную окраску этот тезис приобретает в случае индивидуального бытия, которое всегда конкретно и ситуативно, а в особенности – сегодня. Именно самоопределение, понимаемое как обустройство пространства адекватного социокультурной ситуации

действия, соответствующий выбор (определение ценностей и целей) и само действие, придает сегодня реальность индивидуальному человеческому существованию «на фоне» современного мира, предстающего как стихия перемен, схватываемая мыслью в фокусе ситуации.

Такая постановка темы, центрированная на идее действия, не означает отказ от идеи мышления. Напротив, тема самоопределения предполагает ответ на вопрос: как, каким образом необходимо связать индивидуальное действие и надиндивидуальное мышление (мышление, как и деятельность, представляют собой общечеловеческие феномены) в ориентации на построение некоего нового упорядоченного человеческого мира? Какие мыслеформы необходимы, чтобы обеспечить реальный переход из состояния кризиса, чреватого катастрофами, в состояние нормального воспроизводства жизни и деятельности общества и человека (дадут ответ на вопрос, что делать)? И наоборот, какие реальные действия способствуют становлению новых форм мыслимости мира, позволяющие, осуществить такой переход?

Если временно вернуться к вопросу о столкновении интересов разных идентичностей, то в рамках темы самоопределения оказывается, что противоречия – это то, что нас объединяет! Самоопределение полагает (а не исключает) наличие различных позиций, точек зрения, а не одну единственно верную. Такое полагание дает возможность обозначить проблему через расхождение взглядов, приступить к ее оформлению и затем, к совместному поиску путей ее разрешения, а значит, – форм перехода к новому состоянию мира.

Итак, выбор темы сделан. Вопросы поставлены, ряд их открыт, пределы для мысли раздвинуты. Если удастся продвинуться в указанном направлении, то, может быть, наше исследование станет практичным, поскольку любое гуманитарное исследование должно способствовать практике обретения человеком своей человечности.

1. Генисаретский, О. И. Упражнения в сути дела / О. И. Генисаретский – М.: Рус. мир, 1993. – 279 с.
2. Кризис сознания: сборник работ по «философии кризиса». – М.: Алгоритм, 2009. – 272 с. – (Философский бестселлер).
3. Нейсбит, Д. Мегатренды / Д. Нейсбит; Пер. с англ. М. Б. Левина – М.: АСТ: ЗАО НПП «Ермак», 2003. – 380, [4] с. – (Philosophy).
4. Сартр, Ж. П. Экзистенциализм – это гуманизм (перевод А. А. Санина) / Ж. П. Сартр // Сумерки богов / сост. и общ. ред. А. А. Яковлева: пер. – М.: Политиздат, 1989. – С. 319–344.
5. Смирнов, А. Е. Проблема субъективной идентичности в контексте методологии современного обществознания / А. Е. Смирнов // Российский научный форум «Россия. Культура. Будущность». Ч. I. // «Идентичность в культуре: феномен и теоретико- методологические аспекты исследования»: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / ЧГАКИ, ЧИ (филиал) УрАПС. – Челябинск, 2005. – С. 18–23.
6. Tove Skutnabb-Kangas. Language and Self-Determination / Tove Skutnabb-Kangas // in Self-Determination. International perspectives / Edit. by D. Clark and R. Williamson. – Great Briatain: Macmillian Press LTD, 1996. – P. 124–140.
7. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон; пер с англ Т. Велимеева. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2006. – 571, [5] с.
8. Хоружий, С. С. Ницше и Соловьев в кризисе европейского человека / С. С Хоружий // Вопр. философии. – 2002. – №2. – С. 12–68.

Н. А. Лысова
Челябинская государственная академия культуры и искусств

ИНТЕГРАТИВНАЯ ФУНКЦИЯ ГЕНДЕРНЫХ ТРАДИЦИЙ ПРАЗДНИКА КАК ФЕНОМЕНА КУЛЬТУРЫ

Этимологически термин «интеграция» восходит к латинскому слову *integration*, что означает *восстановление*, *восполнение*, и понимается как процесс и результат взаимосвязи, сближения и объединения в единое целое разрозненных частей – элементов какой-либо системы, в том числе культурной системы как определенным образом «упорядоченной… совокупности культурных черт и форм, исторически сложившихся в практике и сознании некой человеческой общности» [1, с. 195].

В гендерном аспекте эта упорядоченность проявляется в иерархизации гендерных страт: в доминировании значимости маскулинной страты относительно феминной, что обусловлено реальными культурно-историческими процессами в жизни социума. Такого рода гендерный дисбаланс, выражающийся в очевидном преобладании в культуре андроархического начала, накладывает определенный отпечаток на процессы интериоризации норм, усвоения ролевых стереотипов и процессы самоидентификации индивида в обществе.

Исторически сложившаяся взаимосвязь мужского и женского начал в их неизбежной антитезе и дуальной противоречивости формирует социальные и культурные формы общественных отношений и систему культурных норм, имеющих прямое отношение к статусу и роли полов. Поскольку гендер является и социокультурным конструктом, и системой представлений, направленных на идентификацию и статусную иерархию маскулинного/феминного в обществе, гендерная стереотипизация обладает эмоционально-оценочным и нормативно-эмоциональным характером и, закрепляясь на уровне традиций и обычаев, категоризирует мировоззренческую позицию социума. Так гендер исполняет функцию приписывания значений и ценностей, создавая символические границы между стратами и наделяя их принципиально противоположными оценочными характеристиками.

Такая исторически сформировавшаяся антитетичная взаимосвязь маскулинного и феминного начал вносит некоторую дискретность (антитетичную раздробленность) в бытие культуры в целом, что противоречит самой интенции культурной системы к интеграции.

На основании анализа социокультурной динамики мифологических систем и образов, эволюции традиций феминности и маскулинности в праздничной и культовой обрядности, а также на основании исследования мужских и женских социоролевых функций в праздничных и культовых практиках мы приходим к выводу о заложенной в культуре интенции к устранению гендерного дисбаланса посредством сближения, гармонизации

двух начал. Такая интегративная направленность культуры на воссоздание гармонии и единения гендерно дискретного социума в наибольшей степени проявляется, как правило, вне сферы обыденного. А именно – в празднике как особой реальности, принципиально отличной от повседневности. Являясь образно-игровым воспроизведением «идеального мира», порожденным стремлением к гармоничной уравновешенности человеческого бытия, праздник в своем генезисе противостоит явным или скрытым напряженным обстоятельствам повседневных реалий (в том числе и в социальных процессах).

Возникая на эмоционально-действенной основе и, в отличие от повседневности, создавая особое событийное «время приключения», праздник способен перевести конфликты повседневности в иное пространство и создать собственный «хронотоп свободы» как сознательно принимаемую условность, основанную на временном ограничении (или снятии) принятых социумом норм и правил и санкционированную праздничной культурой, что равносильно временному обретению идеала. Это неизбежно (на период празднования) создает условия не только для иных форм поведения, но иного восприятия мира. На гендерном уровне праздник способствует интеграции и консолидации разделенного стратами общества.

Принципиальная абсолютная несводимость, нетождественность образов маскулинности и феминности в условиях праздника сглаживается, устраняется, что обуславливает целенаправленные и отличные от повседневных программы поведения участников праздника и формирует иной эмоционально-оценочный вектор массового настроя. Праздник превращается в особый механизм не просто регуляции, а гармонизации процессов взаимодействия и взаимозависимости мужского и женского начал, становясь способом восполнения «недостатков» реальной действительности.

В праздничной традиции это может проявляться в замещении гендерных доминант и публичном принятии (на период празднества) такого нарушения иерархического порядка. Феминное начало, персонифицированное в женских образах, по значимости противопоставляется божественному маскулинному (или уравнивается с ним), а сакральность женщины, сообщенная посредством переноса на нее качеств женского божества, объясняет главное условие формирования феминных традиций праздничной культуры. Отсюда и глубинный символический смысл участия женщин в праздничных или культовых действах, воплощавших в реальности трансцедентный образ божества, что отражает ряд праздников, в которых женщина становилась главным объектом празднично-ритуального действа и главным действующим лицом. Характерное маркирование отношений власти символикой «порождения», в первую очередь – «материнства» как сакрального женского начала, находит в празднике наиболее полное воплощение: от древних архаических празднеств и античных мистерий – до культа Девы Марии и Богородицы и Дня матери и 8 марта в современном праздничном календаре.

Праздник способен мифологизировать гендер, высвободить и актуализировать глубинные архетипические импульсы: двуединую природу вещей и бинарное гармоничное единство противоположностей, что воплощает первозданную диалогичность феминного и маскулинного начал, еще не трансформированную в антитетичность и дуалистичность. Примеры тому: травестийные традиции, понимаемые в контексте данной темы как поиск компромисса мужского и женского начал и восходящие к архаическим культовым практикам, также распространенные в народных гуляниях и маскарадных шествиях и существующие в настоящее время в карнавальных празднествах; различные празднества традиционного общества, на символическом уровне воплощающие идею иерогамии.

Кроме того, такие специфические черты праздника, как массовость, публичность, гедонистичность, в определенной степени суггестивность, временное снятие ограничений и запретов, в еще большей степени способствуют интегративной направленности гендерных праздничных традиций.

Так основным смысловым мотивом гендерных традиций праздника является восстановление гармонии двух первоначал, что удовлетворяет социо-интегративные и социо-консолидирующие потребности культуры. Праздничное действо становится способом, средством трансляции особого социокультурного опыта, который не находит выражения в условиях повседневности. Праздник фиксирует, отчасти рефлектирует и вновь воспроизводит «наиболее удачные элементы социального опыта» [1, с. 262], возведенные человеческим сознанием в область сакрального, в разряд некоего универсума своего бытия. Тем самым праздник воплощает на практике в характерной для него образно-игровой, символической форме одну из основных функций культуры – функцию интеграции, восстановления, единения (в некоторой степени самосохранения) социума как неотъемлемой составляющей социокультурной системы.

1. Флиер, А. Я. Культурология для культурологов: учеб. пособие для магистрантов, аспирантов и соискателей / А. Я. Флиер. – М.: Согласие, 2010. – 672 с.

СЛОВО НАСТАВНИКА

В. И. Манякин
Доцент
Казахский национальный университет искусств, г. Астана

ПРИНЦИП ЗОЛОТОГО СЕЧЕНИЯ КАК ФАКТОР КОРРЕКТИРОВКИ ТЕМПА КЛАВИРНЫХ СОЧИНЕНИЙ И. С. БАХА

«Вольно или невольно человек берет за образец окружающий его мир, когда он стремится воспитать в себе эстетические чувства, суждения и вкусы. Художественное восприятие формы человеком возникает, развивается и обогащается в процессе постоянного, непрерывного общения его со всем тем, что его окружает. Испокон века все здоровое и естественное

является для нас красивым, гармоничным, все противоестественное, аномальное, нездоровое воспринимается как нечто уродливое, безобразное и диссонирующее» [3, с. 91–92].

Конечно, уже в древности люди пришли к пониманию того, что в основе прекрасных и совершенных произведений искусства лежат безупречные математические соотношения, как крупных, так и более мелких построений.

«Растения – подлинные рационалисты. И именно это их свойство объясняет, почему представители разных семейств растений неизменно применяют одни и те же оказавшиеся наиболее удачными архитектурные принципы. Особенно широко распространен в мире растений принцип наиболее рационального использования пространства, в первую очередь при закладке тех органов растения, которые затем развиваются в огромном количестве» [Там же, с. 91]. Причем такие органы в процессе своего развития развиваются так, чтобы занять в пространстве минимальный объем. И совершенно безразлично, какие это части растения.

Картина повторяющегося и целесообразного размещения элементов природы в пространстве, безусловно, обратила на себя внимание человека.

В искусстве и математике широко распространено такое понятие как золотое сечение. Это соотношение 21:34, а точнее 0,618034… Начиная с эпохи Возрождения художники использовали применяя в своих картинах это соотношение, считая его идеальным выражением пропорциональности. Но и в более раннее время в изобразительном искусстве пользовались этим правилом, только пожалуй, брались, более приближенные значения. Конечно, это не могло быть просто многочисленным случайным совпадением. Автор работы был изумлен, насколько часто композиционное строение картин повторяет, вплоть до зеркального отражения, динамику золотого сечения. Микеланджело, Тинторетто, Тьеполо, Пуссен, Ватто – вот далеко не полный перечень тех живописцев, в картинах которых находит подтверждение закономерность использования такого соотношения – золотого сечения. Таким образом, простота и рациональность биологического роста в природе учила постигать законы эстетического восприятия.

«Красивейшим проявлением гармонии является так называемое «золотое сечение». Это особое разбиение отрезка, когда образуется изящная пропорция полученных частей. Настолько изящная, что математики Возрождения называли ее «божественной», а И. Кеплер писал: «Геометрия обладает двумя великими сокровищами – это теорема Пифагора, вторая – деление отрезка в среднем и крайнем соотношении. Первое можно сравнивать с мерой золота, второе можно назвать драгоценным камнем»»[5, с. 84].

Такое яркое свойство притягивало к себе внимание. И эстетика Ренессанса, обосновывая изучение пропорций многообразными способами, постоянно обращалась к нему. Ченнино Ченнини, Лоренцо Гиберти, Антонио Филарете, Франческо Мартини, Альберти, Леонардо да Винчи, А. Дю-

рер, Винценцо Данти, Лука Пачоли – все они и многие другие рассуждают о пропорциях, развивают это учение.

Самым известным сочинением о пропорциях был трактат известного итальянского математика Луки Пачоли (1445–1514), опубликованный в 1509 г. Великий Леонардо да Винчи выполнил иллюстрации к этой книге. В эпоху Возрождения эта работа имела широкое хождение и популярность.

В музыкальном искусстве во многих произведениях также обнаруживается связь построения целого и его частей – золотого сечения. Хотя понятие это, как принято считать, относится к геометрии – где золотым сечением называют деление отрезка в крайнем и среднем отношении. Тем не менее, начиная с Возрождения, оно применяется не только в изобразительных искусствах и архитектуре. Но и совершенно осознанно и целенаправленно – в музыке. Композиторы нидерландской школы, Я.Обрехт и другие, тоже применяли золотое сечение в своих сочинениях.

В середине XIX в. немецкий ученый А. Цейзинг исследовал это явление в музыке и объявил, во многом, как и Л. Пачоли, золотое сечение универсальной пропорцией. В XX в. русский ученый Э. К. Розенов исследовал это соотношение в области музыкальной формы. Пристально изучали эту проблему В. Э. Ферман и Л. А. Мазель. В частности, Мазель исследовал внутреннюю завершенность мелодии, ее устойчивость в связи с делением в отношении золотого сечения.

В основе музыкального искусства лежат четкие соотношения, которые описываются количественными законами. И это, несомненно, должно быть учтено в творческом процессе. Композитор, безусловно, не всегда отдает себе отчет в том, но все равно он интуитивно в своем творчестве опирается на известные правила и использует их, проводя своеобразный математический расчет.

И.С.Бах в своем композиторском творчестве производил такой бессознательный, а часто, во многих случаях и сознательный расчет, организуя в своих произведениях музыкальное время в гениальном слиянии и выражении с темпом, ритмом и агогикой.

Мы не склонны утверждать, что великий композитор это делал совершенно бессознательно. К. Ф. Д. Шубарт (1739–1791), немецкий органист в «Эстетике искусства», писал: «Себастьян Бах был в музыкальном искусстве тем, чем Ньютон во вселенской мудрости» [2, с. 206]. На наш взгляд, такое сравнение не случайно и дает возможность понять и осознать внутреннее духовное и интеллктуальное родство этих великих людей, подмеченное автором высказывания еще в 1784 году.

Известно, что И. С. Бах знал латынь, читал в подлинниках Цицерона, Вергилия, Горация, изучал риторику, математику, греческий язык. В книгах его библиотеки упоминается имя Лейбница.

Мы не склонны думать, что Бах не знал и воспринял всего того, что содержала современная и предшествующая наука, искусство, литература и,

как ему это было свойственно, не переработал и не воплотил в своем творчестве. Это Ньютон, Декарт, Лейбниц стали интеллектуальной атмосферой, сформировавшей гений И. С. Баха.

Правомерно говорить и о том, что И. С. Бах использовал принцип золотого сечения, причем на самых уровнях формы, мелодического развития, которые довольно детально исследованы, а также на уровне организации музыкального времени, что не исследовано до сих пор. Основные и главные аспекты этой проблемы связаны у Баха с использованием многих известных ему достижений человечества, в том числе и принцип золотого сечения.

Начиная со второй половины XIX и в начале XX в. появились серьезные редакции клавирных произведений И. С. Баха, выполненные виднейшими музыкантами этого времени: К. Черни, Б. Муджеллини, К. Таузигом, Ф. Бузони, Э. Д'Альбером, Б. Бартоком. Все они пытались найти пути верного исполнения музыки великого композитора, руководствуясь авторским текстом и достижениям в области исполнительства того времени.

Великий русский пианист Антон Григорьевич Рубинштейн (1829–1894) говорил: «Каждый понимает его (И. С. Баха – *В. И.*) сочинения посвоему…кто играет по Кролю, кто – по Черни. – Я по Баху» [1, с. 297]. Таким образом, А. Г. Рубинштейн выдвинул проблему, которая до сих пор не решена и в современном музыкознании: создание редакции клавирных произведений И. С. Баха, отвечающей самым высоким требованиям, предъявляемым к ней, глубоко содержательная, соответствующая высоким художественным идеалам композитора.

Пожалуй, самым спорным в редакциях произведений И. С. Баха, существующих в наше время, является обозначение темпа в его музыкальных произведениях. Этот вопрос часто становится дискуссионным. Автор пытается привнести ясность в этот вопрос и исследует темпы исполнения клавирных произведений Баха, используя принцип золотого сечения.

«Хотя, обнаруживая в живом творчестве и в созданном им художественном организме его скрытый от взора внутренний механизм (организацию музыкального времени. – *В. М.*), притом, конечно, не весь, а одну какую-нибудь из двигающих его пружин (темпа, ритма, агогики. – *В. М.*), мы не дальше продвинемся по пути к проникновению в жизненные тайны, чем это делает анатомия, обнажающая скелет, мускулы и нервы живого организма, тем не менее мы не должны считать также исследования бесцельными» [4, с. 120].

Иначе говоря, принцип золотого сечения не следует отвергать при анализе произведений различных композиторов и стилей, это нам поможет заглянуть в творческую лабораторию композиторов, понять, что все-таки они вложили в свои творения. При исполнении произведений великого Баха это принесет нам неоценимую пользу. Мы мало знаем, как нужно исполнять его сочинения, указания, поставленные им в тексте, в отличие от указаний других композиторов, крайне скудные, как и те сведения о том, что он хотел выразить в них. Традиции исполнения во многом утеряны.

Исполнительская и педагогическая практика показывает, что для музыки И. С. Баха принцип золотого сечения является важным фактором корректировки темпа произведений, как в плане его определения, так и при разработке общего темпового плана.

1. Берков, В. Избранные статьи и исследования / В. Берков. – М.: Совет. композитор, 1977. – 480 с.
2. Документы жизни и деятельности Иоганна Себастьяна Баха / сост. Х.-Й. Шульце; пер.с нем. В. Ерохина. – М.: Музыка, 1980. – 271 с.
3. Патури, Ф. Растения – гениальные инженеры природы / Ф. Патури. – М.: Прогресс, 1979. – 312 с.
4. Розенов, Э. К. Статьи о музыке. Избранное / Э. К. Розенов. – М.: Музыка, 1982. – 271 с.
5. Сухотин, А. Ритмы и алгоритмы / А.Сухотин. – М.: Мол. гвардия, 1983. – 224 с.

СЛОВО НАСТАВНИКА

Канд. культурологии, доцент

М. П. Меняева

Челябинская государственная академия культуры и искусств

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ СОГЛАСИЯ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

В современном мире усиливается процесс глобализации, который отличается противоречивым характером и неоднозначен по своим последствиям. В ходе глобализации развиваются не только интеграционные процессы, но и дезинтеграционные. Последние могут быть источником разногласий и проявлением отсутствия согласия.

Слово «согласие» означает «сойтись на одном, ладить, не спорить, уступать». Термин «согласие» в толковом словаре [2, с. 731] имеет следующие значения: 1. Разрешение, утвердительный ответ на просьбу; 2. Единомыслие, общность точек зрения; 3. Дружественные отношения, единодушие; 4. Соразмерность, стройность, гармония; 5. Примирение, объединение, единство». В современной философской энциклопедии термин «согласие» трактуется как «специфическая форма взаимодействия предметов и процессов, отражающая стихийное и сознательное соединение противоположностей, их соотнесение друг с другом, достижение гармонии, симметрии и пропорциональности частей и целого в определенных соотношениях» [1, с. 589]. В более узком смысле согласие означает «принятие противоположностями друг друга в тех или иных свойствах и взаимодействиях» [Там же, с. 589]. В сравнении с известным диалектическим единством противоположностей согласие предполагает единство как толерантное приятие друг друга, сосуществование любых различий, имеющих не только характер противоположностей. Диалектическое единство отличается от согласия, которое не возникает спонтанно, а требует осмысления, рефлексии, осознания необходимости самоконтроля, оно есть конвенция. Согласие невозможно в условиях противостояния и борьбы, оно способствует установлению бесконфликтных отношений ненасильственным путем, то есть исключающим принуждение.

В справочной литературе по философии отмечается, что согласие продуктивнее понимать не как априорно заданное единодушие, а как процедуру взаимного открытия сторонами все новых и новых смыслов кооперации и сотрудничества, совместного ответа на внешние вызовы. Согласиться значит сговориться и договориться, что возможно только в ходе диалога, причем конструктивного и толерантного. Согласие требует совместной ответственности. Согласие означает сопряжение голосов, предполагающее не слияние их в унисон, а консонансное звучание. Целостная семантика слова «согласие» непосредственно вытекает из значений, составляющих его морфем. Например, префикс «со» привносит в общее лексическое значение слова сему «собирательности», «совместности». Согласие является основой для совместных действий (труда, общения, творчества и т. д.), которые играют важную роль и обретают особое значение в современном мире в условиях усиления проблем, достигших глобального масштаба.

Глобальные проблемы современности взаимосвязаны, и их изолированное, по отдельности, решение невозможно, поэтому требуется формирование новой парадигмы отношений в современном мире, базирующейся на стремлении достичь согласия. Эта парадигма утверждает ценности сотрудничества и партнерства, приоритет взаимопомощи вместо соперничества и вражды. Человеческое сообщество поставлено перед необходимостью найти ответы на вызовы времени солидарно, ибо обострившиеся в мире проблемы невозможно решать автономно и безотносительно друг к другу. Чтобы выжить, люди обречены на диалог, который приведет их к единству. Для того чтобы он состоялся, нужны точки соприкосновения, «взаимокасание», согласование намерений, целей, действий и т. п. Диалог есть процесс, который способен привести к обоюдному согласию.

В контексте глобализации на современном этапе развития осуществляются разные формы межкультурного взаимодействия: ассимиляция, аккультурация и конвергенция. Все они являются близкими по значению, так как относятся к объединительным процессам, однако способствуют формированию единства разного качества. Ассимиляция представляет собой процесс поглощения одной культуры другой, в результате которого члены одной этнической группы утрачивают свою первоначально существовавшую культуру и усваивают культуру другой этнической группы, с которой они находятся в непосредственном контакте. Механизм ассимиляции основан на подавлении индивидуального, единичного и господстве тотального, всеобщего. В ходе ассимиляции происходит унификация путем стирания различий между культурами, что ведет к потере национальной самобытности. Попытка насильственной ассимиляции неизбежно наталкивается на стремление защитить собственную культурную идентичность, что становится причиной межкультурных конфронтаций и войн. Так, в ходе глобализации в нач. XXI в. усиливается унификация культур по западному

(американскому) образцу. «Атлантический» характер глобализации, процессы вестернизации и американизации порождают межкультурные разногласия и конфликты.

Разновидностью ассимиляции является аккультурация – процесс взаимовлияния культур, в ходе которого происходит обмен культурными элементами, однако неравнозначный по характеру. В результате смешения разных культурных традиций происходит образование нового культурного синтеза. Процессы ассимиляции и аккультурации не исключают насильственных отношений, которые неприемлемы в ходе конвергенции культур – процесса взаимопроникновения разных культур, который предполагает избирательное заимствование и усвоение того, в чем существует необходимость, что способствует взаимообогащению и плодотворному развитию, а также позволяет адаптироваться к изменяющимся условиям окружающей среды, тем самым достичь состояния устойчивости и равновесия. Конвергенцию следует отличать от негативной конвергенции – такого процесса взаимодействия культур, когда каждая из них усваивает те элементы другой, которые в контексте ее содержания начинают играть деструктивную роль [3, с. 334]. Процесс конвергенции основан на поиске точек, сближающих разные культуры –общих интересов, целей, ценностей и т. п., которые обнаруживаются в ходе конструктивного и толерантного диалога. Процесс конвергенции осуществим только на основе взаимного согласия, поэтому его результатом становится единство, возникающее естественным, а не искусственным путем, в нем разнообразие не погашается, а гармонично соединяется.

В современном мире, который представляет собой мультикультурное образование, процесс конвергенции осуществляется посредством проведения переговоров между разными странами, которые организуются в рамках разных форматов: от двусторонних до многосторонних (например, Россия – ЕС, Россия – США – Китай, «25+1»). Конвергенция происходит в сферах совпадения жизненно важных интересов, в целях укрепления стабильности и наиболее весомо проявляется в формах совместной борьбы с международной организованной преступностью, в сфере контроля над применением оружия массового уничтожения, использованием атомной энергии и др. Кроме того, международное сообщество солидарно в том, чтобы выработать всеобщее согласие в вопросах осуждения терроризма.

Сближение и объединение разных людей возможно прежде всего на основе осознания общей ответственности перед будущим. Платформой для единства человечества являются неизменные черты родовой природы человека, универсальные ценности и смыслы, нормы общежития как императивы выживания, которые сплачивают людей вопреки разделяющим факторам. Возможности для духовного сближения и единения людей путем консолидации интеллектуальных и нравственных ресурсов на разных уровнях (ценностно-мировоззренческом, культурно-языковом, политико-идеологическом,

конфессиональном, межэтническом региональном и т. д.) расширяет динамично развивающаяся в современном мире спутниковая и мобильная связь, информационная сеть Интернет.

Таким образом, согласие играет важную роль и имеет особое значение в контексте глобализационных процессов в III тысячелетии. Отношения согласия необходимы для решения проблем мирового масштаба и повышения эффективности интегративных процессов с целью обретения стабильности и устойчивости во всех сферах человеческого бытия. Взаимное согласие возникает только в ходе толерантного диалога, на котором базируется конвергенция. Согласие необходимо для усиления процесса конвергенции который способствует ослаблению унификации. В контексте современных глобальных трансформаций сближение и единение разных субъектов связано с пониманием необходимости общей для всех заботы о дальнейшем выживании и развитии, причем полноценном и плодотворном.

1. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / под ред. В. С. Степина. – М.: Мысль, 2001. – Т. 3.
2. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеол. выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова; РАН.; Рос. фонд культуры. – М.: АЗЪ, 1994.
3. Хоруженко, К. М. Культурология: энциклопедический словарь / К. М. Хоружий. – Ростов н/Д: Феникс, 1997.

СЛОВО НАСТАВНИКА

Канд. культурологии, доцент

М. П. Меняева

Челябинская государственная академия культуры и искусств

РОЛЬ КУЛЬТУРЫ СОГЛАСИЯ В БЫТИИ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

Культуру согласия можно рассматривать как культивирование отношений согласия. Согласие предполагает соединение любых различий на основе толерантности с целью достижения гармонического единства и целостности. Согласие является механизмом взаимосвязи в гармонии. Термин «гармония» в античной культуре служил для обозначения металлической скобы, соединяющей различные детали единой конструкции [1, с. 201].

Согласие опирается на социальное, коллективное и родовое начало в человеческой природе. Единение человека с другими позволяет ему осознать, сохранить и обогатить собственный внутренний мир в его целостности, чему способствует культура согласия, без которой невозможна персональная идентификация.

Существование современного человека сопряжено с глобализацией, которая осуществляется на основе совершенствования технико-технологических средств в сфере информации и коммуникации. Производство массовой информации рекламного характера способствует распространению потребительских ориентаций. Потребительский способ существования характеризуется изменением взаимоотношений между людьми. Основной чертой эпохи потребления становится формирование эгоистического индивида,

лишенного чувства солидарности. Потребительский дух оказывает разрушительное воздействие на внутренний мир человека, порождая отчуждение, одиночество как отсутствие полноты отношений с другими. Потребительский стандарт, который распространяется массовой культурой унифицирует и обезличивает человека. В результате усиления негативных сторон глобализации на современном этапе развития становится актуальным культивирование подлинно близких отношений между людьми, предполагающих согласие. Они способствуют устранению отчуждения людей друг от друга.

Значение культуры согласия усиливается в связи с процессами интернетизации и виртуализации в контексте глобализации, которые неоднозначны по своему характеру. Интернет оказывает двойственное воздействие на человека. Мир интернет-сетей способствует утрате связи индивида с реальным миром. В ней возникает «сетевая личность», которая может быть анонимной и принимать выдуманные индивидуальности. Так, для обозначения своего сетевого Я пользователи используют «аватары» (сетевые маски), которые не всегда могут соотноситься с личностными свойствами человека. Сетевую личность характеризует фрагментарность духовного мира. Скрываясь за личинами, ее личностное начало расщепляется, а значит собственный голос теряется. Кроме того, в ходе сетевого общения отмечается ослабление таких уникальных психосоматических феноменов, как лицо, голос, мимика, жесты и т. д., которые репрезентируют человека как цельное существо.

Интернет можно воспринимать как среду и средство развития симулятивных, виртуальных практик, участвуя в которых индивид формирует свою идентичность как фикцию. Виртуальная идентичность дает возможность создавать альтернативные, «искусственные» версии собственного Я. В Интернете человеку предоставлены возможности воспользоваться любыми вариантами себя для каждого конкретного собеседника. Однако в этом таится опасность распыления человеком себя во множестве искусственных образов, утраты подлинной идентичности. Виртуализация общения характеризуется отсутствием непосредственного контакта с собеседником, результатом чего становится устранение целого ряда характеристик: пол, возраст, социальный статус и т. д. Кроме того, смешение реального и виртуального миров в мировоззрении человека, запутавшегося в сетях Интернета, создает разлад, в результате которого происходит отдаление человека от его собственного Я.

Заметим, что виртуальным пространством по отношению к природе является культура в целом, представляющая собой искусственную среду обитания. На современного человека оказывает воздействие прежде всего экранная культура, для которой характерна подача информации в кратких жанрах. Фрагменты, коллажи и клипы монтируются экранной культурой так, что вместо создания целостности приводят к ее разрушению, порождают мозаичность восприятия, ослабляют способность к глубинным ассоциациям, формируют клиповое сознание и «лоскутное» мировоззрение (Ю. А. Ляшенко), создавая разлад во внутреннем мире человека. Защитой

от негативных последствий интернетизации и виртуализации является умение согласовать разнообразие возникающих Я с целью сохранения подлинной идентичности и освобождения от мнимой.

Современный мир характеризуется многомерностью, многополярностью и мультикультурностью. Существование в нем, вынуждает человека вбирать в себя множество различных моделей поведения, расширяя тем самым диапазон оценок и идей, создавая почву для многочисленных вариантов самоидентификаций. Поэтому современный человек становится мультичеловеком, имеющим разные идентичности, которые отвечают множественности жизненных ситуаций, попадая в них, индивид не может оставаться неизменным на протяжении длительного времени. Современный человек социально нестабилен: он всегда готов «сменить форму» (работу, профессию, место жительства, семью и т. д.), приспосабливаясь к обстоятельствам. Однако разные идентичности могут не только гармонично переплетаться друг с другом, но и хаотично смешиваться, ослабляя устойчивость Я, порождая кризис идентичности, который означает разрушение условий для целостного восприятия субъектом самого себя как самотождественной личности. Кризис идентичности проявляется в том, что человек ощущает утрату целостности и преемственности, его различные Я рассогласованны, несогласованны и потому начинают противоречить друг другу, подавлять друг друга или становятся независимыми друг от друга своего рода самостоятельными сущностями. Кризис идентичности, который переживает современный человек усугубляется кризисом современной культуры, связанным с усилением значения утилитарно-потребительских ценностей и ослаблением духовно-нравственной основы.

Рассогласованная сущность современного человека актуализирует восстановление целостности, что невозможно без культивирования согласия, собирающего фрагментарное и расколотое Я. Культура согласия играет главную роль и занимает важное место в жизни современного человека. Она необходима ему для преодоления ситуации кризиса идентичности, поскольку обеспечивает возвращение к духовности, гарантирует душевный покой и равновесие. Культура согласия является способом обретения подлинно целостного мира как в самом человеке, так и вне его. Основой согласия является рефлексия, т. е. внутренний диалог, направленность на который – в природе человека.

Таким образом, культура согласия обретает особое значение в жизни современного человека в контексте развития негативных тенденций в ходе процесса глобализации. В связи с господством утилитарно-потребительских ориентаций, разрушающих и опустошающих внутренний мир человека, порождающих отчуждение и разногласия между людьми, активизируется потребность в гармонизации отношений. Культура согласия как умение пользоваться собственным голосом становится запросом в условиях обезличивания и безответственности, развивающихся в ходе интернетизации. Для современного человека возникла опасность утраты подлинной

идентичности и замены ее виртуальной, симулирующей единство человека как с самим собой, так и с другими людьми. Поэтому необходимость в культуре согласия усиливается.

В условиях мультикультурализма культура согласия как стремление к единству противодействует фрагментации, обеспечивая гармоническую взаимосвязь. Кроме того, она является средством для восстановления изначально присущей человеку целостности в условиях кризиса культуры, обостряющего кризис идентичности. Культура согласия базируется на рефлексивном диалоге и формирует такие необходимые современному человеку качества, как ответственность и толерантность.

Будучи изначально соприродной человеку, культура согласия обеспечивает его выживание и устойчивое развитие. Как умение согласовывать и гармонично интегрировать она становится ценной для современного человека, поскольку позволяет обрести душевное спокойствие и равновесие, стать гармоничной, собранной личностью. Культуру согласия можно воспринимать в качестве аттрактора, направляющего человека на плодотворное существование, полноценное и оптимальное развитие.

В динамично изменяющихся условиях бытия культура согласия должна играть ведущую роль и занимать важное место в существовании современного человека, поскольку позволяет сохранять его собственную природу, его сущность.

1. Всемирная энциклопедия: Философия / ред. А. А. Грицанов. – М.: АСТ, Мн.: Харвест, Соврем. литератор, 2001.
2. Корытникова, Н. В. Интернет как средство производства сетевых коммуникаций в условиях виртуализации общества / Н. В. Корытникова // Социс. – 2007. – № 2.
3. Миронов, В.В. Философия и метаморфозы культуры / В.В. Миронов – М.: Соврем. тетради, 2005.
4. Назарчук, А. В. Сетевое общество и его философское осмысление / А. В. Назарчук // Вопр. философии. – 2008. – № 7.
5. Тихонова, С. В. Коммуникационная революция сегодня: информационная сеть / С. В. Тихонова // Полис. – 2007. – № 3.
6. Ярославцева, Е. И. Коммуникативные стратегии человека в современном мире / Е. И. Ярославцева // Филос. науки. – 2008. – № 7.

С. С. Метелёва
Уральский государственный педагогический университет

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ТЕЛЕВИЗИОННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПРОГРАММ

Сложность и болезненность процессов трансформации в России рубежа XX и XXI вв. вызывает в научном мире активный дискурс, осложненный вовлеченностью участников в сам процесс проживания реальности, «в сиюминутную суету» [5, с. 70]. Отсюда и болезненное непонимание, отсутствие объективности в описании отдельных феноменов, что недопустимо для научного анализа.

На наш взгляд, именно телеэкран, сама эволюция телевещания, и, в первую очередь, информационного вещания, составляющего основу любого телеканала, предоставляют реальную возможность для беспристрастного созерцания современности, нравов, ценностей, мотивов и поступков, для объективной интерпретации социокультурной динамики.

Становление российского телевидения начиналось в советский период, поэтому идеологическая выверенность становится его отличительной чертой. «Ни один материал не мог выйти в эфир без штампа или подписи цензора», – вспоминает режиссер СГТРК К. Карелин [2, с. 30]. Телевидение не столько информировало, сколько агитировало зрителя, формируя общественное сознание в идеологически заданном русле. « Люди узнавали только то, что им «полагалось» знать», – отмечает Цвик [7, с. 24].

Отсюда и замалчивание насущных проблем в стране, и отсутствие жизненных реалий на телеэкране, что неминуемо углубляло демаркационную линию Должное-Сущее. О формировании какого-либо общественного мнения не приходилось и говорить. Поэтому первые попытки молодых журналистов в программе «Взгляд» расширить информационное поле и обозначить плюрализм мнений вызвали огромный резонанс в стране, вселили надежду на создание совершенно нового телевидения, своеобразного народного рупора.

Действительно, с провозглашением демократических преобразований и с отменой цензуры радикально меняется стиль и тематика информационного вещания. В его основе – смелость и независимость трактовки событий, где доминируют два основных лозунга: «Долой все советское» и «Факты, а не мнения». Среди главных достоинств отметим отрицание лакировки действительности. Лидерами ЦТ становятся яркие журналисты-комментаторы: Александр Невзоров, Светлана Сорокина, Евгений Киселев, Сергей Доренко, Леонид Парфенов. «Их телевизионный образ – размышляющих в кадре людей, имеющих собственную точку зрения, – выгодно контрастировал с дикторами программы «Время»», – отмечает В. Цвик [Там же, с. 30]. Каждый авторский сюжет походил на маленькое публицистическое выступление в кадре, демонстрируя «свободу оценок, широту взглядов, стратегическое мышление» [Там же, с. 31].

Так эпоха перемен в стране напрямую связана в сознании россиянина с появление нового стиля подачи информации. Однако период этот оказался удивительно недолгим.

Кризис власти и отмена цензуры потребовали полного пересмотра содержания телевизионного вещания, обновления его содержательной стороны. За основу был выбран западный стиль вещания, что, по справедливому замечанию Н.Хренова, свойственно русскому менталитету [6, с. 207]. Таким образом, при отборе информации для эфира, журналисты начинают неукоснительно руководствоваться критериями, заимствованными из американских учебников. Основное место среди них занимают требования не просто уникальности, а скандальности и конфликтности в широком смысле толкования

этого слова, максимальное упрощение и приближение к массовому потребителю, повышенный интерес к знаменитостям различного рода [7, с. 42].

Вскоре появляется осознание журналистами новых сил: финансовой зависимости от владельцев телеканалов, рекламных денег и рейтингов.

В результате, выше названные имена начинают ассоциироваться с амбициозностью, субъективностью, смещением приоритетов в сторону негатива, доходящего до «информационного садизма» [1, с. 688] и политическими войнами. Новостийные выпуски 1990-х гг. отличает не столько оперативность новостей, сколько дезинформация, фальсификация реальных материалов, изобилие компромата, тесно переплетенного с постоянной антисоветской пропагандой. Все это способствует криминализации массового сознания путем воздействия не на интеллект, а на подсознание

Это всестороннее воздействие от использования видеоряда, в определенной трактовке и манере подачи порочащего историю, праздники и символы советского прошлого, до привлечения запретных, разрушительных для человеческого сознания приемов. Например, к информации о парламентских партиях России подверстывается видеоряд с изображением нацистов и Гитлера, что само по себе в нашей стране уже рождает ненависть [Там же, с. 695].

При этом информированность по насущным жизненным вопросам, столь востребованная в период социальной ломки, практически, сведена к нулю. Например, нигде не проговаривается сущность финансовых пирамид или особенности приватизации, права акционеров и прочее.

Основную проблему В.Цвик видит « в отсутствии общественно выверенной концепции информационного вещания, в нежелании понять и сделать мерилом своей деятельности общественное благо» [7, с. 94]. С. Кара-Мурза, А. Зиновьев, Ф. Раззаков рассматривают сложившуюся ситуацию как культивирование состояния тревожности, поскольку напуганными и тревожными легче манипулировать. На наш взгляд, в данном вопросе заслуживают особого доверия рассуждениям И. Яковенко о ценностном переживании страха при снятии авторитарного контроля, когда, сознание, освобожденное от привычной репрессивной составляющей, должно преодолеть вакуум смысла [8, с. 103]. Эта гипотеза объясняет многое в агрессивности телекомментаторов и превалирующей в репортажах темы гибели и разрушений.

Очередные радикальные перемены в телевещании связаны с началом укрепления власти. На сегодняшний день мы наблюдаем огосударствление «федеральной» телеинформации. «Журналистские темы, а с ними вся жизнь, окончательно поделились на проходимые по ТВ и непроходимые по ТВ. За всяким политически значимым эфиром угадываются цели и задачи власти, ее настроения, отношение, ее друзья и недруги… Это не новости, а старости – повторения того, как принято в таких случаях вещать», – так комментирует произошедшие перемены на российском ТВ Леонид Парфенов в своей знаменитой речи на вручении премии им. В. Листьева, подчеркивая возврат к основным принципам советского ТВ [4].

Опуская критические интонации, отметим лишь важную тенденцию в эволюции телевещания – обращение к опыту прошлого в поисках стабильности и, пусть мнимого, порядка и консолидации общества. Этот возврат воспринимается зрителем как Должное, как гарант в преодолении хаоса, уверенности в завтрашнем дне Государства.

В целом современные информационные программы, при полном отсутствии комментариев и мнений, превратились в *единый поток* случайных сведений. Особенно наглядно данный феномен демонстрирует информационный канал Россия-24 (аналог CNN) Этот круглосуточный поток, синкретичный по своей сути, уже чаще всего не осознается, перестает выстраиваться в единую систему, однако, создает иллюзию сопричастности индивида жизненному процессу. При сложившейся практике дополнительного постоянного разрывания этого несвязанного потока рекламой сформировался особый, хаотичный, «мозаичный», по определению А. Моля, тип вещания, когда «знания складываются из разрозненных обрывков, связанных простыми, чисто случайными отношениями близости по времени усвоения, по созвучию или ассоциации идей» [3, с. 45].

Важно отметить еще одну закономерность сегодняшнего дня, которую М. Луков обозначает как оповседневнивание выпусков новостей. То есть все чаще в разряд новостей попадают типичные события дня: ДТП, аварии, пожары. Даже репортажи, посвященные первым лицам государства, часто посвящены незначительным эпизодам (например, выбор имени для щенка В. Путина). В эфире местных телеканалов закрепилась практика производства сюжетов на темы, подсказанные зрителем (про гриб, выросший в стене). Эта будничность и понятность при маргинализации тем по реальному состоянию дел в стране, создавая иллюзию стабильности, не позволяют сложить единую картину.

Поэтому можно говорить об условности и самого понятия «телевизионная картина мира», и социальной значимости телевизионных новостей, а также о состоянии апатии российского общества на фоне реабилитации патернализма, символизирующего незыблемость бытия. Значимым фактором, на наш взгляд, можно рассматривать всепроникающую культуру повседневности, красноречиво указывающую не только на субъективность россиянина в понимании жизни, но некую подсознательную потребность обрести нечто привычное и понятное в бесконечном информационном потоке, через упрощение ассимилируя навязанные европейские стандарты.

1. Кара-Мурза, С. Г. Манипуляция сознанием. – М.:Эксмо, 2009. – 864 с.
2. Костоусов, В. П. «Говорит и показывает Свердловск…» Телевидение, которое мы делали и любили / В. П. Костоусов. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2 005. – 304 с.
3. Моль, А. Социодинамика культуры / А. Моль. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 416 с.
4. Парфенов, Л. Речь на вручении премии им. Владислава Листьева / Л. Парфенов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://journs.ru/index.php/articles/gazeta/777-rech-parfenova.html.
5. Фрумкин, К. Позиция наблюдателя / К. Фрумкин. – Киев: Ника-Центр; М.: Старклайт, 2003. – 218 с.
6. Хренов, Н. А. Культура в эпоху социального хаоса / Н. А. Хренов. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 448 с.
7. Цвик, В. Л. Телевизионная служба новостей / В. Л. Цвик. – М., Юнити, 2008. – 319 с.
8. Яковенко, И. Г. Россия и Репрессия: репрессивная компонента отечественной культуры / И. Г. Яковенко. – М.: Новый хронограф, 2011. – 336 с.

Е. Г. Миляева
Челябинская государственная академия культуры и искусств

ЧЕЛОВЕК-БРЕНД В РАКУРСЕ ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Современная социокультурная ситуация заставляет исследователей переосмыслить реальную повседневную жизнь человека в различных ее аспектах. Одним из наиболее интересных феноменов современной культуры, сформированной на основе доминаты потребления и обмена информацией, является бренд. Бренд, как обладающий символической природой устойчивый конструкт, заключающий в себе набор смыслов, может быть рассмотрен как своеобразный ценностный ориентир, регулятор в процессе осуществления человеком потребленческих практик, как материальных, так и духовных. Наивно полагать, что люди не могут являться брендами и поэтому возникает вопрос о специфике человека-бренда.

Индивиду для нормального существования необходимы какие-либо конкретные ориентиры, то, чему он следует, на что опирается в своей жизни. Общественные идеалы усваиваются личностью и в качестве «моделей должного» начинают побуждать ее к активности, в процессе которой происходит их предметное воплощение; предметно же воплощенные ценности, в свою очередь, становятся основой для формулирования общественных идеалов и так далее, по бесконечной спирали. Несомненно, в современном обществе основным содержанием жизни, жизненной средой является потребление. Все, что человек экстраполирует во внешний мир обусловлено культурой, в которой определено то, что и как может быть репрезентировано. Тогда человек сможет определиться со своей идентичностью. Но для того чтобы произошел процесс идентификации нужен Другой. Неудачные образцы этих «других» представлены сейчас современным шоу-бизнесом (в том числе и политикой), когда из под профессионально созданного, но все же совершенно не живого, картонного имиджа вырывается настоящая человеческая сущность, не помещающаяся в рамки бизнес-плана.

Человек-бренд является чувственно-сверхчувственным объектом. Чувственно он воспринимается как конкретный индивид, как личность со всеми своими конкретными характеристиками, достоинствами и недостатками. Но при этом за ним стоит то, что само по себе не существует иначе, как только в нашем сознании. А вот посредством человека, конкретного лица это нечто становится данным, объективируется.

Сущность «человека-бренда» заключается в том, что он является не только образцом и моделью для подражания (т. е. тем Другим относительно которого человек может себя идентифицировать), но и олицетворяет собой идеал, мечту, ценность, но при этом не теряет собственную человеческую уникальность, не обезличивается. Например, Юрий Гагарин – это конкретный человек, но в тоже время и знак покорения человечеством космоса. Карл

Маркс – конкретный человек, но для «буржуазного» мира – это «призрак коммунизма». Или Лев Толстой и Махатма Ганди – тоже конкретные люди, но при этом в них объективируется такой моральный принцип как ненасилие.

А. В. Мугалимова
Челябинская государственная академия культуры и искусств

ПРИЧЕТ КАК СОДЕРЖАТЕЛЬНО-ЖАНРОВАЯ ОСНОВА «ЭПИТАФИИ» М. СМИРНОВА

Уральский композитор Михаил Дмитриевич Смирнов (1929–2006) относится к старшему поколению современных российских композиторов второй половины XX в. Уроженец села Белоярка Курганской области, он большую часть жизни прожил в Челябинске. Дарование и огромная работоспособность обеспечили М. Смирнову бесспорное лидерство среди представителей уральской композиторской школы.

Как каждый композитор, работающий в различных музыкальных жанрах, М. Смирнов стремился быть понятым своими современниками. В этом смысле композиторскую судьбу Михаила Дмитриевича можно признать счастливой, так как многие его сочинения были исполнены при жизни автора, тепло принимались слушателями и получали положительную прессу.

За 50 лет творческой деятельности Смирнов создал около 100 произведений в разных жанрах: 13 симфонических произведений, 8 опусов для хора и оркестра, 12 камерно-инструментальных сочинений, 8 произведений для русских народных инструментов и более 40 песен. Показательно, что самые значительные, масштабные произведения М. Смирнов связывает с воплощением глубоко драматического, вплоть до трагического содержания, что было обусловлено прежде всего той реальностью, в которой существовал автор. Действительно, весь XX в. «переполнен» революциями, войнами как в мировом масштабе, так и в жизни России, т. е. событиями, несущими народам, странам, всем людям горе, смерть, трагедии. Что касается лично жизни М. Смирнова, то неизгладимый след в судьбе композитора оставила Великая Отечественная война. О пережитых тяготах войны композитор вспоминал: «Моя музыка в значительной степени автобиографична. Я по сути не видел ни детства, ни юности; встречал в жизни много плохого. С 13 лет начал работать на заводе по 12 часов в сутки наравне со взрослыми… В нашей семье и о репрессиях знали не понаслышке, хотя боялись об этом говорить открыто. Все это накапливалось в душе тяжелым грузом и не могло не отразиться определенным образом в творчестве» [Цит. по: 5, с. 46].

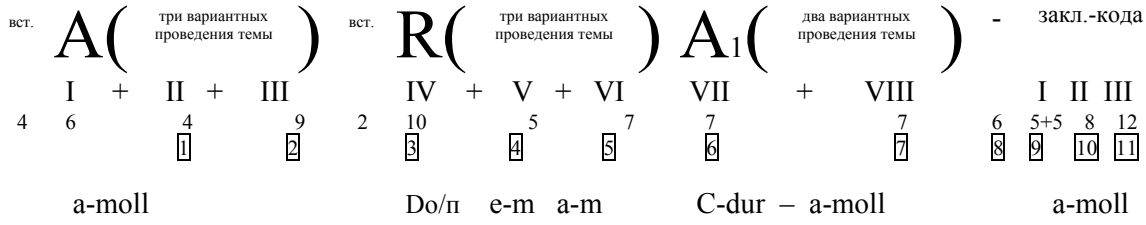
Самые трагические страницы истории нашей страны в XX в. композитор отразил прежде всего в *симфониях* – самых крупных инструментальных жанрах. Так, в Третьей симфонии (1985 г.) композитором, отражена судьба

народа в Великую Отечественную войну, Четвертая симфония (1990 г.) сочинена М. Смирновым по прочтении романа А. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ», Пятая симфония (1998 г.) имеет подзаголовок: «Вечная память погибшим в Чеченской войне…». В этом ряду трагедийных сочинений продолжила «Эпитафия», созданная 66-летним автором в 1999 г. Показательно, что на сей раз трагическое содержание воплощено М. Смирновым не в многочастной симфонии, а в весьма компактной, семиминутной инструментальной композиции, которая по силе эмоционального воздействия не уступает его многочастным симфониям.

Из истории создания «Эпитафии» известно, что это произведение существует в двух вариантах: для симфонического и народного оркестров. Вспомним о первоначальном названии сочинения «Золотая гора». «Золотая гора» – название места массового захоронения людей (по одной из версий – жертв сталинских репрессий) на северной окраине поселка Шершни под Челябинском. В настоящее время на этом месте открыт мемориальный комплекс, где ежегодно проходят митинги, посвященные памяти погибших. М. Смирнов неоднократно был участником траурных церемоний, вместе со всеми разделял горечь воспоминаний, связанных с далекими трагическими событиями страны и уральского края. Кажется, что в те минуты композитор особенно остро чувствовал единение с другими людьми, осознавал всю глубину трагедии народа. Глубоко прочувствованным музыкальным откликом и является реквием «Золотая гора» (далее – «Эпитафия»).

«Эпитафия» представляет собой одночастное произведение, написанное в смешанной форме, сочетающей вариантность сквозного развития (восемь вариантных проведений темы) и трехчастность.

Схема строения «Эпитафии»:

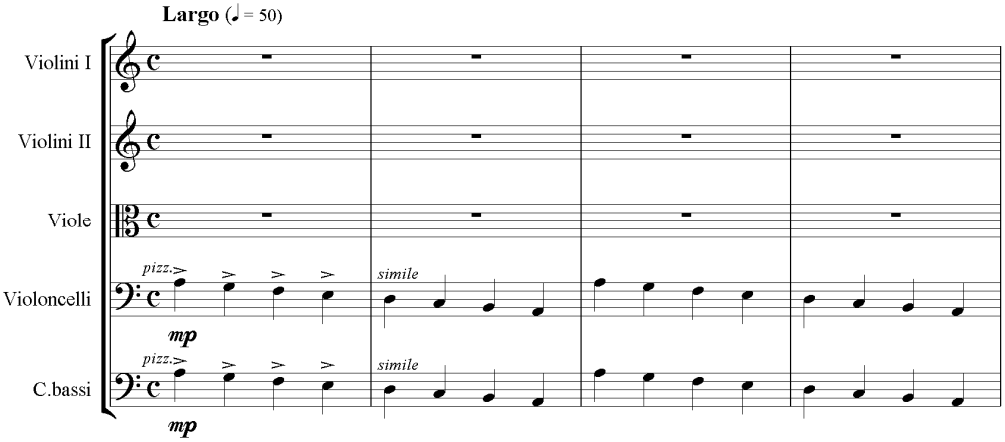


В целом музыка «Эпитафии» звучит скорбно, сосредоточенно, драматично, достигая в кульминации высокой трагедийности. Для выражения трагического содержания М. Смирнов использует жанр плача - причета как самое устоявшееся в веках в русском народном творчестве средство выразительности. Известно, что этот же прием обобщения через жанр использовали в своих драматических сочинениях многие выдающиеся композиторы от Г. Перселла и И. С. Баха до Д. Шостаковича и Э. Денисова.

Вступление «Эпитафии» воспринимается как обобщенная картина медленного массового шествия людей к месту захоронения жертв сталинских репрессий. Характерно, что для концентрированного выражения человеческого горя и скорби композитор использует *минимум* выразитель-

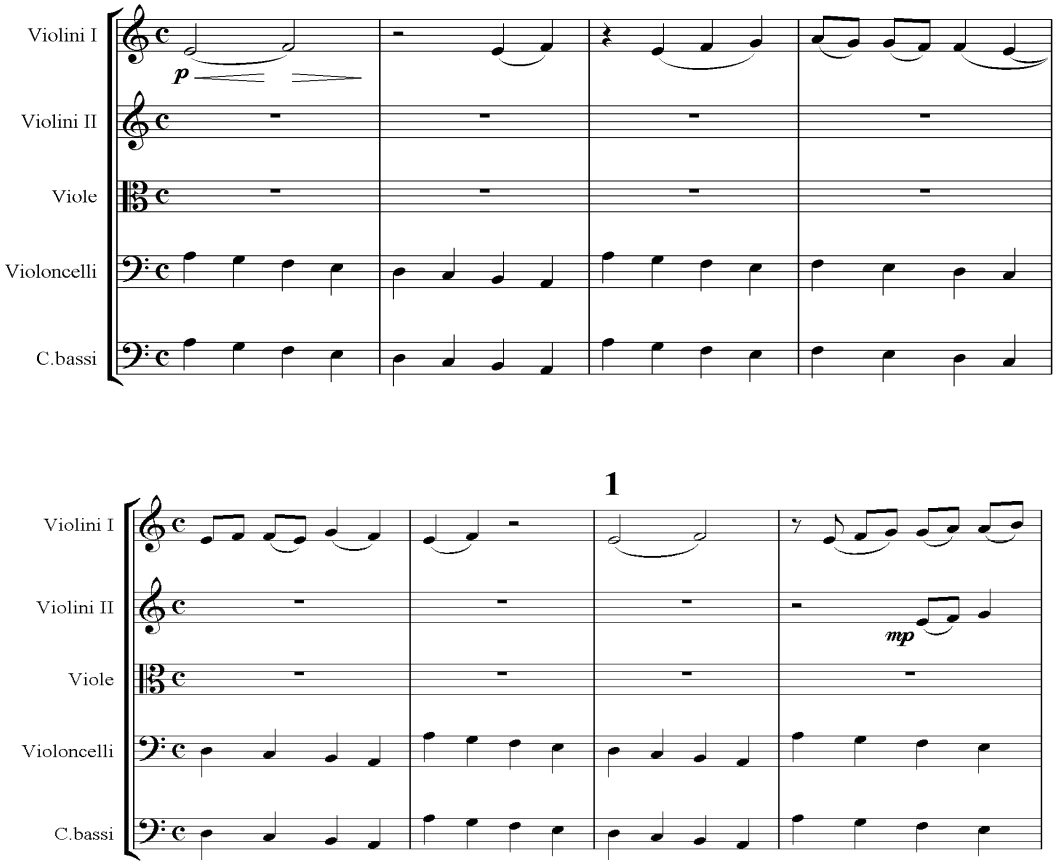
ных средств: темп largo, остинатный ритм четвертями, низкий регистр и унисонное нисходящее пиццикато в партиях виолончелей и контрабасов.

Пример 1



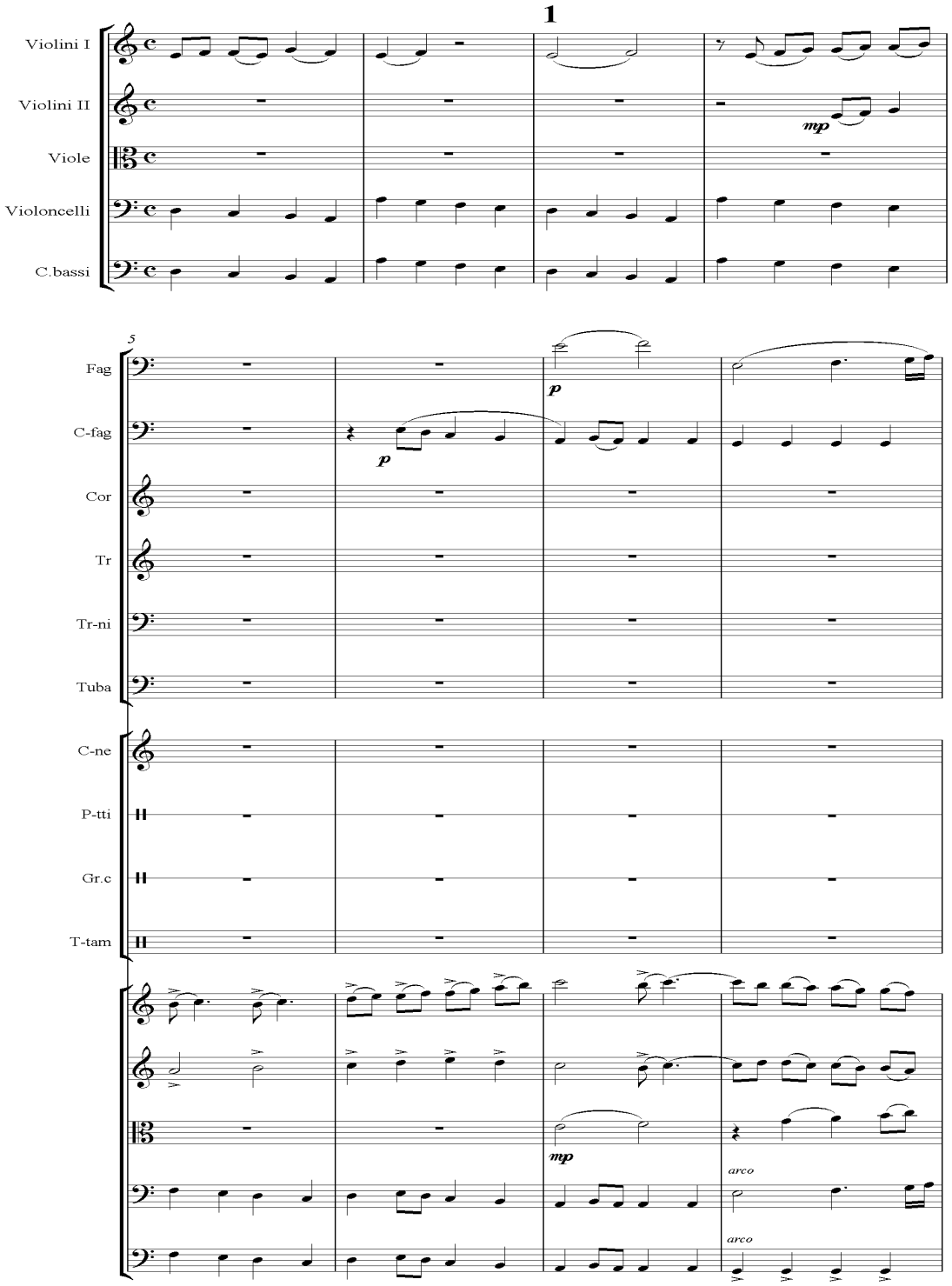
Основная тема у первых скрипок звучит печально, щемящее, с интонациями вздоха. Тема зарождается постепенно – из малой восходящей секунды V – VI ступеней натурального ля-минора. Этот первый мини-мотив развивается *вариантно*, преобразуясь в четвертом и пятом тактах в нисходящие стонущие секундовые интонации, которые завершают причетную формулу. Характерные интонации причета часто встречаются в поздних сочинениях Смирнова (символ общечеловеческого горя).

Пример 2



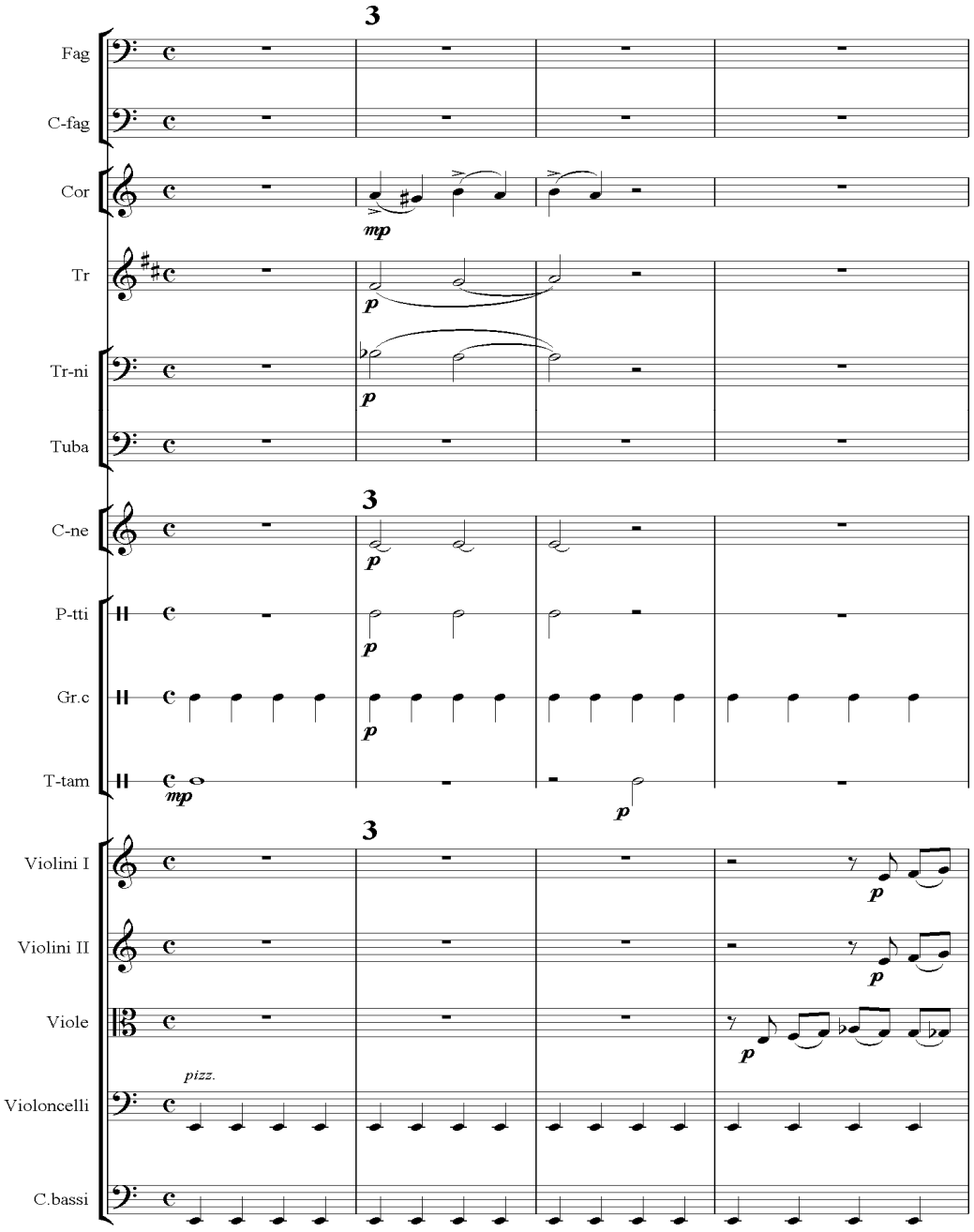
Характерно, что волновое развитие шеститактовой темы интонационно завершено, обрамлено восходящей малой секундой, приобретающей формообразующее значение. Именно с восходящей малой секунды будут начинаться все последующие варианты темы «Эпитафии». Интересно, что во втором проведении темы композитор подключает имитационную полифонию, в третьем – подголосочную полифонию, при этом оркестровая фактура разрастается до шестиголосия:

Пример 3



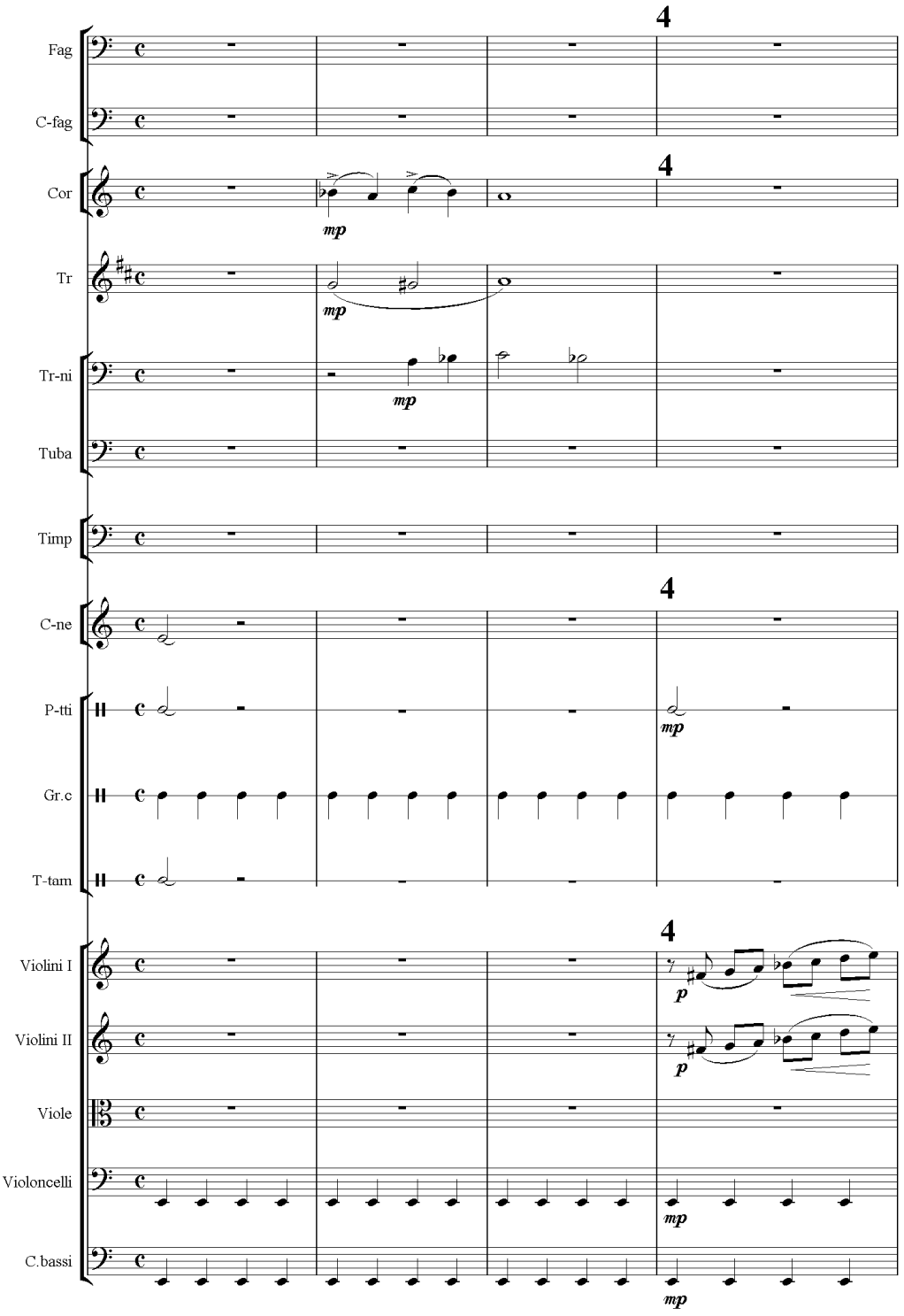
Средняя часть «Эпитафии» воспринимается как масштабная кульминационная зона всего произведения. Этот двадцатичетырехтактовый раздел, включающий в себя три новых вариантных проведения темы, построен по принципу комплексного крещендо во всех средствах выразительности. Главная особенность *четвертого* проведения темы заключается в появлении похоронного остинатного ритма ровными четвертями в партии большого барабана, дублированного виолончелями и контрабасами, что несомненно, углубляет трагедийность музыки. Одновременно в мелодических голосах медных духовых и скрипок звучат исключительно секундовые стонущие интонации с акцентом на первую ноту.

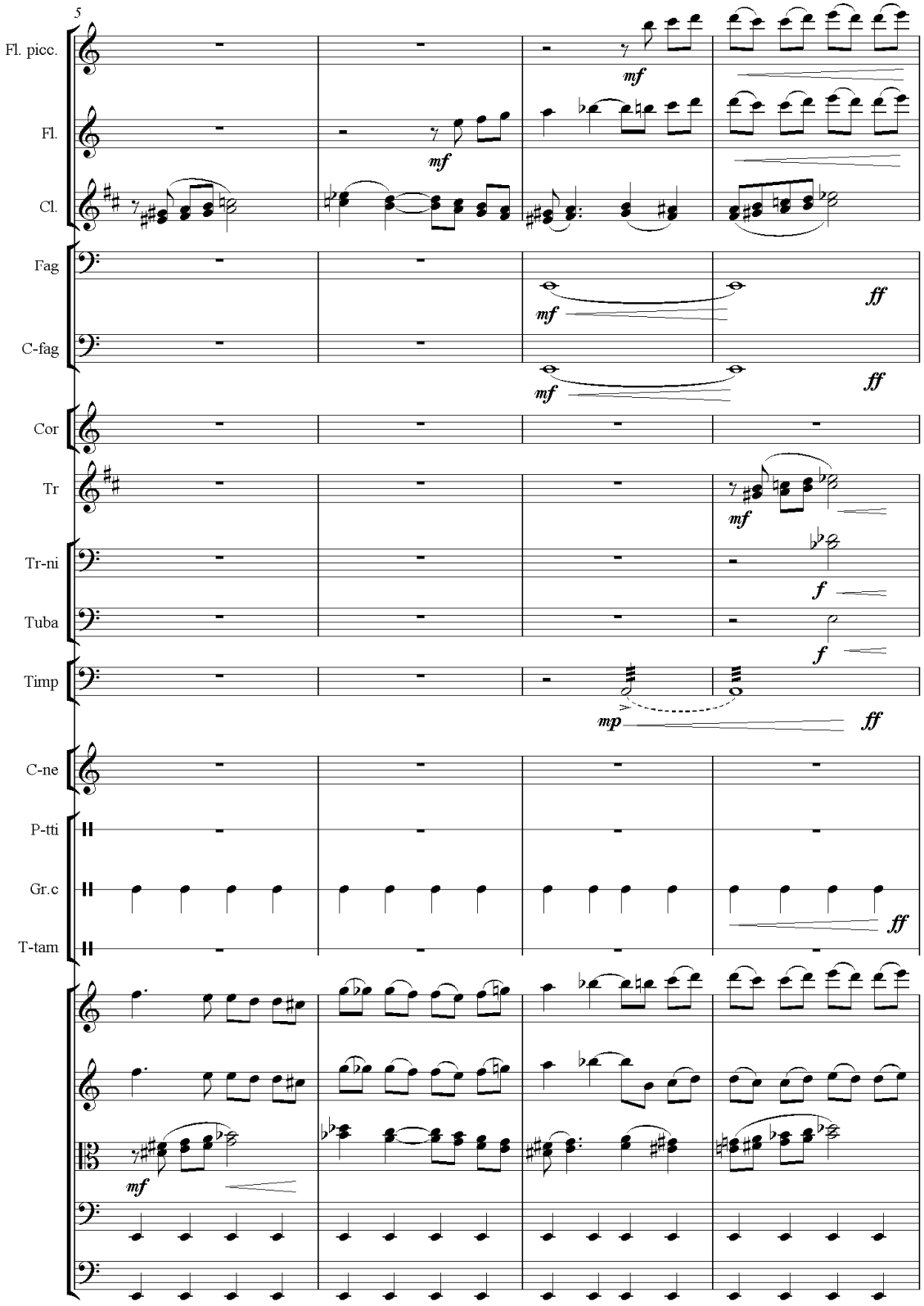
Пример 4



В *пятом* проведении темы композитор вводит более плотное и громкое звучание: движение параллельными терциями в партиях альтов и кларнетов, сочетая его с интонациями плача в верхних оркестровых этажах у флейты и флейты-пикколо, первых и вторых скрипок, т. е. целенаправленно расширяет оркестровый диапазон до пяти октав. При этом общее звучание остается сдержанным, накапливая напряжение исподволь и подводя к неожиданному эмоциональному взрыву.

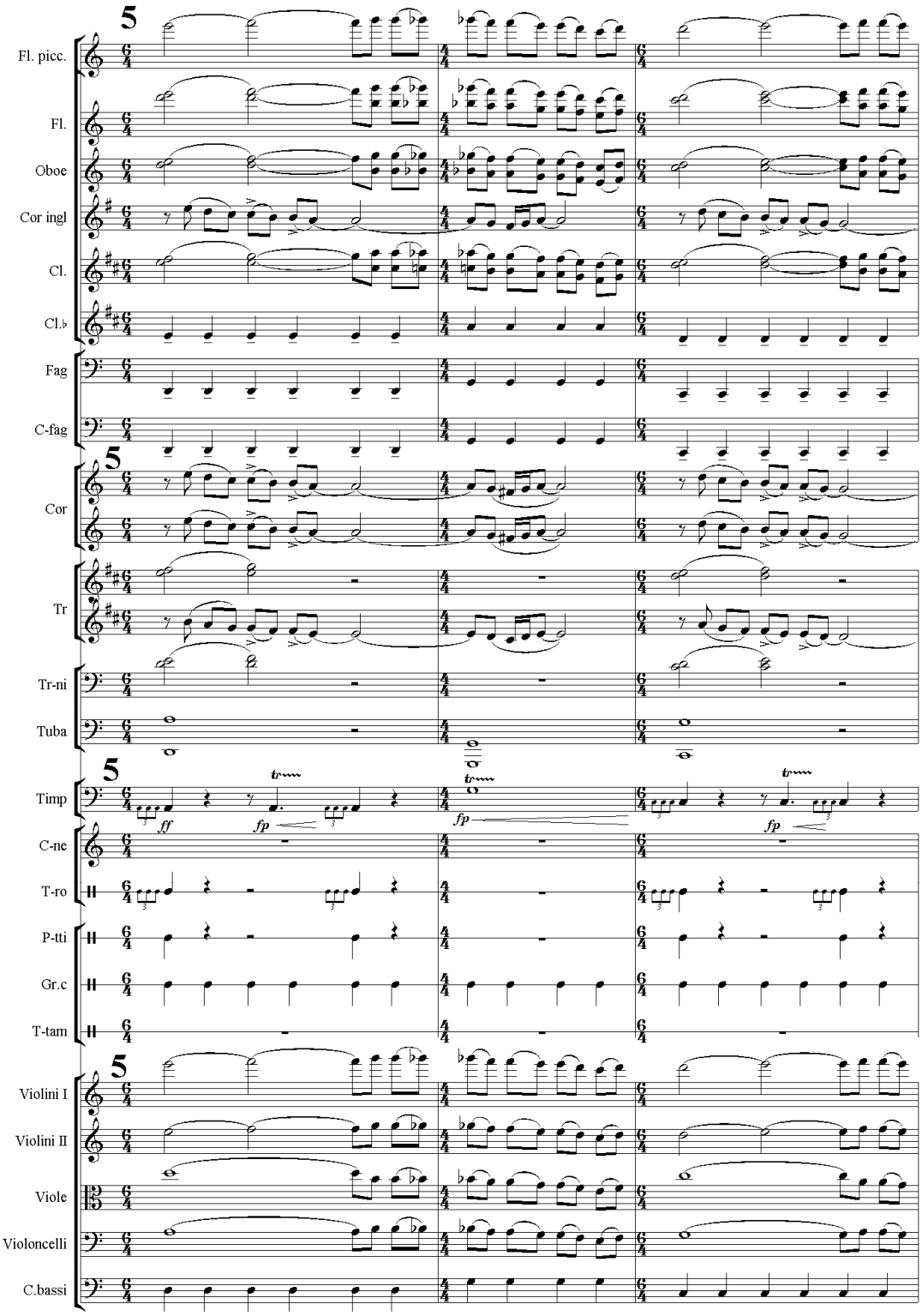
Пример 5




5
Fl. picc.
Fl.
Cl.
Fag
C-fag
Cor
Tr
Tr-ni
Tuba
Timp
C-ne
P-tti
Gr.c
T-tam
mf
ff
mp
f

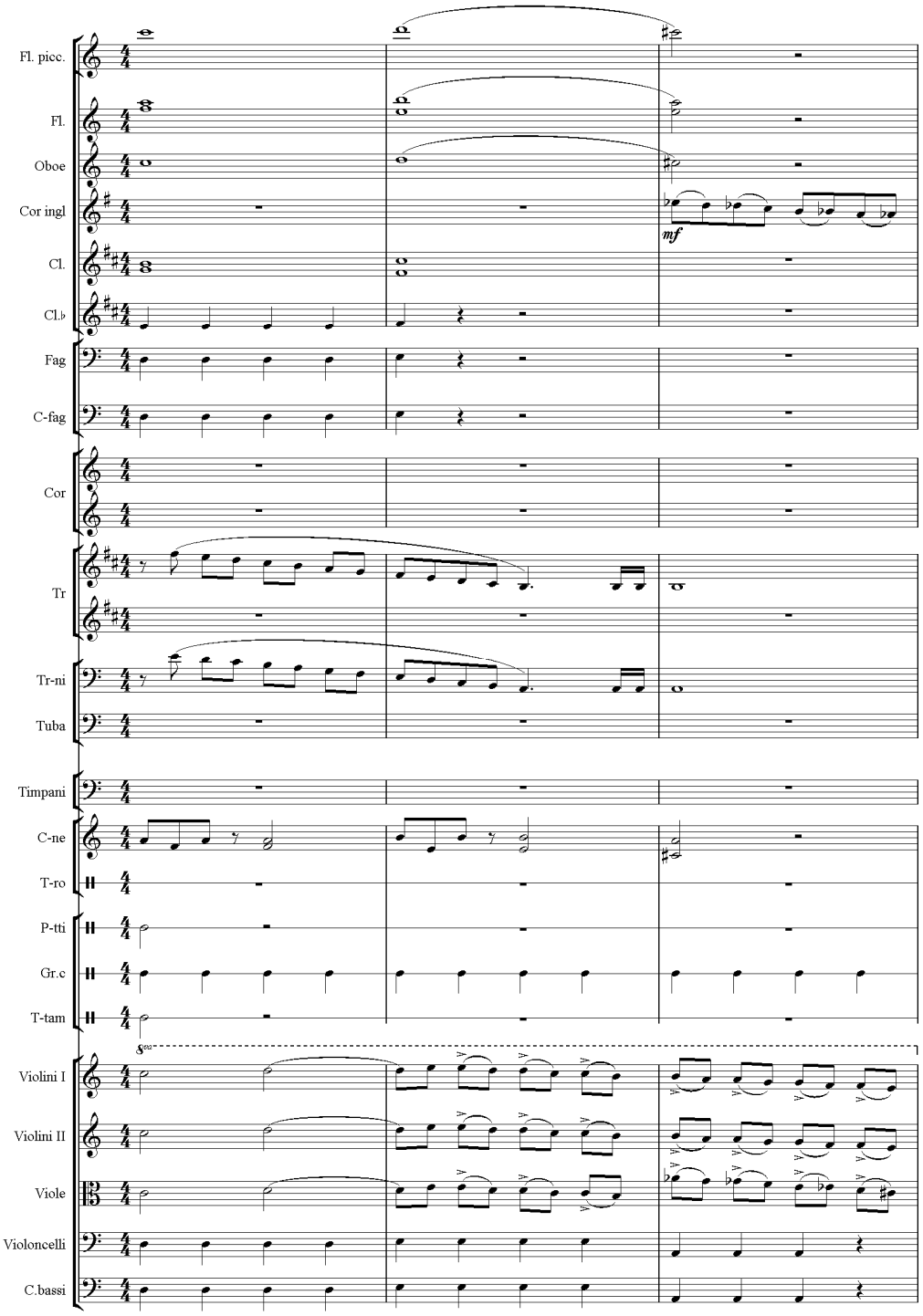
Шестое, самое трагедийное проведение темы причета звучит особенно пронзительно, отчаянно, как «крик души» всех людей. Весь оркестр играет ff, с подчеркнутыми диссонансами в голосах деревянных и медных духовых инструментов. Особенность данного проведения темы – в появлении новой ритмоформулы у литавр, вызывающей прямую ассоциацию со звуками и ритмом автоматной очереди (напоминание о расстреле).

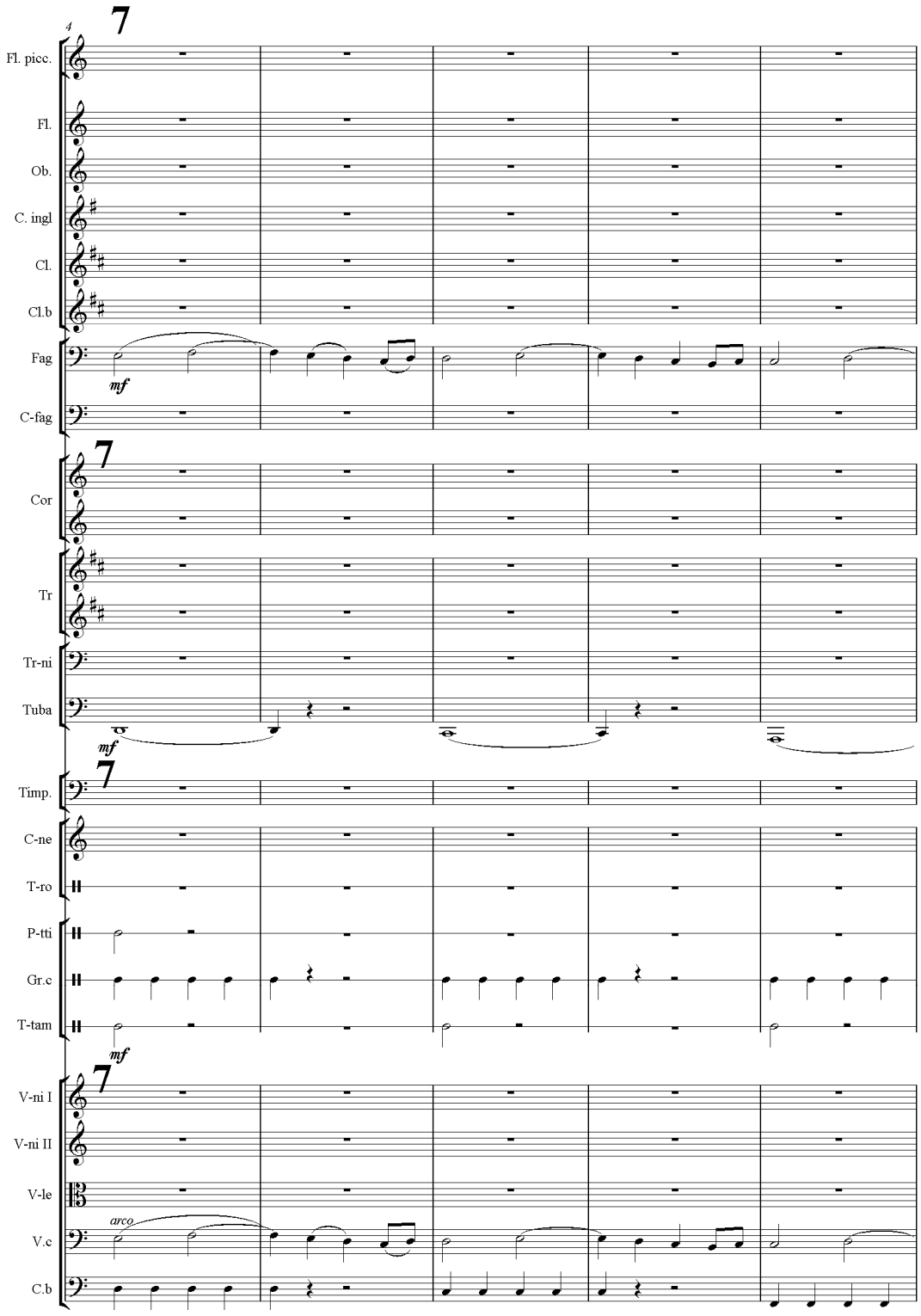
Пример 6



Последние два проведения основной темы воспринимаются как реприза трехчастной формы, как резкий послекульминационный спад. Обращает на себя внимание предельное разряжение оркестровой фактуры, где тема плача звучит одноголосно, в унисон у фагота и виолончелей, постоянно сжимаясь интонационно, вплоть до исходного секундового мелодического зерна на фоне замирающего, исчезающего остинатного ритма у контрабасов.

Пример 7





Заключение-кода подводит философский, содержательный, глубинный итог развития музыки, обобщая особенности драматургии всего произведения. Один ассоциативный уровень, картинно – изобразительный, зарождается постепенно, издалека, как будто к тоненькому людскому ручейку присоединяется все больше и больше людей, образуя массовое шествие. Другой, эмоционально-психологический пласт музыки, связан с воплощением главной идеи

произведения: выражения сочувствия к скорби по погибшим. С этой целью М. Смирнов использовал прежде всего композиторский прием обобщения через жанр, наполнив всю «Эпитафию» музыкой, типичной для плачей, причитаний: в произведении господствуют интонации м2 (и восходящей, и нисходящей), минорный лад (натуральный и усложненный, двенадцатиступенный), медленный темп Largo, вариантный метод развития, приводящий к появлению жанровых черт протяжной песни, которая, как и плач – причитание, в жизни русского народа всегда выражала горе и страдание людей. Именно содержательно-жанровая составляющая «Эпитафии» является главной основой всего произведения М. Смирнова.

Анализ всех средств выразительности «Эпитафии» показал, что в основе музыкального развития сочинения лежит взаимодействие трех главных комплексов выразительных средств: *мелодического*, *тембрового и динамического*. Развивая вариантно основную тему, композитор расширяет ее диапазон, обогащает тему имитационной и подголосочной полифонией, углубляя ее трагическую выразительность. В использовании *оркестровых* тембров М. Смирнов придерживается принципов психологической трактовки инструментов, характерных для русской симфонической школы, и прежде всего, для П. И. Чайковского. В «Эпитафии» все струнные и духовые выражают скорбные, горестные переживания людей, а ударные символизируют зло и смерть.

В «Эпитафии» для выражения образного содержания немалая роль принадлежит ладо-тональному развитию, которое представляется глубоко продуманным и целенаправленным: это путь усложнения минорного лада от натурального в I части «Эпитафии» через полный 12-ступенный ля минор в средней части сочинения, к краткому катарсисному до мажору в репризе трехчастной формы и заключительному натуральному ля минору в коде.

Таким образом, композитор мудро и мастерски, в одночастном произведении воплотил глубоко реалистическое, трагедийно-философское содержание.

Исполнительская судьба «Эпитафии» сложилась весьма удачно. Сочинение неоднократно исполнялось при жизни автора: оркестром русских народных инструментов «Останкино» под управлением Н. Некрасова (1995); Государственным оркестром «Малахит» п/у В. Лебедева (1995); Национальным оркестром России им. Н. П. Осипова п/у В. Лавришина; оркестром русских народных инструментов «Виртуозы Кубани» п/у А. Винокура (2006); оркестром русских народных инструментов Уфимской государственной академии искусств им. З. Исмагилова п/у Р. Сагадеева (2010); Вятским оркестром русских народных инструментов им. Ф. Шалпина, п/у А. Чубарова (2010); оркестром русских народных инструментов ЧГАКИ исполнительского факультета п/у А. Султановой; оркестром русских народных инструментов ЧГАКИ п/у В. Лавришина; симфоническим оркестром Челябинского театра оперы и балета им. М. И. Глинки п/у С. Ферулева.

Оценивая художественную значимость «Эпитафии», можно с уверенностью сказать, что М. Смирнов как русский композитор XX в. внес достойный вклад в историю развития одного из самых глубоко философских музыкальных жанров.

1. Асафьев, Б. Музыкальная форма как процесс / Б. Асафьев. – Л.: Госмузиздат., 1963. – 379 с.
2. Мазель, Л. Вопросы анализа музыки / Л. Мазель. Вопросы анализа музыки. Опыт сближения теоретического музыкознания и эстетики. – М., 1978. – 353 с., нотн. прим.
3. Мазель, Л. Статьи по теории и анализу музыки / Л. Мазель. – М, 1982. – 328 с., нотн. прим.
4. Музыка России: от средних веков до современности: сб. ст. Вып. I. – М.. 2004. – 376 с.
5. Синецкая, Т. М**.** Композиторы Южного Урала / Т. М. Синецкая. – Челябинск: Дом печати, 2003. – 352 с.
6. Синецкая, Т. М. Смирнов Михаил Дмитриевич // Челябинск: энциклопедия / сост. В. С. Боже, В. А. Черноземцев. – Челябинск: Камен. пояс, 2001. – С. 758.
7. Синецкая, Т. М. Четвертая симфония Михаила Смирнова: опыт интонационного анализа / Т. Синецкая, А. Мугалимова // Вестн. Челяб. гос. акад. культуры и искусств. – Челябинск, 2010. – № 2(22). – С. 63–69.
8. Холопова, В. Формы музыкальных произведений: учеб. пособие / В. Холопова. – Изд. 3, стер. – СПб: Лань, 2006. – 496 с. – (Учебник для вузов. Специальная литература).
9. Цуккерман, В. Анализ музыкальных произведений // Анализ музыкальных сочинений: Общие принципы развития и формообразования. Простые формы / В. Цуккерман. – М., 1980. – 296 с., нот.
10. Чернова Т. Драматургия в инструментальной музыке / Т. Ю. Чернова. – М.: Музыка, 1984. – 144 с., нот.

П. В. Наумов
Челябинский государственный университет

СОЦИАЛЬНЫЙ И/ИЛИ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ (об одной проблеме в обосновании категории «социальный эксперимент» в социальной философии)

1. *Вместо введения.* Обычно социальный эксперимент трактуют как реальность теоретико-познавательную (гносеологическую), иногда, даже уже, как синоним эпистемологической реальности, в рамках социологии или социальной психологии (иногда, истории), как прямое расширение понятия «эксперимент» вообще на сферу социальной действительности, однако без учета специфики этой самой действительности. Также, социальный эксперимент, трактуют как «мысленный», «исторический», «виртуальный». Социальный эксперимент же с онтологическим статусом часто путают с особого рода управленческой деятельностью, с социальной инженерией или утопией. В данной статье хотелось бы показать: во-первых принципиальное отличие социального эксперимента как части социального бытия от экспериментального метода (способа познания) в социальных науках ; во-вторых выделить особенности, качественную специфику социального эксперимента, как способа развития социальности, человеческого общества.

2. *Социальный и/или социологический эксперимент?* Социальное на наш взгляд можно понимать как в узком смысле (относящееся к социальной сфере общества) так и в среднем, основном (синоним общественного), а также и в предельно широком (относящееся к социуму в целом) мы в

дальнейшем будем применять его только в среднем значении. Если мы хотим акцентировать внимание на взаимодействии или охвате разных сфер общественного то мы будем употреблять термин – социетальное. Социологическое – то что относится к науке социологии, как правило, мы при этом будем иметь в виду гносеологические (уже, эпистемологические) феномены. Под социальным экспериментом мы поэтому будем иметь ввиду такой феномен, который необходимо обладает всеми следующими качественными характеристиками: 1) онтологической социальной реальностью (т. е. он существует до и вне актов познания (сознания) извне и является не атомарным – не сводящимся фактически к существованию и отношениям од ной индивидуальности), 2) в сознании субъектов эксперимента изначально присутствует (в той или иной степени) гипотеза (модель) потребностного общества (или его части) – иначе говоря, социальный эксперимент не возможен вне какого то социального проекта, и он рациональный 3) все субъекты эксперимента являются одновременно и его объектами и наоборот все объекты его субъектами. Такие эксперименты отличаются от социологических, а также всех прочих социально-научных экспериментов (исторической ретроспекции, мысленных экспериментов, лабораторных, социально-психологических и пр.), социальной инженерии и утопий.

Возможны ли они в «чистом виде»? Вероятно таких случаев относительно мало, но и тогда наше определение «работает», ведь в любом феномене есть элементы разной природы.

Под социологическим (в широком смысле слова, на наш взгляд, более правильно было бы называть его социально-научным экспериментом – мы будем понимать такой феномен который необходимо обладает ниже перечисленными качественными характеристиками: 1) гносеологической реальностью (т. е. он существует как факт научного исследования (или теории), но не вне и до него и вполне может быть и атомарным – т. е. сводится к определенной концепции (гипотезе) одного ученого (познающего субъекта), 2) институциональным (т. е. находиться в контексте социальных институтов – в первую очередь науки, а также государственного управления, экономики и т. п.), 3) объектом эксперимента должен быть социальный феномен. Интересно что есть совершенно иное чем у меня представление о разграничении социального и социологического эксперимента. Куприян полагает, что «истину можно установить если более точно разграничить понятие социального и социологического». Под социальным понимаются те явления которые возникают в результате взаимодействия людей. Понятие социальное синонимично общественному. Социальные явления изучаются главным образом гуманитарными науками. Эксперименты в примыкающих к этой области конкретно-экономических дисциплин суть социальные эксперименты. Аналогично в области педагогики, социальной психологии и всех тех наук, где возможно эмпирическое исследование т. е. элементами предметно-орудийной деятельности и непосредственного на-

блюдения и не исключается (ни этикой, не теорией предмета) возможность вмешательство экспериментатора в общественный процесс. Объект исследования в теоретической социологии действительно в таких масштабах не подвластен эксперименту. Проверка истинности всей теории в социологии не возможно и в силу гносеологических причин. Другое дело социологические теории менее высокого уровня абстракции. (социология труда, социология семьи). Если в социальном исследовании изучается определенная сфера социальной действительности довольно узко, практически без учета того влияния которое оказывают изменения в этой сфере на другие сферы, то в социологическом исследовании изучаются именно такие комплексы связей, которые концентрируют в себе результаты взаимодействия ряда сфер социальной действительности. Так, исследование отношения к труду не может быть сведено к изучению только сферы экономики или только сферы воспитания. Отношение к труду – объект социологического, комплексного исследования. В конкретном социологическом исследовании изучаются конкретные проявления социальных отношений в их пересечении, в узловых точках этих отношений. Социальное и социологическое не находятся в родовидовом отношении. Социальное – это род по отношению к таким видам как экономическое, политическое и т. п. Социологическое не вид социального как рода. Социологическое это способ видения сущности взаимодействия социального. Социологическое знание более конкретно в философском смысле слова. В онтологическом плане социологическое – это реальные свойства, отношения, людей, классов, возникающие как результат сложного взаимодействия многих сфер социального. Сразу скажем, что я с этим категорически не согласен. Ибо здесь тогда спутываются познавательные (гносеологические) и реальные (онтологические) объекты. «Вычленение конкретных социальных исследований будет способствовать более четкой формулировке проблем социологического характера и уточнению взаимоотношений теоретической социологии и эмпирических исследований социологического характера».Однако, по моему из одного не следует другое. Из того что социология не частная, а общая социальная наука совсем не следует выделение социологических (в смысле – комплексных) экспериментов и отделение их на этом основании от всех остальных «просто социальных». Хотя понятно отсюда, что Куприян совершенно не приемлет мысль о не исследовательских, не познавательных экспериментах и более того привязывает их систематическую классификацию не к реальным социальным объектам, а к дисциплинарному членению социальных наук. Поэтому все комплексные социологические исследования, социологические, в отличии от конкретно социальных, с точки зрения Куприяна, с моей точки зрения, являются просто, как правило, разновидностью социологических исследований. Закономерен вопрос, а возможно ли в рамках социальных экспериментов в моем понимании социологические исследования (в том числе и эксперименты). Да возможны и при этом они

будут считаться внутренними социологическими экспериментами (при этом они составляют лишь часть, и, как правило, незначительную) но лишь при условии их интеграции в соответствующий социальный проект и следовании жестким аксиологическим ограничениям (отсутствие манипуляции людьми, цели исследования не являются внешними для проекта, ценности субъектов социального эксперимента сознательно не искажаются, максимальная открытость всех процедур и измерительных и аналитических), возможны и внешние социологические эксперименты (в смысле исследования каких-то социальных экспериментов учеными извне, но они уже разумеется не будут частью этих социальных экспериментов, которые они изучают). Резюмируя эту часть нашего исследования социальные эксперименты мы считаем онтологическими (но наряду с социальными могут быть и антропологические онтологические эксперименты, которых мы здесь не касаемся), а социально-научные (в том числе социологические) эксперименты – относятся к разряду гносеологических экспериментов. Почему нельзя сказать проще – научных экспериментов? Потому что, во-первых, не все познавательное относится к строго научному (ведь и в искусстве и в философии и вероятно в религии, например, тоже могут быть свои познавательные эксперименты и они тоже познают (или постигают) мир, но не так как наука), во-вторых, научными могут и эксперименты в сфере науки (т. е. объектом которых является сама наука как социальный институт)

3. Социальная инженерия, утопия и социальный эксперимент как онтологическая реальность. С моей точки зрения (но это – предварительная позиция, я намереваюсь более подробно исследовать проблему социальной инженерии в одной из следующих статей) социальная инженерия это такой феномен который предполагает: 1) объектный подход к социальным субъектам, 2) рецептурный (не системный, а значит фактически и ненаучный) подход к изучаемым объектам (смотри французскую этимологию слова ingenieux – изобретательный, искусный). 3) коммерциализацию (в широком смысле – отчуждение) общественных отношений и, как правило, присутствие треугольника: заказчик – инженер – объект исследования. Формально научный – социологический (социально-научный) эксперимент превращается в рамках социальной инженерии в средство не познания или преобразования действительности, помогающий людям в гармонизации как их отношений между собой, так и с природой, а в средство по дальнейшему конструированию социальных технологий зомбирования. Социальная инженерия, и это следует особо подчеркнуть, вполне рациональна и не стихийна и предполагает наличие бюрократии.

Однако представители социальной инженерии в отличии от инженерии не социальной часто не любят открыто признавать свой собственный субъективизм, и наоборот любят подчеркивать свою объективность, незаинтересованность, а также, с другой стороны эзотеризм и некие строго охраняемые технологические «тайны».

С моей точки зрения социальная утопия это такой феномен который предполагает: 1) идеальную цель (выраженную, как правило, в образной форме) 2) нормативный характер (все «процедуры» выражены в предписывающей форме) 3) опытный характер (всегда предполагается какая-то проверка реальности умственного построения, и в этом смысле любая утопия чревата утопическим экспериментом (хотя бы и мысленным)) 4) тотальность (универсализация миропостроения утопии и, как правило, даже отсутствие возможности изъятия из нее каких либо элементов, а главное «закрытость» ее для общения с внешним миром, миром вне утопии). Кроме того утопический эксперимент как одна из внешних форм (способов) проявления утопии, которая нас то больше всего здесь интересует, (обладая всеми ее признаками) имеет и свои собственные, дополнительные особенности: 1) онтологическую социальную реальность (аналогично социальному эксперименту); 2) ценности субъекта(ов) и объектов утопического эксперимента когерентны (соотносительны), но не обязательно идентичны, однако здесь мы имеем возможность, следовательно, различия между субъекта ми и объектами эксперимента. 3) расхождение между реальным миром и миром утопии не корректируется рационально (а если бы это было так то... то мы бы уже не имели утопического эксперимента), хотя внутри самой утопии такая коррекция неосознанно может проходить, в том числе и рациональными методами.

Нас могут спросить: почему Вы не понимаете утопию (а точнее, утопический эксперимент) как разновидность социального эксперимента (в своем понимании), а выделяете его в отдельную категорию? Это делается по следующим причинам: 1) утопия специфична по своему сознанию и она соотносится (это наша гипотеза!) с «универсалистской моделью мира», а утопический эксперимент соответственно с неореалистской традицией социальных проектов – проектом-планом) в то же время социальные эксперименты соответственно с космической моделью мира и диалектической методологией, а социальная инженерия, вероятно, с неономиналистской традицией (той же «универсалистской модели») проектом описания действительности.

СЛОВО НАСТАВНИКА

Канд. филол. наук, доцент

Е. В. Никольский

Институт мировой литературы им. А. М. Горького, г. Москва

СОВРЕМЕННАЯ СУБКУЛЬТУРА ДАУНШИФТИНГА: ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ ИСТОКИ И АКСИОЛОГИЯ

Слово «дауншифтинг», означающее в дословном переводе с английского «смещение вниз», «…заимствовано из лексикона автомобилистов – так называется переключение коробки передач на меньшую скорость. Буквально за последние годы это понятие приобрело у социологов и аналитиков рынка труда иное значение: дауншифтингом теперь именуют добровольный отказ от карьерной гонки ради иных жизненных ценностей, прежде всего се-

мьи, хобби, психологического комфорта и заботы о собственном здоровье…» [1]. Радикально настроенные дауншифтеры «…предпочитают вообще сойти с дистанции, занявшись совершенно иным видом деятельности и пожертвовав наработанным за долгие годы статусом и положением. Менее решительным часто бывает достаточно спуститься вниз на одну-две ступеньки карьерной лестницы, уменьшив объем ответственности и должностных обязанностей» [2, с. 6].

В 1990 годы термин «дауншифтинг» появился в статье Washington Post. Западное определение дауншифтинга – «отказ от высокой должности и доходов ради простой и неторопливой жизни в кругу семьи (simple living)». Конечно, нечто подобное уже было – хиппи, зеленый туризм. Общепринятые блага, навязываемые нам, отнимают нас у семьи, да и у самих себя. Это не просто побег в мир иллюзорной свободы, это – философия сосредоточенности на внутреннем мире, отказ от повседневной изнурительной гонки за товаром, навязанным рекламой. Главное от чего отказывается дауншифтер (то есть представитель и носитель этой субкультуры и этого миропонимания) – это **чужие цели и желания**. Он ищет себя и свое место в мире, за **рамками цивилизации** с ее распорядком и обыденностью. В большинстве случаев чуждыми даушифтерам оказываются сугубо материальные цели: карьера, деньги, предметы роскоши. Список «утрат» дауншифтеров очень сильно зависит от страны и ее культурных особенностей. Например, в Англии дауншифтинг имеет яркий экологический окрас (употребление или выращивание органических продуктов, особое отношение к мусору и его вторичной переработке, экономия энергии). «В Австралии фокус смещен в сторону смены жилья и места проживания. Наверное, первыми дауншифтерами можно считать Диогена, жившего в бочке и императора Диоклетиана, отказавшегося от трона в IV веке до нашей эры» [2, с. 8]. В качестве яркого примера стремления не жить в системе «чужих» ценностей (в какой мере типологически близкий к современному дауншифтингу) можно привести жизненный путь и социально-психологическую практику Франциска Ассизского (1181–1226). Этот средневековый святой выступил против тех ценностей, которые доминировали в современном ему обществе: богатство, куртуазность, чинопочитание, конформизм, культ должностей и титулов. Примечательно, что Франциск всему этому противопоставил вечные ценности Евангелия, методы реализации которых на практике он воплотил в своей жизни и пастырско-педагогической практике. В противовес общественным предрассудкам, святой Франциск углубил идею бедности: из отрицательного признака отречения от мира он возвел ее в положительный, жизненный идеал, который вытекал из идеи следования примеру бедного Христа. Вместе с этим Франциск преобразил и самое назначение монашества, заменив монаха-отшельника апостолом-миссионером, который, отрекшись внутренне от мира, остается в мире, чтобы среди него призывать людей к миру и покаянию. Мысль о

добровольной бедности «по Евангелию» легко могла самостоятельно зародиться как у богатого лионского банкира, так и у расточительного сына зажиточного купца в провинциальном итальянском городке; но проповедь того и другого приняла различное направление, что зависело как от среды и обстоятельств жизни, так и от личности обоих. В начале своего существования община учеников Франциска, вовсе не имела монашеского характера; это было соединение людей, проникнутых братскими чувствами и апостольскими идеалами; они занимались проповедью и благотворительностью, не имели постоянного местопребывания и собственности. Местом деятельности первоначальной францисканской общины была Средняя Италия, но совсем не ясно, догадывался ли Франциск в то время, что они монахи. Он звал их именем, которое обычно передают как «меньшие братья», или если переводить буквальнее – «братцы». Уже в уставе он писал: «Пусть пребудут меньшими», а чуть позже произнес проповедь: «Я хочу, чтобы наше братство называлось орденом меньших братьев». Идя по пути святого Франциска, они «подчинялись всем… исполняя обязанности, которые другим показались бы унизительными… И это счастливое расположение духа взрастило в них начатки всех духовных добродетелей» [3, с. 327].

Франциск уже тогда решил, что «братцы» должны будут дать три обета, такие как бедность, послушание и целомудренность, которые всегда были знаком монашества. Но францисканцы должны были существенно отличаться от других, уже существующих ранее орденов, ведь они должны были стать бродягами, или, по словам Честертона, почти кочевниками [4]. Они должны были обладать той свободой, которой не может обладать ни один обычный человек, имеющий хоть какое-то «добро». Они будут свободны, ведь если человек «ничего не имеет, то ему нечего и терять, он не будет держаться за законы мирские, не будет брать в руки оружие, дабы защищать добро свое. Он будет просто жить, наслаждаясь каждым мгновением, разум его не будет затуманен мыслью о преумножении и охране своего имущества» [3, с. 328]. Францисканец должен явить образ человека, реализующего в своей жизни ценности евангельских блаженств, в особенности таких, как бедность и радость. Следуя им, он отказывается от силы и прав, ради служения истине Царства Божия. Подобным образом монах должен воплощать и францисканские добродетели меньшести, смирения и простоты. Как человек блаженств и носитель человеческих и христианских добродетелей, проявляемых в духе ассизского Святого, францисканец должен предстать перед братьями как пророк и знамение нового грядущего мира, который Бог уже предвосхитил в этом мире через Иисуса Христа [5]. Современный францисканец должен создавать истинное Братство. Евангельское братство собрано во имя Христа, направляется Божественной силой Духа и «одушевляется горними устремлениями. В этом братстве за всеми признается одинаковое достоинство, и все участвуют, исполняя различные обязанности, в устройстве и ведении общинной жизни. В нем проявляется забота об установлении

глубоко личных отношений, а не только отношений людей, связанных общим трудом, добрым соседством, уставными нормами. В нем разделяются необходимые в совместной жизни служения, особое место среди которых занимает забота о слабых и больных» [6, с. 23].

Если последователи святого Франциска и в Средние века и в наши дни отказывались от благ идолов цивилизации по религиозным убеждениям, то предпосылки и мотивы современных дауншифтеров, как правило, не связаны с христианской аскезой.

Ныне многие дауншифтеры стремятся попасть в Азию, где христианская религия прочно не укоренилась. И это не случайно. Смысл жизни в отрицании материальных благ близок дауншиферу. Возник даже «синдром Гоа». Многие менеджеры, продав или сдав столичные квартиры, уезжают в Азию и вполне наслаждаются жизнью. Ведь в Азии совсем другой ритм и философия жизни, денег на жизнь уходит не так много. Конечно, есть и такие, которые со временем понимают, что не могут жить вне деловой суеты и спешки [7, с. 9]. Кому-то начинает не хватать ночной клубной жизни, адреналина, высоких скоростей. Но, «по подсчетам, 34 % дауншиферов довольны жизнью, а 37 % сожалеют о некоторой потере уровня доходов. И только 7 % не удовлетворены уровнем жизни» [1, с. 45]. Само понятие «карьера» в большинстве случаев связывают с постоянным движением вверх, с покорением новых рубежей, а также с профессиональным и должностным ростом. Но оказывается, по карьерной лестнице можно не только подниматься, но и спускаться, причем абсолютно добровольно. Это специфическое социальное явление, т. е. дауншифтинг стремительно набирающее популярность на Западе.

Возникновение дауншифтинга – вполне естественная и предсказуемая реакция на некогда популярный стиль жизни яппи. Яппи – это молодой, невероятно честолюбивый и амбициозный «белый воротничок», придерживающийся весьма своеобразного мировоззрения. Работа и карьера, непременно с жесткой установкой на лидерство, для яппи кумир номер один, имидж и социальный статус – кумир номер два. Разумеется, эти две жизненные ценности яппи теснейшим образом связаны друг с другом: солидные заработки позволяют поддерживать на должном уровне собственный имидж, который в свою очередь косвенно способствует дальнейшему продвижению вверх.

На Западе стиль яппи в построении карьеры миновал пик своей популярности в конце XX в.; к сожалению, для многих молодых российских специалистов, востребованных на рынке труда, он все еще является заветной мечтой. Скорее всего, они просто имеют слабое представление об оборотной стороне медали. Настоящий яппи вынужден поставить крест на маленьких радостях жизни, не говоря уже о хобби и увлечениях. Посидеть с друзьями допоздна в маленьком уютном баре или махнуть на рыбалку, выбросив из головы мысли о контрактах, балансах и бизнес-планах, это, с точки зрения яппи, – непозволительная трата времени, зато он с радостью

прибавит к своему рабочему дню несколько дополнительных часов, если это сулит заманчивые перспективы повышения. Многие яппи в самом буквальном смысле сгорают на работе: расходы на транквилизаторы и визиты к психоаналитику очень скоро становятся обязательной статьей личного бюджета. Наконец, любой успешный карьерист-яппи является заложником собственного положения: он тратит львиную долю доходов на приобретение престижных, имиджевых вещей ради очередного карьерного рывка, и так может продолжаться до бесконечности.

Дауншифтинг – просто стремление разорвать этот замкнутый круг, который исподволь становится жизненной нормой.

Некоторые европейские модели дауншифтинга порой несут в себе отпечаток бунтарской романтики времен хиппи. Например, «апологет этого социального явления, английская журналистка Джуди Джонс, после своего сорокалетнего юбилея оставила престижную, но невероятно хлопотную должность редактора крупного лондонского журнала и ушла на вольные хлеба – она консультирует начинающих дауншифтеров, пишет книги, пропагандирующие такой подход к карьере, и выращивает цветы. Преуспевающий молодой адвокат, внезапно уехавший в буддийский монастырь в Непале, а впоследствии занявшийся необременительным фрилансом; семейная чета, отказавшаяся от суеты мегаполиса ради идиллической пасторали в провинциальном городке»[8, с. 12]. Таковы типичные варианты дауншифтинга по -европейски. Разумеется, не стоит пытаться слепо копировать их в российской действительности – менталитет и условия рынка труда в нашей стране во многом отличаются от европейских. Крутые карьерные виражи могут сойти с рук и даже пойти на пользу представителям творческой богемы, но если на них решается бизнесмен или клерк, это нередко вызывает непонимание окружающих и даже обвинения в психической неадекватности. Чтобы по собственной воле отказаться от нескончаемой борьбы за место под солнцем и не ощущать на себе косые взгляды друзей и знакомых, следует иметь веские и уважительные причины.

Вряд ли кто станет возражать против такого основания для дауншифтинга, как забота о собственном здоровье. Не секрет, что большой бизнес или руководящий пост в крупной корпорации часто сказываются на здоровье столь же отрицательно, как и работа на вредном производстве. Вместе с солидными заработками, красивой жизнью и уважением окружающих нередко настигает целый букет заболеваний - от сердечно сосудистых до расстройств нервной системы. Другой причиной, порождающей даушифтинг становится психологический слом, нервозы и, порою, экзистенциальный кризис. Последнее явление было блистательно описано в последней работе Н. А. Бердяева «Царство духа и царство кесаря». Философ специально отмечал: «Кризис, переживаемый человеком, связан с несоответствием душевной и физической организации человека с современной техникой. Душа и тело человека формировались, когда человеческая жизнь была еще в соответствии с ритмом

природы, когда для него еще существовал космический порядок. Человек был еще связан с матерью-землей. Власть техники означает конец теллурической эпохи. Органическая, естественная среда человека, земля, растение, животные и пр., может быть убита техникой; что тогда будет? Элементарная техника существовала с первобытных времен. С конца XVIII века начинается революционизирующее вторжение машины, с которым связано развитие капиталистической промышленности. Только в наше время техника приобретает детерминирующую власть над человеком и человеческими обществами и возникает тип технической цивилизации…» [9, с. 34].

Дауншифтинг в таких условиях является, как правило, вынужденным, о нем задумываются, лишь когда вопрос встает ребром: или карьера, или здоровье. Чуть менее важным основанием для отступления является стремление минимизировать юридические риски. Увы, реалии нашего времени таковы, что стремительный карьерный рост может закончиться в самый неподходящий момент на скамье подсудимых.

Не стоит уповать на законопослушное поведение: даже безукоризненно честный сотрудник может стать козлом отпущения в корпоративных финансовых махинациях. Рожденного с авантюрной жилкой это вряд ли испугает, но осторожный и благоразумный человек всерьез задумается о возможности притормозить. Желание проводить больше времени с семьей и детьми или посвящать себя любимому делу может быть встречено непониманием знакомых, мыслящих ценностными категориями яппи, но в принципе оно тоже является уважительной причиной для дауншифтинга. Наконец, к одной из разновидностей дауншифтинга принято относить кардинальную смену профессии и рода занятий – это тоже вполне оправданно, особенно если выбор первичной специальности был совершен под влиянием моды, рыночной конъюнктуры или мнения родных.

Единой стратегии дауншифтинга не существует, можно лишь назвать несколько наиболее распространенных вариантов. Для человека, который в буквальном смысле сгорает на работе, проводя в офисе двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю, оптимальным решением будет стандартный восьмичасовой рабочий день без переработок. Новоиспеченный дауншифтер может с удивлением обнаружить, что реально посвящать себе любимому не менее пяти часов ежедневно. Вариант разгрузки для босса может быть иной – ему иногда достаточно спуститься вниз на одну ступеньку карьерной лестницы, сократив объем ответственности и должностных полномочий. Возможен также и параллельный дауншифтинг: например, если частые командировки не позволяют проводить много времени в кругу семьи, неплохим выходом будет перевод в другую компанию на аналогичную должность, но без постоянных разъездов. Не исключено, что идеальным выбором для кого то может стать отказ от работы, требующей нестандартного мышления и творческого потенциала, ради размеренной будничной рутины, где ответственность и креатив изначально отсутствуют.

Прежде чем решаться на такой ответственный, а иногда и необратимый шаг, как дауншифтинг, необходимо тщательно взвесить все за и против, определившись со своей системой ценностей и приоритетов. Очень важно быть предельно честным с самим собой; кому то, вероятно, будет удобнее составить таблицу, вписав в отдельные графы преимущества и недостатки нынешней работы и планируемой, с понижением. Главная проблема дауншифтинга и, пожалуй, основной аргумент против него – это уменьшение уровня заработной платы, пропорциональное спуску вниз по карьерной лестнице.

Западные идеологи дауншифтинга выдвигают в качестве контраргумента так называемую философию добровольной простоты – сознательного отказа от потребительской гонки за эфемерным престижем и модой, умение отделять реальные нужды от навязанных рекламой и общественным мнением. Эта философия, кстати, отнюдь не нова: точно такое же мировоззрение проповедовал еще древнегреческий мудрец Эпикур, которого ошибочно считают гедонистом и приверженцем культа наслаждений. Сошедшему с дистанции дауншифтеру больше не нужно вкладывать деньги в поддержание дорогостоящего корпоративного имиджа, так что даже сократившейся зарплаты вполне хватит для достойной жизни. Далеко не всегда дауншифтинг означает снижение доходов; радикальная смена профессии может стать источником гораздо больших заработков, нежели прежняя работа. Разумеется, философия добровольной простоты применима к российской действительности с рядом оговорок, но совершенно ясно одно: процент людей, для которых счастье заключается не в деньгах и даже не в их количестве, весьма велик.

Например, для образцового семьянина возможность уделять больше времени воспитанию детей значит намного больше, нежели роскошный автомобиль, костюмы Hugo Boss и обеды в дорогих ресторанах. Поэтому уход с высокооплачиваемой должности, позволяющей жить красиво, но требующей взамен полной самоотдачи, не будет для него тяжелым ударом. То же самое можно сказать и о человеке, увлеченном тем или иным хобби или творчеством: даже наличие полного комплекта атрибутов материального достатка и обеспеченности не в состоянии компенсировать вынужденный отказ от самореализации и зарытый в землю талант. Сплошь и рядом встречаются ситуации, когда молодые специалисты приобретают специальность, не отвечающую их реальным запросам, способностям и ожиданиям. Наглядный пример – перепроизводство экономистов, юристов и менеджеров за последние годы, продиктованное кратковременными потребностями рынка труда. В таких условиях намного лучше решиться на дауншифтинг, нежели ежедневно переламывать себя, занимаясь нелюбимой работой.

Наконец, всегда существует определенный процент людей, которые органически «не могут вписаться в корпоративный распорядок дня и коллектив сотрудников» [8, с. 127]. Составляя перечень плюсов и минусов того или иного варианта дауншифтинга, вместо абстрактных и общих фраз

лучше всего использовать четкие и конкретные категории. Скажем, расплывчатая фраза «у меня будет больше свободного времени2 неприемлема, ее необходимо заменить предложением «ежедневно у меня будет столько-то часов свободного времени». Для подсчета финансовых перспектив карьерного понижения полезно вооружиться калькулятором и соотнести уровень ожидаемой зарплаты с запланированными расходами и покупками. Не исключено, что в свете философии добровольной простоты некоторые сугубо имиджевые траты окажутся совершенно ненужными. «Некоторым довольно трудно в одночасье отказаться от привычных стереотипов мышления – это, пожалуй, основная сложность в распределении приоритета расходов» [8, с. 153]

Кроме того, начинающий дауншифтер должен определиться, насколько значимым для него будет мнение родных и близких, их реакция на столь неожиданный поступок. Варианты карьерного понижения, при которых придется существенно урезать первоочередные траты в семейном бюджете, следует отметать сразу, а вот честолюбивыми амбициями знакомых и родственников, которых карьера повергнет в шок, скорее всего, можно пренебречь. Человек все таки не обязан руководствоваться в **собственно**й жизни и карьере **чужой** системой ценностей.

Это в корне противоречит самой идее дауншифтинга.

Наконец, совсем нелишним будет рассмотреть вариант временного дауншифтинга, иными словами, возможность возобновления карьеры после тайм-аута. Прежде чем делать шаг вниз, следует досконально продумать все отходные маневры, а также тактику возвращения. Большинство работодателей с подозрением отнесется к дауншифтеру; если человек однажды отказался от карьеры, повторно сформировать у него требуемую мотивацию и нацеленность на успех, столь ценимую кадровиками, будет довольно проблематично. Именно поэтому начинающему экс карьеристу следует приложить все усилия, чтобы сохранить хотя бы профессиональную репутацию и по возможности замаскировать или даже скрыть зигзаг в собственной карьере. «В дауншифтинге совершенно неприемлемы опрометчивые и скоропалительные решения, самое главное – это максимальная осторожность и умение с гроссмейстерской точностью просчитывать свои жизненные и профессиональные перспективы на несколько ходов вперед» [10, с. 101]. Для того, чтобы стать истинным дауншифтером, необходимо знать о будущих жизненных задачах. Спуск вниз по карьерной лестнице по доброй воле должен в конечном итоге стимулировать рост духовный. В идеале, конечно же, ломать карьеру не стоит. Необходимо только понять, что внутренне человек хочет получить от жизни и чем в дальнейшем заниматься. Если смотреть на дауншифтеров со стороны, то такие резкие жизненные перемены могут показаться кому-то глупыми и опрометчивыми. В поисках себя дауншифтер может потерять большинство своих знакомых и друзей, но по-настоящему близкие люди всегда поймут и поддержат. Дауншифтер получа-

ет, – экономию жизненного времени. Ведь теперь не надо растрачивать себя на дела и обязанности, прописанные в трудовом договоре, на никчемные реверансы и улыбки тем людям, которым ты бы не хотел улыбаться. И еще он получает возможность обретения самого себя, своего собственного я, попытку понять, кем являешься в этой жизни и какова цель в ней. Но для этого дауншифтинг должен быть не бегством, а осознанным выбором. Как показали наши исторические экскурсы подобные явления возникали в предыдущие эпохи, однако массовым явлением даушифтинг стал лишь в конце XX в. Ныне отказ от благоустроенной жизни и карьеры обусловлен не религиозными поисками, а экзистенциальной усталостью. В будущем возможно развитие дауншифтинга, появление промежуточных форм, не исключая и неполного отказа от благ цивилизации.

1. Сумин, В. Вниз по карьерной лестнице / В. Сумин; 02.09.2005. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.zarplata.ru/a-id-7872.html. Дата обращения 24.08.2011.
2. Котляров, А. В. Дауншифтинг без экстрима : кризис на пике карьеры / А. В. Котляров – М.: Вершина, 2008. – 256 с.
3. Честертон Г. К. Святой Франциск Ассизский / Г. К. Честертон. – СПб.: Амфора. – 2000. – 423 с.
4. Ефименко Е. В. Святой «волшебник» из Ассизии / Е. В. Ефименко // Электронный ресурс: [http://virlib.eunnet.net/sofia/07-2005/text/0706.html] Дата обращения 25.08.2011. Сведения о святом Франциске и его нравственных и жизненных ценностях можно найти во множестве иных книжных и электронных источников (включая русско- и англоязычную викепедию). Мы излагаем в данной статье лишь основные моменты, необходимые для раскрытия нашей темы.
5. Фроссар, А. Соль земли / А. Фроссар [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ariom.narod.ru/litera.htm.
6. Францисканская харизма. -– М.: Изд-во францисканцев. – 2002. – 55 с.
7. Станович, И. В. Гоанские хроники: [исповедь дауншифтера, взгляд изнутри] / И. В. Станович. – М.: Лоцман РА. – 2008. – 316 с.
8. Дрейк, Джон Д. Дауншифтинг: как меньше работать и больше наслаждаться жизнью / Д. Дрейк, Джон. – М.: Добрая книга. – 2007. – 212 с.
9. Бердяев, Н. А. Судьба России. Царство духа и царство кесаря / Н.А. Бердяев. – М.: Совет. писатель. – 345 с.
10. Пчелин, А. Д. Дауншифтинг по-московски / А. Д. Пчелин. – М.: Адвансед Солюшнз – 2010. – 155 с.

А. Ю. Павлова
Челябинская государственная академия культуры и искусств

ТИПОЛОГИЯ КУЛЬТУР П. СОРОКИНА И СУБКУЛЬТУРНОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ

Незадолго до написания данной статьи нами была предпринята попытка исследования столь противоречивой даже на предмет своего наличия составляющей субкультуры как мировоззрение. Поскольку установить сущность мировоззренческого путем непосредственного наблюдения не представляется возможным, мы разработали ряд эмпирически фиксируемых категорий, семантический анализ которых позволил выявить значимые для изучаемого нами предмета признаки.

В числе прочих данных нами было установлено, что ряд субкультур имеет ярко выраженную чувственную окраску, некоторые – сверхчувственную, в иных случаях – тип смешанный, где порой сложно определить

доминирование какого-либо из вышеуказанных типов. Подобные выводы непосредственно апеллируют к данным, полученным русско-американским социологом П. А. Сорокиным (несмотря на совершенно различные масштабы исследований), анализ которых позволил ему обосновать выдвинутую им гипотезу о соответствие культуре, существующей в определенное время в определенном месте, одной из трех культурных форм – идеационной, идеалистической и чувственной, – которым в свою очередь соответствует характерный для той или иной формы тип мировоззрения. Однако насколько правомерен перенос с культурного на субкультурное и продуктивно подобное сравнение?

Обращаясь к работам П. Сорокина, а точнее к его рассуждениям о кризисе искусства, религии, философии этики и права (это вполне можно расценивать как мировоззренческий кризис), он высказывает мысль, что в момент перехода от одной формы к другой, сопровождающейся кризисом, представлены все ранее существовавшие воплощения предшествующих этому моменту культурных форм: «Примитивное, древнее, египетское, восточное, греческое, римское, средневековое, классическое, романтическое, экспрессионистическое, импрессионистическое, реалистическое и идеалистическое, Возрождение, барокко, рококо, визуальное и осязательное, идеациональное и чувственное, кубистское и футуристское, старомодное, религиозное и светское, консервативное и революционное – все это наравне друг с другом присутствует в нашем искусстве…» [1, с. 243]. То же касается философии, религии и этики. Таким образом, не будет ошибочным предположение, что субкультуры могут быть восприняты как современные конкретные проявления предыдущих, актуальных и, вероятно, грядущих (поскольку речь не идет о тотальном господстве, но лишь о преимущественном доминировании) культурных форм. Следовательно, существующие субкультуры, согласно уже ранее полученным эмпирическим данным, делятся на три типа: чувственный (сенситивный), сверхчувственный (идеационный) и смешанный (чаще идеалистический, воспринимающий от двух предыдущих лучшее).

Далее, продвигаясь еще на шаг в сторону мировоззренческого, в достаточной степени обоснованно утверждаем, что как культурной форме соответствует определенное мировоззрение, так и субкультурной форме соответствует своего рода субмировоззрение. И так же как субкультурная форма интегрирована в культурную, породившую ее, так и субмировоззрение является органичной частью мировоззрения, в некотором смысле квинтэссенция мировоззрения культурной формы, которое, при сочетании благоприятных факторов, способно развиться в мировоззрение (правда, иное, нежели то, что данное субмировоззрение породило.

Поскольку кризис форм и кризис мировоззрения взаимообусловлены, так же как обусловлены переходы от одной культурной формы к другой, а также учитывая современный чувственный характер культуры, с изрядной

долей вероятности можно предсказать тенденции развития чувственных, идеационных и смешанных субкультур. Современный кризис носит явно выраженный чувственный характер. Отсюда следует, что субкультуры, избравшие в качестве мировоззренческого сверхчувственную форму имеют больше перспектив развития и возможностей превращения мировоззренческого в мировоззрение, нежели субкультуры сенситивные. Однако, при отсутствии масштабных изменений экономического, политического, социального или даже географического характера в ближайшее время наиболее «приспособленными» окажутся субкультуры, эклектично сочетающие в себе разные формы без преимущественного доминирования одной из них.

В завершении рассуждений на основе серьезной работы и по поводу несерьезного предмета стоит лишь добавить, что субкультурное мировоззрение всегда несколько опережает мировоззрение культурных суперсистем. И анализируя субкультурное мировоззрение можно с изрядной долей вероятности предсказать тенденции развития культуры, в пространстве которой данные субкультуры представлены.

1. Сорокин, П. А. Человек. Цивилизация. Общество / П. А. Сорокин – М.: «Политиздат», 1992 – 281 с.

Р. В. Пеннер
Челябинская государственная академия культуры и искусств

СИМВОЛ СВОБОДЫ В РЕКЛАМЕ

Пожалуй, немногие будут противиться суждению о том, что реклама занимает все большее место в жизни человека. Дома, на улице, на работе, - везде рекламное сообщение достигает своего адресата. Получается, что мы живем в такой ситуации, когда можно с уверенностью заявить: некоторые модели человеческого поведения сформированы рекламными агентами в целях продвижения определенного товара, услуги, а самое главное – идеи.

Для того чтобы вышеупомянутые модели поведения были восприняты и активно функционировали в социальной среде, необходимым условием их построение выступает ориентация на общепринятые символы. Одним из таких символов и является «свобода».

Обращение к проблеме свободы, в том числе и в рекламе, неслучайно. В современной заподноевропейской культуре либерализм ставит понятие свободы во главу угла.

Историческими «первооткрывателями» свободы по праву можно назвать древних греков. Но такой ли представлена свобода в насущном медиа-контексте, какой ее представляли «прародители»? Отнюдь. Если рассматривать свободу как средство для достижения цели и смысла жизни человека, то у язычников эти идеалы послужили основой создания демократического общества, классическим примером которого стали Афины.

Свобода иного рода дана нам современным «медиа-гигантом». Не политической и экономической свободы «жадет» человек, заключенный в рекламный контекст, ни свободы волеизъявления. Контент-анализ отечественных видеороликов рекламного характера за первую половину 2011 г. дает нам следующие результаты: при бешенном темпе ритма современному человеку необходима свобода от перхоти, кариеса и спазмов (набор этих свобод постоянно изменяется от вида рекламируемой продукции).

Согласно Альберу Камю, обозначенную свободу с полной уверенностью можно назвать «абсурдной». В классическом понимании свободы на первый план выходят осознанные действия человека. Действия же человека, превратившегося в источник рекламной манипуляции, строго запрограммированы. «С пеленок» людям представлены нормы поведения, за рамки которых отважится выйти не каждый. Да, нужно чистить зубы, чтобы предотвратить появление кариеса, нужно периодически мыть голову, чтобы волосы были здоровые. Но должна ли свобода человека быть ограничена рамками выбора шампуня или зубной пасты?

В научной литературе проблема свободы человека и его свободного поведения, выбора поднималась не раз. Осознание поднятой проблемы с позиции рекламы обогащает не только ее содержание, но и предоставляет новые варианты решения. Так, на основе уже существующих примитивных моделей «псевдовыбора», к коим следует отнести выбор спазмолитика, например, возможно создание более идеальных моделей проявления свободы современного человека (на гуманистических, этических начал). Следует отметить, что в медиа-среде, однако в информационном, а не рекламном ее русле, заложено начало этого процесса. Ярким тому примером служит информационная программа «Исторический процесс», представляющая альтернативы видения исторического прошлого России и различные подходы к рассмотрению ее настоящего. В результате, гражданин РФ на основе материалов, предложенных упомянутой ТВ-программой, способен сформировать свое свободное представление по рассмотренной исторической проблеме.

1. Камю, А. Бунтующий человек: мыслители XX в. / Альбер Камю; под ред. А. Руткевича; перевод с фр. И. Волевич. – М.: Издательство политической литературы, 1990. – 415 с.
2. Сафрански, Р. Вольные вариации на тему свободы: позиции современной философии / Р. Сафрански; перевод с нем. В. Балакин. – М.: Молодая гвардия, 2005. – 107.
3. Хайдеггер, М. Бытие и время / Мартин Хайдеггер; перевод с нем. В. Бибихин. – 3-е изд., испр. – М.: Наука, 2006. – 452. – (Сер. «Слово о сущем»).

Е. В. Письменный
Челябинская государственная академия культуры и искусств

ПРОЦЕСС РЕИНТЕРПРЕТАЦИИ МОТИВОВ МИФОЛОГИИ ТЮРЕМНО-ВОРОВСКОЙ СУБКУЛЬТУРЫ КАК МНОГОАСПЕКТНЫЙ ФЕНОМЕН

Мифология тюремно-воровской субкультуры является неотъемлемым феноменом пенитенциарного пространства – мест лишения свободы, она естественным образом генерируется этим пространством, отражает его особенности и обладает целостным характером на его территории. В настоящее время наблюдается активный процесс воспроизводства мифологических конструктов тюремно-воровской субкультуры во внешнем по отношению к пенитенциарному пространству мире. Этот процесс трактуется современными исследователями как экспансия тюремной субкультуры (Ю. Ю. Черкасова), «распространение в обществе элементов преступной субкультуры» (В. И. Катин) [2, с. 279], как процесс проникновения и воспроизводства в отдельных социальных группах черт уголовной субкультуры (А. Р. Багаутдинова) [1, с. 52]. Мы не отрицаем наличия в современном российском социокультурном пространстве каналов прямой трансляции мифологических конструктов из пенитенциарного пространства, но считаем, что подобная интерпретация данного процесса способствует его упрощенному пониманию, так как в этом случае не учитывается стадия трансформации, которой обязательно подвергаются мифологические конструкты, попадая в иную социокультурную среду. Мы называем этот феномен процессом реинтерпретации мотивов мифологии тюремно-воровской субкультуры во внешнем социокультурном пространстве, что представляет собой процесс сегментарного воспроизводства во внешнем мире мифологических конструктов пенитенциарного пространства с одновременной их ремифологизацией в процессе адаптации к новым социокультурным условиям. Мы предполагаем, что недооценка специфики этого процесса отчасти является следствием упрощенного понимания социокультурных факторов внешнего мира, генерирующих и регулирующих процесс реинтерпретации, и создающих эффект абсорбции мифологического из пенитенциарного пространства.

Первым, и наиболее общим фактором можно считать процесс рационализации социокультурного пространства, производимый цивилизацией, на что культура отвечает процессом неоархаизации – «когда цивилизация, стремящаяся к четкости и рациональности, порождает человека, воспринимающего действительность реалистически, культура пытается обрести новые основания для своего развития, обратившись к своим наиболее ранним пластам, в том числе рожденным в архаическую эпоху» [3]. Мифологические конструкты, генерированные и естественным образом функционирующие в пенитенциарном пространстве, абсорбируются внешней социокультурной

средой как часть неоархаической реакции культуры на процесс ее излишней рационализации, что составляет один из аспектов этого явления.

Социальная нестабильность современной России, усугубляемая побочными эффектами реформ, проводимых правительством, создает благоприятные условия для возникновения мифотворческой ситуации. В обществе, утратившем стабильность, раздираемом антиномиями перемен, всегда наблюдается повышенный уровень мифологизации, отражая потребность людей в мифологическом «совершенствовании» реальности. «Наша действительность (нравится нам это или нет) стала временем тотального мифотворчества» [4]. Это может быть интерпретировано в качестве следующего фактора, усиливающего процесс воспроизводства мифологических форм и смыслов, а также абсорбции мифологического, в том числе и из пенитенциарного пространства.

В определенной мере анализируемый феномен является также последствием определенного слома и устранения идеологических и мифологических конструкций советского времени. В социокультурном пространстве Советского Союза тюремно-воровская субкультура со своей мифологией занимала совершенно определенное место, но данная ситуация резко изменилась после развала всей советской культурной системы, результатом чего стало возникновение в социокультурном пространстве России определенного вакуума, обладающего ярко выраженными абсорбирующими интенциями. В том числе имел место процесс абсорбции и из субкультурного слоя пенитенциарного пространства, а также из смежной субкультурной системы, регулирующей жизнедеятельность представителей преступного мира вне мест лишения свободы, захватывая наиболее значимую часть субкультурного слоя, представленную мифологическими конструктами.

В качестве следующего фактора можно выделить влияние феномена массовой культуры. Мифологические мотивы, сюжеты, образы, лексемы, воспроизводящие мифологические смыслы, абсорбируются массовой культурой и используются ею. В телевизионных новостях часто звучат лексемы тюремно-воровского арго, такие как «крышевание», «авторитеты», «сходка», «разборка», которые апеллируют именно к массовому сознанию широкой аудитории. Создаются литературные произведения, фильмы и сериалы, такие как «Зона», «Антикиллер», «Консервы», «Боец», «Бригада», в которых воспроизводятся элементы тюремно-воровской мифологии, подвергшиеся фантазийной интерпретации.

Следующие два фактора создают благоприятную возможность для абсорбции мифологических конструктов именно из пенитенциарного пространства. Во-первых, многими источниками отмечается фактор определенной криминализации российского общества, ведущей к возникновению культурной реакции, названной «призонизацией» (от английского слова prison – тюрьма). Данный фактор в начале 90-х гг. XX в. создавал мощные

механизмы для процесса реинтерпретации на всей территории нашей страны, в настоящее время он сохраняет свое значение в некоторых локусах, в основном «в глубинке», на периферийной части территории России, где социальная нестабильность более ярко выражена.

Также важным фактором представляется наличие в отечественной культуре традиционного отношения к пенитенциарному пространству и его феноменам – присутствие определенной эмпатии, генерирующей процесс культурной циркуляции между внешним миром и местами лишения свободы, что препятствует изоляции мифологии тюремно-воровской субкультуры.

Совокупное действие данных факторов приводит к тому, что мифологические конструкты, органично существующие в пенитенциарном пространстве, во внешнем мире обретают особое звучание, смыслы, формы, а также локусы реализации. Абсорбируемое мифологическое не фокусируется в какой-то одной зоне, области, слое, но имеет широкое распространение. Определенная совокупность воздействующих факторов либо явное превалирование одного из них способны существенно повлиять на процесс реинтерпретации, адаптируя заимствуемые конструкты под потребности своего локуса и формируя качественное отличие воссоздаваемых мифологических форм от прототипических аутентичных моделей. Многогранность, многоаспектность процесса заимствования мифологических конструктов из пенитенциарного пространства обусловливает важность рассмотрения данного феномена как процесса кардинальной реинтерпретации мотивов мифологии тюремно-воровской субкультуры. Более полный анализ этой ситуации требует изучения способов функционального использования тюремно-воровских мифологем во внешнем социокультурном пространстве, что заслуживает отдельного рассмотрения, на основании же вышеизложенного материала можно сказать, что эти роли, функции отличаются достаточным разнообразием в зависимости от локуса, в котором реинтерпретируются конкретные мифологические конструкты.

1. Багаутдинова, А. Г. Криминальная субкультура и масс-медиа / А. Г. Багаутдинова // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2008. – №3 (31). – С. 52–54.
2. Катин, В. И. Криминальная субкультура и ее культурологическое значение / В. И. Катин // Социально-гуманитарные знания. – 2007. – № 5. – С. 279–286.
3. Костина, А. В. Массовая культура: архаические истоки или «новая религиозность»? [Электронный ресурс] / А. В. Костина. – Режим доступа: http://www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/2009/professor.ru/Kostina_AV.pdf (03.09.2011), свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
4. Топорков, А. Л. Мифы и мифология в современной России [Электронный ресурс] / А. Л. Топорков. – Режим доступа: http://magazines.russ.ru/nz/1999/6/topork.html (03.09.2011), свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.

К. Е. Рожкова
Челябинская государственная академия культуры и искусств

СВЯЗЬ РЕЛИГИОЗНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ И ОБРАТНОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ В ТРУДАХ П. А. ФЛОРЕНСКОГО

Под термином «русский религиозно-философский ренессанс» в науке понимается явление, объединившее философские и богословские проблемы. Как отмечали исследователи: «Это схождение происходило, прежде всего, по инициативе и со стороны философии, которая, затронув основополагающие вопросы духовной культуры и базируясь на богатом религиозном опыте, вскоре окрасилась религиозным смыслом» [2, с. 110]. Кроме того, следует отметить неразрывность религиозной и художественной проблематики. Поиски красоты оказываются тесно связанными с поиском духовного.

Здесь ярким примером является П. А. Флоренский, который в ряде работ из богословия и философии переходит в область искусствознания, затрагивая такие вопросы теории искусства как символ и перспектива. Как писал В. В. Бычков: «Эстетическое для Флоренского не есть какая-либо локализируемая область бытия или сознания, оно не есть и какое-либо определенное свойство бытия. Для него, как и для главной линии традиционного православия, – это некая энергия, пронизывающая все бытие, почти тождественная духовности и практически не поддающаяся формализации» [1, с. 11]. В сфере его художественных интересов – древнерусская икона, воспринимаемая им как вершина достижений изобразительного искусства. Он отмечал, что формальное отношение современников к средневековому искусству связано с упреком: «Нет понимания пространства», а этот упрек, в раскрытом виде, означает, что нет пространственного единства, нет схемы эвклидо-кантовского пространства, сводящейся, в пределах живописи, – к линейной перспективе и пропорциональности, а точнее говоря, – к одной перспективе, ибо пропорциональность – лишь ее частность» [5, с. 12].

Сложность в восприятии иконописи связана с особым способом построения пространства – обратной перспективой. Под этим термином понимаются все пространственные допущения, невозможные при линейном построении: «лишние» ракурсы, разноцентренность, так называемые линии разделки. Ставя вопрос, не наивно ли самое суждение о наивности икон, Флоренский подчеркивает, что обратная перспектива - это «схема, и притом одна из возможных схем изобразительности, соответствующая не мировосприятию в целом, а лишь одному из возможных истолкований мира, связанному с вполне определенным жизнечувствием и жизнепониманием» [Там же, с.13].

Для Флоренского разница в восприятии обратной и прямой перспективы есть противоречие европейской культуры, выражаемое в конфликте между всеобщностью культурных универсалий и единичностью экзистен-

ции. Освобождение от правил прямой перспективы необходимо для достижения «религиозной объективности и сверхличной метафизичности».

Выделяя два типа культуры – созерцательно-творческую и хищнически-механическую – Флоренский говорит и о двух отношениях к жизни – внутреннем и внешнем, причем последнее от связывает с научным, т.е кантовским опытом мира. В противовес, внутреннее, т. е. средневековое отношение к жизни связано с принятием реальности в себе и вне себя, с утверждением, что есть центры бытия, подлежащие своим законам, и потому имеющие каждый свою форму. Именно поэтому ничто существующее не может рассматриваться как «безразличный и пассивный материал для заполнения каких бы то ни было схем, а тем более считаться со схемой эвклидо-кантовского пространства; и потому формы должны постигаться по своей жизни, через себя изображаться, согласно постижению, а не в ракурсах заранее распределенной перспективы» [5, с. 17].

Духовная культура – это весь универсум человеческой жизни в его символическом значении. Поэтому упадок культуры наступает тогда, когда распадается связь между предметностью явлений культуры и их символическим содержанием. Когда эти явления перестают быть символами.

По мнению В. Н. Поруса, с этим связано отношение Флоренского к новоевропейской живописи, в которой, как он считал, отразилось разложение «религиозной устойчивости мировоззрения и священной метафизики общего народного сознания индивидуальным усмотрением отдельного лица с его отдельной точкою зрения, и притом с отдельною точкою зрения в этот именно данный момент» [4, с. 68]. Именно так появляется характерная для отъединенного сознания перспективность. Причем ее появление Флоренский выводит из прикладного искусства и театральных росписей, имеющих своим заданием не истинность бытия, а создание подобий. Понимая задачу живописи в передаче архитектоники, материала и смысла действительности, он практически отрицает ценность театральной живописи, рассчитанной на воссоздание иллюзии и восприятие с единственной точки зрения. Подмена человека зрителем приводит к смысловым утратам.

Таким образом, считает Г. В. Варакина, Флоренский ставит проблему реализма в искусстве, акцентируя внимание не на традиционном отображении «ликов вещей», а на передаче посредством этих «ликов» их сущности[3, с. 124].

Возможность передачи и понимания этих «ликов» не возможна в рамках только эвклидо-кантовского пространства. Применение линейной перспективы ограничивает возможности художника, оставляя его в рамках видимого, строго научного мира. «Геометрическое пространство повсюду и во всех направлениях одинаково; оно беспредельно и бесконечно. Зрительное же пространство предельно и конечно и даже, как это показывает созерцание приплюснутого «небесного свода», имеет неравное во всех направлениях протяжение. Уменьшение размеров тел при удалении, а равно и увеличение их при приближении,

сближают зрительное пространство скорее с некоторыми представлениями метагеометров, чем с пространством Эвклида. Разница между «верхом» и «низом», «передом» и «задом» и – если быть точным – «правым» и «левым» существует как для осязаемого пространства, так и для зрительного. Для пространства же геометрического такой разницы нет» [5, с. 37].

Таким образом, согласно Флоренскому именно обратная перспектива претендует на своеобразный охват мира, с которым должно считаться, как зрелым и самостоятельным приемом изобразительности.

1. Бычков, В. В. Эстетический лик бытия (умозрения Павла Флоренского) / В. В. Бычков. – М.: Знание, 1990. – 64 с. – (Новое в жизни, науке, технике. Эстетика, 6’90).
2. Варакина, Г. В. Между Дионисом и Аполлоном: Очерки о русской культуре «серебряного века» / Г. В. Варакина – Рязань, 2007. – 221 с.
3. Варакина, Г. В. Синтетизм учения о. Павла Флоренского / Г. В. Варакина // Вестн. ТГУ. – 2009. – № 323. – С. 100–113.
4. Порус, В. Н. Павел Флоренский: опыт антиномической философии культуры / В. Н. Порус // На пути к синтетическому единству европейской культуры. Философско-богословское наследие П. А. Флоренского и современность / под ред. Владимира Поруса (Серия «Религиозные мыслители»). – М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2006. – С. 53–70.
5. Флоренский, П. А. Избранные труды по искусству / Флоренский П. А. – М. : Изобразит. искусство: Центр изуч. охраны и реставрации наследия священника П. Флоренского, 1996. – 332 с.

О. П. Селезнева
Челябинская государственная академия культуры и искусств

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И АКТУАЛЬНОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЙ ПО ПРОБЛЕМАТИКЕ ДУХОВНОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ МУЗЫКИ

Православие является мощным ресурсом духовного развития российского общества. Невзирая на трехсотлетнее существование в качестве государственного института Российской империи и затем семидесятилетний «перерыв» в официальном существовании Русской Православной церкви, после своего возрождения она успешно продемонстрировала духовный, идеологический и идейный потенциал и возможности сплочения вокруг религиозной идеи заметного числа россиян.

Между тем проблемы Православия не являются абсолютным историческим уникумом. Католическая церковь сегодня также переживает ряд острых моментов; протестантство, и без того не являющееся единой конфессией, еще более раскололось на множество фрагментарных культов.

Не стоит забывать, что развитие современной цивилизации, технологическим, экономическим, социальным и пр. центром которой остается Западная Европа, во многом определялось потенциями, которые предоставлялись именно мощным источником духовности в виде христианской церкви. Нам очевидно, что акцент необходимо сделать на рассмотрении Православной традиции в контексте культуры, уточняя – в контексте искусства, опредмечивающего или смыслообразующего и выражающего ду-

ховную культуру Православия. В качестве предмета анализа мы избрали духовную православную музыку. Во-первых, потому что этот аспект остается сравнительно малоизученным в российской и зарубежной науке; во-вторых, потому что может являться «контейнером» для проявления иных видов искусства в одном произведении и, таким образом, в традиции, тяготеющей к выражению своих сакральных смыслов в форме искусства, будет являться одним из системообразующих компонентов.

Поэтому практическое и теоретическое исследование возможностей развития реальной духовности средствами существующей и весьма влиятельной религиозной традиции в России остается актуальным и значимым.

Понятно, что организационное и собственно религиозное возрождение Православия не могло не вызвать и пристального научного интереса к этой проблематике.

Рассмотрим основные проблемы православной **культуры**, в ограниченных рамках ее музыкальной традиции, которые были подвергнуты изучению в российских диссертационных исследованиях за последние двадцать лет.

Первую группу исследований составляют работы по изучению западно-европейской духовно-музыкальной традиции [4; 5; 8].

Ее основная проблематика – творчество отдельных композиторов, создававших произведения в жанре духовной музыки, либо деятельность определенных музыкальных школ. При этом авторы всех обозначенных исследований, очевидно, в силу специфики искусствоведческого подхода в первую очередь анализируют именно музыкальную, а не духовную составляющую музыки.

Отдельно стоить выделить труд В. А. Шуранова, который проводит исторический искусствоведческое исследование религиозного сознания в форме его представленности музыкальной традицией.

Вторую группу исследований так же составляют большей частью искусствоведческие работы, посвященные частным проблемам творчества отдельных композиторов, регентов или направлений, но уже в русской и православной музыкально-духовной традиции. Эти диссертационные исследования – основной корпус трудов по обозначенной нами проблеме, которые представлены в современной российской науке [2; 3; 7; 10].

Общей деталью всех работ является убежденность авторов в доминирующей ценности духовной музыки в деле духовно-нравственного и эстетического становления личности, в ее безграничном потенциале для формирования «внешнего» образа Православной церкви и сохранения человеческого «ресурса» этой традиции. Однако эти тезисы не подтверждаются ничем, кроме глубокой Веры авторов, что делает их бездоказательными с научной точки зрения. Культурологический, философский, социологический аспекты представлены в этих работах в основном в виде исторического обзора значения православия в кризисные периоды Российской истории. Между тем, именно этот тезис вызывает наибольшие сомнения. Ведь социально-политические кризисы, как пра-

вило, сопровождались и определенными кризисами Веры. Лишь институциональная поддержка имперской администрации в годы, например, Первой мировой или явные послабления, сделанные для Православной церкви в годы Великой Отечественной советской властью, позволили Православию хоть както реализовать свой потенциал в деле сплочения общества.

Третья группа работ представляет собой педагогические исследования [9; 11; 13]. Однако в силу практического отсутствия исследований, которые дают философскую, культурологическую или социологическую разработку общих проблем духовно-музыкальной православной традиции, ценность этих работ в фундаментальном смысле невысока – они представляют собой лишь прикладное исследование в контексте традиции православной педагогики. Реже – в контексте гуманистической педагогической традиции вообще.

Наконец, последняя группа работ представлена исследованиями, которые содержательно и в смысловом плане отвечают критериям фундаментальных исследований православной музыкальной традиции в обозначенных – культурных, социальных и философских – смыслах [1; 6; 12].

И хотя этих работ, сравнительно с первой и третьей выделенными группами исследований, довольно много, их все равно недостаточно для научного анализа претензий Православной традиции на роль духовно-культурного лидера российского социокультурного пространства.

Вывод, который можно сделать, заключается в том, что количество исследований проблематики духовной музыки достаточен для совершения теоретических обобщений и раскрытия новых конкретных аспектов этой проблематики.

1. Астафьева, Л. В. Функции диалога культур в генезисе знаменного распева: на материале Нового направления в духовной музыке: автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 / Л. В. Астафьева. – Киров, 2007. – 20 с.
2. Балуева, Н. В. Регент Русской Православной Церкви протоиерей Михаил Фортунато: жизнь и литургическое творчество: автореф. дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.02 / Н. В. Балуева. – М., 2007. – 28 с.
3. Давыдова, Н. А. Традиции православного пения в русской духовной музыке последней четверти XIX – начала XX в.: дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 / Н. А. Давыдова. – Ярославль, 2009. – 241 с.
4. Кушпилева, М. Ю. Претворение текста Stabat Mater в духовной хоровой музыке: история и современность: дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.02. – Магнитогорск, 2006. – 328 с.
5. Панфилова, В. В. Духовная музыка Дж. Б. Перголези и неаполитанская традиция: автореф. дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.02 / Панфилова В. В. – Москва, 2010. – 24 с.
6. Рожкова, Т. Н. Современное духовно-музыкальное творчество русской православной традиции: Период после 1988 г.: автореф. дис. ... канд.искусствоведения: 17.00.02 / Рос. акад. музыки им. Гнесиных. – Москва, 1998. – 25 с.
7. Семенюк, А. А. Духовно-музыкальные сочинения в отечественном нотоиздании и библиографии конца XVIII – начала XXI в.: дис. ... канд. пед. наук: 05.25.03 / Семенюк А. А. – М., 2008. – 261 с., 16 ил.
8. Сидорова, Е. В. Принципы художественного претворения хорала в духовных кантактах И. С. Баха: дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.02 / Е. В. Сидорова. – М., 2006. – 174 с. Прил. (237 с.)
9. Столица, А. А. Реализация педагогического потенциала православной духовной музыки в образовательном процессе педагогического вуза: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08 / А. А. Столица. – Волгоград, 2008. – 23 с.
10. Труханова, А. Г. Духовная тематика в русской хоровой музыке конца XX в.: Опыт типологического исследования: дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.02. – Саратов, 2006. – 212 с.
11. Филянина, Л. А. Воспитание толерантных отношений у студентов университета средствами духовной музыки: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 Ульяновск, 2005 – 240 с. ил.

12. Цуканова, М. В. Валерий Кикта: художественное сознание и поэтика духовно-хорового жанра: автореф. дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.02 / М. В. Цуканова. – М., 2010. – 26 с.
13. Чугунова, Л. А. Развитие духовных ценностей студентов педагогического вуза посредством духовной музыки: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / Л. А. Чугунова. – Саратов, 2003. – 199 с. ил.

СЛОВО НАСТАВНИКА

Канд. филол. наук, доцент

Е. А. Селютина
Челябинская государственная академия культуры и искусств

СТУДЕНТ И МАССОВАЯ КУЛЬТУРА: СТОЛКНОВЕНИЕ ЦЕННОСТНЫХ СИСТЕМ В ПРАКТИКЕ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

На сегодняшний день понятие массовая культура столь часто употребляется, что вокруг него образовалось достаточно объемное поле дискуссий, связанных с вопросами, которые ставит культура такого типа перед личностью, формально-смысловыми признаками массовой культуры и т. п. И мы должны признать, что этот термин уже достаточно мифологизирован, повсеместно употребляясь не в качестве научной категории, а скорее как ко всему подходящее словосочетание. Под массовой культурой мы будем понимать поле современной культуры, активно продвигающейся с помощью массовых коммуникаций – Интернета, TV, печатных источников, компьютерных игр и т. п. и действительно активно потребляемой (в нашем случае – студенчеством).

Особенно заметно влияние массовой культуры на картину мира молодого человека, так как большинство ее продуктов рассчитано, и вся сфера словесности не исключение, прежде всего, на молодежную аудиторию, как наиболее перспективную в плане усвоения образов и языковых трендов, предлагаемых таким типом культуры, и также с точки зрения готовности финансового потребления в этой сфере.

Признавая это, мы должны заметить, что степень влияния массовой культуры на студенческую среду и его качество до сих пор не исследованы в достаточной степени, тогда как это является показательным для определения особенностей коммуникации в молодежной среде: популярная культура обеспечивает ее узнаваемыми креализованными текстами (подобно печатной рекламе прохладительного напитка со слоганом «Имидж ничто – жажда все»), языковыми трендами («Пелевин», «McDonalds», «ПрожекторПерисХилтон» и т. п.), а также языковыми формулами, отражающими момент языкового речетворчества, в том числе и языковыми блендами. Кроме того, изучение особенностей массовой молодежной культуры может быть показательно в отношении анализа внутрикорпоративных отношений студентов, так как языковая среда отражает формирование оппозиций свой-чужой, модный-немодный, информированный-неинформированный.

Студенческая среда – явление интересное во многих аспектах. В нашем случае внимание сосредоточенно, прежде всего, на одной проблеме, весьма показательной для прогнозирования предпочтений молодого чело-

века, получившего высшее образование и переместившегося из вузовской среды в «большой мир».

Представитель молодежи, поступающий в вуз, неизбежно оказывается в поле высокой культуры, которую ему предлагает вузовская программа. Стандарты вузовского образования включают в себя курсы по истории культуры, искусства, литературы, их современному состоянию, и в подавляющем большинстве на занятиях по этим дисциплинам исследуются образцы высокой культуры, так как именно они остались в качестве меток / этапов развития человечества. Тогда как массовая культура изучается в контексте развития культуры второй половины XX в. и далее, когда влияние ее уже невозможно не замечать. Такой подход правомерен, так как на преподавание дисциплин общегуманитарного характера отводится не слишком много часов.

Покидая каждый день вузовские аудитории, студенты перемещаются в гораздо более широкий контекст существования культуры. И тогда стройная система академических иерархий перестает быть актуальной, встраиваясь в общие представления человека о мире и своем месте в нем.

Это объяснимо прежде всего тем, что массовая культура имеет подчеркнуто развлекательный характер, по сути, это ее главная функция, о чем говорят все специалисты в этой сфере [см., например, 3, 4, 6]. Поэтому вполне естественная смена регистров потребления информации: для учебы – серьезная, «элитарная» сфера гуманитарных рефлексий, для остального времени – развлекательная. Именно поэтому некоторые исследователи утверждают, что вузовское обучение мало меняет картину мира представителя молодежи, так как большинство элитарных ценностей еще со школьной скамьи оказываются в поле стереотипных представлений о культуре [1].

Именно поэтому нам не кажется удивительным, что на главный вопрос анкетирования «Какими источниками информации вы пользуетесь, чтобы узнавать что-либо об окружающем мире?» студенты ответили более чем широко, включив в сферу своего внимания не только ожидаемые в качестве ответов интернет-сайты, социальные сети, но и мир художественных фильмов / сериалов, некоторое количество книг популярных авторов. Никто из опрашиваемых (за очень редким исключением), не назвал учебные материалы, статьи по различным проблемам учебного процесса, популярные исследования по вопросам искусства и культуры, хотя предлагаемый вопрос не предполагал, что студенты должны назвать только альтернативные вузовским источники. То есть молодой человек воспринимает популярные сериалы и глянцевые журналы как авторитетный, возможно, правдивый источник информации, не испытывая дискомфорта от явного противоречия предлагаемой системы ценностей в вузовском образовании и аксиологией массовой культуры.

В частности, на наш взгляд, абсолютно естественным образом в жизни молодого человека элиминируется конфликт между традиционной системой ценностей, активно транслируемой высокими образцами культуры – прежде

всего литературой и философской критикой (подобно той ценностной пирамиде, которую приводит в своей работе философ Г. Тульчинский, о чем ниже) и ценностями консьюмеризма, призывающего активно включаться в процесс потребления всего, что предоставляет массовая культура. Говоря об устоявшейся системе ценностей в мировой культуре, Тульчинский приводит ценностную вертикаль, «в которой существует иерархия высших трансцендентных ценностей (Бог, истина, добро, красота), за которыми следуют ценности нации, этноса, социальных групп, и лишь низший слой образуют ценности личностного, бытового плана» [5, 43]. Тогда как в массовой культуре «ценности приводятся к некоему общему знаменателю, превращаясь из уровней иерархически организованной вертикали в рубрикаторы секторов рынка массового потребления» [5, 43]. Т.е. базовая гуманитарная система ценностей известна любому человеку, находящемуся в цивилизационном процессе.

Вспомним: если герой классической литературы теряет высокие духовные запросы в процессе личного обогащения и осуществления карьерных планов (такого рода сюжетную схему мы можем увидеть, например, в романе И. А. Гончарова «Обыкновенная история» – образы Петра и Александра Адуева, или в романе О. де Бальзака «Утраченные иллюзии» – образ Люсьена де Рюбампре), то герой массовой культуры, напротив, увлеченно участвует в презентации ее продуктов, считая это способом саморазвития и внутреннего роста (из названных студентами примеров TV-продукции показательны, на наш взгляд, главные героини сериала «Сплетница» / «Gossip Girl» – сериала о жизни «золотой молодежи» Нью-Йорка – Блэр Уолдорф и Серена Вандервудсен. Так, в одном из эпизодов «королева школы» Блэр, выбирая себе девушек для свиты из младшекурсниц, отказывает одной из них, по причине покупки той туфель из прошлогодней коллекции дизайнера Луи Виттона) [7].

Приведем здесь суждение писательницы Л. Горалик, которая создала культурологическое исследование, посвященной кукле Барби – своего рода концепту массовой культуры, воплощению консьюмеризма. Горалик пишет о сверхпопулярности этой игрушки во всем мире, в том числе и в России, и показывает разницу ее восприятия людьми, повзрослевшими до эпохи перемен конца 1980 – начала 90-х гг., и новым поколением, к которому Барби пришла как явление абсолютно органичное их представлениям о сфере развлечений – кукольные домики, наряды для куклы, машины, кареты и т.п. «Я считаю возможным воспринимать Барби как своего рода зеркало западной цивилизации, причем зеркало с неожиданной, но очень полезной кривинкой: цивилизация эта отражается в нем, как если бы она была кукольной. Это наш мир отражается в безопасном небьющемся зеркале ее крошечного розового трюмо; в том, что он не нравится нам, мы можем винить только самих себя» [2; 5]. Участвуя в процессе потребления, молодой человек, благодаря правильно организованному продвижению продуктов массовой культуры, остается в полной уверенности, что потребление – это и есть движение жизни.

Современный студент, покидая стены вуза, имеет полную возможность просто отодвинуть в сторону предлагаемую ему в процессе обучения ценностную иерархию (т. е. «уйти отдыхать», развлекаться), потому что она, безусловно, требует больших душевных усилий. И в ситуации повседневности от нее проще отказаться, чем пытаться встроить в ежедневную практику.

Главный, на наш взгляд, результат элиминирования конфликта двух показанных систем ценностей – воспитание сверхтолерантной к сфере повседневности личности, так как подвижность системы авторитетов и апелляций к ним размывают четкое представление о том, что действительно ценно и морально одобряемо в мире, делая приемлемым практически любой тренд, правильно и аргументированно введенный в сферу массовой коммуникации. Это ситуация закрепляет готовую систему ценностей массовой культуры, верифицирует новые элементы в ней, лишая человека необходимости критически рассматривать мир, предпринимать аналитические усилия для выработки индивидуального взгляда на мир. Именно поэтому необходимо исследовать эту сферу гуманитарной рефлексии более тщательно, вовлекая в этот процесс современного студента.

1. Глотов, М. Б. Массовая культура и художественное развитие студентов [Электронный ресурс] / М. Б. Глотов // Российская массовая культура конца XX в.: материалы круглого стола. 4 дек. 2001 г., Санкт-Петербург. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001; Режим доступа: http://anthropology.ru/ru/texts/glotov/masscult_06.html.
2. Горалик, Л. Полая женщина: Мир Барби изнутри и снаружи / Л. Горалик. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – 230 с.
3. Ильин, А. Н. Субъект в массовой культуре современного общества потребления (на материале китч-культуры): моногр. [Электронный ресурс] / А. Н. Ильин. – Омск: Амфора, 2010. – 376 с.; Режим доступа: http://ec-dejavu.ru/m-2/Mass_culture-3.html;
4. Костина, А. В. Массовая культура как феномен постиндустриального общества / А. В. Костина. – Изд. 3-е, стереотип. – М.:КомКнига, 2006. – 352 с.;
5. Тульчинский, Г. Л. Материалы виртуального круглого стола «Современная культура. Деструкция или развитие» / Г. Л. Тульчинский // Филос. науки. – 2008. – № 10. – С. 40–158.
6. Чумаков, А. Н. Метафизика глобализации. Культурно-цивилизационный контекст: моногр. / А. Н. Чумаков. – М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2006. – 516 с.
7. Gossip Girl / авт.: Дж. Шварц, Ст. Саваж. – США: Warner Bros. Television, College Hill Productions и Alloy Entertainment, 2010–2012 гг.

В. С. Смирнова
Владимирский государственный университет им. Столетовых

АРХЕТИПИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ НРАВСТВЕННОСТИ (на материале русской народной сказки «Колобок»)

Изменение нравственной ситуации в современном мире требует изменения методов ее контроля, находящих свое применение в программах нравственного воспитания подрастающего поколения. По мысли К. Г. Юнга, наилучших успехов в воспитании можно достичь там, где цель воздействия совпадает с бессознательной тенденцией развития [5].

Мы предположили, что и нравственное поведение в основе своей подвержено влиянию архетипов коллективного бессознательного, что является базой для моделирования новых методов нравственного развития и коррекции. Цель данного исследования – выявить архетипические образы нравственности на основе русской народной сказки «Колобок», а также установить взаимосвязь между структурами коллективного бессознательного и мотивами нравственного поведения в младшем школьном возрасте.

Методологической основой работы является концепция К. Г. Юнга об архетипах коллективного бессознательного, концепция морального развития Л. Колберга, концепция субъективных семантических пространств В. Ф. Петренко, психоаналитический подход к интерпретации волшебной сказки (М.-Л. фон Франц, Т. Д. Евстигнеева-Зинкевич, В. Мершавка).

Архетип является архаическим феноменом и имеет проявления в волшебных сказках, их персонажах и образах. По результатам анкетирования (N=157) русская народная сказка «Колобок» является наиболее знакомой и предпочитаемой среди младших школьников. В работе были использованы: метод личностного семантического дифференциала (ЛСД), метод фокус-групп (методика моральных дилемм, методика «Продолжение сказки»), метод ассоциаций по цвету, метод цветовых выборов (модифицированный восьмицветный тест Люшера), проективная рисуночная методика «Запомнившийся фрагмент сказки», а также математико-статистические методы (кластерный анализ методом иерархической кластеризации) и видеосъемка. Испытуемыми выступили дети младшего школьного возраста от 6,5 до 11 лет (N=70). Было проведено 7 фокус-групп по 10 участников в каждой. В результате количественного и качественного анализа полученных данных были сделаны следующие выводы:

1. В ходе разрешения моральных дилемм испытуемыми назывались мотивы, относящиеся к разным уровням нравственного развития по Л. Колбергу. Мотивы преконвенционального уровня: «Отказ от морального выбора», «Получение удовольствия», «Месть», «Боязнь расплаты», «Боязнь нормативного наказания», «Ты – мне, я – тебе». Мотивы конвенционального уровня: «Боязнь потерять чье-либо расположение», «Желание одобрения», «Жалость». Мотивы постконвенционального уровня: «Забота о Другом», «Нахождение компромисса», «Обращение к сакральному».

2. При анализе «Продолжения сказки» было выявлено 5 различных образов Колобка: «Исполнитель предназначения (30,8 %)», «Друг» (24,7 %), «Колобок экстернальный» (17,3 %), «Убийца» (16,7 %), «Колобок автономный» (10,5 %) и 5 ведущих моральных мотивов соответственно: мотив исполнения предназначения, мотив аффилиации, мотив лености, мотив ожесточенного самосохранения, мотив получения удовольствия.

3. Результаты проективных методик позволяют предпринять попытку раскрытия внутреннего содержания русской народной сказки «Колобок» с точки зрения проявления архетипических образов нравственно-

сти. По результатам методики ЛСД такие персонажи как Бабка и Лиса имеют противоположные оценки по параметрам «Честность», «Воспитанность», «Добродушие», «Ответственность» и «Отзывчивость». Одинаково низкие оценки эти фигуры получают лишь по параметру «Отвага», который несет в себе такие черты как мужественность, бесстрашие, храбрость. Это говорит о том, что Бабка и Лиса являются крайними воплощениями одного образа, который является фемининным. Исходя из ассоциаций по цвету, Бабка (желтый цвет) символизирует богиню судьбы и плодородия Мокошь, чьей спутницей и воплощением в славянской мифологии является лиса. Таким образом, Бабка символизирует Аниму, а Лиса – Теневую Аниму. А. В. Безруких и О. М. Пилявина отмечают, что духовно зрелый мужчина имеет Аниму, которая обладает позитивными нравственными характеристиками [1]. Соответственно неразвитая Анима (лиса) у незрелой личности (Колобок) – нечестная, хитрая, неискренняя, лживая; безответственная, неверная, ненадежная; невоспитанная, некультурная; злая, враждебная, бессердечная; черствая, равнодушная, (по результатам методики ЛСД). Однако К. Г. Юнг также отмечает, что «Тень – неотъемлемая часть души, которая является хранилищем силы и душевного потенциала, а не воплощение всего злого в человеке». Знакомство с Тенью в любой традиции считается самым первым шагом на пути душевного развития. С. Оэри, описывая архетипический образ Матери в волшебной сказке, отмечает, что Природа Мать, приняв образ лесной женщины (лиса), указывает путь к духовному совершенству, и единственный способ, позволяющий человеку выйти за пределы архетипа матери, – полностью ему подчиниться [2] (для Колобка – быть съеденным). Сказанное выше подтверждается тем, что в ходе проведения фокус-групп испытуемые не выражают сожаления по поводу гибели Колобка, а приписывают Колобку предназначение «быть съеденным». Таким образом, Теневая Анима (лиса) способствует наиболее полному раскрытию личности Колобка: его потенциала, истинной Самости.

На рисунках испытуемых присутствует тема дороги, пути, по которому «катится Колобок». Для языческого сознания ориентация в пространстве имела магическую символику. Дорога на рисунках детей в 80 % случаев изображена поднимающейся слева направо, то есть из прошлого в будущее, снизу вверх. Это указывает на развитие, движение Колобка из нижнего мира в верхний, поскольку дорога – символ связи трех миров (верхнего, среднего и нижнего) [3].

На пути к ассимиляции с Теневой Анимой Колобок встречает угрозы и препятствия в виде трех персонажей-животных – зайца, волка, медведя. По методике ЛСД заяц наделяется усредненными качествами. Волку и медведю также даются средние оценки всех качеств, кроме «Отваги». Эти персонажи сказки представляются бесстрашными, мужественными и отважными. Взаимосвязь ассоциаций по цвету с цветовым тестом Люшера

позволяет говорить о том, что в группе испытуемых заяц – один из предпочитаемых персонажей сказки, тогда как по отношению к медведю и волку испытуемые демонстрируют безразличие. Анализ рисунков подтверждает безразличие детей по отношению к волку и медведю – они отсутствуют на рисунках всей выборки испытуемых, тогда как сюжет встречи Колобка с зайцем является наиболее популярным у испытуемых. В фигуре зайца, по мнению В. Мершавки, воплощается инстинкт самосохранения и соответствующие ему комплексы [4].

Значимость преконвенционального мотива самосохранения в ситуации морального выбора может объяснять фиксацию младших школьников на образе Зайца. Таким образом, не выйдя на уровень конвенционального, а затем постконвенционального нравственного развития, Колобку не соединиться с Теневой Анимой, а, следовательно, не достигнуть истинной Самости.

Основной инстинкт, который символизирует волк, в интерпретации В. Мершавки, – это свободная агрессия и конкуренция [4]. Можно предположить, что именно такой мотив необходим для перехода с конценконального уровня нравственного развития, характеризующегося мотивами избегания неодобрения, к постконвенциональному. Медведь же, по мнению В. Мершавки, воплощает принцип удовольствия [Там же]. Тогда, в русле нашей интерпретации, медведь олицетворяет мотив, препятствующий достижению постконвенционального уровня нравственного развития, когда поведение регулируется опорой на общечеловеческие универсальные принципы нравственности, на признание самоценности других людей.

Мы приходим к выводу о том, что между архетипами коллективного бессознательного и моральными мотивами существует взаимосвязь, которая имеет свою специфику в младшем школьном возрасте. На этой основе возможно моделирование новых методов коррекционно-развивающей работы с младшими школьниками.

1. Безруких, А. В. Архетипы в психотерапии [Электронный ресурс] А. В. Безруких, О.М. Пилявина. – Режим доступа: http://www.jungland.ru/node/1115.
2. Биркхойзер-Оэри, С. Мать. Архетипический образ в волшебных сказках / С. Биркхойзер-Оэри. – М., 2006.
3. Маковский, М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов / М. М. Маковский. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1996. – 416 с: ил.
4. Мершавка, В. К. Колобок. Психоаналитическая интерпретация сказки. Юнгианская интерпретация сказки. Буквальная, этимологическая, архетипическая и ритуальная интерпретации сказки [Электронный ресурс] / В. К. Мершавка. URL: http://www.mershavka.ru/articles/ detail/34
5. Jung, C.G. Das Gewissen in psychologischer Sicht / C.G. Jung // Glisanmelte Werke. Often: Walttr-Verlag, 1958. Bd. 10. Пер. с вем. А. Руткевича.

СЛОВО НАСТАВНИКА

Канд. филос. наук, доцент

О. Б. Соловьев
Новосибирский государственный университет экономики и управления

РЫНОЧНЫЙ ФУНДАМЕНТАЛИЗМ: ОТ ОБЩЕСТВА ПОТРЕБЛЕНИЯ К ОБЩЕСТВУ РАСТРАТЫ

Понятие рыночного фундаментализма (*market fundamentalism*) вводит Дж. Сорос во вступлении к работе «Кризис мирового капитализма» [1]. Дж. Сорос предлагает его вместо французского термина *laissez faire*, означающего, что общественный интерес удовлетворяется наилучшим образом путем предоставления всем возможности удовлетворять собственные интересы. Под рыночным фундаментализмом он имеет в виду доктрину невмешательства государства в экономику, которая, по его мнению, и сделала систему мирового капитализма ненадежной. Такое положение дел возникло сравнительно недавно – с начала 1980-х гг. В конце второй мировой войны международное движение капитала было ограничено. Тогда в соответствии с решениями, принятыми в Бреттон-Вудсе в 1944 г., были созданы международные финансовые институты – Всемирный Банк (ВБ) и Международный Валютный Фонд (МВФ), целью которых стало развитие свободной торговли и возобновление движения капитала. Ограничения снимались постепенно, и когда к власти пришли М. Тэтчер и Р. Рейган, рыночный фундаментализм стал господствующей идеологией, предоставив финансовому капиталу управляющее и руководящее место в мировой экономике.

Общество эпохи рыночного фундаментализма М. Фуко описывал как общество контроля, в котором решающее значение имеют властные технологии соблазнения и контроля. Первые – поощряют население увеличивать потребление, соблазняя все новыми продуктами, приобретение которых становится возможным за счет кредитования; последние – позволяют сравнительно легко осуществлять управление при постоянном финансовом контроле над попавшим в кредитную зависимость потребителем. К чему приведут эти властные технологии? М. Фуко не имел готового рецепта. Дж. Сорос предрекает полномасштабный кризис и конец мирового капитализма, если только власть не осознает роковой опасности рыночного фундаментализма, раздувающего пузыри цен и порождающего растраты собственных и заимствованных средств в настоящем в уповании на возрастание эффективности производства в будущем.

Антисфен заметил: государства погибают тогда, когда не могут более отличать хороших людей от дурных. Зададимся вопросом, к чему приводят властные технологии обществ контроля, будучи применены в странах с транзитивной экономикой, уровень жизни в которых требует от власти применения дисциплинарных мер принуждения к труду, а не соблазнения потреблением? Как правило, эти общества, кроме оттока капитала с периферии в финансовый центр, отягощены еще коррупцией и безнравственностью

чиновников и бизнесменов. Возникновение гигантского имущественного разрыва в постсоветском обществе стало следствием реформирования экономики по монетарному образцу. Выбор монетаристской модели экономического развития был обусловлен позицией международных финансовых институтов, прежде всего, ВБ и МВФ, кредитование инфраструктурных изменений российской экономики со стороны которых в 1990-х гг. осуществлялось при условии реформирования общественных отношений на путях рыночной либерализации цен под девизом «Рынок решает все». Роль государства в экономике была сведена к контролю над денежным обращением в сфере прироста денежной массы и инфляционных ожиданий. Любое другое государственное вмешательство в экономику стало рассматриваться как вносящее диспропорции в рыночные отношения в целом и экономическое управление в частности.

Между тем монетаристская модель если и могла быть применена на постсоветском пространстве, то исключительно к странам Центральной и Восточной Европы, которые могут рассчитывать на помощь Евросоюза в случае финансового и экономического коллапса, саму возможность которого и призвана не допустить модель М. Фридмана. Американский ученый, однако, не предполагал, что последовательная реализация монетаристской денежно-кредитной политики приводит к «закредитованности» рынка, когда не нехватка денег выступает главной причиной возникновения депрессии, а как раз наоборот – постоянная денежная эмиссия является причиной переизбытка денежной ликвидности и, как следствие, многократно завышенной стоимости финансовых инструментов. С 2007–08 гг. «кредитный пузырь» сдувается в реальном секторе экономики США и Евросоюза или лопается, как в странах, наиболее зависимых от кредита, – Исландии, Венгрии, Ирландии, Греции, Португалии, странах Балтики и Центральной Азии.

Основанная на постоянном росте потребления, монетаристская модель эксплуатирует властные технологии скрытого характера – технологии соблазнения и контроля. Наемный работник устраивается на работу не потому, что в отсутствии таковой ему нечего будет есть и негде будет жить, как это было в дисциплинарных обществах, принуждавших пролетариат продавать рабочую силу, но потому что соблазнен более высоким уровнем жизни. В погоне за дорогостоящим продуктом он берет кредит и таким образом вынужден оплачивать его на протяжении достаточно длительного периода времени. Принуждение сменяется контролем, язык аналогий между пространствами изоляции – цифровым языком ультраскоростных форм контроля в открытых пространствах. Личное соперничество, противопоставляющее одного работника другому, это самый сильный импульс, используемый корпорациями для мотивации повышения производительности труда, который все более основывается на росте знания и информатизации производства. На смену изолированных пространств школ и заводов при-

ходят деформирующие сами себя, постоянно изменяющиеся пространства транснациональных корпораций и институтов непрерывного образования.

В новом веке российская власть широко использует технологии обществ потребления – технологии соблазнения и контроля. Это происходит в обществе, в котором уровень жизни кардинально отличается от западных стран. Так, результатом проведения монетаристской денежно-кредитной политики стала небывало высокая дифференциация реальных доходов населения РФ. Согласно данным МЭРТ, разница в доходах между десятью процентами наиболее и наименее обеспеченных категорий граждан составляла 14,5, 14,8, 14,9 и 15,3 раза в 2003–2006 гг. соответственно. Безнадежная бедность – вот основная характеристика пролетариата эпохи К. Маркса. И ныне покупательная способность большинства трудоспособного населения страны немногим превышает прожиточный минимум. Процессы централизации капитала и уменьшения платежеспособного спроса, описанные К. Марксом, В. И. Лениным, С. Н. Булгаковым и др., сегодня, как и сто лет назад, создают экономические и политические риски для общества, из тупика плановой экономики ткнувшегося в тупик монетаризма.

С 2000-го по 2008 гг. Россия получила 1.3 трлн. долл. за счет экспорта нефти и газа и накопила 560 млрд. долл. золотовалютных резервов. За это же время внешний долг российских банков и компаний достиг 460 млрд. долл.: это означает, что страна кредитует постиндустриальные экономики с тем, чтобы затем воспользоваться финансовыми услугами обществ контроля [2, с. 47]. В условиях разрастающейся бюрократизации, шаткости прав на собственность, отсутствии инвестиций в инфраструктуру и колоссальном росте коррупции Россия предпринимает попытку из государственно-монополистического «развитого социализма», минуя полвека кейнсианского регулирования, вступить в современный постиндустриальный капитализм. В отсутствии потребителя (кредитоспособного заемщика) и кредитора (национальной банковской системы с частным капиталом и реальным притоком инвестиций) монетаристская денежно-кредитная политика задействует технологии соблазнения, обрекая население на увеличение потребления без достижения соответствующего уровня развития производительных сил. Это заведомо ведет к деградации кадрового потенциала страны, к всецелой зависимости национальной экономики от мировых цен на сырьевые товары, что противоречит самой идее обществ контроля не принуждать, а поощрять к труду, не заставлять, а образовывать, не ввозить, а производить научные и информационные инновации. Налицо противоречие между резким увеличением потребления за счет кредитования и всяческого соблазнения кредитом и уровнем развития производительных сил, соответствующим дисциплинарному обществу, в котором кредитование широких масс населения в силу ничтожности их доходов не допускалось и допускаться не может. При всей очевидности нефтевластия, недооценки труда и чрезвычайно низких реальных доходов населения в

обществе до сих пор не сознается опасность применения технологий потребительского соблазнения – технологий обществ с высоким уровнем жизни и более чем полувековым устойчивым развитием.

1. Сорос, Дж. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности / Дж. Сорос. – М.: ИНФРА-М, 1999. – 262 с.
2. Суэтин, А. О причинах современного финансового кризиса / А. Суэтин // Вопр. экономики. – 2009. – № 1. – С. 40–51.

В. Е. Солдаткин
Челябинская государственная академия культуры и искусств

ВОЗМОЖНОСТИ МУЛЬТИМЕДИА В ПРОВЕДЕНИИ ПРАЗДНИЧНОГО ЮБИЛЕЯ

В январе 1895 года в Гран-кафе на Бульваре-де-Капюсин в Париже состоялся первый киносеанс. Изобретение братьев Люмьер – Луи и Огюста, сыновей художника, увлекающегося фотографией, произвело настоящий фурор. Человечество вступило в новую эру – эру кинематографа.

От показа первых фильмов («Прибытие поезда на вокзал Ла Сьота», «Выход рабочих с завода Люмьер» и т. д.) до современных блокбастеров и мелодрам кинематограф проделал огромный путь, превратившись в род искусства, произведения которого создаются с помощью киносъемки реальных, специально инсценированных или созданных средствами муль-типликации или компьютерной графики событий. В киноискусстве синте-зируются эстетические свойства литературы, театра, изобразительного искусства и музыки на основе только ему присущих выразительных средств, из которых главные – фотографическая природа киноизображения и монтаж [2, с. 583].

В настоящее время трудно представить жизнь человека без кино и телевидения. Голубые экраны собирают возле себя всех – от мала до велика. Телевизор стал буквально членом семьи, а телевидение – одним из наиболее массовых средств распространения информации (политической, культурной, познавательной, учебной, рекламной), которое применяется также в научных, организационных, технических и других прикладных целях, например, в промышленности и на транспорте (диспетчеризация, контроль), при космических и ядерных исследованиях, в медицине.

Выразительные средства, присущие кино и телевидению, активно используются и в современной режиссуре театрализованных представлений и праздников. А. Рубб отмечает, что кинокадры, органически включенные в ткань представления (особенно документальные), восстанавливая в памяти волнующие, связанные с событием страницы жизни, придают достоверность какому-либо моменту разворачиваемого на сцене действия, усиливают его воздействие на зрителя. Или, используя подбор соответствующего киноматериала (реже досъемки), раздвигают границы номера,

эпизода, придают им масштабность. Или, используя возможности широкого экрана, исполняют роль эффектного «живого» фона [2, с. 182].

Все чаще режиссеры, специалисты праздничных агентств, индивидуальные организаторы торжеств используют выразительные средства кинематографа в программах, посвященных знаковым событиям в жизни отдельного человека, в частности, при проведении праздничных юбилеев.

Юбилей (позднелатинское jubilaeus annus – юбилейный год, от древне-еврейского), годовщина жизни, деятельности какого-либо лица, учреждения, годовщина какого-либо события; празднование такой годов-щины. Программа мероприятия часто строится в форме своеобразного подведения итогов определенного периода личной жизни, общественной или творческой деятельности юбиляра, а ее содержание выражается в соответствующей теме. Для раскрытия темы режиссер пользуется различными методами, в том числе методом монтажа, соединяя докумен-тальный и художественный материал. Документальный материал содержит достоверную информацию о юбиляре, а художественный позволяет более образно и эмоционально донести ее до адресата. Помогает же в этом сегодня мультимедиа (англ. multimedia, от multi – много и media – средство) – компьютерная технология, которая обеспечивает соединение нескольких видов связанной между собой информации (текст, звук, фото, рисунок, анимация, видео и др.) в единый блок, а также носитель такой информации. В стандартный комплект мультимедиа входят: проектор, видеоэкран, компьютер (или ноутбук), средства коммуникации. При необходимости данный комплект может дополняться видеокамерой, микшерским пультом и пр..

Что же дает режиссеру использование мультимедиа в программе праздничного юбилея? Практический опыт, полученный при проведении подобных мероприятий, позволяет выделить следующие функции этой технологии:

1. Функцию оформления пространства.
2. Информативную функцию.
3. Коммуникативную функцию.
4. Компенсаторную функцию.
5. Функцию помощника по ведению программы.
6. Функцию организации материала.
7. Игровую функцию.

Рассмотрим эти функции более подробно.

Функция оформления пространства. Воспроизводимые на одном или нескольких экранах художественные заставки – статические или динамические изображения (букет цветов, цифры, обозначающие отмечаемую «круглую» дату жизни юбиляра, его портрет, слово «Поздравляем!» и т. д.), сами экраны как некие арт-объекты, выделяют пространство юбилея из привычной жизненной среды, наделяют его особым смыслом, связанным с сакральностью (значимостью) события, визуально украшают поме-

щение, где проходит торжество, служа своеобразным художественным фоном и помогая в создании необходимой атмосферы праздника.

Информативная функция. С помощью средств мультимедиа визуализируется идейно-тематическое содержание праздника, выражаемое в художественном названии программы, ее отдельных блоков, эпизодов, номеров и т. д. Воспроизводится информация о выступающих гостях и приглашенных артистах. Транслируемая видеопродукция знакомит участ-ников действия с информацией о юбиляре. К такой продукции можно отнести:

– ***видеофильм*** – совокупность фотографических изображений (кадров), последовательно расположенных на кино- (видео) пленке, связанных единым сюжетом и предназначенных для воспроизведения на экране;

– ***видеоклип*** (от англ. clip – стричь, обрывать) – телевизионная художественная интерпретация эстрадной, поп- или рок-песни, как правило, с применением «дробного» монтажа и специальных эффектов;

– ***слайд-шоу*** – расположенные в определенном порядке изображения (кадры), объединенные одной темой.

При подборе изображений режиссер пользуется монтажным методом, применяя как иллюстративный, так и ассоциативный тип монтажа. Иллюстративный монтаж есть художественное изображение, которое в его содержательной части повторяет изображение документальное. Суть же ассоциативного монтажа заключается в том, что столкновение между собой в одном блоке изображений разных событий рождает для зрителя новый художественный образ, совершенно новое их восприятие, вызывая неожиданную, нужную для режиссера-автора ассоциацию.

Коммуникативная функция. Средства мультимедиа – идеальный способ для передачи ***видео-поздравлений.*** Заранее снятые видеоролики дают возможность высказаться по поводу отмечаемого события как реальным людям – тем, кто в силу каких-либо причин не смог засвидетельствовать свое почтение юбиляру лично, так и вымышленным персонажам – литературным, киногероям и т. д. При наличии соответствующего оборудования организуется ***прямая видеосвязь*** с адресатом в режиме он-лайн.

Компенсаторная функция. ***Прямая трансляция*** происходящих действий через использование крупных и общих планов, воспроизводимых на экраны, позволяет реализовать закон зрительского восприятия «Хочу все видеть, все слышать, все понимать», создает своеобразный эффект присутствия, вне зависимости от особенностей помещения, где проходит торжество.

Мультимедиа выполняет **функцию помощника по ведению программы.** На экране появляется либо видео-двойник ведущего, либо другое лицо (мульт- или киногерой, известный политический деятель, спортсмен, артист и т. д.), персонифицирующее носителя драматургического конфликта, что при сюжетном построении действия также помогает более эффективно донести необходимую информацию до участников мероприятия.

Функция организации материала. Выразительные средства мультимедиа позволяют воплощать ***сценарно-режиссерский ход*** юбилейного торжества. Сценарный ход – предлагаемые сценаристом драматический сюжет или условия игрового общения, определяющие развитие и композицию массового действия и выражающие его образный смысл. Сценарный ход органически вытекает из тематического замысла мероприятия, подсказывается его материалом и должен отвечать нескольким требованиям: помогать раскрытию основной темы, заинтересовывать зрителя и обязательно проходить от начала до конца, связывая весь материал [1, с. 85]. Режиссерский ход – зримое, условное игровое действие, выражающее режиссерское решение и связывающее все части, эпизоды, номера, выразительные средства в непрерывно развивающуюся композицию целого, включающее зрителей и участников в сквозное действие мероприятия [Там же, с. 72].

Приведем пример. Программа юбилея под художественным названием «Семейный альбом» строится на знакомстве с видео-версией фотоальбома юбиляра. Блоки программы («Семья», «Школа», «Служба», «Путешествия», «Хобби») соответствуют расположенным в определенном порядке фотографиям, демонстрируемым на экране, визуально подтверждающим вербальную информацию ведущего, гостей торжества и самого юбиляра, а также сопровождающим церемониальные и игровые действия.

Игровая функция мультимедиа позволяет использовать различные приемы активизации аудитории, к которым, в первую очередь, относятся игровые действия. Вот некоторые из них. Исполнение ***песен-караоке***: на экране транслируется текст любимых песен юбиляра, которые поются всеми участниками юбилея. Составление ***«фоторобота»*** главного героя праздника: гости, с помощью специальных компьютерных программ либо воссоздают и воспроизводят на экране естественный облик юбиляра, либо меняют его внешность в соответствии с игровой ситуацией: делают моложе или старше, изменяют прическу, «отпускают» усы и бороду и т. д. Похожим способом создаются ***коллаж-поздравления****:* части различных изображений (фотографий, картин и т. д.) в реальном времени монтируются на компьютере и транслируются на экран. Еще один прием активизации аудитории – использование ***видео-загадок***: например, гости должны угадать, что находится на закрытой части фотографии (часто шуточного содержания), воспроизводимой на экране. Все эти и другие приемы позволяют гостям мероприятия в игровой форме познакомиться с конкретными сведениями о юбиляре.

Психологами замечено, что человек воспринимает информацию на 80 % визуально, и только 20 % вербально. Таким образом, можно сделать вывод, что использование мультимедиа в проведении массовых мероприятий, в частности праздничных юбилеев, позволяет максимизировать получение информации. А это, в свою очередь, ведет к более эффективному раскрытию идейно-тематического содержания мероприятия, делает его оригинальным и незабываемым зрелищем для участников и главного героя.

1. Режиссура массового театрализованного действа: Словарь / сост. Л. И. Футлик, Р. П. Козлова // Перм. гос. ин-т искусств и культуры. – Пермь: УПЦ «ДИККС», 1999. – 113 с.
2. Рубб, А. 30 бесед об эстрадных концертах / А. Рубб – М.: ВЦХТ «Я вхожу в мир искусств», 2004. – 224 с.
3. Советский энциклопедический словарь / науч.-ред. совет: А. М. Прохоров (пред.). – М.: Совет. энцикл., 1981. – 1600 с. с ил.

Н. В. Суленёва, А. В. Маркова
Челябинская государственная академия культуры и искусств

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ ДИАЛОГОВ СИТКОМОВ

Диалогическая природа ситкомов, адаптированных на отечественном ТВ уклончива, проявляет себя в сфере означающего (вторичный продукт, а не «видимая часть смысла»). Выявление же интертекстуальности в диалогах – это работа сценариста и режиссера, причем не только герменевтическая. Она обусловленна контрактыми ограничесниями, множеством смещений, взаимоналожений, ведущим к варьированию текстовых элементов. В результате интерпретационных процедур «интертекстуальное лего» складывается не в пространственную многолинейность, а некую двусмысленность[1].

Возможно, с течением времени ситком и превратится в неотъемлемую часть российской повседневности. Но есть ли необходимость следовать данной традиции зарубежных экранных произведений в полноценном объеме, учитывая два момента, присутствующие в сегодняшнем дне. Во-первых, позиционирование ситкома как экранного произведения для семейного просмотра, а значит, и опосредованное влияние на выработку и сохранение семейных ценностей. Во-вторых, менталитет поколения родителей современных подростков и детей воспитывался в большей степени на ценностях духовного порядка, что вызывает внутреннее сопротивление при вторжении с ТВ экрана вербальных проявлений, именуемых в недавнем прошлом пошлостью.

С другой стороны, диалоги в ситкомах несут в себе большой заряд оптимизма, герои и конфликты узнаваемы, позитивное разрешение ТВ конфликтов вселяет уверенность в подобном развитии действия и в реальной жизни телезрителя. В этом несомненный положительный эффект ситкома. Присутствие же чужеродного, к примеру «туалетного» американского юмора, подспудно ставит старшее поколение перед выбором – смотреть или не смотреть в целом симпатично поданные житейские истории. Как правило, побеждает решение смотреть. Здесь играют роль и действительно интересные, скажем интернациональные, сюжеты, забавные персонажи, любимые актеры; надежда, что в следующей серии обойдется без глупостей; нежелание идти на конфликт с теми членами семьи, которым ситком нравится со всеми предложенными вариантами комического; наконец, привычка – ситкомы уверенно занимают позиции лидирующих ТВ программ в повседневности большого числа ТВ аудитории.

Сценарист-адаптор, выписывая диалоги, решает немало важных задач: сохранить стиль оригинального варианта сценария, сохранить типы персонажей и взаимоотношения между ними, сохранить драматургические конфликты экранного продукта, перенести все вышеозначенное на почву реальности той страны, для которой, собственно, экранное произведение и адаптируется. Интертекстуальная ткань диалогов ситкомов приводит к сталкиванию несоединимых по природе ментальности элементов: контрасты комического в текстах (внешние и психологические), нарушение привычной нормы, прием случайностей, ситуации квипрокво (промахи и недоразумения), ситуации, в которых персонаж встречает препятствия, мешающие довести до логического конца предпринятое им действие, или само действие оказывается настолько неуместным, что производит впечатление неожиданности. Данные ситуации обладают в своем большинстве, что называется, общечеловеческим характером. Но вот что касается поведенческих стереотипов, несоответствия внешнего проявления и внутреннего содержания речевого действия героев, отражения исторической реальности как повода для шутки – здесь сценаристу-адаптору предстоит труд по-настоящему титанический. Трудность, на наш взгляд, заключается в поиске соответствия смыслу, заложенному в комизме варианта оригинала эпизода ситкома.

Заострить внимание, думается, необходимо на введении тех или иных реплик и диалогов в адаптированных вариантах ситкомов в зависимости от смысловой нагрузки по отношению к эпизоду современной российской действительности, влиянию на формирование семейных ценностей и повседневности ТВ аудитории. К примеру, в сериале «Кто в доме хозяин» серия № 408, адаптированная версия американского ситкома «Jast mona and me», Даша Пирогова, владелица рекламного агентства, хочет выяснить отношения с мамой и уводит ее на кухню. Никита (домработник Даши), пытаясь смягчить неловкость, комментирует ситуацию Максу – ухажеру Антонины (мамы Даши):

– Они и в туалет всегда ходят вместе.

По нашему глубокому убеждению, эта реплика персонажа, как в оригинале, так и в адаптированном варианте, является примером вышеозначенного «туалетного» юмора. Если смысл высказывания заключается в том, что мама и дочь неразлучны даже в самых глубоко интимных проявлениях человеческой жизнедеятельности, возможно, заменить «туалет» все-таки можно было бы на более, что называется, приличный для отечественного экранного звучания вид процедур – например, «они даже в душ ходят вместе». Ведь любая реплика рождает определенную цепочку ассоциаций: реплика с ТВ экрана – усиленный визуальный ряд, реплика персонажа семейного просмотра – подспудную уверенность, что это нормально и для повседневной общности смотрящих.

Но ситкомы популярны не только созданием смеха ради смеха, удовлетворения физиологических потребностей в удовольствии. Они привлекательны и одобряемы для совместного просмотра связанных друг с другом

семейными или иными (общность интересов, совместное проживание) узами людей именно в силу мягкого юмора, не шокирующего кого-либо из присутствующей ТВ аудитории, не создающего напряжения из-за неловкости в нарушении этических норм.

В концептуальном подходе к диалогическому тексту ситкомов отличие между оригиналом и адаптированной версиями составляет означающее текста Подчас невозможно воссоздать референт исходного текста, тем более, что нельзя «показать» референт, можно лишь показать означающее, которое может восприниматься как референт, то есть как иллюзия последнего, как «воображаемый референт». Референциальная иллюзия [3] ситкома воспринимается телезрителем как референт знака, в то время как на самом деле нам доступно всего лишь его означающее; смысл, связанный с этим означающим, становится понятным «через» означаемое. Зритель становится жертвой референциальной иллюзии: то ему кажется, что он видит ситуацию зарубежного сериала в двухъярусной комнате, то вдруг место действия переносится в отечественный подъезд «хрущевки».

В ситкомах возникает конструкция, гештальтно-организованные характеристики которой предполагают в сюжетности «фигуру и фон» [4]. Возможность выстраивания конструкций диалогов по гештальтному способу оправдана одним из основных свойств ТВ – персонификацией сообщения. Гештальтные конструкции удовлетворяют актуальные потребности телеаудитории. Нелинейная интерпретация исходного текста сопоставляет различные облики, которые приобретает один и тот же сценарий при его адаптации сценаристом для отечественного ТВ. В конечном итоге сценарист-адаптор занимается составлением мозаики текста в зависимости от специфики представленности содержания каждого звена сценария ситкома-оригинала, его контекстных значений, возникающих в своей множественности в процессе адаптации смысловой динамики текста в версию для отечественного ТВ. Хораическое [2] осмысление текста адаптором задает точки ветвления возможной траектории познания текста сценария, выявляет движение внутри текста, «перманентный круговорот семиотической среды», по определению Платона. Конструкция сценария представляет собой подвижную систему плюральных интертекстуальных проекций смысла, порождающихся определенными ассоциациями сценариста, готового к восприятию сценария-оригинала не как одномерного «словаря», а как нелинейной энциклопедии, статьи которой перекликаются друг с другом и выводят далеко за пределы представленного текста. Путем «игры» со сценарной основой первоисточника сценарист прокладывает себе дорогу к новому смыслообразованию.

1. Всемирная энциклопедия: Философия / гл. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. – М.: АСТ, Харвест, Соврем. литератор, 2001. – 1312 с.
2. Делез, Ж. Кино / Ж. Делез; пер. с фр. Б. Скуратова. – М.: Ад Маргинем, 2004. – 624 с.
3. Ионин, Л. Г. Социология культуры, путь в новое тысячелетие / Л. Г. Ионин. – М.: Логос, 2000. – 432 с.
4. Маклюен, М. «Понимание MEDIA» – внешние расширения человека / М. Маклюен; пер. с англ. В. Николаева; закл. ст. М. Вавилова. – М.: Жуковский «КАНОН – пресс-Ц», «Кучково поле», 2003. – 464 с.

И. Ю. Сычев
Челябинская государственная академия культуры и искусств

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ «КОМИКС», ЕГО КЛАССИФИКАЦИЯ, ФОРМА И БАЗОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Существует множество определений понятия «комикс». Одно из них дает французский словарь «Le Petit Robert». В нем комикс определяется как последовательность рисунков, рассказывающих одну и ту же историю или представляющих одного и того же персонажа [3, с. 383]. В данном определении отсутствует описание ключевых элементов комикса, его графической и текстовой составляющих. Следовательно, оно может относиться к любым составным произведениям изобразительного искусства.

Один из первых французских исследователей комиксов П. Фрэно-Дерюэль определяет комикс как современную форму образного повествования. Произведение, неотъемлемой частью которого является последовательность картинок, сопровождаемых текстом или без него и дополненных различными идеографическими знаками [1, с. 62].

Подобное определение дает А. Г. Сонин. Комикс это особый способ повествования, текст которого представляет собой последовательность кадров, содержащих, кроме рисунка, вербальное произведение, передающее преимущественно диалог персонажей и заключенное в особую рамку. При этом рисунок и заключенный в него вербальный текст образуют ограниченное смысловое единство [3, с. 111].

На наш взгляд данные определение не совсем корректны, так как не отражают художественной составляющей изучаемого явления. Так могут определяться визуализированные инструкции или некоторые формы рекламы и агитации. Представленные выше определения в большей степени схожи с понятием «креолизованный текст». Так как комикс считается одним из видов креолизованного текста, то это понятие требует дефиниции.

Термин «креолизованный текст» принадлежит отечественным лингвистам Ю. А. Сорокину и Е. Ф. Тарасову. Это текст, фактура которого состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой) и невербальной (иконической).

Таким образом, под вербальными компонентами комикса понимается буквенный текст, который можно разделить на три вида. Первый, это речь автора, выделяющаяся чаще всего в отдельные прямоугольные графические элементы. Второй, это речь персонажей помещенная в специальное пространство, которое представляет собой «облачко», исходящее от головы персонажа и заключающее в себе его реплику. Данный элемент стал особой, узнаваемой чертой комикса. Его называют либо «спичбабл» (speech bubble англ. – пузырь с речью), либо «филактер» (phylactere фр. – шар). Третий вид текста в комиксе это звукоподражание, так же характерное для этого жанра.

При помощи такого текста могут изображаться любые звуки сопровождаемые кадр. Некоторые из них стали устоявшимися идиоматическими выражениями. Комикс создал целую коллекцию звукоподражательных неологизмов. Сочетание слова и образа, при акценте на образ, создает в комиксе особый сплав – идеограмму. Чаще всего изображаемый текст подражает сам звук при помощи цветового оформления или наклона букв.

Невербальные компоненты комикса включают в себя графику комикса (последовательность рисунков, каждый из которых обрамлен рамкой и образует кадр). Графический компонент занимает большую часть пространства комикса. Достаточно широк спектр возможностей, которые предоставляет комикс для взаимодействия вербальных произведений с элементами рисунка внутри кадра или их согласования в общей композиции кадров на странице.

Важно отметить, что в художественной истории человечества можно встретить множество проявлений креолизованного текста, похожего по своей форме на комикс. Наскальные рисунки пещерного человека соответствуют определению комикса. Также древнеегипетская живопись соответствует законам комикса. Примером комикса может служить и колонна Траяна, созданная архитектором Аполлодором Дамасским в 113 г. н. э. Традиция иллюстрированных рассказов также восходит к XVI и XVII в. В эти времена широкого распространении достигают «Аллилуйи» – пересказ жития святых в сериях небольших гравюр, отпечатанных на листках цветной бумаги. Они были особо распространены во Фландрии, Франции и Германии. Непосредственными предшественниками комикса, или протокомиксами, считаются политические французские и английские карикатуры конца XVIII в. Также, примеры комикса можно разглядеть и в некоторых явлениях художественной культуры России. Такие как лубок и агитационный плакат (Окна РОСТА). Но все это является только протокомиксом. Комикс прежде всего явление массовой культуры. Нельзя говорить о существования комикса до развития цветной печати, так же, как и нельзя говорить о существовании массовой культуры до развития средств массовой коммуникации.

Таким образом, комикс – это жанр современного искусства, сочетающий изобразительный ряд с литературным текстом. Фактически комикс является предшественником анимации. По мнению А. Г. Сонина: «За последнее столетие цивилизация породила три общественно значимых феномена, официально занесенных в список искусств: это кино, телевидение и комикс. Нетрудно заметить, что все три производят «гибридные» вербальноиконические тексты»[2; с. 138].

Само слово «комикс» в профессиональной среде принято относить к подобным явлениям креолизованного текста англо-американской культуры. В различных национальных культурах оно приобрело свое наименование. Широко распространено понятие «манга», обозначающее японский

комикс. В Китае комикс зовется «льянхуанхуа». Так же, во Франции его называют «bande dessinee», что переводится как «разрисованная полоска». В российской профессиональной комикс-среде отечественные произведения принято называть историями в картинках, так же, как и в Испании «historieta grafica».

Следует отметить, что само слово «комикс» является заимствованием из английского языка. Его созвучность со словом «комичность» обусловлено жанровым однообразием проявлений комикса на ранних этапах развития. После 20-х гг. XX в. его сюжетное разнообразие значительно расширилось. Следовательно, внутренняя форма слова «комикс» уже не определяет данное явление.

Многие думают, что манга появилась в подражание американским комиксам, но это не так. Конечно, этого в манга отрицать нельзя, но их прообразом являются старинные карикатуры и юмористические рисунки. Старейшие из них хранятся в японских музеях и относятся еще к VIII в. Истоки манги восходят к историям в картинках, известным как «e-monogatari», в которых текст являлся основным повествующим элементом, а картинки были лишь приятным дополнением. Важно отметить, что отличительной чертой манга является ее особая художественная стилистика.

Комикс-индустрия континентальной Европы индивидуальна и не похожа на американский вариант. Французская индустрия комикса не столь привязана к коммерчески беспроигрышным фантастическим сюжетам; в отличие от Америки, европейцы крайне неохотно обращаются, например, к героическим историям. Здесь всегда в большей степени тяготеют к реализму, авангарду, юмористике, ориентируясь на читателя более востребованного, интеллектуально подкованного (если говорить о читателе взрослом). Даже издают графическую прозу в Европе иначе – в виде дорогостоящих альбомов в твердых переплетах (хотя, конечно, бытует комикс и в газетно-журнальном варианте). Что неудивительно: Франция и Бельгия первыми зачислили комикс в «реестр» официальных искусств, лучшие работы выставляются в Лувре, а с 1960-х гг. во Франции функционирует еще и самый настоящий «НИИ», исследующий исключительно этот жанр изобразительного искусства – Центр изучения графической литературы [4]. Французские bonde dessinee прежде всего являются авторскими произведениями, относящимися скорей к элитарной культуре, нежели к массовой.

В нашей стране комиксы до сих пор считают чем-то детским, несерьезным и второстепенным. Несмотря на то, что в российской культуре были развиты такие схожие с комиксом явления как икона, лубок и агитационный плакат, культура комикса была заимствована с запада. Из-за неподготовленной к такому виду восприятия общественности и отсутствия традиций национального жанра, комикс индустрия в России развивается крайне слабо.

Проанализировав базовые элементы комикса, мы выделяем следующее понятие. Комикс это современное произведение изобразительного ис-

кусства англо-американской культуры, имеющее форму креолизованного текста, состоящего из набора кадров, объединенных одним сюжетом.

Также, следует указать, что среди комиксов особо выделяют такое явление как «графический роман». Он представляет собой роман, издающийся в графическом варианте, в котором основой передачи сюжета является рисунок, а не текст. В настоящее время данный термин используется авторами комиксов для того, чтобы дистанцировать свое творчество от основной массы комиксов, рассчитанных на детскую аудиторию. По содержанию такие произведения обращены больше к взрослой аудитории и накладывают ограничения по возрасту к аудитории. Графические романы отличается от традиционных комиксов и манги не только сюжетом и качеством прорисовки, но также внешним видом и ценой. Если стандартный комикс чаще всего выпускается большими сериями не имеющими абсолютного финала, то графический роман является полноценным, законченным произведением.

1. Fresnault-Deruelle, P. Asprcts de la bande dessinee en France [Текст] / P. Fresnault-Deruelle // Comics and visual culture. La bande dessinee et la culture visuelle. Munchen; New York;London; Paris, 1986.
2. Сонин, А.Г. Комикс как форма вербально-авербального овнешнения сознания / А. Г. Сонин // Методология современной психолингвистики / сборник статей. – М.: Изд-во Алт. Уе-та, 2003.
3. Сонин, А. Г. Комикс: психолингвистический анализ / А. Г. Сонин. – Барнаул: Издательство Алтайского госуниверситета, 1999.
4. Харитонов, Е. В. Девятое искусство (Историко-критический обзор фантастического комикса) / Е. В. Харитонов. – М.: Academia-F, 2004.

Е. В. Тараторин
Орловский государственный институт искусств и культуры

ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ НАЗНАЧЕНИЕ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРАЗДНИКОВ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Праздник как социально-культурное явление довольно часто подвергался разнообразным функциональным трансформациям. Накопление многолетнего социально-педагогического опыта празднования, результат его теоретического осмысления послужили отправной точкой в ходе определения, изучения и систематизации основных функций праздника. Отметим, что функции – это внешние свойства праздника, выражающие место и его роль в жизни общества и человека, именно в них проявляются сущностные свойства праздника.

А. Д. Жарков приводит следующую классификацию социальных функций культурно-досуговой деятельности: «а) производство новых знаний, норм, ценностей, ориентаций и значений; б) накопление, хранение и распространение (трансляция) знаний, норм, ценностей и значений; в) воспроизводство духовного процесса через поддержание его преемственно-

сти; г) коммуникативная функция, обеспечивающая знаковое взаимодействие между субъектами деятельности, их дифференциацию и единство; д) социализирующая, обеспечивающая через создание структуры отношений, опосредованных культурными компонентами, социализацию общества; е) рекреационная, или игровая, культура, действующая в отведенной для нее сфере» [6, с. 80–81]. Все приведенные исследователем социальные функции культурно-досуговой деятельности раскрывают социально-педагогическое предназначение праздника в контексте процессов просвещения.

Акцент на воспитательную функцию праздника в свое работе делал известный сценарист и режиссер Д. М. Генкин, правомерно связывая с ней социально-педагогическое назначение праздника в социуме. Он отмечал, что «многообразные воспитательные функции массового праздника обуславливают целесообразность широкого использования этой формы идейно-нравственного и эстетического воздействия в системе воспитания трудящихся. Совершенно закономерным представляется создание на местах системы массовых праздников трудящихся и включение ее в комплексные планы социального развития предприятий, учреждений, учебных заведений, городов и областей и даже республик» [2, с. 60].

Отметим интересное мнение Г. А. Веденеева о воспитательной функции праздника в современной практике. По мнению ученого «воспитательная функция праздника не только игнорируется, но и исключается в связи с перемещением акцентов на другие функции, в частности, на рекреационную, способствующую восстановлению психофизических сил человека и гедонистическую, направленную на формирование у человека чувств и эмоций, связанных с получением наслаждения» [1, с. 28]. Этот факт свидетельствует о том, что функции праздника в социокультурной практике подвижны, динамичны, а их назначение и содержательное наполнение во многом обусловлено потребностями и интересами как социальных групп, так и отдельных индивидов.

Исследователь праздничных форм И. В. Гужова, выстраивая модель праздника как феномена культуры, раскрывает его функции в двух аспектах: праздник как полифункциональная система и праздник как монофункциональная система. По ее мнению, основной функцией праздника является моделирование эстетического отношения к миру. Выявляя сущностную сторону понятия «праздник», И. В. Гужова отмечает: «Как эстетический феномен культуры праздник есть символико-ритуальная форма выражения человеком (обществом) эстетического отношения к культуре как способу обретения гармонии с миром» [3, с. 93].

В последнее время исследователи выделяют экономическую функцию праздника, считая ее достаточно востребованной для специалистов социально-культурной сферы. По мнению Т. Г. Киселевой, экономическая функция – это «участие в создании необходимых условий развития и рекреации в различных формах досуга и творчества жителей социума» [5, с. 102].

Важную роль в реализации экономической функции праздника исследователь отводит субъектам социально-культурного процесса. Сходной позиции придерживается и Г. А. Веденеев, считающий, что праздник предоставляет исключительные возможности для расширения рыночной торговли и связанной с ней рекламой.

Выявляя социально-педагогическое назначение литературно-художественного праздника, необходимо учитывать уровни периферийности праздничного пространства, в котором он проводится. Отметим, что масштабируемость праздника особенно меняется и варьируется от центра к периферии. При этом изменяются не только масштабы, но и содержательные компоненты, которые на периферии теряют свою однозначность. Литературно-художественный праздник регионального уровня отличается от специфики столичного праздника своей социальной ролью, совокупностью соответствующих ему функций, а также социальной предназначенностью.

Одной из главных функций современного литературно-художественного праздника выступает культурно-эстетическая функция. Еще известные советские педагоги, начиная с С. Т. Шацкого, А. С. Макаренко, К. Д. Ушинского и В. А. Сухомлинского, уделяли особое внимание решению проблем эстетического воспитания, рассматривая его как органичную часть формирования личности нового типа.

Весьма интересной в этой связи представляется для нас точка зрения М. С. Кагана, делающего акцент на необходимость эстетического воспитания личности. Известный культуролог пишет, что «эстетическое воспитание можно представить как процесс формирования у человека общих психологических принципов, определяющих структуру эстетического отношения к миру, эстетических установок, эстетических потребностей, эстетических вкусов» [4, с. 222].

Представляя собой социально-культурное и социально-педагогическое явление, праздник непременно содержит в себе эстетическое, являющееся одной из сторон его многообразной и разноплановой сущности. Именно культурно-эстетическое начало праздника выступает как фактор формирования настроения, духовной и нравственной энергетики человека.

Культурно-эстетическая функция литературно-художественного праздника связана с эстетическим воспитанием как важной составляющей педагогического процесса, посредством которого формируется активное и творческое отношение человека к действительности. Представляя собой контролируемый, организованный и целенаправленный педагогический процесс, культурно-эстетическое воспитание осуществляет формирование эстетического сознания личности, эстетических чувств, потребностей, вкусов, взглядов и оценок. Удовлетворение эстетических потребностей является на сегодняшний день одной из главных задач эстетического воспитания.

Эстетическая природа литературно-художественного праздника позволяет организовать процесс художественного воздействия на личность

посредством единства трех факторов: искусства, действительности и личной деятельности человека. Сам праздник представляет собой элемент логического развития процесса приобщения человека к прекрасному в искусстве и жизни. Литературно-художественный праздник реализует потребности человека в восприятии и созидании прекрасного в окружающей действительности, предстает активной формой освоения эстетических ценностей. Способствуя художественному воспитанию личности, он организует активный процесс вовлечения человека в эстетическую деятельность.

Образовательно-информационная функция литературно-художественного праздника представляет собой двуединый процесс, в ходе которого осуществляется просвещение и познание личностью литературной и художественной области искусства, а также совершается литературизация человека. Литературизация в данном случае понимается нами как процесс восприятия человеком различной информации, связанной с конкретной литературной личностью с целью духовного и культурно-нравственного его развития. Здесь художественная литература выступает как центральное звено двуединого процесса. Как один из видов искусства, основывающийся на словесном творчестве, литература является специфическим способом художественно-образного познания мира. Она влияет на убеждения и представления, нравственность, мировосприятие и мировоззрение человека.

На сегодняшний день возможности художественной литературы безграничны. Ей доступны разные стороны действительности – жизнь целых общественных групп и отдельных личностей, их взаимоотношения и поступки. Литература выступает единственным видом искусства, который может во всей своей полноте сформулировать, отразить и передать мысль, воссоздать процесс человеческого мышления.

На сегодняшний день одним из показателей духовной культуры общества является то, насколько оно приобщено к чтению. Постоянный процесс поддержки живого интереса людей к литературе осуществляется посредством проведения литературно-художественных праздников. Посредством правильного учета особенностей праздника, грамотной его организации возможно осуществление активного процесса сохранения и популяризации классических образцов художественной литературы, увековечивания в народной памяти имен известных писателей и поэтов.

Праздник, находясь в поле воздействия на личность и целенаправленного ее формирования, выполняет тем самым важную воспитательную функцию. Литературно-художественный праздник, нацеленный на художественное воспитание современной личности, обладает большими возможностями для формирования морально-нравственных качеств человека, его эстетических вкусов. Он заставляет человека сопереживать и чувствовать. Нравственно и эстетически воздействуя на своих участников, праздник формирует духовность, рождает чувства личной причастности к событию общественной значимости, способствует единению с окружающими

людьми. Воспитательное значение литературно-художественного праздника заключается в том, что он, представляя собой форму общественного сознания, отражает мир в художественных образах, посредством которых человек приобщается к процессу творчества. Это выражается в работе мысли, богатстве переживаний. Художественный образ воздействует на органы чувств человека, вызывая у него соответствующие эмоции, рождая эстетические потребности.

Таким образом, литературно-художественный праздник превращается в целенаправленную, систематически действующую, эмоционально насыщенную воспитательную акцию, которая способствует познанию и эстетическому просвещению личности, формированию общественного настроя, выработке и проявлению определенной, эстетической позиции по отношению к наиболее существенным моментам литературной жизни и творческого пути конкретного писателя и поэта.

Художественный материал, лежащий в основе сценария литературно-художественного праздника, имеет большое воспитательное значение для современной личности. Это выражается в воспитании у человека любви к Родине, своему краю, историко-культурному наследию, к произведениям классиков литературы. Данное явление делает людей творцами прекрасного в искусстве и жизни, объединяя их друг с другом как наследников всего передового и вечного.

Еще одной значимой функцией литературно-художественного праздника является коммуникативная функция. Сам по себе праздник представляет собой форму социальной памяти, транслирующей опыт обретения мирочеловеческой гармонии и эмоционально-аксиологическую оценку произошедшего события обществом. Хранение и трансляция этой информации осуществляется посредством живого непроизвольного общения участников праздника друг с другом, возможности поделиться друг с другом конкретными переживаниями и мыслями, связанными с ключевыми событиями праздника. Основная информация праздника может также передаваться и сохраняться благодаря его цикличности в культурной жизни региона.

Литературно-художественный праздник объединяет общество вокруг единой идеи, способствует социализации как отдельных групп и сообществ, так и конкретных индивидов. Этот процесс служит своеобразным механизмом социальной аутичности культуры, позволяя выявить консолидирующую функцию литературно-художественного праздника. Юбилейная круглая дата, связанная с именем конкретного писателя или поэта, вызывает необходимость организации разнообразных литературных праздничных форм, способствует духовно-нравственному единению и сплочению большого количества людей, независимо от их возраста и профессиональной деятельности. Данное явление всегда вызывает положительный эмоциональный отклик у населения региона, побуждая его к действию и организации своего досуга.

Ценностно-ориентационная функция литературно-художественного праздника выступает заключительным звеном в цепочке функциональных назначений праздника в современном обществе. В данном случае праздник актуализирует ценностно-смысловой горизонт культуры, способствует раскрытию ее лучших образцов. Это свидетельствует о важности процесса сохранения и популяризации историко-культурного и духовно-творческого наследия конкретного региона с целью передачи основных элементов материальной культуры последующим поколениям. Литературно-художественный праздник способствует выявлению лучших литературных традиций, художественных вкусов писателей и поэтов, их ценностно-ориентационных взглядов и предпочтений.

Анализируя вышеопределенные функции можно придти к выводу, что литературно-художественный праздник по своей природе полифункционален. Данная многофункциональность праздника обусловлена его природной сущностью как многовариативного, многопланового и многозначного социально-культурного явления, имеющего важное интегрирующее значение для современного социума.

1. Веденеев, Г. А. Массовые российские праздники: состояние и тенденции развития / Г. А. Веденеев. – Волгоград, 2008.
2. Генкин, Д. М. Массовые праздники / Д. М. Генкин. – М., 1975.
3. Гужова, И. В. Целостная модель праздника как феномена культуры / И. В. гужова // Вестник ТПГУ. – Томск, 2006. – Вып. 7 (58).
4. Каган, М. С. Лекции по марксистско-ленинской эстетике / М. С. Каган. – Л., 1971.
5. Киселева Т. Г. Социально-культурная деятельность / Т. Г. Киселева. – М., 2004.
6. Культурно-досуговая деятельность: учебник /под науч. ред. А. Д. Жаркова и В. М. Чижикова. – М., 1998.

СЛОВО НАСТАВНИКА

Канд культурологии

И. Д. Тузовский

Челябинская государственная академия культуры и искусств

АПОЛОГИЯ И КРИТИКА ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКОГО АНАРХИЗМА П. ФЕЙЕРАБЕНДА

В середине-конце 1970-х гг. спокойствие и достоинство дискуссий в научном сообществе оказались «взорваны» двумя работами американского ученого австрийского происхождения – Пауля (Пола) Карла Фейерабенда.

Созданная им концепция «эпистемологического анархизма» стала одной из четырех наиболее влиятельных в конце XX в. обобщаюх методологических теорий и вызвала бурные дискуссии. Два основных методологических принципа – вседозволенности и несоизмеримости теорий подрывали веру в триумф науки, в то, что уверенная поступь научной рациональности продолжиться и в будущем.

Однако спустя несколько десятилетий рассуждениям П. Фейерабенда не оказалось места в научных дискуссиях: можно сколько угодно считать всего лишь «курьезом» в метатеории науки, случайным отклонением,

которое, вызвав скандал, было «благополучно опровергнуто» и, в конце концов, забыто, однако последовательный отказ от критики его концепции означает лишь торжество автора.

Между тем, следует отметить *принципиальную правоту* П. К. Фейерабенда, хотя бы в связи с одним небольшим, но чрезвычайно интересным эпизодом эволюции научных идей: внутри постиндустриально-информационной доктрины *предельно* сциентичной по своим мировоззренческим установкам, выделяется довольно влиятельная концепция, *подтверждающая именно точку зрения эпистемологического и социального анархиста Фейерабенда*, а не его оппонентов. Мы говорим о концепции «общества риска». Содержательно она представляет собой взгляд на информационное общество, воспринимаемое как *в целом состоявшееся*, с аксиологической перспективы темпорального восприятия.

Приведем всего одну цитату, которая с достаточной степень яркости демонстрирует всю парадоксальность возражений П. Фейерабенду *именно с позиций доминирующей социальной парадигмы*!

«…Наука становится одной из ведущих социальных подсистем, формируется сознание риска, которое покоится как раз на осознании ненадежности научных знаний, а полученные на основе научных исследований знания ведут одновременно к росту знания и незнания, посему современное общество риска – не только ощущение следствий технической реализации, оно связано также с расширением исследовательских возможностей и самих знаний.

Можно ли считать жизнь в научно-техническом мире теперь более опасной или нет сказать сложно, одно можно утверждать с уверенностью, рискованной она стала, во всяком случае, хотя бы потому, что одновременно увеличились возможности и необходимость выбора» [1, с. 100].

Действительно, столь парадоксального утверждения внутри насквозь сциентистской «парадигмы» было сложно ожидать. «Ненадежность научных знаний», «знания ведут одновременно к росту знания и незнания», «рискованной она [жизнь в научно-техническом мире. – *И. Т.*] стала» – эта спокойная констатация довольно очевидных фактов – монеты в копилку П. Фейерабенда, а никак не сциентистски-ориентированных философов. *Нормальна* ли ситуация, при которой социальный институт, *умножающий риски*, продолжает позиционироваться как обладающий безусловным приматом в решении проблем? Мы затрудняемся дать ответ на этот вопрос с позиций социальной прагматики. Жизненная же логика подсказывает – ситуация эта не столько ненормальная, сколько противоестественная, ибо ведет к дальнейшей эскалации масштабов отношения «прирост научного знания – непропорциональный прирост рисков».

В результате современные возражения П. К. Фейерабенду сводятся к двум тезисам: «это уже чересчур!» (имея в виду якобы допускаемые методологом преувеличения) и «я не могу доказать вашу неправоту, однако чувствую, что вы не правы».

Ключевым аргументом «за» эпистемологический анархизм в трудах самого методолога является тезис о необходимом равноправии и сущностном равенстве разных эпистемологических традиций – науки, религии, магии, мифа и т. д. [5, с. 26–27; 4, с. 22–25, 28–29, 34–35, 41–47]

Пол Фейерабенд говорит о том, что ни одна традиция не является лучше другой. Так ли это? – ведь его аргументация относительно успехов народной медицины, возможных физических детерминант астрологии и неудач науки показывает нам тезис, отличающийся внешне незначительным нюансом. П. Фейерабенд со всей своей энергией и остротой полемики доказывает не то, что магия, народное целительство, астрология *не хуже* науки, а лишь то, что наука *не лучше* магии, народного целительства и прочая, прочая… [4, с. 108–109].

Формально эти два тезиса будут равны: как будут равны в обоих случаях правая и левая части уравнения. Однако эти тезисы не конгруэнтны, они не совпадут при «наложении». В геометрии методы определения конгруэнтности фигур *предшествуют* методам определения их равенства. Лингвистика же, логика, семантика вообще не разрабатывали понятия конгруэнтности, хотя сама структура естественного языка (одним из основополагающих свойств которого является потенциальная и\или реальная полисемантичность его единиц) предполагает необходимость разработки специальной теории множеств (значений понятия) и, соответственно, методов определения конгруэнтности этих множеств значений, и лишь затем – равенства понятий.

Итак, сам Фейерабенд доказывает, что другие традиции ничем *не хуже* науки, мы же увидели в содержании его аргументации тот факт, что это наука ничем *не лучше*, из чего следует, что наука, мифология, магия, религия – одинаково плохи. П. Фейерабенд при этом декларирует отказ от оценочных суждений: «ни одна традиция ни является плохой или хорошей» - однако же логика его доказательства служит реинкарнации этой идеи в иной форме: отрицая возможность отнесения разных традиций к «плохим» или «хорошим» (скалярным категориям), он самой своей логикой допускает *возможность* рассуждения, при котором традиции понимаются как «лучшие» или «худшие» относительно друг друга (векторные категории). Смягчая эту – пока что чисто логическую! – оценку, добавим, что с нашей точки зрения магия, религия и наука, обладая действительно приблизительно равным потенциалом, как показал Фейерабенд, не плохи, а ограниченно-эффективны. Эпистемологическое преимущество науки над мифом и религией недоказано в силу отсутствия общего основания: в одном случае им служит «объективная истина» в другом «субъективная вера». Это прекрасно понимал советский фантаст С. Павлов в романе «Мягкие зеркала» изящно проведя разграничительную линию между «убежденностью» и «уверенностью»; его персонаж, относясь к людям первой позиции *избегал* споров с людьми второй – они неконструктивны [2].

Во-вторых, концепция эпистемологического равноправия Фейерабенда «внеисторична» совершенно особым образом. Фейерабенд получает парадоксальный, даже скандальный результат, создает совершенно особый и не лишенный смысла подход, однако только потому, что не рассматривает генетические связи мифо-магического, религиозного и рационального сознания.

В-третьих, и эта посылка вытекает из предыдущих пунктов: его концепция лишена необходимых антропологических оснований. Жану Пиаже довольно убедительно удалось показать эволюционно-исторический характер развития когнитивных структур мышления [См., например, 3].

В-четвертых, рассуждения П. Фейерабенда построены не на аргументе знания, а на аргументе *незнания*. Проще: философ не уверяет нас, что народная медицина непременно окажется лучше «научной» – он лишь говорит о том, что она не может считаться хуже, пока мы *не знаем* ее результатов при массовом применении. Дополнительным аргументом тут служит обезличенный, но от этого не менее *частный* ряд примеров. Аргумент «незнания, что было бы если…» является не аргументом доказательства, а лишь критики. В качестве последнего мы принимаем его безоговорочно.

В-пятых, и это рассуждение является самым *практическим*: П. Фейерабенд никак не может определиться, *что* же он действительно рассматривает под смыслом своего термина «традиция»: некую исторически-преемственную линию мировосприятия и форм поведения, социальную практику или же функционирование *социальных институтов*. Последнее особенно важно: наука, которую исследует П. Фейерабенд – это не «голая» рациональность и результат ее прагматического применения. Это *социальный институт*, который представлен *социальной корпорацией* – ученым сообществом. В принципе, все «традиции» по П. Фейерабенду – это лишь конкурирующие социальные корпорации, которые реализуют свою деятельность в социальных практиках и *конкурируют друг с другом*. Это чрезвычайно важный тезис: любые субъекты конкурентных отношений, будь то акторы свободного рынка или биологические особи, вовлеченные самой природой отношений биогеоценоза в процессы естественного отбора, вынуждено сочетают конкуренцию и сотрудничество. Однако в случае корпораций, институционализировавших практики социального познания и действия, конкуренция преобладает. В этом смысле П. Фейерабенд не прав: наука достигает *лучших результатов*, чем магия или религия и пр., потому что «лучшее» здесь – наиболее успешное в их внутренней конкуренции, а не их абсолютная *безотносительная друг друга* эффективность. А подавив иные «традиции», наука доказала – пусть и предельно цинично – более высокую конкурентоспособность. Мы не должны забывать, что мифомагическая, религиозная и научная «традиции» ни в коем случае не являются чисто-эпистемологическими, как то подразумевает Фейерабенд. Они являются *социальными*. Эпистемологический компонент их обладает приматом только в смысле антропологического аспекта (как зримое прояв-

ление особенностей мышления человека той или иной «традиции»), однако содержательный спектр их *социальности* тотален: от культурных и структурно-социальных до политических и экономических различий.

Из уточненной корпоративной природы науки, которую рассматривает П. Фейерабенд вытекают два возражения против эпистемологического анархизма как метатеории методологии. Во-первых, функционирование науки как социальной корпорации (мы не можем представить традицию, «подвешенную в пустоте», без социальной базы) не может позволить реализоваться методологической вседозволенности, как основному принципу эпистемологии П. Фейерабенда. Во-вторых, игнорируя социально-корпоративную природу науки мыслитель упустил из виду тот момент, что приводимые им примеры успешных прорыв в области науки за счет отрицания общепринятого «методологического законодательства» своей эпохи – это *исключения*, а не общее правило. Наука *как корпорация* неизбежно включает в себя весь спектр человеческих индивидов: от случайно попавших туда людей до специальных подхалимов и приспособленцев, от гениев до тупиц, от лентяев до поражающих своей работоспособностью тружеников. Даже этот ограниченный набор характеристик порождает значительное число комбинаторных вариантов. Реализовать же успешно сценарий научного прорыва отказом от методологических правил может только, как минимум, чрезвычайно талантливый ученый. Впрочем, как раз таки принцип «все дозволено» сам П. Фейерабенд не абсолютизирует.

Итак, эпистемологический анархизм П. Фейерабенда все же *логически* уязвим для *критики*. Однако сциентистские концепции информационного общества в аспектакции риска как сущностной характеристики современного мира сами по себе являются *апологией* его социально-эпистемологической концепции. Свободное общество П. Фейерабенда в этом смысле обладает куда большей «честностью», чем «открытое» общество К. Р. Поппера.

1. Бехманн, Г. Современное общество: общество риска, информационное общество,бщество знаний / Готтхард Бехманн; пер. с нем. А. Ю. Антоновского, Г. В. Гороховой, Д. В. Ефременко, В. В. Каганчук, С. В. Месяц. – 2-е изд. – М.: Логос, 2011. – 248 с.
2. Павлов, С. И. Мягкие зеркала / С. И. Павлов, худож. Т. А. Матнина. – Красноярск : Кн. изд-во, 1987. – 267, [2] с.
3. Пиаже, Ж. Генезис элементарных логических структур: классификация и сериация / Жан Пиаже, Барбель Инельдер; [Пер. с фр. Э. Пчелкиной]. – Москва: ЭКСМО-Пресс, 2002. – 408, [1] с.: ил., табл.; 22 см. – (Психология. XX в.).
4. Фейерабенд, П. Наука в свободном обществе / Пол Фейерабенд; пер. с англ. А. Л. Никифорова. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2010. – 378, [6] с. – (Philosophy).
5. Фейерабенд, П. Против метода. Очерк анархистской теории познания / Пол Фейерабенд; пер. с англ. А. Л. Никифорова. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. – 413, [3] с. – (Philosophy).

Д. О. Усанова
Челябинская государственная академия культуры и искусств

ВИРТУАЛИЗАЦИЯ СУБКУЛЬТУР: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

В современном мире – смутном, неопределенном, гипердинамичном, ищущем стабильности и упорядоченности, человеку бывает трудно найти свою нишу и он, подобно ребенку, строящему замок из кубиков, начинает сооружать новую – *свою* реальность. Этот конструируемый мир, подобно симулакру в постмодернистской философии, настолько правдоподобен, что способен заменить создателю действительность. Характерен и другой факт: игра, случай становятся мировоззренческими доминантами в нашей современной жизни и культуре; все превращается в игру, иногда смертельно опасную: бизнес, коммерция, политика, отношения между людьми. В широких пределах, отведенных обществом, всякий волен сам выбирать, чем из продуктов цивилизации он будет пользоваться, а что станет игнорировать или отвергать. Один уйдет в виртуальную реальность через наркотик, другой – через дисплей, и оба будут героями и богами – там. В это время третий решит никогда не закрывать дверь в реальный мир. Что лучше? Кому как. Каждый решает за себя.

Современное социокультурное пространство прогрессивными темпами меняет свой облик: культура начинает все больше утрачивать черты линейности и предсказуемости развития, становится по определению постмодернистов – «ризомной», мозаичной, «блип-культурой». Размывая некогда строго заданные границы классического определения культурной реальности (закономерно развивающейся, структурированной, системно-функциональной), современная социокультурная реальность начинает все больше характеризоваться и отождествляться с виртуальностью.

Создается впечатление, что сегодня рядом с миром реальным сосуществует новый виртуальный мир! Только вот новый ли он? И ново ли само слово? И применительно к чему это слово можно употреблять? Сегодня все чаще исследователи говорят о том, что виртуальность превращается в одну из фундаментальных парадигм нашего времени. Понятием «виртуальный» все чаще называют «псевдомир», который предстает перед человеком на экране монитора во время компьютерной игры или при путешествии по сети Интернет [1]. Также употребляют данный термин относительно прочих цифровых, мультимедийных технологий и средств электронной коммуникации. Однако первоначально авторы термина «виртуальный» во многом интерпретировали его как «искусственно созданный», «кажущийся».

Это позволяет сделать вывод, что данное понятие может быть рассмотрено в различных аспектах: его не стоит применять исключительно по отношению к компьютерной среде, его значение гораздо шире – виртуаль-

ной реальностью можно назвать искусственно созданную (моделируемую) человеком среду, порой способной заменить ему реальный окружающий мир. Способы ухода от реальности могут носить как деструктивный, т. е. полный уход (частичный отказ) из действительности, так и конструктивный характер, когда человек воссоздает виртуальный мир вокруг себя. На наш взгляд, одной из возможных форм виртуализации культуры может выступать феномен субкультурного дробления повседневности [4]. Вымышленная конструируемая реальность нередко создается посредством субкультурной ролевой игры, разыгрывания фантастических, сказочных сюжетов. Наиболее известной формой ролевой сюжетной игры выступает **толкиенизм**.

Толкиенизм – особая молодежная субкультура, увлекающаяся ролевыми играми, сюжетами для которых послужили книги профессора Оксфордского университета Джона Рональда Роуэла Толкиена «Хоббит», «Властелин колец» и «Сильмариллион». Представители данного направления разыгрывают сюжеты посредством конструирования боев, создания соответствующей атмосферы, перевоплощения в образы, определенные сценарием. Современные ролевики выходят за рамки романов Толкиена: сюжетными основаниями ролевых игр становятся яркие моменты всемирной истории, мифология или фольклор какого-либо народа, художественные произведения отечественных и зарубежных авторов. Виртуальный мир толкиенистов строго ранжирован и, несмотря на некую сказочность, – это своеобразное копирование окружающей нас действительности, мир, в основе которого лежат собственные законы, ценности и нормы. Он предлагает субъекту целый спектр возможностей реализовать себя посредством продвижения по ступеням статистической лестницы, участия в различных видах деятельности. И видится это гораздо более доступным, чем в реальной жизни. Несомненно, подобного рода структура привлекает участников своим разнообразием и множеством предлагаемых возможностей. В мире игры субъект может сыграть роль, которую в реальной жизни ему возможно никогда не удастся исполнить; спроектировать определенную ситуацию и попытаться найти из нее выход. Для представленной субкультуры реальный и иллюзорный миры строятся на некотором противопоставлении – придуманный мир, по сравнению с действительностью, и визуально и событийно более насыщен, представляет собой психологически комфортную среду обитания. Таким образом, толкиенизм – яркий пример игро-символической формы виртуализации культурного пространства. И можно говорить о том, что конструируемая среда представителями ролевой субкультуры во многом определяется «первой» реальностью. Поскольку именно из окружающего социокультурного пространства виртуальный мир в данном случае «черпает свое вдохновение», разыгрывает его сюжеты [5], выполняя в дальнейшем по отношению к нему функцию насыщения и обогащения.

Конструируемое пространство, созданное с использованием технических средств, исследователи зачастую определяют как киберпространство [2].

Это позволяет выделить очередную группу людей, конструирующих новую (виртуальную) реальность с помощью экрана компьютера. **Киберпутешественники** – субкультура, для представителей которой игровой компьютерный мир, а также погружение в виртуальную компьютерную реальность (хождение по Интернету, интернет-знакомства) становится привычным способом виртуализации, символизации пространства реальной жизни. В отличие от ролевых игр это особый способ игро-технической виртуализации реальности за счет вхождения и движения в пространстве, конструируемом техническими средствами. Включая компьютер, человек попадает совершенно в иное пространство, где главенствуют новые нормы и правила. Порой компьютерная среда для киберпутешественника становится первичной и способна заменить место окружающей действительности. Это и объясняет продолжительную длительность пребывания киберсубъекта в виртуальном мире (что в первую очередь и отличает киберпутешественника от обычного потребителя компьютерной культуры). Основное отличие игротехнической формы виртуализации от игро-символической заключается в признании «вторичного» и «искусственного» характера виртуальной среды. Виртуальность в данном случае рассматривается в качестве опосредованной реальности и выполняет по отношению к реальному миру функцию замещения.

Таким образом, резюмируя все вышесказанное, мы можем выделить следующие характеристики, отражающие виртуальный характер современных субкультур: игровой инсценирующий (или замещающий) характер реальности, эмоциональная вовлеченность в псевдособытие; «ролевая инициация» (выбор персонажа, выполняющего роль субъекта виртуального субкультурного мира), определение «факторов-перехода» из реального пространства в виртуальный мир (в игро-технических субкультурах данным посредником является технический фактор; в игро-символических – сюжетно-игровой).

Конечно, данными явлениями не исчерпывается весь спектр рассмотрения форм виртуализации культурного пространства, к которым могут быть отнесены – реалити-шоу, религиозные объединения, игровые досуговые сообщества, многообразные способы «жизни» в интернет-сообществах. Однако, на наш взгляд, они являются наиболее рельефными и показательными.

1. Болескина, Е. Л. Потребители игровой компьютерной культуры / Е. Л. Болескина // Социс. – 2000. – № 8.
2. Еляков, А.Д. Информационная перегрузка людей. / А. Д. Еляков // Социс. – 2005. – № 5.
3. Кошелев, А.Д. К общему определению игры. / А.Д. Кошелев // Вопр. философии. – 2006. – № 11.
4. Луков, В. А. Особенности молодежных субкультур в России / В. А. Луков // Социс. – 2002. – № 10.
5. Суртаев, В. Я. Игра как социокультурный феномен: учеб. пособие. / В. Я. Суртаев. – СПб., 2005. – 272 с.

А. Ю. Филиппова
Челябинская государственная академия культуры и искусств

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО В ГОРОДАХ ЗАКРЫТОГО АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ

Закрытым административно-территориальным образованием признается имеющее органы местного самоуправления территориальное образование, в пределах которого расположены промышленные предприятия и население, обслуживающее эти предприятия [2, с. 1].

В закрытые административно-территориальные образования Российской Федерации входит 21 объект, которые делятся по своему профилю на две группы: города, находящиеся в ведении Министерства атомной энергетики (10 городов) и Министерства обороны. В Челябинской области находятся 3 объекта закрытого административно-территориального образования (ЗАТО), относящиеся к атомной отрасли: Озерск, Трехгорный, Снежинск.

Основной особенностью городов ЗАТО является особое социокультурное пространство. Социокультурное пространство выступает не только как среда, но и как совокупность общественных институтов. Социокультурное пространство включает в себя близкое окружение человека, быт, различные учреждения, средства массовой информации, общение, традиции, социокультурные ценности, идеалы и др.

Социокультурное пространство состоит из различных сред: природная, экономическая, социальная, трудовая, культурная, образовательная и прочее. Социокультурная среда влияет на развитие человека, оказывает воздействие на формирование личности. Однако, личность своим воздействием, творческой активностью преобразует окружающую социокультурную среду, выступая активным субъектом деятельности.

Социальная среда включает в себя следующие компоненты: физический мир и природно-географические условия; систему существующих отношений между людьми и общественными институтами; культуру, традиции и обычаи; пространство или «набор возможных и доступных деятельностей»; условия непосредственной жизнедеятельности и хронотоп, как субъективную пространственно-временную семантическую организацию, обеспечивающую процесс настройки контуров внутреннего психического регулирования [1, с. 290].

Согласно К. М. Хоруженко, социальная среда – это общественные, материальные условия, культурно-психологический климат, окружающие человека. Социальная среда оказывает решающее воздействие на формирование и развитие личности. В то же время под влиянием культурной деятельности человека социальная среда изменяется, в результате чего изменяются и сами люди [4, с. 460].

Культурной средой выступает сфера окружения субъекта культурной деятельностью, совокупность элементов, с которыми взаимодействует субъ-

ект, и которые оказывают влияние на его деятельность по созданию и освоению духовных ценностей, интересов, потребностей в области культуры.

Н. В. Соловьев отмечает, что социокультурная среда представляет собой разновидность социальной среды от микро- до макроуровня. Удовлетворение культурных потребностей зависит от типа социально-культурной среды, уровня культуры населения, от мощи культурного потенциала. Неоднородность среды определяется не только технико-экономическим профилем данной территории, существующим разделением труда, составом населения, распределением материальных и духовных благ, но и социально-культурными различиями, проявляющимися в отношениях людей, образе жизни, непосредственно в культурной деятельности.

Для городов ЗАТО характерна так называемая трудовая среда, которую А. К. Маркова определяет как совокупность предметных и социальных условий труда. Предметной подсистемой трудовой среды выступают предмет, средства, орудия труда, объективно необходимые действия и операции, а также заданные извне системы организаций и иерархических отношений. В социальную подсистему профессиональной среды входят межчеловеческие отношения, климат в труде, субъективное восприятие и осознание участниками разных сторон труда [3, с. 104].

Исходя из предложенных определений для городов ЗАТО, профессиональной средой можно считать структурный компонент социокультурного пространства города, окружающий человека, который дает возможность для реализации духовных сил и социальных общностей личности, трудовой деятельности и межличностных отношений.

Характеристикой городов ЗАТО является высокий образовательный уровень населения и высокий познавательный потенциал. Относительно небольшое количество жителей на «закрытой», ограниченной территории, наличие строгого пропускного режима в города, повлекли за собой особое мировоззрение людей, которое сочетает, с одной стороны, сохраненный режим социалистического общества советского времени, с другой, современные рыночные отношения. Существенным отличием от городов области у ЗАТО является наличие недавнего исторического прошлого, дата возникновения которых относится к середине XX в., относительно небольшое количество жителей (Озерск – 86,1 тыс. чел.; Снежинск – 50,6; Трехгорный – 34,4), занятость населения на градообразующем предприятии и специфический социально-психологический климат. По сравнению с крупными городами в ЗАТО меньше стимулов, влияющих на мобильность жителей, меньше социальных институтов, однако, существующие культурно-досуговые учреждения (например, Озерск – две ЦБС, два театра, две музыкальные школы, музыкальный колледж, детская художественная школа, 4 клуба культуры, кинотеатр, ЦПКиО и детский парк), учреждения дополнительного образования в некоторой степени обеспечивают доступ населения к культурно-досуговой деятельности.

В городах ЗАТО Челябинской области созданы условия для реализации образовательного потенциала населения в техническом (филиал ЮУрГУ, МИФИ, политехнические техникумы) и культурном (Озерский музыкальный колледж) направлениях. Производство атомной энергетики, научное сообщество, высококвалифицированные сотрудники предприятий предъявляют повышенные требования к квалификации работников производства, социальной и культурной сфер.

Закрытость территории влечет за собой особые поведенческие отношения среди населения. Постоянное общение большинства людей друг с другом, отношения по типу «все друг друга знают» накладывает свой отпечаток на поведение людей, большое воздействие оказывает также общественное мнение, создающее определенную напряженность в поведении. Однако, «обозначенные границы дозволенного» позволяют чувствовать себя защищенными, снижают чувство страха у населения и формируют спокойную, благополучную общественную обстановку.

Таким образом, особенностями социокультурного пространства городов закрытого административно-территориального образования является: ограниченный рынок труда (градообразующее предприятие – завод); культурно-психологические особенности населения, связанные с «ограниченностью» территории, ее «закрытостью», изоляцией от культурно-экономических центров, небольшой выбор услуг культурно-досуговой деятельности; медленный, статичный темп жизни; высокая обусловленность эффективности трудовой деятельности населения.

1. Белкин, А. С. Диссертационный совет по педагогике (опыт, проблемы, перспективы) / А. С. Белкин, Е. В. Ткаченко. – Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2005.
2. Закон Российской Федерации «О закрытом административно-территориальном образовании» от 14.07.1992г. № 3297-1.
3. Маркова, А. К. Психология труда учителя / А. К. Маркова. – М.: Просвещение, 1993.
4. Хоруженко, К. М. Культурология. Энциклопедический словарь / К. М. Хоруженко. – Ростов н/Д: Феникс, 1997.

Д. А. Фукс
Челябинская государственная академия культуры и искусств

ВОСПИТАНИЕ ДУХОВНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ СРЕДСТВАМИ ШОУ-ПРОГРАММ

Новая парадигма образования обусловлена требованием времени и базируется на гуманистических идеалах, провозглашая становление «человека культуры». В Законе Российской Федерации «Об образовании» декларируется гуманистический характер образования, приоритет общечеловеческих ценностей, жизни и здоровья человека, свободного развития личности. В плане реализации этих принципов основная цель образования за-

ключается в создании необходимых условий для обеспечения духовного, гуманистического развития личности обучающегося, развития его общей культуры; в личностно-ориентированном подходе к организации образовательного процесса и активном сотрудничестве в нем всех его субъектов. Передовой педагогический опыт и психолого-педагогическая теория ведут поиск резервов повышения качества образования. Сверхзадачей образования является воспитание творческой личности, установки человека на добро, благородство мыслей и поступков, гуманизм отношений к людям. Поворот к человеку, к самоценности личности, к творческому началу в любой его деятельности приобретает особую актуальность.

Проблема гуманизации образования приобретает особую научную значимость и актуальность, и поэтому требуется обновление содержания учебно-воспитательного процесса в школе. Гуманистический взгляд на человека предполагает наличие у него социальной, этической и индивидуальной ответственности за принимаемые им решения (О. С. Газман). Это равнозначно признанию человека как личности, имеющей от рождения равные с другими людьми, независимо от национальности и вероисповедания, природные и социальные права быть свободной, развивать свои способности и таланты, нравственные качества, трудиться во имя утверждения благ человеческих, служить миру, дружбе людей, входить в систему общественных отношений с добрым расположением, уважением к достоинству каждого индивида, стремиться быть полезным обществу утверждает Р. М. Рогова.

Современное состояние образования в России характеризуется качественными изменениями в области содержания, но эти позитивные тенденции сталкиваются с медленным темпом реформирования устаревших методов и технологий в практике образовательного процесса в учреждениях образования. Речь идет не только о новых профессиональных приемах преподавания, но, в первую очередь, о глубинных сущностных изменениях типов взаимодействия двух главных субъектов системы образования: Учителя и Ученика или, шире, Взрослого и Ребенка.

Пути взаимодействия и взаимосвязи возможны различными способами трансформироваться в цель, единую цель – воспитания духовности современной творческой личности. И одним из таких путей могут стать шоу-программы.

Духовные ценности призваны удовлетворять духовные потребности человека, т. е. все то, что способствует развитию его духовного мира – мира сознания.

И если материальные ценности, за редким исключением, скоротечны – дома, станки, механизмы, одежда, транспортные средства и прочее и прочее, то духовные ценности могут быть вечными, пока существует человечество. Скажем, философским суждениям древнегреческих философов Платона и Аристотеля без малого две с половиной тысячи лет, но они и сейчас такая же реальность как и в момент их высказывания.

Современные тенденции в исследовании сфер интересов и потребностей в сфере духовых потребностей позволяют сказать, что одной из форм созидания, и образования отношений к духовности могут быть социальные шоу-программы.

Это достаточно актуальный и новый вид культурного ресурса, который общедоступен и легок в восприятии современного социума. Шоу-программы разнообразны и многожанровы, многоприемны и легки в понимании и восприятии, все это делает их популярными. Но вопрос в другом, в их содержательном аспекте, а он как известно может иметь множество, как положительных, так и отрицательных социальных рычагов. Одним из таких рычагов может быть зрелищное воздействие воплощения формы шоу-программ.

Духовная культура возникает благодаря тому, что человек не ограничивает себя лишь чувственно-внешним опытом и не отводит ему преимущественного значения, а признает основным и руководящим духовный опыт, из которого он живет, любит, верит и оценивает все вещи. Этим внутренним духовным опытом человек определяет смысл и высшую цель внешнего, чувственного опыта – а все это как известно включается естественным образом в постановку любого культурного продукта , а в частности производство социально-значимых шоу-действ.

В российском обществе происходит трансформация и замена важных социальных детерминант духовного мира, способствующих творческому созиданию, функционированию и развитию процессов воспитания в стране, на детерминанты потребительские. Постепенно утрачивается преемственность культурного наследия поколений, необходимого для поддержания и развития общественных связей и отношений, что, в свою очередь, приводит к культурному разобщению среди населения, и это отрицательная сторона, которую возможно исправить.

Проблема духовности, на наш взгляд, тесно связана с теорией проблем изучения, чем занимались такие ученые как: В. Оконь, А. В. Брушлинский, И. А. Зимняя, И. Я. Лернер, А. М. Матюшкин и др. Учение, значимое для социума, имеет обыкновенно место в ситуациях, воспринимаемых как проблемные утверждает К. Роджерс, поэтому важно, чтобы человек на любом уровне соприкаясь с важными проблемами своего духовной жажды, перед культурой в целом, настоятельное требовал творческой адаптации к новым, безопасным формам, социально полезным шоу-программам». К. Роджерс разрабатывает теорию творчества (природа творческого акта, условия его осуществления, средства, способствующие его успешному развитию). Творческий процесс, по Роджерсу, есть создание с помощью действия нового продукта. Где главным побудительным мотивом творчества является стремление человека реализовать себя, или спроецировать положительный мотив, для себя, в ситуации увиденной шоу-программы. Такое стремление есть в каждом индивиде, и оно лишь ожидает подходящих условий для освобождения и

проявления внутреннего духовного мира, во благо правильного духовного созерцания в условиях современности.

Во внешнем созерцании шоу-программ у человека раскрываются его внутренние условия, и жизненные представления с духовными призмами, приведем пример:

– терпимость к неоднозначности, поиск новых форм и решений;

– источник оценивания находится внутри индивида: ценность произведения не зависит от похвалы или критики других;

– способность к необычным сочетаниям элементов и понятий (спонтанная игра с идеями, оттенками, формами, отношениями – жонглирование элементами и составление из них невероятных сочетаний, выдвижение «безумных» гипотез, одной формы в другую и т. п.).

Все это может приводить внутренние фонтаны мыслительных и духовных чувств шоу-создателя и потребителя, к новым художественным и творческим потребностям и воплощениям.

А как известно высшей формой освоения действительности личностью являются художественная культура или искусство, своеобразие которых прежде всего отражается в трансформации жанров и использовании их в постановки современных шоу программ, в которых главою выступает действительность жизненных объектов и явлений, но взятая не сама по себе, а через отношение к ней человека, когда она пропущена через его переживания и его оценку. Поэтому шоу-программа – эстетическая правильность сверхзадач в момент их создания, и правильности выбранных форм воплощения, их нравственной и духовной ценности в зрелище. Что дает нам основание полагать, что шоу-программы обязаны разрабатываться с высокой позиции осмысления их действенности во благо обществу, при выборе правильной сверхзадачи.

И в этом смысле искусство, а в частности шоу-программы, выступают как своеобразный трансген, создатель новых духовных ценностей.

1. Gendlin E. T. Experiensing and the creation of meaning. N. Y., 1962.
2. Rogers C. R. A theory of therapy, personality and interpersonal relationships as developed in the clientcentered framework//Koch S. (ed.). Psychology: A study of a science. V. 3. N. Y., 1959.

СЛОВО НАСТАВНИКА

Доцент

Ш. И. Хаитова
Таджикский национальный университет
(г. Душанбе, Республика Таджикистан)

ИСТОЧНИКИ НАУЧНО-ОТРАСЛЕВОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ТАДЖИКСКОГО ЯЗЫКА

Изучая страницы истории науки можно заключить, что ей, то есть науке в целом, характерно поступательное развитие, которое не в силах приостановить даже самые тяжкие социальные и политические условия и катастрофы. Правда, что такие катастрофы как войны и нашествия, с кото-

рыми человечество в прошлом сталкивалось отнюдь неоднократно, значительно ослабляли развитие некоторых наук, в том числе природоведческих, однако как свидетельствует история древних и современных цивилизаций, после устранения каждой катастрофы процесс возрождения и развития наук вновь начинает происходить в сравнительно высоких темпах. В этом можно убедиться при сравнительном изучении истории науки в разных исторических периодах и формациях.

Например, как известно, при феодальном строе в исламском мире в социальной и культурной жизни мусульманского общества в основном господствовал шариат – религиозные законы. Эти законы, с точки зрения принципиальности, должны были строго соответствовать предписаниям Священного Корана и Хадисам пророка ислама, которые приписывают огромное социальное значение рациональным наукам и знаниям. Однако, вопреки сказанному, религиозные законы, способствовали прежде всего развитию теологии и суфизма. Что касается состояния рациональных наук и знаний, в том числе философии, математики, химии, медицине и др. в средневековом исламском мире, то такие науки получили свое развитие, преимущественно, благодаря личной инициативе и доброй воле определенной категории мусульманских ученых-рационалистов и отдельных государственных деятелей. Именно усилиями упомянутой категории людей рациональные науки и знания в той или иной степени продолжали свое развитие, которое было прервано в результате опустошительного нашествия монголов. Экономический упадок, охвативший исламский мир вследствие этого нашествия с одной стороны, и борьба фанатично настроенных представителей исламской теологии и суфизма против философии и научного рационализма с другой, – привели большинство отраслей рациональных наук и знаний в глубокий и многовековой кризис, от которого они освободились лишь в Новое Время.

Среди рациональных наук, сохранивших свое преемственное развитие в мусульманском мире до нашествия монголов, особенно выделяется медицина, которая среди всех известных людям наук с точки зрения ее социальной значимости и систематической развитости занимает одно из ведущих мест. В упомянутый период медицина, ее язык и терминология благодаря титаническим усилиям и кропотливому труду мусульманских ученых-медиков вошли в новую ступень своего исторического развития.

В данном периоде в развитии теоретической и практической медицины, ее языка и терминологии внесли свою лепту многие выдающиеся таджикские ученые-медики, в том числе такие корифеи как Абубакр ибн Закарийа Рази, Абубакр ибн Ахмад Ахавайни, Абумансур Али Хирави, Хаким Майсари (род. в 934 г.), Абуали ибн Сино (980–1037), Зайниддин Исмаил Джурджани (ум. в 1135/1137 гг.). Ниже кратко описываем их вклад в мировую медицину, а также в развитие таджикского научно-медицинского языка и медицинской терминологии.

Абубакр ибн Закарийа Рази на Западе известен под именем Разис. Важнейшее его научно-медицинское произведение «Тибби Мансури» («Мансурова медицина») было посвящено саманидскому шаху Абусолеху Мансуру ибн Исхак Самани (961–976 гг.). Эта книга состоит из 10 томов и дает сведения по всем отраслям теоретической и практической медицины. «Мансурова медицина» в 1481 г. была переведена и издана на латинском языке и до XVIII в. наряду с медицинскими произведениями Гиппократа, Галена и Абуали ибн Сино использовалась во многих вузах Запада в качестве медицинского учебника. Фрагменты данного труда Рази опубликованы в Душанбе в 1989 г.[1]

Хаким Майсари внес значительную лепту не только в развитие медицинской науки и искусства исцеления, но и в возрождение таджикско-персидского врачебного языка и в создание соответствующих основ таджикской медицинской терминологии. Его прозаическое произведение под названием «Донишнаме» является уникальным медицинским трудом, состоящим из пяти тысяч бейтов, в которых автор описывает способы лечения различных болезней. В 1958 году Жильбер Лазар сообщил о наличии единственной копии этого уникального произведения, сохранившейся под номером R-87799-310 в Парижской национальной библиотеке. «Донишнаме» Майсари впервые издана в 1987 г. в Тегеране под редакцией иранского исследователя Барата Зинджани, а в 1999 г. основной избранный материал этой книги был издан в Душанбе со стороны таджикского ученого М. Муллоахмадова[2]. Согласно сведениям самого Майсари, он написал свой труд в 978-981 гг. Майсари о причинах, побудивших его сочинить медицинские стихи на языке фарси, пишет:

Ва пас гуфтам, замини мост Эрон,
Ки беш аз мардумонаш порсидон.
В-агар този кунам, неку набошад,
Ки хар касро аз у неру набошад.
Дари гуям-ш, то хар кас бидонад,
Ва хар кас бар забонаш ман бихонад[3].
(Земля наша – Иран, фарси – родной язык,
И здесь любой к нему с младенчества привык.
На араби[4] *скажу – не мил будет мне слог,*
Не каждый бы тогда его понять бы смог.
Скажу я на дари – пусть всяк меня поймет.
И пусть каждый ее на свой язык прочтет)[5] .

[1] Рози Закариё. Мунтахаби осор. Душанбе, 1989.
[2] Хаким Майсари. Доншнома / авт. предисл. и коммент. М. Муллоахмадов.Душанбе. 1999.
[3] Там же. С. 21.
[4] Имеется ввиду арабский язык. – Ш. Х.
[5] Перевод наш.

Абубакр ибн Ахмад Ахавайни является автором медицинского труда под названием «Хидаят ал-мутааллимин фи-т-тиб»[1] («Руководство изучающим медицину»). Во введении этой книги Ахавайни обращаясь к своему сыну пишет: «Тебе, сын мой, я оставлю в наследие это несложное пособие по медицине, которое принесет пользу тебе и всем другим людям»[2]. «Хидаят ал-мутааллимин» состоит из трех частей. Первая часть книги, содержащая 51 глав, имеет анатомическое содержание, вторая часть состоит из 130 главу и посвящена вопросам диагностики, профилактики и лечения различных болезней, а также способов приготовления и использования различных лекарств и противоядий, в третьей части книги, состоящей из 19 глав, описываются различные состояния температуры, способы лечения лихорадки, горячки, озноба и других болезней, характеризуются различные виды мочи, пульса и т. д. Эта книга, по словам иранского исследователя Джалола Матини, написана в строгом научном стиле. В ней каждое слово используется для выражения конкретного смысла[3]. Автор очень часто вместе с арабскими названиями лекарств, болезней, той или иной части тела приводит также их персидские, греческие и иные эквиваленты. Например, димог (головной мозг) – магзи сар, исноашари (двенадцатиперстная кишка) – рудайи дувоздахангушта, халкум (гортань) – гулу. По словам таджикского исследователя Султанова М. книга «Хидаят ал-мутааллимин» является наилучшим образцом таджикского прозаического произведения по медицине, на основе которого были написаны многочисленные медицинские произведения на таджикском языке[4].

Таджикская медицина и медицинская терминология нашли свое значительное развитие также в фармакологической книге Муваффакиддина Абумансура Али Хирави под названием «Китаб ал-абнийа ан хакаик ал-адвийа» («Книга об основах фармакологии и свойствах лекарств»). В 1859 г. был издан латинский перевод этой книги, выполненный со стороны Ф. Р. Залегмана, а в 1893 г. был опубликован его немецкий перевод, выполненный со стороны А. Ахундова и П. Хорна. Затем последовательно вышли тегеранское и душанбинское издания этой книги на языке оригинала[5]. Эта книга содержит ценные сведения о 584 растительных, минеральных и иных лекарствах и медикаментах. При наименовании лекарств автор наряду с арабскими словами широко использует таджикско-персидские слова и выражения.

[1] Ал-Бухари Абубакр бин Ахмад ал-Ахавайни. Хидаят ал-мутааллимин фи-т-тиб. Мешхед, 1344 х.

[2] Там же. С. 14.

[3] Там же. С. 16.

[4] Султон Мирзохасан. Ташаккул ва такомули истилохоти илмии форси-точики. Душанбе: Дониш, 2008. С. 60.

[5] Муваффак Абумансур. Гиёхнома. Автор предисловия, приложений, комментариев, указателей имен Ю. Нуралиев и Дж Додалишоев. Душанбе: Ирфон, 1992.

Основная заслуга Ибн Сино – величайшего средневекового ученого-медика в развитии медицины заключается в том, что он освободил медицину от магии и колдовства и от теоретических разногласий различных медицинских школ, включил ее в круг аналитических и доказательных наук. Ибн Сино на основе обобщения практического и теоретического опыта авестийской, сасанидской, греческой, римской, арабской медицины и медицинского опыта других народов создал новую медицинскую систему и назвал ее «Каноном врачебной науки». Следует отметить, что Ибн Сино писал свои медицинские труды как на арабском, так и на родном языке, к сожалению от последних сохранилась лишь одна книга под названием «Рагшиноси» («Ангиология»)[1]. Одна из важных стилистических особенностей данного авиценновского произведения заключается в том, что в нем автор одновременно использует и арабскую и таджикскую терминологию по данной отрасли медицины. При этом, однако, он использует таджикские термины в качестве основной терминологии, а арабские – для их комментирования и разъяснения. Многие термины, использованные в «Ангиологии», не наблюдаются в других вышеупомянутых медицинских произведениях, поэтому можно полагать, что их непосредственно выдумал и создал сам Абуали ибн Сино.

Однако самый капитальный и ценнейший научно-медицинский труд на таджикском языке принадлежит перу Зайнаддина Исмаила Джурджани (ум. между 1135–1137 гг.). Он в свои зрелые годы по приглашению Кутбиддина Мухаммада ибн Ануш-тегина приехал в Хорезм и там в 1110 г. написал свой капитальный медицинский труд под названием «Захираи Хоразмшахи» («Сокровище Хорезмшаха»), которую в знак благодарности посвятил этому мудрому и справедливому владыке. Эта работа основана на всех вышеотмеченных и других медицинских трудах, особенно на авиценновским «Каноне» и «Ангиологии». Она состоит из десяти томов, трактующих о сфере применения медицины, об анатомии, причинах и симптомах болезней, гигиене, диагностике и прогнозах течения болезней, способах лечения, ядах и противоядиях, фармакологии. «Сокровище Хорезмшаха» переведена на древнееврейский, турецкий, урду, частично на русский языки. Книга несколько раз издана в Тегеране[2], ее избранные фрагменты изданы также в Душанбе.

Мы провели краткий экскурс в один из плодовитых периодов истории культуры таджикского народа (IX – XII вв.), породивший золотую плеяду таджикских ученых-медиков, которые внесли огромный вклад в развитие и систематизацию медицины и обогащение медицинского языка и

[1] Сино Абуали. Осори мунтахаб. Т. II. Душанбе. 1983.

[2] Джурджани Сайид Хасан. Захирайи Хоразмшохи / авт. предисл., коммент. и прил. М. Мухаррари. Тегеран: «Наджат», 1380х; Джурджани Исмаил бин Хасан. Захирайи Хоразмшохи. Издание подготовили М. Данишпаажух и Э. Афшор. Т. I и II. Тегеран. 1383х.

терминологии. Сочиняя уникальные прозаические и поэтические научно-медицинские произведения на таджикском языке, они высоко подняли статус таджикского языка до уровня языка науки и научно-познавательной деятельности. Анализ терминологии медицинского наследия данного периода убедительно доказывает, что таджикский язык медицины начиная с «Донишнаме» Майсари и до «Сокровище Хорезмшаха» имел единую конкретную ориентацию, направленную на преемственное развитие и обогащение. Благодаря патриотизму, инициаторству и доброй воле Хакима Майсари, Абубакра Ахавайни, Ибн Сино, Джурджани и всех вышеупомянутых пионеров и корифеев средневековой медицины, таджикский язык медицины и терминологии по сравнению с языками других наук в значительной степени освободился от принужденной и чрезмерной зависимости от арабского языка. Опора на собственные терминологические и другие языковые средства, способствовала таджикскому медицинскому и в целом научному языку достигнуть высшие для того времени ступени развития.

СЛОВО НАСТАВНИКА

Д-р. филол. наук, проф.

В. И. Хомяков
Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

КАТЕГОРИЯ ПРОСТРАНСТВА В ПОЭЗИИ ВАСИЛЬЕВА

Обращаясь к истории восприятия пространства в европейском сознании, Ф. П. Федоров пишет: «С точки зрения, восходящей к Платону и Демокриту и сконцентрированное выражение получившее у Ньютона, пространство есть пустота, вмещающая материю, а время есть нечто, что «протекает равномерно», «без всякого отношения к чему-либо внешнему», то есть как нечто, не зависящее ни от пространства, ни от материи. Не только в науке, но и в европейском сознании в целом вплоть до XX в. ньютоновская позиция была господствующей, что применительно к художественному миру проявилось в понимании пространства только как места действия, а времени – как длительности действия. Такое понимание не вело к осмыслению сущности и функций пространства и времени в художественном мире, практически исключало их из реестра литературоведческих категорий» [1, с. 11].

По мнению Д. С. Лихачева: «В своем произведении писатель создает определенное пространство, в котором происходит действие. Это пространство может быть большим, охватывать ряд стран (в романе путешествий) или даже выходить за пределы земной планеты (в романах фантастических, принадлежащих к романтическому направлению), но оно также может сужаться до тесных границ одной комнаты. Пространство, создаваемое автором в его произведении, может обладать своеобразными «географическими» свойствами, быть реальным (как в летописи или историческом романе) или воображаемым (как в сказке или той же фантастике). Оно может обладать теми или иными свойствами, так или иначе «организовывать» действие

произведения. Последнее свойство художественного пространства особенно важно для литературы и фольклора. Дело в том, что пространство в словесном искусстве непосредственно связано с художественным временем. Оно динамично. Оно создает среду для движения, и оно само меняется, движется. Это движение (в движении соединяется пространство и время) может быть легким и трудным, быстрым и медленным, оно может быть связано с известным сопротивлением среды и с причинно-следственными отношениями» [2, с. 384–385].

Пространство является одной из главных категорий в поэзии Васильева. Поэт подчеркивает философское значение пространства. В данном случае он особо выделяет некую «беспредметность» пространства, которое можно считать синонимом небытия. В стихотворении «Евгения Стэнман» Васильев пишет:

Но в строительном гуле без памяти. *без перемены*
Буду слушать дыханье твое, и, как *вечность* назад,
Опрокинется небо над нами, и рядом *мгновенно*
Я услышу твой смех, и твои каблучки простучат [3, с.143].

(везде разрядка наша. – *В. Х.*)

И потому же столь часто он подчеркивает, описывая пространство, что в нем ничего не существует, или в скором времени перестанет существовать:

Я готов согласиться, что не было *чаек над пеной,*
Ни веселой волны, что лодчонку волной *не несло*,
Что зрачок твой казался мне чуточку *меньше вселенной*,
Неба не было в нем – позади от бессонниц светло [3, с. 143].

Или вспомним знаменитую «Тройку»:

Рванулись. И – деревня сбита,
Пристяжка мечет, а вожак,
Вонзая в *быстроту* копыта,
Полмира тащит на вожжах! [3, с.178].

В поэзии Васильева возникает прямое ощущение открытого пространства. В его произведениях очень мало именно закрытых помещений. Г. Гачев связывает эту особенность с мироощущением степных народов. Он пишет: «Это прямое отношение и ощущение человеком открытого пространства, эта помещенье-боязнь, вероятно, связана с кочевым прошлым киргизского народа […] Призрачность помещения, мнимость, необязательность, так сказать, факультативность крыши над головой, так что в любую минуту она может исчезнуть, как мираж, и опять человек прямо в открытом космосе оказывается, коренной устой мироощущения киргиза» [4, с. 60].

И далее исследователь делает вывод, что у кочевых народов «понятие *пространства* преобладает над понятием *времени* (у земледельцев, очевидно, наоборот)» [4, с. 61]. В поэзии Васильева компонент пространства связан с концептом степи, который изначально имеет значение без-

граничности, бесконечного простора. Так, чтобы создать ощутимый масштаб, поэт использует конкретные топонимы, хотя в поэтической картине мира степь приравнивается к пространству всего мира:

Над степями плывут орлы
От Тобола до Каркаралы,
И баранов пышные отары
Поворачивают к Атбасару [3, с. 60].

(«Ярмарка в Куяндах»)

Мы видим, как в поэтическом пространстве образ степи разрастается до масштабов всей страны. В стихотворении «Расставанье» (1929–1931) из цикла «Стихи Мухана Башметова» Васильев скажет:

Что делать мне, как поступить? Не знаю!
Великая над степью *тишина.*
Да, тихо так, что даже тень косая
От коршуна скользящего слышна [3, с. 147].

В стихотворении «Верблюд»(1931) читаем:

Но приглядись, – в глазах его туман
Раздумья и *величья долгих странствий*…
Что ищет он в раскинутом пространстве,
Состарившийся, хмурый богдыхан [3, с. 120–121].

Можно сказать, что перед нами некие симулякры категории пространства, если использовать язык постмодернистской поэтики. Необходимо отметить, что пространство художественного произведения – это и место действия, и система образов, и отношения между ними. Место действия во многих стихах и поэмах Васильева располагается, как правило, либо в степных городах и аулах, либо в Сибири. Это могут быть Павлодар, Семипалатинск, Омск, Зайсан, Куянды, прииртышские станицы Черлак, Лебяжье, Гусиная Пристань. Гораздо реже в стихах Васильева используются названия столиц, стран. Т.е. пространство у Васильева предельно локализовано. Но кроме реально существующих мест автор использует нередко и вымышленные метафорические названия, например «лебяжий город», Семиге, Зейск, Муялды, Баян-Коль, Кара-Коль и др.

Использование поэтом реальных географических названий свидетельствует о стремлении автора к объективности. Характерно, что в стихах и поэмах Васильева мы встречаем очень много пространственных перемещений. Движутся переселенцы, летят коршуны, бредут верблюды, бежит волчий косяк и т. д.

В поэзии Васильева можно выделить два типа пространства: природное (географическое) и культурное. К первой категории можно отнести предметы, пейзаж, природные явления, мир человека. Категория пространства у Васильева срослась с эмоциональной, физической, социальной жизнью человека. Пространство наполнено реальными событиями: «Мир огромен, и подруги молча вдоль него стоят», «Он стоял в середине дремучего края, и про-

странство кругом кругами текло, плавниками и птичьим крылом играя». Масштабность и эпическое мироощущение Васильева проявляется в употреблении большого числа топонимов при создании природного пространства. Он создавал стихотворения о Павлодаре, Семипалатинске, Сибири, Иртыше. В ранней лирике наблюдалось его тяготение к изображению Парижа, Италии, Венеции. Но особенность его картины мира не только в стремлении поэта изобразить широкий обхват территорий, но и в создании поэтического пространства как категории мышления. Человек в данном случае выступает своеобразным покорителя пространства. Лирический герой Васильева много путешествует, всегда находится в пути, преследуя при этом самые разные цели.

Товарищ Джурбай,
Расскажи мне о том,
Как ты проносил под седым Учагом
Горячее шумное знамя,
Как свежею кровью горели снега
Под ветром, подкошенным вровень,
Как жгла, обезумев, шальная пурга
Твои непокорные брови [3, с.66].

(«Товарищ Джурбай»)

Культурное пространство объединяет прошлое, настоящее и будущее. Основным концептом в данном случае выступает категория памяти. Кроме того, в пространство культуры входят мифология, религия, историко-культурные реалии, создателем которых является человек. Своеобразными формами культурного пространства являются исторические эпохи и собственно «культурные» временные этапы. Все они отражены в мифологических и религиозных сюжетах произведений поэта. Васильев практически не обращается к античной мифологии (разве что упоминание об «огне Прометея»). Гораздо чаще он использует русские либо казахские мифы и легенды. Но при этом известные легенды подвергаются авторской трактовке. Часто поэт пытается раскрыть глубинные психологические черты героев. При этом мифологические персонажи могут переноситься Васильевым в другое время, чаще всего в XX в., и наоборот, могут стать проводниками для поэта в эпоху архаики. Примером тому служат такие стихотворения, как «Джут», «Песня о Серке», «На посещение Ново-Девичьего монастыря» и др.

Лирика Васильева отражает мировосприятие, формировавшееся на основе мифологических представлений о картине мира, которые были закреплены в календарных обрядах и в народной эпической и лирической поэзии. Автор часто использует принцип психологического параллелизма, что свойственно традиционной лирической песне. Наблюдается следующая закономерность: вначале даются картины природы, а затем описывается мир человека («Джут», «Там, где течет Иртыш», «Все так же мирен листьев тихий шум…» и др.). Не в меньшей степени используется поэти-

ческая символика. Предметом символизации является окружающий человека природный мир. Реже Васильевым используются религиозные сюжеты. Конечно, христианские сюжеты могли дать большой материал для создания метафизического пространства, которое, однако, может возникнуть только при соблюдении всех условий религиозного канона. В творчестве поэта отражена такая особенность национального самосознания, как двоеверие, что нашло отражение в столкновении языческих и христианских ценностей. Так, красота любимой женщины для Васильева равносильна божественной красоте. В набросках к поэме «Кулаки» автор пишет:

Разны
Духовный разум
И плотский.
Бог для того,
Чтоб мир хорошел.
И обретается
Не на досках
Крашеных –
В человецкой душе [3, с.589].

Часто Васильев обращается к философскому постижению пространства, что характеризуется обращением к понятию «широта». В. Подорога пишет: «Чтобы взгляд получил широту обзора, тело должно обрести способность к вертикальному взлету или восхождению, оно должно достичь позиции надо всем, что видимо… Феномен широты складывается из двух пространственных позиций: *высоты* и *дали*.. Но широта является не столько феноменом зрения, сколько психомоторным переживанием, которому всегда сопутствует расширение тела наблюдателя, причем не находящее свое выражение в протяженности пространственных образов» [5, с. 78–79]. Конечно, Васильева трудно отнести к философствующим поэтам. Но его поэтическое слово вместило в себя многое из того, о чем размышляли философы прошлого и настоящего. Васильев почувствовал и художественно зафиксировал одну из важнейших тенденций XX в. – сдвиг культуры в эпицентр человеческого существования. По наблюдению поэта, чем хаотичнее и напряженнее становится жизнь в социальном пространстве, тем интенсивнее живет человеческий дух. Пожалуй, именно такой итог можно сделать из наблюдений над спецификой пространства в поэзии Васильева.

1. Федоров, Ф. П. Романтический художественный мир: пространство и время / Ф. П. Федоров. – Рига: Зинатне, 1988.
2. Лихачев, Д. С. Поэтика древнерусской литературы / Д. С. Лихачев. – Л.: Худож. литература, 1971.
3. Васильев, П. Н. Стихотворения и поэмы / П. Н. Васильев. – Л.: Совет. писатель, 1968. В дальнейшем все ссылки даются на это издание с указанием страницы в тексте.
4. Гачев, Г. Д. Национальные образы мира / Г. Д. Гачев. – М.: Совет. писатель. 1988.
5. Подорога, В. А. Выражение и смысл / В. А. Подорога. – М.: Ad Marginet, 1995.

А. А. Хусейнова, Н. К. Дустова, Х. Ш. Яхяева
Бухарский государственный медицинский институт

АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ БОРЬБЫ С ТОРГОВЛЕЙ ЛЮДЬМИ В УЗБЕКИСТАНЕ

17 апреля 2008 г. принят Закон Республики Узбекистан *«О противодействии торговле людьми»,* который содержит определения понятий «торговля людьми и «торговец людьми», расписывает полномочия государственных органов, непосредственно осуществляющих борьбу с торговлей людьми, устанавливает создание координирующего органа деятельности государственных учреждений и их взаимодействие с институтами гражданского общества в данной сфере, а также специализированных учреждений по оказанию помощи и защите жертв торговли людьми [1]. Также принято Постановление Президента Республики Узбекистан № 911 *«О мерах по повышению эффективности борьбы с торговлей людьми»* от 8 июля 2008 г., на основе которого утвержден *Национальный план действий по повышению эффективности борьбы с торговлей людьми на 2008–2010 гг.*, в котором указаны мероприятия по совершенствованию нормативно-правовой базы в данной сфере, защите прав жертв этого преступления и информированию общества с целью предотвращения таких правонарушений, осуществляемые государственными органами в тесном сотрудничестве с институтами гражданского общества. Следует отметить, что часть этих мероприятий уже реализована на практике. Так, 16 сентября 2008 г. приняты изменения и дополнения в Уголовный кодекс Республики Узбекистан, т. е. введена новая редакция ст. 135 «Торговля людьми» в Уголовный кодекс Республики Узбекистан, устанавливающая альтернативное наказание за данное деяние, перечень форм эксплуатации, перечисленные в международно-правовом определении данного явления.

Вместе с этим в дальнейшем необходимо определение и введение понятий всех форм эксплуатации в законодательство. Например, ст. 1 *Конвенция относительно рабства* 1926 г. определила, что *рабство* – состояние или положение человека, над которым осуществляются атрибуты права собственности или некоторые из них [1]. Мировой эксперт по данной проблеме Э. Джордан приводит следующее определение понятия «сексуальная эксплуатация» и предлагает использовать его в национальных законодательствах: *«Сексуальная эксплуатация»* означает участие лица в проституции, оказание сексуальных услуг или изготовление порнографических материалов в результате оказания на него давления, применения угроз, использования силы, похищения, злоупотребления властью, долговых обязательств или мошенничества» [1]. Данное определение охватывает такие деяния, как проституция, сексуальные действия, изготовление порнографических материалов, а также различные виды средств воздействия на

волю жертвы. Термин *«принудительный труд»* определен в международно-правовом акте [1]. Кроме того, Европейский суд по правам человека подразумевает под понятием «принудительный труд» применение физического или психического принуждения, а под понятием «обязательный труд» – труд, выполняемый под угрозой какого-либо наказания [2]. Выделение в качестве цели трансплантацию органов не означает торговлю уже изъятыми органами, а указывает на передачу или получение самого человека для этой цели, органы которого будут эксплуатироваться. Э. Джордан отмечает, что торговля человеческими органами признается одной из форм торговли людьми лишь в случае, когда люди подвергаются перевозке с целью извлечения органов. Преступление следует считать оконченным независимо от достижения цели эксплуатации. 8 июля 2008 г. принят Закон Республики Узбекистан *«О ратификации Протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее от 2000 г.»* с оговоркой, что Республика Узбекистан не считает себя, связанной с положениями пункта 2 ст. 15 Протокола [2]. Следует отметить, что Республика Узбекистан до ратификации Протокола против торговли людьми трансформировало в национальное законодательство международные нормы в сфере борьбы с торговлей людьми, что является наиболее эффективным и показательным шагом по выполнению государством своих международно-правовых обязательств. Наряду с запрещением и наказанием преступления торговли людьми в законодательстве важно и функционирование эффективного механизма для реализации положений, принятых в данной сфере.

В этой связи, в Республике Узбекистан учреждена *Республиканская Межведомственная комиссия по противодействию торговле людьми*, которая координирует деятельность государственных органов, органов самоуправления граждан и ННО в области противодействия торговле людьми, деятельность территориальных межведомственных комиссий, организует мероприятия по информированию населения по данным вопросам и т. д. Тем не менее эффективная борьба с этим преступлением предполагает дальнейшего осуществления комплекса конкретных мер, в числе которых – *определение правового статуса потерпевших от этих преступлений, порядок оказания им помощи, их защиты и идентификации***.** Реализация вышеуказанной задачи требует устанавливать и развивать сотрудничество правоохранительных органов с ННО, которые занимаются защитой и поддержкой таких лиц. Важно и осуществления сотрудничества с неправительственными организациями, локализованными в зарубежных странах для эффективной реализации такой защиты. Деятельность ННО имеет немаловажное значение, так как потерпевшие более охотно идут на сотрудничество с ними. Из этого вытекает необходимость поощрения деятельности негосударственных некоммерческих организаций в этой области. В части 1 ст. 8 этого же закона говорится об оказании органами самоуправления и ННО содействия и необ-

ходимой помощи государственным органам, осуществляющим деятельность по противодействию торговле людьми [1].

В Республике Узбекистан активную деятельность по оказанию помощи жертвам торговли людьми ведет *ННО «Истикболли авлод»,* которая тесно осуществляет сотрудничество с правоохранительными органами, консульствами и дипломатическими представительствами Узбекистана в этой сфере. ННО «Истикболли авлод» представляет информационно-консультационные услуги лицам, выезжающим заграницу, содействует возвращению граждан, пострадавших от торговли людьми, а также занимается вопросами их реабилитации. Вместе с этим, эффективное осуществление положений о защите жертв торговли людьми и оказание им помощи требует пересмотра некоторых положений уголовно-процессуального законодательства Узбекистана, касающихся обеспечения безопасности потерпевших. Так, положение об обеспечении безопасности потерпевших и свидетелей содержится и в ст.270 УПК РУз, которая предусматривает принятие мер дознавателем, следователем, прокурором, судом к охране жизни, здоровья, чести, достоинства и имущества потерпевших, свидетелей и других лиц, участвующих в деле, а также членов их семей или близких родственников при наличии достаточных данных, что им угрожают убийством, применением насилия, уничтожением имущества и другими противоправными действиями [2]. Однако УПК РУз не содержит перечень мер, которые можно было бы осуществить в таких случаях. Само перечисление лиц – дознаватель, следователь, прокурор, суд – подразумевает обеспечение безопасности жертв в процессе стадий только уголовного производства. В случаях торговли людьми ее жертвы нуждаются в постоянной защите, которые могут быть подвержены опасности, как до начала, так и после уголовного производства.

По этой причине, возможно, исходя из норм международного права, разработка особой процедуры обеспечения безопасности жертв подобных преступлений. Например, ст. 24 Конвенции против ТОП устанавливает осуществление государствами-участниками в пределах своих возможностей надлежащих мер, направленных на обеспечение эффективной защиты от вероятной мести и запугивания в отношении участвующих в уголовном производстве свидетелей, дающих показания. Такие меры могут включать переселение жертв в другое место, и принятие таких положений, какие разрешают в надлежащих случаях не разглашать информацию, касающуюся их личности и местонахождения, принятие правил доказывания, позволяющих давать свидетельские показания таким образом, который бы обеспечил безопасность свидетеля, например, разрешение давать свидетельские показания с помощью средств связи, таких как видеосвязь или другие надлежащие средства. Анализ развития современного состояния борьбы с торговлей людьми в Узбекистане показывает, что сформировано законодательство по противодействию торговле людьми и оказанию помощи жертвам этого преступления, разработана программа по повышению эффектив-

ности деятельности государственных органов и неправительственных организаций и их взаимодействия в данной сфере.

1. Народное слово. – 18 апр. 2008 г.
2. Собрание законодательства Республики Узбекистан. 2008 г. № 28. Ст. 267–268.
3. Действующее международное право: Т. 2 / сост. Ю. М. Колосов, Э. С. Кривчикова. – М., 2002. – С. 525–530.
4. Аннотированное руководство к Протоколу ООН против торговли людьми / Энн Джордан. Пер. с англ. Полетаева О. А.; Под ред. Синицына Ф. Л. – М., 2005. – С. 13–14.
5. См.: ч. 1 ст. 2 Конвенции МОТ № 29 о принудительном и обязательном труде.
6. См.: Сальвиа М. Де Прецеденты Европейского суда по правам человека. Руководящие принципы судебной практики, относящейся к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод // Судебная практика с 1960 по 2002 г. – СПб., 2004.
7. Аннотированное руководство к Протоколу ООН против торговли людьми / Энн Джордан; пер. с англ. О. А. Полетаева; под ред. Ф. Л. Синицына. – М., 2005. – С. 15.
8. Собрание законодательства Республики Узбекистан. 2008 г. № 28. Ст. 262–263.
9. Народное слово. – 18 апр. 2008 г.. № 77 (4456).
10. Алимова, Д. А. Женский вопрос в Средней Азии. История изучения и современные проблемы / Д. А. Алимова. – Ташкент, 1991. – С. 22.

СЛОВО НАСТАВНИКА

Канд. культурологии, доцент

Е. А. Яблонская
Уральский государственный университет физической культуры, г. Челябинск

МУЗЫКАЛЬНОЕ ИСКУССТВО В КОНТЕКСТЕ ИНТЕГРАЦИОННЫХ СТРАТЕГИЙ ГЛОБАЛЬНОГО МИРА

Многогранность глобализационных процессов начала XXI в., сочетание в межцивилизационном взаимодействии тотальной стандартизации и унификации экономики, финансов, международного права и активного продвижения альтернатив гомогенизации глобальной культуры (выход на транснациональный уровень локальных, региональных установлений) со всей очевидностью актуализируют осознание предпочтительных стратегий ее (глобальной культуры) формирования.

«Исходя из многообразия возможных соотношений локального и глобального и учета особенностей взаимодействующих в процессах глобализации сторон, можно было бы обозначить следующие ситуации взаимодействия: замещение местной культуры глобальной культурой (унификация, гомогенизация), сосуществование глобальной и местной культур (диалоговое пространство, интертекстуальность как сущностная характеристика художественного текста); синтез культур (гибридизация); сопротивление процессу вестернизации (альтерглобализм); отрицание и сопротивление глобальной культуре (антиглобализм) и пр. Сегодня предпочтительнее говорить о многоликой глобализации и сложившихся различных стратегиях в создании глобальной культуры. Искусство в этом смысле является одним из действенных механизмов, направленных на ее формирование», – пишет исследователь [1, с. 506].

Отличительной чертой творчества многих деятелей искусства современной эпохи является выход из национальных (цивилизационных) огра-

ничений в пространство межцивилизационное, стремление к упрочению общечеловеческих мировоззренческих ценностей, ответственности за настоящее. В произведениях современного искусства, несомненно, следует отметить наличие попыток осмысления будущего.

Известному итальянскому теоретику и критику современного искусства Акилле Бонито Оливе (Achille Bonito Oliva), утверждающему, что «искусство глобально по определению, и … всегда стремится к универсальности», принадлежит также мысль об обогащении современного искусства новым содержанием общечеловеческого характера, обращении к проблемам социального плана через созерцание и чувствительность [См.: 5]. Перебирая цитаты, постмодернистский художник-интеллектуал рефлексирует, возвращаясь через язык (который в своем новом качестве есть сплав локального и глобального – не *global vs. local*, а *glocal*) к своим антропологическим корням. «У искусства нет никакой функции, – пишет Олива. – Парадоксально, но креативность, это избыточное богатство, эта роскошь, является вообще биологическим багажом человека».

Музыкальное искусство уникально по своей природе. В древности музыка выделялась среди других искусств своей космологической функцией, в ней видели микрокосм гармонии мира. В санскритском трактате XIII в. говорится о значении звука: «Звучанием образуется буква, буквами – слог, слогами – слово, а словами – наша повседневная жизнь. Вот почему наш человеческий мир зависит от звука» [7, с. 197]. Рождение музыки из духа человеческого или из над-человеческого гармонически упорядоченного мироздания («вселенский ритм»), позволил Г. Орлову утверждать, что «то огромное целое, которое мы называем музыкой по-своему изоморфно миру» [6, с. 51]. И далее: «Музыка является продуктом деятельности человека и изоморфна… человеку как продукту определенной культуры. Точнее говоря, музыка изоморфна породившей ее культуре – «силовому полю», генерируемому искусствами, религиями и философиями, наукой и техникой, социальными институтами и условностями, моральными ценностями и верованиями – короче, целостным окружением человека» [6, с. 52].

В современном глобальном мире, окутанном сетью коммуникаций, музыка, которая ранее соответствовала мировосприятию отдельных локальных культур и отражению их в музыкальном искусстве через системы символов, отражающих уникальные способы указать на скрывающийся за ними смысл, все чаще воспринимается в парадигме *glocal* как экспортируемый и отмеченный неким территориальным (и, соответственно, культурным) акцентом язык.

Жизненный ориентир, задаваемый западной (в 60–70-е гг. XX в. американской, в 80-е гг. – все чаще европейской) культурой превыше всего ставит интеллект, ум и прогресс (понятый на этой основе как разумное движение вперед). Проблема гносеологического объяснения музыкальных феноменов в русле этой культурной традиции связана с рефлексией, имеющей

логико-понятийную природу. Смыслопорождение в том же контексте движется от стандартности, опирающейся на повторяемость массового общества, машинного производства (повторяемость в музыкальном минимализме, зародившемся в США, поразительным образом не утомляет, как не утомляется машина), к интерпретативности взгляда на мир в целом (характеристика современного европейского философствования). Цель интерпретации в искусстве – моделирование и осознание субъективности.

Представляется, что в контексте описанных положений, а также в русле свойственной эпохе глобализации парадигме гибридизации, объясняющей особые механизмы взаимодействия и взаимозависимости (на основе стратегии интеграции она обосновывает активность отдельных культур в создании гибридных пространств), весьма уместна актуализация наработок русской философии конца XIX – начала XX в. У П. А. Флоренского ум как средоточие человеческого существа рядоположен с феноменами явно не логико-понятийного характера. Замысел Флоренского сводится к попытке показать ограниченность рассудочной формы мышления, которая не способна соединить противоречащие друг другу антиномии. Так в русской философии возникла категория умного непонимания, умудренного неведения.

«В актах умного непонимания, – считает В. Лехциер, – художественное переживание живет как событие смысловой актуализации… Уровень умного непонимания конституирует феномен художественного. Непонимание фиксирует опыт отсутствия фиксированных смысловых границ у понимаемого смысла, отсутствия всякой завершающей актуализации» [4, с. 134].

Сопоставим непонимание (в контексте смыслопорождения) с его антитезой – пониманием, в связи с чем позволим себе длинную цитату. «Понимание связано, прежде всего, с выявлением смысла. Понимание научного трактата и художественного произведения выявляет принципиально разные по способу своего бытия смыслы. Так, если мы вычленяем какой-либо смысл художественного произведения, то в самый этот момент он перестает быть художественным. Вычлененный смысл, отвлеченный от своего непосредственного бытия в являющейся реальности, – не художественный смысл. Научный смысл именно как научный рассчитан на отвлеченный способ бытия, тогда как художественный – наоборот. Дело не в том, что у художественного произведения может быть и даже должно быть много смыслов, а у научного – один. Но принципиально то, что только художественный смысл не может быть вне процесса собственного становления. Поэтому любой другой смысл – научный, философский, религиозный – можно пересказать своими словами, можно… сообщить в отвлеченном виде, не нарушив при этом его статуса. И только художественный смысл пересказать нельзя» [3, с. 144].

Музыка не воплощает конкретные явления и события, но она отражает наиболее общие категории бытия: динамику и статику, напряжение и разрешение противоречий. Ее власть распространяется на чувства и ощу-

щения. По мнению В. В. Кандинского, «искусство есть живой лик области не ума, а только и исключительно *чувства*. Кто не умеет чувствовать, тому темно и безгласно искусство... Ибо искусство истинное так или иначе непременно действует на душу. Душа вибрирует и "растет". Вот единственная цель художника, сознает ли он ее или нет…» [2, с. 102–103].

Аффективная составляющая музыкального искусства, разветвление значений его невербального дискурса, являющие собой потенции к интегративности в русле современной эпохи глобализма, способны многократно увеличить значимость этой составляющей кросскультурных коммуникаций в XXI в.

1. Дианова, В. М. Искусство и проблемы глобализации культуры / В. М. Дианова // Фундаментальные проблемы культурологии: в 4 т. Т. III: Культурная динамика / отв. ред. Д. Л. Спивак. – СПб., 2008. – С. 505–515.
2. Кандинский, В. В. Куда идет «новое» искусство / В. В. Кандинский // Избр. тр. по теории искусства, 1901–1914: в 2 т. Т. I. – М., 2008. – С. 95–103.
3. Костерина, А. Б. Метафизика художественного / А. Б. Костерина. – Екатеринбург: Изд-во ГОУ ВПО «Рос. гос. проф.-пед. ун-т», 2009. – 161 с.
4. Лехциер, В. Введение в феноменологию художественного опыта / В. Лехциер. – Самара: Изд-во Самар. гос. ун-та, 2000. – 236 с.
5. Олива, Б. А. Искусство между идентичностью и гомогенностью [Электронный ресурс] / Б. А. Олива // Художественный журнал. – № 56. – URL: http://xz.gif.ru/numbers/56/8/
6. Орлов, Г. Древо музыки / Г. Орлов. – 2-е изд., испр. – СПб.: Композитор – Санкт-Петербург, 2005. – 440 с.
7. Bake, A. The Music of India / Arnold Bake // The New Oxford History of Music, vol. I / Oxford University Press, 1961.

Раздел 2

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Ф. М. Аггеев
Московский институт инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии

ВКЛАД АНТИЧНОЙ ГЕОДЕЗИИ В СОЗДАНИЕ КАРТ-ПОРТУЛАНОВ

Под средневековыми портуланами принято понимать навигационные карты, появившиеся в Европе в начале XIII в. Портуланы поражали необыкновенной точностью, сопоставимой с картами начала XIX в. Невозможность определить происхождение портуланов привела к проблеме, которую наука не могла разрешить в течение нескольких столетий. В качестве источников рассматривались возможности Средних веков, арабов, Античности, а также неизвестных цивилизаций. Ни одна из попыток не дала положительных результатов.

Общие неудачи сводились к трем основным причинам. Первая. Считали, что в Средние века и в период античности уровень геодезии был слишком низок для создания точных карт. Далее, – за основу карт принимались исключительно пункты с географическими координатами. Третья причина состояла в убежденности, что портуланы являются компасными морскими картами.

С точки зрения известных знаний все причины оправданы, но именно они вызывали неразбериху мнений и архикризисную ситуацию.

Задача автора состояла в том, чтобы найти иной путь и источник происхождения портуланов и доказать несостоятельность прежнего подхода.

Задача решалась поэтапно. Необходимо было выявить средневековые наслоения, найти новые способы измерений, а затем – новую основу карт.

В отечественной науке попытки поиска источников создания портуланов, чаще всего, были связаны со Средними веками. Однако проведенные исследования показали, что портуланы не могли быть детищем Средних веков, поскольку Средние века не обладали необходимой научной и технической базой. Было доказано, что компасные розы и сетки были результатом средневекового графотворчества, в процессе которого происходило переосмысление прежних символов. Новое содержание определялось защитой и покровительством религии в образе солнца-правды – одного из древнейших христианских символов. Расположение символов по окружности давало магический круг, препятствующий проникновению нечистой силы. Символы не имели координат, не были привязаны к природным ориентирам, не учитывали магнитное склонение и морские течения… Их

можно было использовать для ориентировки карты и грубого определения направлений, но они совершенно не годились для целей создания морских или иных карт. Именно попытка связать «компасные», а в действительности сакральные символы, с процессом создания карт привела в свое время картографов к тупиковой ситуации.

Поиск первоисточников указывал на времена Античности. Необходимость поиска в Античности предсказывал еще великий полярный исследователь Эрик Норденшельд, но из-за недостатка сведений в области геодезии Норденшельд не смог найти механизм и технологию съемок. Этот пробел удалось закрыть автору настоящей статьи.

Результатом нашего поиска в области античных приборов и методов стал обнаруженный трактат Альберта Леона Батисты «Десять книг о зодчестве», написанный в 1451 г. Автор трактата считается лучшим переводчиком и интерпретатором Витрувия. Альберти Батиста указал на ранее неизвестные в географии и картографии способы измерения расстояний, углов, превышений, трассирования. Особое внимание привлек рисунок с тремя башнями, передавший нам метод античной полигонометрии. Полигонометрия – есть способ определения места, путем проложения хода, в котором измеряют углы и расстояния. Античная полигонометрия стала ключом к разгадке тайны портуланов и важнейшим открытием. Через строительство дорог, полигонометрия в Римской империи превратилась в государственную геодезическую основу точных карт секретного характера. Дороги соединяли города по прямой линии, вели к пограничным заставам, и потому сами карты имели стратегическую значимость, были засекречены и недоступны ни Страбону, ни Эратосфену, ни Птоломею. Особенность античной полигонометрии состояла в том, что она предшествовала строительству дорог, т. е. была действием первичным. Ей необходимо было учитывать целый ряд моментов, связанных с предварительным трассированием, прямолинейностью, уравниванием, поэтапностью. Улучшенные дороги протяженностью в 80 тыс. км давали полигонометрию высшего класса. Гравийные дороги протяженностью в 300 тыс. км соответствовали ходам сгущения. Трассирование проводилось по дымам и инструментально, точность измерения углов 0,3º. Применялись разного типа дальномеры (4–5 типов). Реперами служили каменные монолиты высотой до 2–3 м. Полигонометрия создавалась в течение 6 веков и следовала за римскими завоеваниями. Ширина дорог была от 4 до 8 м, толщина до 2 м. На реках строились мосты, в горах туннели.

Полигонометрия настолько плотно оконтуривала побережье и покрывала всю территорию завоеванных Римом стран, что могла сама по себе создавать не только остов, но и насыщать содержание древних карт. Число таких карт соответствовало крупным вехам римских завоеваний. Каждая новая крупная победа востребовала свою карту, которая была продолжением предыдущей и одновременно самой современной для своего

времени. Римская империя – единственная держава, которая владела всем побережьем Средиземного моря и которая могла создавать карты на основе полигонометрии в течение шести столетий. Эти карты стали первоисточником и прототипом карт портуланов. Один из путей попадания указанных карт в Европу связан с захватом крестоносцами в 1204 г. Константинополя. Город подвергался разграблению в течение 57 лет, при этом больше всех усердствовала Венеция. В дальнейшем проводилась выборка и копировка карт, заменялись названия городов, подрисовывались средневековые гербы и флаги, наносились религиозные символы и магические круги, охранявшие от нечистых сил путешественников и мирных обывателей.

Доказательства происхождения портуланов от античных карт рассмотрены в работе с точки зрения допустимости, относимости и достаточности. Важными пунктами доказательств было подобие контуров, каркасность и точность. Точности по полигонометрическим ходам и точности по сличению портуланов с современной картой оказались одинаковыми.

Возвращаясь к названию статьи и расшифровывая его, можно в заключение отметить, что неоценимый вклад античной геодезии состоял в том, что она создала карты, ставшие фундаментом, первоосновой и прообразом средневековых портуланов. Изучение истории показало также, что античная геодезия оказала сильное влияние на создание точных карт на Руси и в Индии.

1. Агеев, Ф. М. Античная Государственная Геодезическая Сеть / Ф. М. Аггев // Маркшейдерский вестник. – 2011. – № 2.
2. Агеев, Ф. М. Меры и числа в истории геодезии / Ф. М. Аггев. – М., 2006.
3. Альберти Леон Батиста. Десять книг о зодчестве. – М., 1937
4. Michael Grant. History of Rome. – New York, 1978.
5. Putman Robert. Early sea charts. – New York, 1983.
6. Skelton R. Looking at an early map. – Kanzas, 1965.

Рис.1. Портулан Дульсерта. 1339 г.

Рис. 2. Античная сеть полигонометрии (основные хода)

Рис. 3. Аппиева дорога

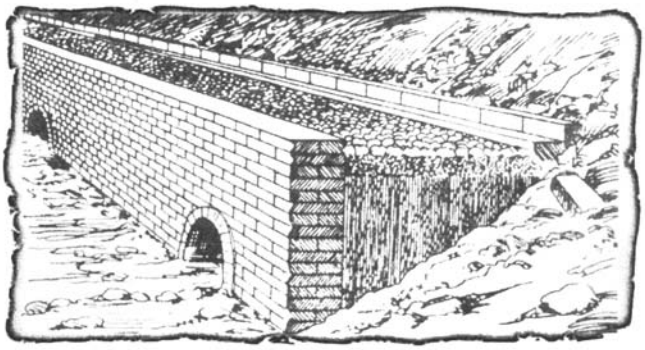


Рис. 4. Дорога в разрезе

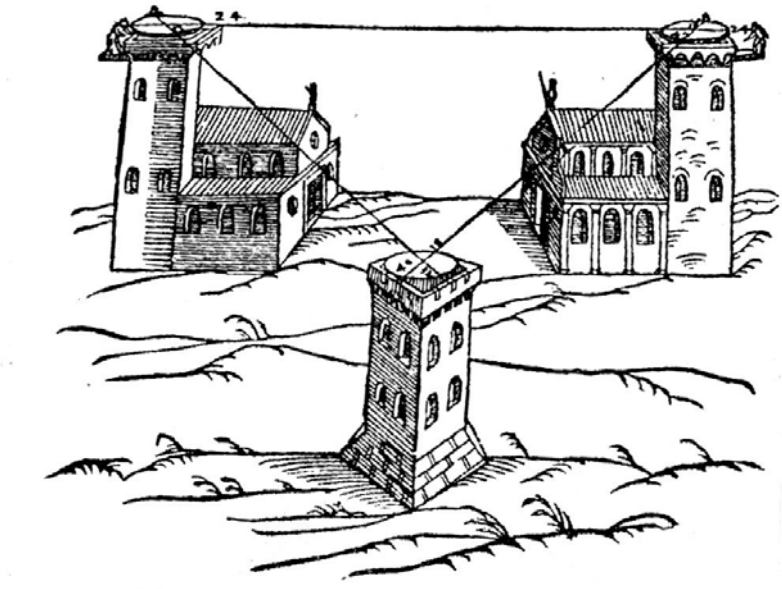


Рис. 5. Проложение полигонометрического хода

Ю. Г. Белавина
Челябинская государственная академия культуры и искусств

ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ КИНЕМАТОГРАФ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА. ДУХ, ГЕРОИ И ЦЕННОСТИ

Первые отечественные художественные фильмы стали снимать в 1908 г. – в последнее десятилетие существования царской власти. Это было неспокойное время – интеллигенция стремилась «уйти в искусство», чтобы отгородиться от явных политических и социальных проблем. Это время декадентства и упадка нравственности, о чем свидетельствуют полные трагизма предреволюционные ленты первых отечественных кинематографистов – «Крестьянская доля» (Василий Гончаров), «Сумерки женской души», «Дитя большого города», «Жизнь в смерти» (Евгений Бауэр), «Миражи», «Молчи, грусть, молчи» (Петр Чардынин) и др. В этих фильмах отражены проблемы богатства и бедности, города и деревни, показаны мелочность, хитрость, предательство, унижение нищих и моральное разложение богачей. Поразительно проникновенно в этих немых фильмах показан внутренний мир «маленького» человека.

«Военные годы принесли кардинальные перемены в эстетику русского кино, стимулировав, в первую очередь, его жанровую эволюцию. Прежний лубок окончательно уступил место мелодраме, ставшей ведущим жанром кинотворчества, весьма чуткого к перемене запросов массового зрителя. … Мелодраматические сюжеты, окончательно утвердившиеся в зрительском сознании под видом "психологической драмы", вызвали к жизни особую стилистику российских фильмов, отмеченную углубленным рисунком актерской игры и специфическим, замедленным ритмом повествования» [3]. И хотя рубеж XIX и XX вв. традиционно называют «прекрасной эпохой» и началом Серебряного века российского кино и поэзии, нельзя забывать, что это было время духовного кризиса, разочарования в прежних ценностях и ощущения бесперспективности будущего, что и привело к революции, которая кажется неизбежной при таких обстоятельствах.

После установления новой власти народ нуждался в новых героях и новых ценностях. Настало время поиска новых образов и смыслов – целая плеяда творцов-новаторов нашла применение своим талантам во всех сферах искусства. Это было время прорыва, настоящих открытий, выдвинувших отечественных деятелей культуры в авангард мирового искусства. В среде кинематографистов появились такие мастера как Лев Кулешов, Сергей Эйзенштейн, Дзига Вертов, Александр Довженко, Всеволод Пудовкин, Яков Протазанов и др. И по сей день во всем мире ни один курс режиссуры не обходится без изучения трудов Эйзенштейна и Кулешова по киномонтажу – открытия наших режиссеров в 20-е годы (манифест «монтаж аттракционов»,

«эффект Кулешова» и «географический» эксперимент Кулешова) до сих пор являются основой киномастерства, а «Броненосец «Потемкин» (С. Эйзенштейн, 1925 г.) признан лучшим фильмом всех времен и народов.

Но в то время как молодые творцы экспериментировали с формой «текста», сам текст все чаще становился объектом идеологической цензуры и к началу 30-х гг. (время появления в России первого звукового кино), свобода самовыражения была почти полностью изжита в пользу торжества «соцреализма». В фаворе были режиссеры, трудившиеся над созданием и проработкой «идеологической мифологии» [2, с. 40], часто в ущерб художественной ценности произведений, но и среди них было несколько действительно выдающихся фильмов: «Чапаев» братьев Васильевых, «Ленин в Октябре», «Ленин в 18-м году» Михаила Ромма и «Великий гражданин» Фридриха Эрмлера. В результате, советская власть, со Сталиным во главе, добилась-таки своего – были показаны новые герои, приверженцы новых идей, и народ в едином порыве готов был следовать за ними вперед, к победе коммунизма! Это, пожалуй, действительно великое время единения народного духа, и в этом заслуга великих творцов, нашедших возможности воплотить свой творческий потенциал в условиях жесточайшей цензуры и массовых репрессий (добавим, что в 1937 г. фильм С.Эйзенштейна «Бежин луг» был уничтожен).

Но был и массовый, развлекательный кинематограф, благодаря которому не остались без внимания общечеловеческие ценности. В любимых всеми фильмах Григория Александрова («Веселые ребята», «Цирк», «Волга-Волга») есть и дружба, и взаимовыручка, и жизненные курьезы. Вот он, образ советского человека: простого, отзывчивого, скромного – идеальный пример для подражания.

Но в годы Второй Мировой Войны основная кинотематика изменилась, уступив место хронике, документальным и публицистическим фильмам, укрепляющим народный дух – ленты, снятые во время войны, повествуют о героях, в роли которых мог оказаться любой: крестьянин, рабочий, ребенок, молодая девушка… («Радуга» Марка Донского, «Фронт» братьев Васильевых, «Молодая гвардия» Сергея Герасимова и др.).

Та же героическая тема продолжает развиваться и в послевоенные годы: «Подвиг разведчика» (Б. Барнет), «Повесть о настоящем человеке» (А. Столпер), «Смелые люди» (К. Юдин) повествуют об исключительных нравственных качествах и силе характера, проявленного советским народом во время Великой Отечественной Войны. Взращиваемый в 30-е гг. народный дух достиг апогея, закалившись в боях. Однако обратной стороной героизма и в кино, и в жизни общества стал культ личности Сталина, проявившийся в образе Сталина как отца народа, некого божества – война обострила и многократно увеличила значимость и ценность коммунистической идеи, а вождь народа-победителя стал буквально объектом поклонения (фильмы М. Чиаурели «Клятва», «Падение Берлина»). Пожалуй,

первым к этапу критического осмысления сталинского правления приблизился С.Эйзенштейн в своем последнем великом фильме «Иван Грозный», в котором отсыл к сталинскому авторитаризму был до такой степени явный, что вторая серия фильма была запрещена.

Но до появления массовых сомнений в своем лидере было еще очень далеко. Впереди было 20 лет культурного расцвета, время трудовых подвигов и гордости за страну, воспевание героев и ощущение непоколебимости советских ценностей. Как никогда четкими стали понятия о добре и зле, будто черно-белая пленка фильмов 50–60-х гг.: «Баллада о солдате» Григория Чухрая, прекрасные «Весна на Заречной улице» Марлена Хуциева, «Берегись автомобиля!» Эльдара Рязанова и «Я шагаю по Москве» Георгия Данелия. Настоящим шедевром, получившим единственную в истории отечественного кинематографа «Золотую пальмовую ветвь» Каннского фестиваля, стал фильм Михаила Калатозова «Летят журавли» (1957 г.).

Итак, отечественный кинематограф, стартовав на 10 лет позже европейского, мощно заявил о себе в 20-е гг., положив практическую и теоретическую основу монтажа, породив высочайшие по силе драматургии киноленты послевоенного периода, тем самым подняв культуру тогда еще молодого советского государства и сплотив прежде разобщенный народный дух.

1. Зак, М. Е. Русское кино. Послевоенные годы / М. Е. Зак [электронный ресурс]. – Режим доступа:http://www.russkoekino.ru/books/ruskino/ruskino-0005.shtml – Дата обращения: 20.06.2011.
2. Федоров, А. В. Российское кино: очень краткая история / Total DVD. 2002. – № 5. – С. 38–45.
3. Янгиров, Р. М. Русское дореволюционное кино: энциклопедия отечественного кино / Р. М. Янгиров [электронный ресурс]. – Режим доступа: http://russiancinema.ru/template.php?dept_id=15&e_dept_id=6&text_element_id=53 – Дата обращения: 20.06.2011.

А. А. Ваганов
Челябинская государственная академия культуры и искусств

ПЕРВЫЕ МУЗЕИ ЧЕЛЯБИНСКА

В 2011 г. – юбилей города Челябинска. Это хороший повод для углубленного изучения истории родного города, истории его культуры.

Формирование музеев в Челябинске началось в начале XX в. Первым музеем, открытым в нашем регионе стал музей наглядных пособий. Во второй половине XIX – начале XX в. многие гимназии не могли обеспечить учителей естествознания даже минимумом наглядных пособий. Даже если такой кабинет и имелся, учителя должны были владеть методикой использования наглядных пособий в учебном процессе. Часто во избежание порчи предметов начальство гимназии не разрешало носить их в класс. Выходом из сложившейся ситуации стали музеи наглядных пособий. Главная задача такого музея состояла в том, чтобы облегчить и сделать более продуктивным преподавание предметов, требующих учебных пособий.

Еще в 1902 г. непременный член общества инспектор народных училищ М. М. Данилов, зная, как сильно страдает в учебных заведениях Челябинска преподавание многих предметов без наглядных пособий, задумал организовать передвижной музей наглядных пособий при Обществе попечения о начальном образовании в городе Челябинске. Но смерть помешала ему осуществить задуманное, и до начала 1908 г. данный вопрос не поднимался.

В феврале 1908 г. на учительском собрании в помещении первого мужского начального училища преподавателем этого учебного заведения В. И. Балакиным был поднят вопрос об организации музея наглядных пособий для школ города. Предложение Балакина было принято, и собранием было постановлено обратиться за помощью по организации музея к городскому самоуправлению и к Обществу попечения о начальном образовании. Просьба учителей была внесена на обсуждение правления общества в ближайшем заседании, где была встречена сочувственно и передана затем на обсуждение годичного Общего собрания 30 мая 1908 г. Общее собрание единогласно постановило организовать музей. Оборудование его было поручено Правлению Общества. Желая как можно целесообразнее составить список необходимых наглядных пособий для музея, Правление Общества обратилось за помощью к учителям начальных школ и городских училищ города. Наступление лета помешало немедленному исполнению постановления общего собрания, поэтому список требующихся учебным заведениям города наглядных пособий был составлен только к осени 1908 г.

Так как ни учителя, ни члены правления не имели надлежащих сведений об оборудовании учреждений данного типа и не могли судить по каталогам о пригодности большинства пособий, Правление общества командировало в Петербург и Москву сотрудника, которому было поручено на месте ознакомиться с организацией и оборудованием подвижных музеев, и заказать по совету опытных людей лучшие пособия.

Это поручение правления было исполнено, и к концу 1908 г. музей был пополнен наглядными пособиями по анатомии человека, зоологии, ботанике, географии и этнографии и русскому языку. Весь музей разделили на 11 отделов: «Закон Божий», «История», «Минералогия и геология». «Физика и химия», «Анатомия человека», «Зоология», «География и этнография», «Ботаника», «Технология», «Русский язык», «Арифметика и геометрия».

Планировалось, что персонально деятельностью музея будет выдача пособий для временного пользования. Затем, так как продуктивное пользование картинами и коллекциями музея тесно связано с использованием научно-популярных сочинений, первой задачей предполагалась организация при музее библиотеки, что было характерной чертой многих музеев наглядных пособий того времени. Второй задачей музея было обслуживать уезд находящимися в нем учебными пособиями, удовлетворяя отдельно каждую группу школ. Третьей задачей музея была организация научно-популярных бесед о его коллекциях [1; 10].

Учитывался опыт и других музеев учебных пособий. Так, в основу деятельности музея предполагалось положить «даровой труд», который должен был обеспечить жизнеспособность организации и ее «эластичность в приспособлении к запросам жизни».

Основным источником финансирования музея было общество попечения о народном образовании. В его отчете за 1909 г. в главе «Деятельность общих собраний» сообщается, что на музей наглядных пособий было ассигновано 100 руб. На заседаниях правления общества обсуждались вопросы, касающиеся приобретения наглядных пособий для музея, разрабатывались правила пользования пособиями и вообще все, что касалось его организации [2; 4].

Еще одним источником пополнения коллекции были пожертвования. Например, в 1909 г. в музей были пожертвованы коллекции по минералогии, 3 стереоскопа и стереоскопические картины.

Источниками финансирования музея наглядных пособий были и различные платные мероприятия. Например, согласно отчету правления общества попечения о начальном образовании за 1908 г. говорится, что 23 ноября 1908 г. в пользу музея наглядных пособий был устроен концерт, с которого поступило 186 руб. 77 коп. [1; 8]. В выпусках газеты «Голос Приуралья» за 1909 г. упоминаются три таких спектакля. Следует отметить, что благотворительный спектакль не мог быть устроен без разрешения учебного начальства.

Подготовительные работы к открытию музея удалось завершить только к 1909/1910 уч. г. Сама выдача предметов первоначально не была отрегулирована: «каждый приходил брать пособия в то время, которое находил для себя более удобным, также и не было определенного лица которое следило бы за выдачей» [2; 12]. Позднее, на одном из заседаний правления решено было установить определенные дни и часы для посещения музея. Было организовано анкетирование учащихся на предметы выявления удобного для них времени для посещения музея. С октября 1909 г. музей стал функционировать по вторникам и пятницам с 4 до 6 часов вечера. В 1913 г. график его работы изменился, и он стал работать по вторникам и четвергам с 5 до 6 часов вечера. Ввиду отсутствия средств на оплаты наемному лицу выдачей занимались члены общества А. В. Аксенова, З. В. Берестова, М. К. Мрачковская, А. О. Сурьянова. Пособия выдавались только бесплатно и только училищам, ввиду малого количества предметов.

Первоначально, музей располагался в тесном помещении в здании 1-го мужского низшего начального училища. В октябре 1909 г. один из членов общества С. Г. Аксенов предложил под музей нижний этаж своего дома, и в конце октября этого года музей перешел в новое двухкомнатное помещение. В августе 1911 г. экспонаты музея и его оборудование были перевезены в Народный дом.

Важным делом правление считало привлечение к работе в музее детей. В его отчете за 1909 г. указывалось: «Очень важно было бы, чтобы в

работах по музею приняли участие сами учащиеся, а с какой охотой дети работают в неурочное время и по своему личному желанию, видно из следующего примера: так ученицами 1-го женского училища было вырезано и наклеено на картоне много картин из «Нивы» и других журналов. Эти картины, следует упомянуть, сделались любимыми пособиями для учащихся. По картинкам дети младшего отделения составляют рассказы, а в старших отделениях по ним пишут изложения. Картинки эти заставляют работать детские головки, развивают в них наблюдательность, воображение, а также дают детям возможность проявить творчество их мысли» [2, с. 14]. Сковывало эту деятельность только отсутствие специалиста по ней.

Потребность в народном музее сохранялась еще долгие годы. Благодаря деятельности его заведующей В. К. Залтарской он был сохранен и в 1919 г. передан губернскому музею местного края, где на его основе был образован отдел, которым руководила с марта 1921 г. учительница А. Ф. Сурьянинова. В 1929 г. он был преобразован в самостоятельный «Кабинет по народному образованию».

Роль школьных музеев наглядных пособий на определенном этапе развития народного образования огромна. Они позволяли привлекать внимание к науке многих учеников разных учебных заведений. Они также позволяли энтузиастам отдавать свой труд, силы и время любимому делу.

Еще один музей существовал в торговой школе, которая была открыта местным биржевым комитетом в Челябинске в 1909 г. для обучения конторских служащих и приказчиков.

При ней имелись согласно ее уставу товарный музей и собрание учебных пособий. [3; 1] Музей пополнялся разными способами. Так, в протоколе заседаний попечительского совета школы от 27 апреля 1909 г. написано: «Инспектором был сообщен список фирм, которые уже давали пожертвования образцами для товарных музеев коммерческих учебных заведений. Постановлено послать означенным и некоторым другим местным фирмам письма с просьбами о безвозмездной высылке образцов своих товаров для Товарного музея Челябинской торговой школы» [4].

И все же основным источником пополнения коллекций музея торговой школы, как и многих школьных музеев стали экскурсии. Так в отчете челябинской торговой школы за 1912–1913 гг. пишется: «…на ученических экскурсиях набраны при содействии заводовладельцев и управляющих и привезены коллекции производств: кирпичного – с Челябинского завода Н. И. Домащенко, изразцового и кафельного, с Челябинского зав. Лоренсова, медеплавильного – с Кыштымских заводов, химического – с Воздвиженского завода М. Н. Вадарской, стекольного – оттуда же, чугуноплавильного и железоделательного с Кушвинского и Чусового заводов, сухой перегонки дерева с Всеволодовильненского зав. З. Г. Рейнбот и солеваренного – с Дедюхинского зав. И. П. Валесона» [5; 44]. В своем отчете о проведенных за учебный год экскурсиях В. Н. Август резюмирует: «Ни

один завод, допустивший экскурсию, не откажет в разрешении набрать коллекцию продуктов своего производства. А такие коллекции, составленные на месте, по своему собственному выбору, всегда лучше, богаче, демонстративнее, чем выписанные на ощупь по каталогам наборы, в которых, обычно, банки и ящики производят более сильное впечатление и стоят дороже, чем их содержимое» [5, с. 88]. Итогом экскурсий стали 14 ящиков привезенных образцов и появление в школе товарного музея.

За 1913–1914 гг. музей обогатился ценными коллекциями со следующих фабрик и заводов: торговым домом «И. Лаптевъ съ С-мъ» через почетного блюстителя школы В. А. Лаптева (кожевенное производство), Невской писчебумажной фабрикой, товариществом «Братья Нобель», масляным заводом «Астра» в Петрограде, заводом «Ропс и Компания» (нефтяные продукты), Боровичским товариществ (глиняные и гончарные изделия), Кулотинской джутовой мануфактуры, Большой Костормской льняной мануфактуры, Нарвской суконной мануфактуры, Обществом «Богатырь» (резиновые изделия), целлюлозной фабрикой «Соколъ», табачной фабрикой «Лафермъ». Кроме того, как и прежде образцы товаров были привезены ученическими экскурсиями [6; 9].

Состав коллекций товарного музея можно примерно восстановить по учебному плану предмета «Товароведение». В него входило изучение топлива (дровяного топлива, древесного угля, каменного угля, кокса, брикетов), строительных товаров (леса, как строевого и поделочного товара, а также его фабрикатов: круглого пиленого и колотого леса; естественных камней, отделочных камней, кирпичей; строительного и поделочного железного товара; вяжущих товаров: извести, цемента, алебастра), осветительных товаров (свечей, лампадного масла, керосина, спирта, светильного газа, приборов для освещения, электрического освещения), смазочных товаров (животных, растительных, минеральных и смешанных смазочных масел), стекла (материалов из стекла, сортов стекла, способов выделки изделий из стекла), керамических товаров (глины, поливного товара, тяжелого фаянса, тонкого фаянса, фарфора, каменной посуды), руд металлов и сплавов (чугуна, стали, железа, меди, латуни, бронзы и т. д.), прядильных сырых товаров (хлопка, льна, пенки, джута, шерсти, шелка), мануфактурных товаров (пряжи, нитей), химических товаров (кислот, солей, красок, смол, скипидара, олифа, крахмала, клея), кожевенных товаров (шкур, дубильных материалов, кожи дубленой, замши. пушных товаров), пищевых товаров, вкусовых товаров, бумажных товаров (материалов для производства бумаги: тряпья, древесной массы, целлюлозы; сортов бумаги) [7, с. 53].

В 1914 г. началась 1-я мировая война, которая сильно обострила финансовые проблемы школы. Далее последовала революция, после которой торговая школа прекратила существование. Судьба ее товарного музея неизвестна.

Существовал в нашем городе непродолжительное время до революции и естественнонаучный музей. Инициатором его создания в Челябинске стал знаменитый географ и ботаник М. Н. Крашенинников. Обычно историю создания этого музея начинают с 1913 г., но, судя по материалам газеты «Голос Приуралья», попытки создать естественнонаучный музей в нашем городе предпринимались Крашенинниковым, либо кем-то из его сподвижников и ранее.

Еще в 1908 г. в ней в разделе «Хроника» появилось сообщение: «Нас просят написать следующее. В настоящее время, когда Челябинск обзавелся средним учебным заведением, своевременно было бы любителям естествознания сплотиться и образовать местный научный кружок любителей естествознания ли даже просить открыть Приуральский отдел Географического общества, ведь последнего близ Урала нет. Оренбург нельзя считать: он по своему географическому положению для Челябинска более чужд, чем Пермь и Самара, не говоря о ближайших городах. Без сомнения, с первых дней открытия научного кружка появятся коллекции и отдельные предметы, почему будет необходимо снять особую комнату. В первое время для коллекции может быть найден свободный уголок в Реальном училище или Народном доме. Вначале комната будет закрыта для посетителей, исключая членов кружка и учащихся. Когда же соберется порядочно научных и интересных вещей можно будет допускать и публику. Будем думать, что предложение не останется без ответа, и любители естествознания откликнутся на наш призыв» [8].

В конечном счете, 5 сентября 1913 г. в Челябинском реальном училище во главе с М. Н. Крашенинниковым собрались энтузиасты, среди которых были преподаватель реального училища Я. Л. Борман, преподаватель учительской семинарии Д. В. Мошков, городской голова В. А. Семеин и др. Собравшиеся решили организовать в Челябинске естественноисторический музей и местный филиал Уральского общества любителей естествознания. Однако этим планам Крашенинникова не суждено было сбыться. 16 ноября 1913 г. попечитель Оренбургского учебного округа выступил против открытия в Челябинске филиала УОЛЕ. Тогда инициатор создания общества и музея И. М. Крашенинников вместе с членами инициативной группы обратились в совет Императорского русского географического общества с просьбой разрешить организовать в Челябинске отделение ИРГО. Музей на собрании решено было разметить в Реальном училище. Собрание этого музея состояло археологической, геологической и нумизматической коллекций, собранных энтузиастами открытия музея. Просуществовав вплоть до отъезда И. М. Крашенинникова в Москву в 1914 г., данное учреждение закрылось [9, с. 15].

Судьба геологической коллекции, по словам И. Г. Горохова, оказалась печальна. В своем письме к И. М. Крашенинникову от 2 ноября 1922 г. он пишет: «…в 1914–15 годах она была свалена в амбар при реаль-

ном училище, причем неизвестна судьба описей, этикеток и списков. В настоящее время уцелели лишь останки этой коллекции, но без указаний о местах сборов и пр.» [10].

Были в Челябинске и другие музейные проекты. Так, в 1913 г. одним из ходатайств инспектора народных училищ Челябинского района перед городским самоуправлением стало учреждение в одном из новых училищных зданий школьного педагогического музея для ознакомления учителей «с последними усовершенствованиями в школьном деле» [11]. В 1915 г. преподаватель женской гимназии П. П. Мегорский в докладе Челябинской городской думе впервые сформулировал идею создания в городе художественного музея [12]

Таким образом, подводя итоги, можно сделать однозначный вывод о том, что музейная жизнь в Челябинске развивалась вместе с городской культурой. Источниками ее развития стали частная инициатива и поддержка местных органов власти. Именно в дореволюционный период складываются первые музейные коллекции и, самое главное, образовывается музейная аудитория. Первая мировая и Гражданская войны не смогли остановить процесс становления музейного дела на Урале, и в первые годы Советской власти в городе на основе дореволюционных коллекций образовывается Челябинский областной краеведческий музей.

1. Отчет правления Общества попечения о начальном образовании в городе Челябинске за 1908 г. – Челябинск: Тип. Товарищества «Приуралье», 1909. – 30 с.
2. Отчет правления общества попечения о начальном образовании в городе Челябинске за 1909 г. – Челябинск: Тип. Товарищества «Приуралье2, 1910. – 48 с.
3. Устав Челябинской торговой школы. – Челябинск: Типография Л. Б. Бреслиной, 1908. – 15 с.
4. ГАЧО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 49. Л. 13.
5. Челябинская торговая школа. Отчет за 1912–13 уч. г. / сост.: В. Н. Август. – Челябинск: Печатное дело, 1913. – 145 с.
6. Челябинская торговая школа. Отчет за 1913–14 уч. г. / сост.: В. Н. Август. – Челябинск: Печатное дело, 1914. – 145 с.
7. Челябинская торговая школа. Программы предметов, проходимых в школе. – Челябинск: Печатное дело, 1915. – 67 с.
8. Хроника. Любителям Естествознания // Голос Приуралья. – Челябинск,1908. – №26. – С. 2.
9. Боже, В. С. Краеведы и краеведческие организации Челябинска (до 1941 г.) : справ. пособие / В. С. Боже. – Челябинск: Центр историко-культурного наследия г. Челябинска, 1995. – 192 с.
10. ГАЧО. Ф. 634. Оп. 1. Д. 3. Л. 6 – 6.
11. Хроника. Ходатайства // Голос Приуралья. – Челябинск, 1913. – № 270. – С. 3.
12. Нажметдинов Д. Славный юбилей / Д. Нажметдинов // Челябинск в прошлом и настоящем. Материалы III научной краеведческой конференции 13 сентября 2006 г. – Челябинск, 2006. – С. 310.

Е. В. Ванина
Челябинская государственная академия культуры и искусств

РАЗВИТИЕ ВЕРДЖИНЕЛЬНОЙ МУЗЫКИ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ АНГЛИИ XVI – XVII вв.

Увлечение культурными традициями прошлых веков, их реинтерпретация становится одной из важнейших тенденций развития современной культуры. Влияние прошлого на актуальную реальность проявляется в таких сферах как философия, религия и, несомненно, искусство. Наблюдается всплеск интереса к музыкальной культуре эпохи Возрождения и барокко. Однако, несмотря на то, что она достаточно широко представлена современным музыкознанием в контексте общеисторической динамики, здесь есть своего рода белые пятна. Одним из таких неизученных пластов является музыка английских верджинелистов второй половины XVI и начала XVII в.

Обостренная противоречивость общественной жизни этого периода явилась следствием особенно бурно протекавшего здесь перехода от феодализма к капитализму, во многом обусловленного реформацией. Это вело к быстрому освоению новых технологий и европейских достижений, определявших стандарты комфорта, светской моды и образа жизни, сыгравших в конечном итоге, свою роль в формировании облика новой изысканной аристократической культуры.

Очевидно, что музыкальная жизнь рефлексивно отображала мощный культурный перелом, имевший место в Англии и обусловленный развитием и взаимодействия гуманизма и реформации. Англиканская церковь, будучи вполне приемлемой для большинства гуманистов, представлявших буржуазно-дворянское направление общественной мысли, сохранила традиционную для католической службы пышную обрядность, торжественную литургию и органную музыку. Параллельно с новой духовной культурой появляются и новые системы ценностей, провозглашающие культ разума и духовное освобождение человека от пут догматизма и церковных предрассудков, торжество светского начала над религиозным. Сама королева Елизавета I содействует активному развитию светского искусства, которое приобретает огромное общественное значение и не уступает зрелищностью, пышностью, театральностью традициям англиканской церкви.

Музыка становится неотъемлемой составляющей повседневности различных слоев общества. Без знания музыкальных основ светское образование было неполным: «… профессиональное занятие музыкой считалось делом, недостойным дворянина, хотя воспитанный человек должен был уметь рассуждать о музыке, а главное – петь и играть на каком-либо инструменте» [2, 20]. Подтверждением возрастания роли музыки в образовательной сфере стало введение звания «бакалавра музыки» и «доктора музыки» одновременно в Кембриджском и Оксфордском университетах. Так, например, бакалаврами Оксфордского университета значились Томас

Морли, Джон Доуленд, Томас Томкинс, Джон Булл и др. Звания «доктора музыки» были удостоены Орландо Гиббонс и Джон Булл. В 1626 в Оксфордском университете, а позже в 1644 – в Кембриджском были открыты кафедры музыки. Конечно, происходящие перемены во всех сферах жизни страны, связанные с идеями гуманизма, оказали влияние не только на расцвет национального самосознания и экономического могущества страны, но и на активное развитие культуры и национальной музыкальной школы, создав благоприятную почву для становления и культивирования верджинельной музыки.

В Англии пребывало множество иностранных музыкантов. При дворе Елизаветы I работали венецианские семейства Бассано и Лупо, композитор из Болоньи Альфонсо Феррабоско, а также французы – Жан и Никола Ланье. В Англию был приглашен и Джулио Каччини, известный деятель флорентийской камераты, один из первых создателей ранней оперы.

Плеяда английских верджинелистов решительно заявила о себе задолго до того, как сложилась творческая школа французских клавесинистов. Игра на верджинеле была популярна в быту аристократических кругов Англии, уже с начала XVI в. Сама королева Елизавета I превосходно владела игрой на этом инструменте. «С выдвижением композиторской школы верджинелистов в последние десятилетия XVI века, – утверждает Т. Н. Ливанова, – было положено начало собственно клавирного репертуара и клавирного стиля письма» [3, 514].

Будучи широко востребованной, музыка для этого инструмента развивалась стремительно, войдя в историю именно как *светское* искусство, при этом верджинелисты часто обращались к различным бытовым жанрам, в том числе народным. Тематический материал они черпали отовсюду, где он привлекал их внимание и пользовался известностью и успехом. В популярных сборниках того времени встречаются прелюдии и фантазии, программные произведения, связанные с определенными достопримечательностями Лондона и с действительно существовавшими лицами. Нередко это были обработки церковных напевов и светских вокальных сочинений (мадригалов) или усложненные, отточенные в композиционно-техническом отношении пьесы на темы народных песен.

Традиции придворного верджинельного музицирования были продолжены и в период царствования Якова I (1603–1625). Это время ознаменовано дальнейшим расцветом ренессансной культуры, заложенной еще при Елизавете I. Однако затем наступает затяжная пауза. Ее главными причинами являются подрыв позиции аристократии и утверждение пуританской морали. Указом английского парламента от 17 марта 1649 г. монархия была упразднена, правящий сын Якова I – Карл I – был казнен. Новое идейное движение, сложившееся в рамках протестантизма, было направлено на полное искоренение католических элементов, в том числе и художественных – церковных витражей и статуй, органов и церковной утвари.

Новая этика культивирует скромность, воздержанность, строгость к себе, непритязательность и презрение к роскоши. Пуритане выступают против «греховных зрелищ», традиционных светских увеселений, театров, маскарадов и других развлечений елизаветинской Англии. В этих условиях развитие верджинельной музыки стало практически невозможным. Ее возрождение начинается только с периода Реставрации, когда на английский престол взошел Карл II (1660–1685). Этот период представлен творчеством Генри Перселла, в полной мере воспринявшего эстетические принципы своих предшественников – верджинелистов первого поколения. Желание Стюартов превратить Лондон в подобие Версаля повлекло за собой моду на французскую музыку, в том числе клавесинную. На переплетении различных национальных традиций английская музыка достигает новых высот в своем развитии.

Итак, представляется ясным, что историческими предпосылками формирования английской верджинельной школы являются реформация, английский абсолютизм, покровительствующий развитию светской культуры, и рост внешнеполитического могущества Англии. Немаловажную роль в ее становлении сыграли также французский гуманизм и итальянская музыкальная традиция, способствовавшие формированию новых художественных запросов английского общества. Языковые и жанровые особенности музыки английских верджинелистов подчинены эстетическим эталонам светского искусства. Показательно, при этом, что их музыка не теряет связи с народной национальной культурой.

Многие стилевые особенности музыки верджинелистов были весьма перспективны. Широко освоенные на английской почве, они нашли свое последующее развитие в клавирной музыке более поздних композиторов – французских клавесинистов, итальянских и немецких клавирных композиторов XVII и начала XVIII вв. В свою очередь, непосредственные контакты Англии с другими странами делали возможным органичное сочетание заимствованных музыкальных традиций Франции и Италии с собственными достижениями. На основе накопленного англичанами опыта европейское клавирное творчество начинает развиваться особенно интенсивно, и это успешное продвижение вперед было бы невозможным без английской верджинельной школы.

1. Виппер, Р. Ю. и др. История Нового времени / Р. Ю. Виппер, И. П. Реверсов, А. С. Трачевский. – М.: Республика, 1995. – 496 с.
2. Кофанова, Е. Т. Морли и его трактат / Е. Т. Кофанова // Старинная музыка. – № 2. – 1998. – С. 20–22.
3. Ливанова, Т. История западноевропейской музыки: до 1789 года / Т. Ливанова. – Т. 1: По XVIII в. – 2-е изд. – М.: Музыка, 1983. – 696 с.
4. Фицуильямова верджинельная книга [текст] / сост. и вступ. ст. Н. А. Копчевский. – М.: Музыка, 1988. – 255 с.

К. А. Вуколова
Челябинский государственный университет

СОВЕТЫ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА УРАЛА В СОВЕТСКОЙ И РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В истории нашей страны советы народного хозяйства сыграли важную роль в качестве первых органов управления национализированной промышленностью. Серьезное значение имела также деятельность совнархозов в мобилизации экономики страны в условиях гражданской войны, в восстановлении промышленности в 1920-е гг. Высший совет народного хозяйства, а также СНХ в большинстве экономических районов Советской республики были созданы уже в первые месяцы после Октябрьской революции и фактически явились первым опытом государственного управления промышленностью на местах.

Уже с самого начала образования СНХ стала изучаться их история. Первые работы, датированные 1918–1920 гг., в целом носили практический и мемуарный характер, в качестве авторов выступали непосредственно участники строительства СНХ (члены президиума ВСНХ В. Я. Чубарь, Ю. М. Ларин, М. А. Савельев, М. Зеликман). В центре внимания историков стояли такие вопросы, как создание СНХ на местах, организация аппарата СНХ, изменения в их структуре применительно к новым условиям хозяйственной жизни.

В конце 20-х гг. в связи с индустриализацией среди исследователей повысился интерес к истории управления промышленностью, появились труды, посвященные развитию советской экономики, в которых рассматривались вопросы деятельности ВСНХ в 1918–1920 гг., давался анализ структуры и практической работы главков во время гражданской войны; оценивалась новая система управления промышленностью (1921–1923 гг.) [1].

Большой интерес представляет литература 1920-х гг., посвященная уральской промышленности. Авторы в брошюрах и, главным образом, в статьях, опубликованных на страницах периодических изданий «Народное хозяйство Урала», «Промышленный Урал», «Уральский коммунист», прослеживали процессы, происходившие в промышленности края, и оценивали деятельность органов управления ею [2].

Во второй половине 30-х гг. в экономической и исторической литературе не появилось ни одной специальной работы, посвященной истории советов народного хозяйства. Отдельные, самые общие упоминания по данной теме можно встретить лишь в некоторых монографиях и крупных коллективных трудах.

Возрождение системы совнархозов в 60-е гг. послужило стимулом к появлению новых исторических исследований. Уральские исследователи проявляли большой интерес к изучению системы управления промышленными предприятиями, поскольку в советский период Урал был одним из

крупнейших центров отечественной промышленности. Вопросы управления промышленностью рассматривались практически во всех изданиях, в которых затрагивались проблемы индустриального развития края в первое десятилетие Советской власти, нашли отражение в обобщающих трудах по истории Урала и его отдельных территорий, истории партийных и советских организаций [3]. В обобщающих трудах по истории уральской промышленности и ее отдельных отраслей проблему управления промышленными предприятиями рассматривали П. Г.Матушкин, О. А. Васьковский, Я. Л. Ниренбург [4].

Воссоздание управления промышленностью на Урале после освобождения от Колчака изучал Э. Г. Савцов, рассматривавший деятельность временного органа управления всей промышленностью края – Урало-Сибирской комиссии, а также Ю. А. Сазиков, писавший о процессе реорганизации Челябинского и Оренбургского совнархозов на началах нэпа (по принципу ВСНХ) и осуществлении политики децентрализации предприятий губерний. При этом подчеркивалось, что перевод на новые формы хозяйствования проводился строго дифференцированно, и больше половины действовавших предприятий контролировалось государством [5, с. 24].

Попытка изучить историю создания и функционирования уральских губсовнархозов в контексте исследования деятельности партийных, советских и профсоюзных организаций Урала по воссозданию системы управления промышленностью после изгнания Колчака была предпринята Г. Г. Гараевым. Автор выделил особенности создания, структуры и штатов совнархозов, подчеркнув значение органов ВСНХ на Урале [6, с. 109–114,159–164].

Одной из наиболее изучаемых проблем являлось взаимоотношение центра и регионов, которое в советской историографии заменялось исследованиями деятельности местных совнархозовских структур. Литература о деятельности местных совнархозов появляется в период их создания, хотя позднее наступает длительный период, когда из-за перехода к отраслевой и строго централизованной системе управления совнархозы выходят из поля зрения историков. В 1964 г. вышла монография Ф. В. Самохвалова, в которой автор объясняет повышение роли местных совнархозов объективными условиями. Ю. К. Авдаков анализирует деятельность губернских и уездных советов народного хозяйства, рассматривая причины уменьшения их роли (такие, как взятый ВСНХ курс на жесткую централизацию, вызванную необходимостью осуществления быстрейшего разгрома белогвардейцев) или ее повышения [7].

Жесткая централизация управления промышленностью, вызванная условиями гражданской войны, имела оборотную сторону в виде связывания инициативы местных органов. Главки ВСНХ, управляя большим числом предприятий, разбросанных по всей стране, не могли учитывать специфические условия деятельности каждого из них и осуществляли руководство по общему шаблону. Все это отрицательно отражалось на работе

промышленности, и уже в 1919 г. появилась настоятельная необходимость внесения изменений в сложившуюся практику руководства ею.

Задачи хозяйственного строительства, вставшие перед страной после гражданской войны и иностранной интервенции, потребовали объединения деятельности всех хозяйственных органов Советского государства, как в центре, так и на местах. Таким образом, как только уменьшилась военная опасность для Советской республики, то есть с конца 1919 г., в организации управления промышленностью появилась тенденция к возрождению роли местных СНХ. III Всероссийский съезд Советов народного хозяйства, состоявшийся в январе 1920 г., указал, что местным СНХ должны будут предоставить большую самостоятельность в хозяйственной деятельности (организацию производства, использование части продуктов местного хозяйства, заготовки сырья и т.д.) под общим руководством, по инструкциям и заданиям органов ВСНХ [8,с. 156–158].

Историки, которые подробно останавливались на истории создания и деятельности областных и губернских советов народного хозяйства, отмечали, что в основу образования местных СНХ был положен принцип двойного подчинения. Советы народного хозяйства являлись исполнительными органами ВСНХ на местах и одновременно были экономическими отделами местных Советов, что противоречило идее местного сепаратизма.

Специальные исследования, выполненные в рамках уральского региона по проблемам взаимоотношений местных совнархозов с ВСНХ, промышленными бюро, экономическими совещаниями, отсутствуют.

С конца 1980-х гг. начинается переосмысление сложившихся концепций и традиционных оценок системы управления промышленностью, характерных для советской историографии. Сократилось количество исследований по истории революции и гражданской войны. В этот период изучается экономическая деятельность большевиков, в частности, политика «военного коммунизма». Популярными становятся исследования экономической политики антибольшевистских правительств. К одной из самых изучаемых проблем в современной историографии относится история осуществления новой экономической политики, ее хозяйственного механизма, в том числе, организации управления промышленными предприятиями. Сохраняется и интерес к деятельности местных органов управления промышленностью.

Значительное внимание уральских исследователей было привлечено к деятельности чрезвычайных органов, созданных ВСНХ в помощь уральским организациям (УСК, БОМ ВСНХ, Уралпромбюро ВСНХ) [9]. При исследовании деятельности уже сформированных органов большее внимание уделялось процессу управления крупной промышленностью, созданию и функционированию таких органов, как районные управления металлургической и рудной промышленностью. Объекты, имевшие общегосударственное значение, оставались в ведении ВСНХ, отношения которого с губернскими совнар-

хозами рассматриваются в работах А. Л. Филоненко [10]. О деятельности непосредственно губернских советов народного хозяйства уральские исследователи писали мало, учитывая то, что в компетенцию последних входило управление средними и мелкими предприятиями, которые в отраслевой структуре промышленности Урала занимали скромное место [11,с.267].

Определенным исключением из этого правила выглядит исследование В. М. Гафуровой, в котором рассматривается эволюция деятельности уральских губсовнархозов после окончания гражданской войны, названы причины частых реорганизаций их структуры (необходимость приспособления управленческого аппарата к мирному времени, перераспределение функций от центра к регионам), выявлены отличительные черты уральских ГСНХ (создание их в критический для власти период, принцип двойного подчинения, разветвленная система низовых структур. Автор ограничивается материалами по Челябинскому и Екатеринбургскому совнархозу, что не дает общего представления об особенностях деятельности других губернских совнархозов региона, находившихся в подчинении разных органов промышленного управления [12].

Таким образом, деятельность совнархозов Урала привлекала внимание исследователей преимущественно в связи с историей ВСНХ, при изучении процессов восстановления и управления крупной промышленностью, становления советской системы хозяйствования (в контексте политики военного коммунизма, либо нэп). Значительный корпус работ, выполненных в советское время, нуждается в переоценке использовавшегося историками фактического материала и переосмыслении выводов, а современные исследования носят единичный характер. Нерассмотренными на материалах Урала остаются вопросы специфики организационного строительства губернских совнархозов, особенностей и результатов работы этих учреждений и подведомственных им предприятий на разных территориях региона.

1. Милютин, В. П. История экономического развития СССР (1917–1927) / В. П. Милютин. – М.; Л.,1929; Розенфельд, Я. С. Промышленная политика СССР (1917–1925) / С. РОзенфельд. – М., 1926; Сарабьянов, В. Н. Экономика и экономическая политика СССР / Сарабьянов В. Н. – М.; Л., 1926; Струмилин, С. Г. Очерки советской экономики / С. Г. Струмилин. – М.; Л., 1928; Федорович, М. М. Очерки по организации промышленности / М. М. Федорович. – М., 1927.
2. Иольсон, И. Очерки по истории промышленности / И. Иольсон. – Екатеринбург, 1920; Немчинов, В. С. Народное хозяйство Урала: его состояние и развитие / В. С. Немчинов. – Екатеринбург, 1923; Локацков Ф. Положение и перспективы уральской промышленности / Ф. Локацков. – Свердловск, 1925.
3. Краткий очерк истории Челябинской области. – Челябинск, 1965; Очерки истории большевистских организаций на Урале. – Свердловск, 1951;Очерки по истории Башкирской АССР. – Уфа, 1966; Очерки истории Челябинской областной партийной организации (1917–1966). – Челябинск, 1966; Очерки истории Башкирской организации КПСС. – Уфа,1973; Очерки истории Оренбургской областной организации КПСС. – Челябинск,1983.
4. Матушкин, П. Г. Урало-Кузбасс. Борьба коммунистической партии за создание второй угольно-металлургической базы СССР / П. Г. Матушкин. – Челябинск, 1966; Ниренбург, Я. Л. Восстановление и упрочение Советской власти на Урале после разгрома колчаковщины (1919–1920) / Я. Л. Ниренбург // Социалистическое строительство на Урале. – Свердловск, 1957; Васьковский О. А. Урал в гражданской войне / О. А. Васьковский, Я. Л. Ниренбург, И. Ф. Плотников, Г. В. Пожидаева, А. Т. Тертышный. – Свердловск, 1969.

5. Савцов, Э. Г. Воссоздание управления промышленностью Урала после освобождения от Колчака / Э. Г. Савцов // Вопросы экономической истории и экономической географии. – Свердловск, 1964; Сазиков, Ю. А.Совершенствование управления промышленностью в первые годы нэпа (1921–1922 гг.) / Ю. А. Сазиков // Рабочий класс и научно-технический прогресс: сб.ст. – Магнитогорск, 1974.
6. Гараев, Г. Г.Организация и совершенствование системы управления промышленностью Урала (1917–1925 гг.) / Г. Г. Гараев. – Томск, 1984.
7. Самохвалов, Ф. В. Советы народного хозяйства в 1917–1932 гг. / Ф. В. Самохвалов. – М., 1964; Авдаков, Ю. К. Организационно-хозяйственная деятельность ВСНХ в первые годы Советской власти (1917–1921 гг.) / Ю. К. Авдаков. – М., 1971.
8. Декрет ВЦИК «О местных экономических органах» // Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1957 гг.Сб. док-тов. Т. 1. 1917–1928 гг. – М., 1957. – С. 156–158.
9. Дубленных, В. В.Органы восстановления промышленности Урала (1919–20) / В. В. Дубленных // Урал индустриальный. – Екатеринбург, 1997.
10. Филоненко, А. Л. ВСНХ: идея и реальность: моногр. / А. Л. Филоненко – Магнитогорск, 1998.
11. Алексеев, С. Е. Управление промышленностью Урала в 1917 – начале 1930-х гг. (Очерки историографии проблемы) / С. Е. Алексеев, В. Д. Камынин. – Екатеринбург – Салехард, 2005. – С. 267.
12. Гафурова, В. М. Создание и трансформация органов управления социалистической промышленностью Урала (1918–1929 гг.) / В. М. Гафурова. – Екатеринбург, 2008.

Э. Т. Головина
Ставропольская государственная краевая универсальная
научная библиотека им. Лермонтова

КУЛЬТУРНО-ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ РОЛЬ БИБЛИОТЕК СТАВРОПОЛЬЯ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ СОВЕТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ (1920–1939 гг.)

Библиотека, являясь культурным, научно-образовательным и информационным учреждением, играет важную роль в обществе, обеспечивая непрерывное образование на всех уровнях, оказывая социально-психологическую поддержку населению. На протяжении всей истории библиотечного дела функции библиотек изменялись, что во многом зависело от проведения библиотечной политики государства в тот или иной период развития.

Локальный аспект проблемы создания новой концепции становления и развития библиотечной системы и формирования широкой сети библиотек по стране позволяет не только увидеть реальную картину последствий советской идеологии, но и реальное состояние культурного развития общества в многообразии его проявлений и местных особенностей.

С первых дней советской власти правительство принимает ряд постановлений, в которых закладывается принципиально иной подход к организации библиотечного дела, формированию новой библиотечной политики, характеризующийся крайней противоречивостью. С одной стороны, принимаются интересные и новаторские решения, с другой – происходит усиление жесткого идеологического контроля над работой библиотек. В 1920-е гг. государственная библиотечная политика была направлена на усиление идеологической составляющей и подкреплялась решениями VIII съезда РКП(б) 1919 г. «О программе партии» [16, с. 37] и «О политической пропаганде и культурно-просветительской работе в деревне» [16, с. 37], декретом «О централизации библиотечного дела РСФСР» [2, с. 99–111] (1920). Следуя

ленинским идеям, в декрете «О централизации библиотечного дела РСФСР» указывалась главная задача библиотек – содействие удовлетворению «всевозрастающего спроса на книгу» [15, с. 16]. Несмотря на четко выраженную культурно-просветительную функцию библиотек, этот декрет преследовал и идеологическую функцию – активная пропаганда библиотеками политики партии и правительства: «сохранение, укрепление и расширение руководящего, направляющего и главенствующего положения» коммунистической партии «во всех областях культурного строительства» [18, с. 397]. Создаваемая библиотечная сеть должна была действовать под государственным контролем и охватывать большинство населенных пунктов страны. Принцип единства библиотечной сети получил законодательное оформление и на многие десятилетия вперед определил характер и пути развития советской библиотечной системы.

В 1920–1939 гг. библиотечной политике отводится культурно-воспитательная роль в условиях формирования советской идеологии, как важнейшего инструмента управления общественным настроением. Культурно-воспитательная деятельность библиотек позволяет говорить о возможностях данного вида учреждения культуры, способного оперативно реагировать на социально-политические события и эффективно влиять на общественное мнение, мобилизовать материальные и духовные ценности для решения актуальных проблем. Начало 1920-х гг. ознаменовано усилением идеологического влияния на работу библиотек со стороны Советского правительства, чему способствовали постановления ЦК ВКП(б): «Об обслуживании книгой массового читателя» (1928), [15, с. 40–42] «О мерах по улучшению библиотечной работы» (1929) [15, с. 103–104]; постановления Совнаркома РСФСР: «О работе массовых библиотек» (1932), [19, с. 7] «О сельских библиотеках» (1935) [19, с. 7]; постановление ЦИК СССР «О библиотечном деле в Союзе ССР» (1934) [20]. Идеологическое влияние на работу библиотек подкреплялось также и материально, выделялись средства не только на общеобразовательную, но и политико-просветительную работу, которая проводилась среди населения. Если расходы на массовые библиотеки СССР в 1927 г. составляли 102 млн. руб., то на политико-просветительную работу, в расчете на одного жителя, было израсходовано почти в 4 раза больше средств – 5, 34 руб. [11, с. 147].

В 1920–1930-е гг. была развернута работа по созданию очагов культурно-политического просвещения, проходившая под руководством партийных органов. В работе библиотек должно было быть «открыто признано главенство политики коммунистической партии».[18, с. 399] Определенную роль в формировании библиотечной политики в данный период времени сыграли работы В. И. Ленина и Н. К. Крупской, посвященные деятельности библиотек. Библиотечная политика становится государственной и официально осуществляется в соответствии с централизованной системой управления, исключительно органами партийной и государст-

венной власти. В резолюции I Всероссийского съезда по внешкольному образованию (май 1919 г.) подчеркивалось о необходимости ведения библиотекой пропаганды коммунистических идей и говорилось, что «библиотека должна вести работу: социально-политическую и социально-экономическую» [1, с. 236].

В 1920-е гг. перед библиотеками Ставрополья, также как и перед библиотеками всей страны, выдвигаются новые задачи и требования, которые, наряду с культурно-образовательной и просветительной функциями, стали включать в себя и культурно-политическое просвещение. С начала 20-х гг. все более четко прорисовывается новая – идеологическая функция, которая выражается в руководстве чтением. Идеологическое просвещение народных масс приобретало все более активный характер и направлялось в сторону воспитания человека нового социалистического общества, чему должны были способствовать идейно выдержанные фонды библиотек. В сентябре 1920 г. в Ставропольской Центральной Советской общественной библиотеке, несмотря на ее тяжелое положение, нехватку литературы, был открыт отдел общественно-политической литературы.[3, с. 259]

В Ставропольском округе, как и на всем пространстве СССР, в конце 20-х гг. наблюдалось постепенное усиление цензуры и пропаганды. С одной стороны – широкая демократизация библиотечного дела и ликвидация неграмотности, с другой – тотальное господство коммунистической идеологии, превращение всех библиотек общественного пользования в опорные пункты партийной пропаганды и политики. Своеобразной завуалированной цензурой являлись и чистки фондов библиотек, которые проводились с первых дней Советской власти. В целом чистки библиотечных фондов являлись деятельностью государственной власти по укреплению своих приоритетов и позиций в обществе. Чистки фондов во многом были определены общеполитическими явлениями того времени. Если внутригосударственная обстановка менялась, то менялась и политика чисток, что наглядно отражено в книге М. Н. Глазкова «Чистки фондов массовых библиотек в годы советской власти» [12, с. 4]. Нередко при чистке фондов имели место перегибы, так в записке Н. К. Крупской в коллегию Наркомпроса РСФСР говорилось о недопустимости изъятия из состава библиотек, наряду с трудами К. Маркса, Ф. Энгельса, книг Л. Н. Толстого, Д. И. Фонвизина, К. А. Поссе, Д. Рескина, Ф. Ницше и др. [13, с. 70]. Уже к 1926 г. в связи с чистками общее число томов в библиотеках «довольно сильно понижается» [17, с. 21]. По результатам чисток библиотеки были наполнены соответствующей общественно-политической и агитационной литературой, о чем было доложено руководству страны [15, с. 22].

Работа библиотек Ставрополья в 1920–39-е гг. была многоплановой и включала в себя не только распространение новых книг, научно-популярной и специальной литературы, но и культурно-воспитательную деятельность: организацию книжных выставок и мероприятий, приурочен-

ных к дням рождения вождей революции, известных писателей, празднование знаменательных революционных дат. «В своей культурно-воспитательной деятельности библиотека должна стремиться закладывать в народной массе основу социалистического мировоззрения…» [6]. Всем Областным Окружным и районным Политпросветам было рекомендовано, «учитывая важность культурно-воспитательной деятельности библиотек, регулярно проводить с населением такие виды массовой работы, как громкие читки, беседы, доклады, вечера вопросов и ответов, спектакли и концерты, вечера молодежи, книжные выставки, консультации» [8].

Особое внимание государственной политики в 1920-39 гг. было уделено сельским библиотекам, это связано с двумя причинами: 1-я – в 1924 г. на XIII съезде РКП (б) было объявлено о необходимости «спайки города и деревни» [15, с. 184], 2-я – именно сельская библиотека была одним из центров просвещения на селе, не только культурно-воспитательного, но и идеологического. В постановлении ЦК РКП(б) «О деревенских библиотеках и популярной литературе для снабжения библиотек» (сентябрь 1925 г.), [15, с. 35–37] предлагалось местным партийным организациям принять необходимые меры по формированию новых крестьянских библиотек и библиотек-передвижек в деревне, что позволило бы предоставить возможность широкому кругу сельских жителей знакомиться с мировыми и региональными новостями из прессы. Наряду с этим, главной целью библиотек оставалась широкая пропаганда государственной идеологии, «…классовый подход при решении различных вопросов» [4, с. 19]

В Ставропольском округе для сельских библиотек рекомендовалось проводить закупку книг с соответствующими правительственными требованиями по содержанию литературы. Новая литература должна была включать в себя сведения о том, что будет представлять из себя социалистическая деревня и как ее строить: сведения по коллективизации и организации труда в колхозах, о роли бедняков и середняков в управлении коллективным хозяйством и о методах уничтожения зажиточных крестьян, как класса [9]. В нормативных документах, приходящих из краевого центра, указывались издательства, в которых можно было заказывать литературу для библиотек. В первую очередь заказы рекомендовалось посылать в окружные издательства «Коопкнига», «ГИЗа» и «Книгоуправление». Закупка книг у других издательств запрещалась в связи с угрозой распространения «идеологически вредных изданий» [10].

Для ведения работы непосредственно в идеологическом направлении среди населения создаются партийные библиотеки при парткомах [22, с. 193]. Работа партбиблиотеки Ставропольского губкома РКП (б) выполняла культурно-воспитательную роль и включала в себя как массовые мероприятия, так и индивидуальное информирование. В отчете за 1924 г. Ставропольский губком РКП(б) сообщал о недостатке средств на нужды библиотеки, «снабжение литературой рабочих практически невозможно в связи с от-

сутствием популярной литературы по интересующим рабочую среду вопросам». Литература партбиблиотеки использовалась для выставок на тему истории Октябрьской революции, в дальнейшем планировалось выделение литературы для устройства «Уголка В. И. Ленина» [14, с. 193].

Особая роль библиотек в проведении социально-воспитательной и культурно-просветительской работы с сельским населением отводилась массовой работе, которая имела глубокое культурно-воспитательное значение. Бюро Крайкома ВКП(б) рекомендовало всем библиотекам края «организовать в избах-читальнях читки газет и журналов, работу справочных столов, оборонные, антирелигиозные кружки, постановку лекций и докладов на международные темы, привлекая для работы учителей, агрономов, врачей и др. культурные силы деревни, лучший опыт работы изб-читален, делая достоянием политпросвет учреждений и всего района» [5]. Данного рода мероприятия играли большую культурно-воспитательную роль. Например, «в день 10-й годовщины Красной Армии по всем селам Ставрополья проводятся массовые демонстрации, после которых устраиваются силами рабочих и крестьян, красноармейцев и молодежи спортивные и стрелковые состязания. После демонстрации в избе-читальне проводится митинг на тему «Красная Армия, ее история и заслуги перед нашей революцией». Вечером в избе-читальне устраиваются концерты» [7].

Следует отметить, что к концу 1930-х гг. сеть массовых библиотек на Ставрополье резко возросла: в 1939 г. в крае насчитывалось уже около 1000 домов культуры и изб-читален, 637 государственных и ведомственных библиотек с книжным фондом почти в 7 млн томов [21, с. 146, 152, 155].

Таким образом, библиотечная деятельность Ставрополья, как и всей страны в целом, в 1920–1939-е гг. проходила в условиях усиливающейся идеологизации библиотечного дела. Тем не менее по сравнению с первыми годами советской власти к концу 1930-х гг. значительно улучшилось книгоснабжение библиотек, расширилась работа библиотекарей по обслуживанию читателей, увеличилось число культурно-массовых мероприятий, которые выполняли большую культурно-воспитательную роль в условиях формирования советской идеологии.

1. Абрамов, К. И. История библиотечного дела в СССР / К. И. Абрамов. – М., Книга, 1970. –456с.
2. Абрамов, К. И. Библиотечное строительство в первые годы Советской власти, 1917–1920 / К. И. Абрамов. – М., Книга.– 1974. – 260 с.
3. Беликов, Г. А. Облик старого Ставрополя: ист. очерки в 2 кн. / Г. А. Беликов. – Ставрополь, 2007. – Кн. 1. – 495 с.
4. Булгакова, Н. И. Сельское население Ставрополья во второй половине 20-х – начале 30-х гг. XX в.: изменения в демографическом, хозяйственном и культурном облике: автореф. дис. … канд. ист. наук / Наталья Ивановна Булгакова. – Ставрополь, 2003. – 26 с.
5. ГАНИСК Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 349. Л. 21.
6. ГАНИСК Ф. 164. Оп. 1. Д. 371. Л. 28.
7. ГАСК Ф. 300. Оп. 1. Ед. хр. 466. Л. 5.
8. ГАСК Ф. 300. Оп. 1. Ед. хр. 490. Л. 9, 11.
9. ГАСК. Ф. 2510. Оп. 1. Д. 6. Л. 5.
10. ГАСК. Ф. 602. Оп. 1. Д. 17. Л. 3.
11. Глазков, М. Н., Материальная база советских библиотек в 30-е гг. / М. Н. Глазков // Библиотековедение. – 1999. – № 7. – С. 146–149.

12. Глазков, М. Н., Чистки фондов массовых библиотек в годы советской власти (октябрь 1917 – 1939). – М.: Пашков дом, 2001. – 104 с.
13. Записка Н. К. Крупской в коллегию Наркомпроса РСФСР «О необходимости внесения изменения в инструкцию о пересмотре книжного состава библиотек к изъятию контрреволюционной и антихудожественной литературы». История библиотечного дела в СССР. Документы и материалы, 1920–1929. – М.: Книга, 1979. – С. 70–73.
14. Из отчета Ставропольского губкома РКП(б) о работе партийной библиотеки. История библиотечного дела в СССР. Документы и материалы, 1920 – 1929. – М.: Книга, 1979. – С. 193–196.
15. История библиотечного дела в СССР. Материалы и документы 1920–1929. – М.: Книга, 1979. – 294с.
16. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898 – 1970. – Изд. 8-е, доп. и испр. – М.: Политиздат, 1970. –168 с.
17. Крупская, Н. К. Педагогические сочинения: в 10 т. Т. 8 / Н. К. Крупская. – М.: Акад. пед. наук, 1960. – 760 с.
18. Ленин, В. И. Речь на Всероссийском совещании политпросветов губернских и уездных отделов народного образования // Полн. собр. соч. / В. И.Ленин. – Изд. 5-е. – М.: Политиздат, 1974. – Т. 41. – С. 397–415.
19. Руководящие материалы по библиотечному делу. – М.: Книга, 1988. –268 с.
20. Свод Законов СССР. – 1934. – № 18. – Ст. 141.
21. Ставрополье за 40 лет Советской власти. – Ставрополь, 1957. – 216 с.
22. Циркулярное указание ЦК РКП(б) о распределении литературы подотдела партбиблиотек при Агитпропе. История библиотечного дела в СССР. Документы и материалы, 1920–1929. – М.: Наука, 1979. – 294 с.

Р. А. Давлетшин, Р. А. Аккубекова
Уфимский государственный авиационно-технический университет

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА И МОЛОДЕЖЬ В СЕЛЕ

Весть о нападении Германии сильно встревожила весь народ. В один день все как-то изменились: мужчины посуровели, подростки повзрослели, дети притихли. Люди пожилого возраста вспомнили начало войны с Германией в 1914 г.

Уже 22 июня началась мобилизация. Многие молодые парни рвались на фронт, они искренне верили, что Красная армия быстро разобьет врага и они очень скоро вернутся домой с победой. Здесь сказалась пропаганда предвоенных лет. Лишь старики, участники Первой мировой войны, понимали, что немцев не так просто победить.

В связи с войной деревня столкнулась с огромными трудностями. Резко сократились людские ресурсы села: мужчины призывного возраста ушли на фронт, многие молодые девушки были мобилизованы в промышленность и на стройки. На нужды фронта была изъята большая часть тракторов, автомашин, лучшие кони. Только в 1941 г. Красной армии было передано более 50 тыс. лошадей, 10 тыс. тракторов и автомашин, 10 тыс. повозок [1]. Деревня осталась без тягловой силы.

Эти обстоятельства потребовали экстренных и неординарных мер. Прежде всего партийные и государственные органы ужесточили контроль над деревней. В ноябре 1941 г. были восстановлены политотделы МТС и совхозов. Они обязаны были, наряду с органами безопасности, следить за политическим настроением населения, соблюдением трудовой дисциплины и т. д.

Основной проблемой перестройки сельского хозяйства в условиях войны являлось максимальное вовлечение в производство населения, повышение интенсивности труда. В колхозах были увеличены нормы выработки обязательных трудодней почти в 1,5 раза (до 120). Они были установлены и для подростков от 12 до 16 лет. Не выработавшие без уважительных причин минимума трудодней привлекались к суду. В производство вовлекаются пожилые люди.

Основная тяжесть легла на плечи женщин. Они стали выполнять работы, которые до этого считались мужскими. Ветеран колхоза «Комсомолец» (Мечетлинский район) Х. Хабибов вспоминал: «…начиная с 1942 г. обработка земли, сев, прополка, уборка урожая, заготовка кормов, уход за животными на фермах, рубка леса, перевозка горючего на лошадях со станции Сулея на расстоянии 96 км легли на плечи женщин и подростков» [2]. В первые же месяцы войны в стране родился клич: «Женщины, на трактор!». При МТС открывались краткосрочные курсы по подготовке механизаторов из женщин. Срок обучения на них был сокращен по сравнению с довоенным периодом в 4–5 раз: для трактористов 25 дней вместо 4–5 месяцев, для комбайнеров 35 дней вместо 5–6 месяцев. Естественно, знания они получали неглубокие, и это осложняло в дальнейшем работу на тракторе и комбайне. К тому же техника того времени была несовершенной и требовала большой физической силы. К уборке урожая 1941 г. на таких курсах было подготовлено более 13 тыс. трактористов, комбайнеров и их помощников. В апреле 1943 г. только в МТС республики насчитывалось около 4,5 тыс. женщин-трактористок, 1200 комбайнеров и более 1700 помощников комбайнеров, заканчивали учебу более 9,3 тыс. человек [3]. Уже 9 июля Мраковская МТС (Кугарчинский район) организовала месячные курсы трактористов и комбайнеров, которые окончили 137 женщин. Они проработали всю войну. Это трактористки Г. Амангильдина, Г. Кайсарова, С. Саиткулова и др. [4] К концу войны среди трактористов женщины составляли около 60 %, а среди комбайнеров и их помощников – 48 % [5].

С началом войны резко усилился административный нажим на деревню. Утвердилась приказная система. Райкомы партии снимали и назначали председателей колхозов по своему усмотрению, диктовали, когда, что и сколько сеять, когда убирать урожай. Но их главной задачей было изъятие как можно больше продукции. Поэтому потребности хозяйств в материально-технических ресурсах, рабочей силе не учитывались, равно как и зональные природно-климатические особенности районов. Колхозам и совхозам спускались сверху нереальные, заведомо невыполнимые задания. В районах создавались так называемые чрезвычайные хлебные «тройки» в составе представителя райкома ВКП(б), райисполкома и райкома комсомола. Ее члены были обязаны проверять ход уборки и сдачи хлеба государству, имели право принимать на месте любые принудительные меры.

В 1941 г. на полях республики созрел хороший урожай. Нужно было его убрать без потерь и досрочно сдать государству. Можно сказать, что исход войны решался не только на полях сражений, но и на хлебных полях. К уборке урожая были привлечены все трудоспособные женщины, престарелые, дети. Большую помощь оказывали горожане. Осенью около 45 тыс. рабочих и служащих предприятий и учреждений выехали в колхозы и совхозы [6]. Начало занятий в вузах и техникумах было перенесено на 15 октября и все студенты и преподаватели работали на уборке урожая. Следует отметить, что это новшество, начавшееся в экстремальных условиях военного времени, стало традицией и продолжалось вплоть до начала 1990-х годов. Большую помощь колхозам и совхозам оказали школьники.

Отдельные колхозы к октябрю закончили уборку урожая первого военного года. Работа шла от зари до зари. Однако во многих районах обмолот хлебов затянулся до конца декабря. Более 50 тыс. га хлебов осталось под снегом. Несмотря на это из урожая 1941 г. государству было сдано 52,6 млн. пудов, т. е. намного больше, чем в довоенные годы [7].

Несмотря на горький опыт 1941 г., нехватку техники, тягловой силы и рабочих рук, был взят курс на увеличение посевных площадей. Это было принципиально неверное решение. Ценой огромных усилий в 1942 г. колхозам удалось увеличить посевные площади зерновых на 336,4 тыс. га [8]. Однако часть посевов погибла из-за засухи, большие площади остались неубранными. В итоге зерновых и бобовых было собрано в 2,6 раза меньше, чем в предыдущем году [9]. Поэтому в последующие годы посевные площади не увеличивали, наоборот, они сокращались. Однако ежегодно часть урожая оставалась под снегом. Так, в 1943 г. не было убрано 230 тыс. га, в 1944 г. – 177 тыс. Резко упала урожайность зерновых и бобовых: если за 1937–1940 гг. она составила в среднем 8,5 ц с га, то в 1941–1944 гг. – лишь 4,7 ц с га [10]. В результате падали валовые сборы зерна и объемы его сдачи государству. Порой план сдачи зерна выполнялся за счет семенного фонда. Это вынуждало колхозы весной обращаться к государству за семенной ссудой, занимать семена у соседей. Государство не отказывало в ссуде. Трудность заключалась в том, что весной семена приходилось таскать на себе или возить их на маленьких санках женщинам из ближайшей железнодорожной станции за несколько десятков километров по грязи. Часть планы сдачи зерна (как правило, нереальные) пытались выполнить за счет фонда оплаты труда.

На трудодни выдавалось намного меньше зерна и денег, чем до войны. По республике средний размер оплаты по трудодням изменялся следующим образом (без трактористов) [11]:

Год	**1940**	**1942**	**1943**	**1944**	**1945**
Зерно, кг	1,9	0,307	0,387	0,385	0,723
Деньги, руб.	0,40	0,41	0,47	0,34	0,26

Однако за этими средними показателями скрывались большие различия. Так, в 1945 г. число колхозов с выдачей на трудодень до 100 г составило 128, от 101 до 300 г – 387, от 301 до 500 г – 717, от 501 до 700 г – 1722 и т. д. Были колхозы, которые не выдавали на трудодни ни одного грамма. В письмах на фронт часть говорится о невыдаче хлеба на трудодни в течение ряда лет. Сколько же получал мужчина за год работы в колхозе? В 1943 г., например, большинство мужчин выработало до 400 трудодней. Значит, они получали до 154 кг зерна и до 188 руб. деньгами. В течение года многие получали авансы, и в конце года им ничего не причиталось, а некоторые даже оставались должниками. В конце 1945 г. более 214 тыс. колхозников и трактористов были должны колхозам за прошлые годы 278 тыс. ц зерна [12].

Между тем начиная с ноября 1943 г. по карточкам рабочим в городах полагалось на день 500–700 г хлеба, служащим – 400–450 г, детям и иждивенцам – 300 г. Средний месячный заработок в промышленности в 1945 г. составлял 470 руб. Хлеб в пределах пайка можно было купить по карточкам от 75 коп. до 1 руб. 15 коп. [13]. Как видно, колхозники стали людьми второго сорта. Налицо была социальная дискриминация.

Бывший первый секретарь Башкирского обкома КПСС, затем заместитель Председателя Совета Министров СССР З.Н. Нуриев, описывая свою поездку в Кигинский район, пишет: «Мы …были потрясены, когда увидели у дороги несколько трупов. Видно, эти люди упали, обессилев от голода и замерзли» [14]. Это было в декабре 1943 г.

Самым тяжелым периодом для крестьянства была зима 1943–1944 гг. В «Справке», подготовленной для секретаря ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкова (март 1944 г.), отмечалось: особенно в трудном положении находится татаро-башкирское население зауральских районов, пострадавших от засухи, и мало занимающееся посевом картофеля и овощных культур. Имеется много случаев дистрофии и смертности от истощения. В Матраевском районе без продуктов находятся 360 хозяйств, в которых 1454 члена. Из них от систематического недоедания опухло 672 человека и это число растет. В районе 18 случаев смертности от голода. В Хайбуллинском также отмечены факты опухания колхозников. По 32 колхозам отмечены случаи опухания, а в 8 колхозах – смертность от голода. Колхозники режут последний скот, употребляют мясо павшего скота. В Матраевском районе 62 колхозника зарезали последних дойных коров, лишив семью молока [15].

В сообщении наркома внутренних дел БАССР секретарю обкома ВКП(б) С. Д. Игнатьеву (апрель 1944 г.) говорилось: «В Белокатайском районе в Ново-Маскаринском сельсовете едят муку из коры липы и ильма, из желудей дуба. Такое же положение в колхозах Утяшевского, Айдакаевского, Яныбаевского и Ургалинского сельсоветов. Всего в районе в тяжелом положении находятся 418 семей (1689 чел.). За январь-февраль-март умерло 35 человек» [16].

В другом сообщении от 3 апреля 1944 г. нарком сообщал в обком о тяжелом положении колхозников в артелях им. Калинина, «Чишма», «Кызыл Юлдуз», «Кунгак», им. Ворошилова, им. Худайбердина Кугарчинского района, о смерти от голода детей фронтовиков [17].

По этим и другим сигналам была оказана адресная помощь. Так, Хайбуллинскому району было выделено 15,2 т хлеба, 4 т зерноотходов, Белокатайскому району – 10 т хлеба, Мечетлинскому району, где также имелись смертные случаи, – 19,6 т хлеба [18]. Помощь оказывалась прежде всего семьям фронтовиков, а потом уже другим остронуждающимся.

Сообщения о голоде содержались также в письмах тружениц на фронт своим мужьям. В одном из них (дер. Кудашево Учалинского района) говорилось: «…Мы живем очень плохо, на трудодни ни грамма хлеба не получили. Колхоз помогать и не думает. Вместо помощи они отбирают у колхозников скотину. Председатель колхоза наживается, строит себе дом и покупает вещи… сами наживаются, а колхознику хоть умирай с голоду…[19]» Учительница из Гафурийского района писала: «Люди употребляют человеческое мясо. Мы сами тоже страдаем, паек теперь получаем только 6 кг, а ребенку нет ничего, кушать хочется, нет терпения и нет сил [20]». Письмо из Илишевского района: «…у нас очень плохо, есть нечего.., 5 лет уже ни одного грамма хлеба на трудодни не давали, не мы одни голодные, а все село и даже люди опухают от голода, ничего не осталось, все распродали…» [21].

Для большинства населения основным продуктом питания стал картофель. Его потребление выросло в 2,6 раза. Дневная норма потребления в расчете на одного члена колхозной семьи в 1944 г. достигла самого низкого уровня и составила в среднем 170 г хлебопродуктов, 100 г картофеля, 431 г молока, 39 г овощей [22]. В пищу были вынуждены употреблять борщевик, щавель, лебеду, крапиву, желуди. Ели перезимовавшие под снегом картошку, собирали колосья, оставшиеся с осени. Многие заболевали септической ангиной и умирали. В одном из писем говорилось, что в селе «переели многих кошек и собак» [23].

В годы войны многих от голодной смерти спасало подсобное хозяйство. Оно стало также основным источником уплаты налогов. Из подсобного, как его называли, оно превратилось в основное. Колхозы не оказывали помощи личным хозяйствам своих членов. По-прежнему осуждались те, кто больше внимания уделял своему хозяйству, чтобы выжить.

В то же время налоги на подсобные хозяйства значительно выросли. В феврале 1942 г. Были увеличены обязательные поставки мяса для колхозных дворов. В июне 1943 г. Были повышены размеры сельхозналога в 1,5 раза. Если в 1942 г в среднем на одно хозяйство он составил 137 руб., то в 1943 г – 694 руб. [24]. Хозяйства обязаны были сдавать государству картофель, если они его выращивали, имевшие корову – молоко, державшие овец и коз – шерсть и шкуру. Мясо, яйца, кожсырье сдавали независимо от наличия скота и птицы. Семьям военнослужащих,

нетрудоспособным предоставлялись льготы. Взимание поставок было делом нелегким и неблагодарным.

В 1942 г был введен военный налог, самый обременительный для крестьян. Его платили все граждане, достигшие 18 лет. Ставки налога были дифференцированы по районам, сельсоветам и деревням в зависимости от урожайности зерновых культур, площади приусадебных посевов и количества скота. Его размеры составляли от 175 до 600 руб. [25].

Выросли подписки на военные займы, которые проводились ежегодно. Фактически они приобрели форму налога, так как проводились под сильным административным давлением. Если за пять довоенных лет население Белокатайского района приобрело облигаций займов на 2,4 млн руб., то за 1941–1945 г – на 9,2 млн [26].

Продолжали взиматься сборы на культурное и хозяйственное строительство (культсбор), самообложение. Их размеры были не велики, а култьсбор был отменен в 1943 г. В ноябре 1941 г был введен налог на холостяков, одиноких и бездетных граждан в размере 100 руб. в год.

Для сопоставления размеров разных налогов и платежей приведем данные за 1942 г, по сельским местностям. Военный налог за этот год составил почти 142 млн руб., сельхозналог – 33 млн 807 тыс., самообложение – 8 млн 67 тыс., культсбор – 6 млн 794 тыс., налог с холостяков – 2,5 млн. По займам было получено 134 млн 280 тыс. руб. [27].

Многие не могли уплатить своевременно налоги. Исследователь Б. С. Давлетбаев приводит следующий факт. Жительница дер. Большая Ока (Мечетлинский район) Б. Мустафин задолжала государству по займам 100 руб., сельхозналогу – 297 руб., военному налогу – 400 руб., по мясопоставкам – 40 кг, молоку – 80 л, картофелю – 70 кг, яйцам – 100 шт. Такие попадали в категорию «недоимщиков». Мустафина отказалась погасить свои долги из-за отсутствия средств. Тогда председатель сельсовета и налоговый агент описали ее овцу, т. е решили конфисковать единственную овцу в счет погашения недоимок [28]. Таких примеров можно привести великое множество. Ничего подобного не было в годы Первой мировой войны. 1943–1944 гг. можно лишь сравнить со страшными голодными 1921–1922 гг. Облегчение налогового бремени наступило лишь в 1953 г после смерти Сталина.

Однако нищенское существование не освободило колхозников от почти бесплатного труда в общественном хозяйстве. Рабочий день в период уборки продолжался 14–16 часов. Полуголодные женщины серпами жали хлеб, вязали снопы и на лошадях возили их на гумно. Затем почти всю зиму обмолачивали. Несмотря на все трудности и лишения выработка трудодней росла. В 1944 г одна треть взрослых женщин выработала от 201 до 400 трудодней, 7 % – более 400, вместо установленного обязательного минимума 120 [29]. Однако если в промышленности рабочие за перевыполнение норм получали дополнительные пайки, то в колхозах этого не было.

Число колхозниц, не выработавших обязательного минимума трудодней, к 1943 г. сократилось почти в 2 раза, а выработавших от 201 до 300 трудодней выросло в 1,5 раза, от 301 до 400 – в 2 раза, более 400 – в 2,5 раза [30]. Эти цифры говорят о героизме полуголодных женщин.

Женщинам пришлось трудиться не только на полях и фермах, но и на промышленных стройках. В военное лихолетье многие, в основном молодые девушки, были мобилизованы в трудовую армию, о чем мало что известно. Из каждой деревни нескольких девушек насильно отправляли на стройки. Только из башкирской деревни Айдакаево (Белокатайский район) было мобилизовано 7 девушек-подростков. Они рыли котлованы, добывали камень из карьера в Молотовской (нынешний Пермский край) и Челябинской областях. В день им выдавали 900 г. хлеба, похлебку из капусты. Весной и летом они были вынуждены варить суп из крапивы и борщевика. Одной из них была Марфуга Фазлыева.

В 1942 г. ее отправили в Челябинск, а ей тогда не исполнилось и 15 лет. Работала на стройке. Условия работы и питания были настолько плохими, что Марфуга решила бежать. Она знала, что если ее поймают, посадят в тюрьму. В июне 1944 г. на грузовом поезде добралась до станции Ургала. Еще на узловой станции Бердяуш грабители отобрали у нее все вещи, даже поношенную обувь. И она, босая, со ссадинами на ногах, шла по шпалам до станции Ункурда. Дальше предстояло пройти еще около 100 км. У родного дома ее уже ждал милиционер. Ее посадили, но через 18 дней выпустили. В колхозе она выполняла любую мужскую работу. В 1946 г. ее наградили медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» [31].

Накануне и в годы войны деревенских юношей отправляли в школы фабрично-заводского обучения (ФЗО). Еще до войны вышел указ «О государственных трудовых резервах СССР». Он чем-то напоминал рекрутские наборы крепостнической России. Указ обязывал председателей колхозов ежегодно выделять в порядке призыва (мобилизации) по 2 человека мужского пола в возрасте 14–15 лет в ремесленные и железнодорожные училища и 16–17 лет в школы ФЗО на каждые 100 человек колхозников. Мобилизация в школы ФЗО была трагедией для сельских юношей. Повседневная жизнь учащихся этих школ была нелегкой. 12-часовая учеба и работа впроголодь, жесткая дисциплина вынуждали юношей убегать домой. Беглецов немедленно отправляли на фронт.

Таким образом, победа над врагом досталась ценой неимоверных усилий и лишений. Однако государство не оценило по достоинству беспримерный подвиг тружеников тыла. С окончанием войны в жизни колхозников долго ничего не менялось к лучшему. Победа не привела к процветанию ни деревни, ни города.

Солдаты и офицеры, вернувшись с войны, не могли не задумываться – а как же будет устроена жизнь в мирное время? Многие из них были убеждены, что колхозы распустят, что это станет выражением благодарности крестьянам и

солдатам за героизм в войне и тылу. В ЦК ВКП(б) и комсомольские организации поступали многочисленные сведения об этом. Однако все оставалось по-прежнему, нищета в деревне была страшной. Лишь немногие труженики села получили за свой беспримерный подвиг медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», которая стала игрушкой для их голодных детей.

1. Очерки по истории Башкирской АССР. Т. II. – Уфа, 1966. – С. 400.
2. Башкортостан. – 2001. – 28 фев.
3. Документы мужества и героизма: сб. документов и материалов. – Уфа, 1980. – С. 113.
4. Кугарчинский район. Вехи и судьбы. – Уфа, 2000. – С. 53.
5. Очерки по истории Башкирской АССР. Т. II. – С. 413.
6. Там же. С. 412.
7. Там же.
8. Подсчитано по: Арутюнян Ю. В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. – М., 1970. – С. 422.
9. Арутюнян Ю. В. Указ соч. С. 424, 426, 430.
10. Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (ЦГИА РБ). Ф. 472. Оп. 9. Д. 14. Л. 69об.
11. Там же.
12. Там же Л. 66.
13. Пихоя Р. Г. Москва. Кремль. Власть. Сорок лет после войны, 1945–1985. – М., 2007. – С. 31.
14. Нуриев З. Н. От аула до Кремля. Воспоминания и размышления. – Уфа, 2000. – С. 52.
15. Центральный государственный архив общественных объединений Республики Башкортостан. (ЦГАОО РБ). Ф.1 22.Оп. 24.Д. 44а. Л. 3 19, 320.
16. Там же. Л. 369
17. Там же. Л. 437
18. Там же. Д. 44. Л.303; Д. 44/а. Л. 309.
19. Там же. Д. 44. Л. 135об.
20. Там же. Д. 44/а. Л. 398.
21. Там же. Л. 401.
22. Героическое и трагическое лихолетье. – Смоленск, 2000. – С. 300.
23. ЦГАОО РБ. Ф.122. ОП.24.Д.44а. Л.431об.
24. Арутюнян Ю. В. Указ соч. С. 234.
25. ЦГИА РБ.Ф.387.Оп. 18. Д. 360. Л. 217, 221, 231.
26. Знамя колхозника. 1946. 1 мая.
27. ЦГИА РБ. Ф. 387. Оп. 18. Д. 285. Л. 1.
28. Давлетбаев Б. С. Большая Ока. История села. – Уфа, 1992. – С. 180.
29. Ахмадиев Т. Х. Башкирская АССР в годы Великой Отечественной войны. – Уфа, 1984. – С. 131.
30. Там же. С. 130–131.
31. Новый Белокатай. – 2008. – 19 марта; 7 мая.

А. Ю. Ерыкалина
Челябинский областной краеведческий музей

ГОРОДСКАЯ КУЛЬТУРА ЮЖНОГО УРАЛА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Исследование городской культуры является важным моментом для понимания современных социально-экономических процессов, происходящих в обществе, особенно в таком многонациональном государстве с обширной территорией, каким является Российская Федерация. Наша страна состоит из различных субъектов, каждому из которых свойственна своя неповторимая культурно-историческая среда, а также уникальная городская культура.

Урал имеет многовековую историю, на протяжении которой, он выполнял различные стратегические функции: охранную, торговую, промышленную, в значительной степени повлиявшие на формирование местной культуры и менталитета.

Освоение Российской империей данной территории началась еще в XVI в. Первым пришлым населением стали служилые люди – казаки, которые несли на осваиваемую землю присущую им культуру. Смешиваясь с обычаями местного татаро-башкирского, финно-угорского населения, а так же под воздействием суровых климатических особенностей закладывались основные психо-эмоциональные черты уральцев. Развитие промышленности и сельского хозяйства привнесло в культуру крестьянские стереотипы и модели поведения.

Характерной особенностью южноуральских городов является их специализация, определяющая культурный профиль (здесь мы имеем в виду развитость какого-либо промысла или характерного занятия в рамках города). Одной из самых обширных являлась горнозаводская зона, к которой принадлежали: Кыштым, Сим, Куса, Миасс и др. города с развитым промышленным производством.

Некоторые специализировались на торговле (благодаря развитому сельскому хозяйству, животноводству или географическому положению): Челябинск, Шадринск, Уфа и др. Для Кургана были характерны домашние промыслы (так как существовало развитое скотоводство, благодаря которому, процветало кожевенное, маслоделательное, пимокатное дело, ткачество и др.).

Отдельно следует выделить Оренбург ставший на рубеже XIX – XX вв. столицей губернским городом, а также Верхнеуральск являющийся военно-административным центром Оренбургского казачьего войска.

На Южном Урале были развиты различные ремесла: резьба по дереву, гончарное дело, ткачество, обработка металла и народные художественные промыслы. Многие города создали свой уникальный имидж, и стали синонимичны с той продукцией, которую производили. Например, на всю Россию Оренбург прославился пуховыми платками, а Касли благодаря технологии литья из чугуна; красивейшей гравировкой на стали, гравюрой и производством оружия стал знаменит Златоуст.

Часто один город мог сочетать в себе несколько выделенных нами критериев, поэтому данное деление во многом условно, но благодаря этому мы можем увидеть характерную и своеобразную специфику для каждого южноуральского города начала XX в.

Подобная особенность придавала индивидуальность и пестроту южноуральской городской культуре, а также отражалась внешне – в ландшафте и архитектурном облике. Например, характерным атрибутом горнозаводского города являются искусственно созданные водоемы, необходимые для горнометаллургического производства.

Начавшаяся в конце XIX в. модернизация и особенно ввод в эксплуатацию Транссибирской железнодорожной магистрали во многом способствовали трансформации провинциальных южноуральских городов, что коренным образом изменило городской социум: «…содержание и формы жизни горожан эволюционизировали…» [3, с. 38]

Благодаря модернизации ускорилась урбанизация, которая способствовала быстрому увеличению численности городского населения. Города меняли свой облик, в них возводились многоэтажные каменные здания, осуществлялись сложные в архитектурном исполнении проекты. Набирал популярность стиль модерн. Многие города благоустраивались: устанавливалось электрическое освещение, появлялись водопровод, автомобили, телефон, фотография. С открытием железнодорожного сообщения возросла мобильность населения, на Урал стали прибывать многочисленные переселенцы из других регионов. Все эти нововведения способствовали преображению и изменению внешнего вида южноуральских городов.

В то же время урбанизация имела и свои минусы. Усилилась социальная дифференциация, произошло ухудшение криминогенной и санитарно-гигиенической обстановки в городах.

Модернизационные изменения затронули не только внешнюю сторону, но главным образом, отразились на менталитете горожан. Появление нового населения ломало психологические стереотипы, эмансипировало и изменяло модели поведения южноуральцев. Деревенскую культуру начинает вытеснять – городская. «В южноуральском городе городской и крестьянский образы жизни соседствовали и противостояли друг другу одновременно» [3, с. 38].

Рассмотрим, что же представляет собой понятие городская культура? На сегодняшний день, по причине отсутствия фундаментальных работ, нет еще устоявшейся трактовки данной дефиниции. Определение емкое и может широко пониматься. Под городской культурой автор имеет в виду – некую неповторимую локальную ментальность, особую уникальную культурно-историческую среду, формирующуюся в рамках города.

Городская культура содержит две ключевые составляющие. «Одна из которых символизирует культуру материальную, другая – духовную. Материальная культура – мир вещей и предметов, созданных трудом человека (жилище, предметы обихода, одежда, транспорт и т. д.). Духовная культура – совокупный творческий опыт человечества, воплощенный в не материальных элементов. Структуру духовной культуры составляют знания, нормы и ценности» [4 с. 26].

Выше мы рассмотрели, какие изменения произошли в материальной культуре Южного Урала, теперь сосредоточим внимание на духовной составляющей городской культуры начала XX в.

Одним из показателей уровня культуры служит развитая система образования. В начале XX в. все большее количество молодежи стремится полу-

чить образование, особенно женщины. Открывались новые школы и учебные заведения разного уровня подготовки, как частные, так и государственные.

Педагоги вели большую работу в сфере распространения просвещения, благотворительности, организации разнообразных научных кружков, издании литературы, организации музеев.

Появляются новые формы проведения культурного досуга: электротеатры, театры, развивается сеть библиотек и музеев. «В 1912 г. в Оренбургской губернии насчитывалось 158 читален и библиотек, из них в Челябинском уезде – 17, Троицком – 17, Верхнеуральском – 25» [2, с. 41]. На гастроли в провинцию приезжают столичные актеры. Внимание горожан все больше привлекают различные журналы, количество которых резко возрастает к началу XX в.

Можно говорить о том, что внешние изменения, трансформировавшие южноуральские города, вызвали ответный отклик в умах горожан, навсегда меняя размеренное течение повседневной жизни городских жителей начала XX в.

Таким образом, рассмотрев основные аспекты городской культуры можно сделать вывод о том, что это одна из важнейших характеристик оказывающих значительное влияние на формирование личности. Под воздействием городской культуры у граждан формируется особая картина мира, включающая в себя систему ценностей, модели поведения, менталитет. Следовательно, для раскрытия данной темы недостаточно заниматься только рассмотрением внешних аспектов содержания городской культуры. В модернизационный, переходный период, которым является начало XX в., представляют научный интерес ментальные перевороты, произошедшие в сознании горожан, носителей городской культуры: «…только поняв мир ценностей конкретных социальных слоев и их носителей, специфичных для данного региона, мы можем понять его историю» [1, с. 35].

Исследование этого феномена является важным для понимания общероссийских многоуровневых экономических, политических и культурных процессов. Без изучения городской культуры наше представление об истории региона и государства будет неполным.

В современных условиях внимание отечественных и зарубежных ученых все более привлекает исследование городской культуры регионов. В настоящее время разработкой данной проблематики занимаются: С. С. Загребин, Г. М. Казакова, Н. Н. Алеврас, Т. А. Андреева и др. В последнее время вышли диссертационные исследования: Т. В. Раевой «Эволюция южно-уральского города (1900–1914 гг.)»; Н. М. Шабалиной «Развитие центров народных художественных ремесел русского населения на Южном Урале (вторая половина XIX – середина XX в.)»; А. Р. Касимовой «Духовная жизнь городов Южного Урала конца XIX – начала XX в.»; Н. Ю. Детковой «Духовная жизнь малого провинциального города (на примере г. Шадринска первой половины XX в.)» и др. В своих работах ав-

торы рассматривают развитие духовной культуры, прослеживают влияние модернизации на трансформацию менталитета горожан, а также исследуют внешние изменения южноуральских городов. Таким образом, разрабатывается новая проблематика исследований, обогащая региональную историю и восполняя имеющиеся лакуны.

Особенностью современной исторической науки является дефицит исследований, характеризующих состояние культуры регионов в условиях модернизации, а также комплексных исследований в данной области. Слабо освящена социокультурная проблематика. В поле зрения исследователей, попали далеко не все представители городских субкультур: например, ощущается дефицит работ в области исследования ряда социальных групп, например, буржуазии, купечества, а также проблем этнической истории. В сфере исследования межкультурных связей между различными национальными и конфессиональными представителями.

Благодаря межпредметности данной темы в исследовательский процесс вовлекаются не только историки, но и многие другие специалисты (культурологи, социологи, урбанисты, антропологи и т.д.) заметно расширяя исследовательское поле, что положительно повлияет на развитие многих гуманитарных дисциплин.

1. Алеврас, Н. Н. Специфика провинциального социума дореволюционного Урала в ракурсе социокультурных процессов в XVIII – начала XX в. / Н. Н. Алеврас // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2009. – № 16 (154). Сер. История. Вып. 32. С. 26–37 с.
2. Андреева, Т. А. Социокультурные формы жизни населения южноуральских городов в конце XIX – начале XX в. / Т. А. Андреева // Уральские Бирюковские чтения: сб. науч.и науч.-популяр. ст. / науч. ред. проф. С. С. Загребин. – Вып. 4. Город как феномен культуры. Ч. 1. – Челябинск: Абрис. – 2006. – 476 с.
3. Андреева, Т. А. Социокультурный портрет уральской интеллигенции в начале XX в. / Т. А. Андреева // Урал в контексте российской модернизации : сб. науч. ст. / Челяб. гос. ун-т, ист. фак., ин-т гуманит. проблем; [редкол.: Н. Н. Алеврас]. – Челябинск: Камен. пояс, 2005. – 447 с.
4. Горелова, Ю. Р. Культурное пространство города: концептуально-методологические модели исследования / Ю. Р. Горелова // Уральские Бирюковские чтения: сб. науч. и науч.-популяр. ст. / науч. ред. проф. С. С. Загребин. – Вып. 4. Город как феномен культуры. Ч. 1. – Челябинск: Абрис. – 2006. – 476 с.

А. В. Кубасов
Челябинский государственный педагогический университет

«ЛУЧШЕ БЫТЬ ХОЛОПОМ СВОЕЙ СТРАНЫ, НЕЖЕЛИ ЛАКЕЕМ В ЕВРОПЕЙСКИХ БАРАХ»: ИНТЕГРАЦИЯ БОЛЬШЕВИКОВ И РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ в 1920–1930-е годы

Большевики, сумевшие к началу 1920-х гг. потушить пожар гражданской войны и превратив страну в кровавое пятно, оказались перед выбором: зажечь новое пламя, на сей раз мировой революции, или остепениться и сосредоточится на внедрении социалистических принципов. В. Ленин предпочел сохранить свою власть и направил большевистский поезд по второму пути. Внедрение принципов социализма и построение

социалистического общества было не возможно без интеллигенции [3, с. 178]. Не пожелавший эмигрировать после Октября «цвет нации» (Горький, Бедный, Маяковский, Блок, Вересаев, Брюсов) активно шел на сотрудничество с большевиками. Именно на них была возложена миссия «дать цельную картину действительности, как определенной системы производственных отношений, показать необходимость эксплуатации и экспроприации трудящихся при этой системе, показать тот выход из этих порядков, на который указывает экономическое развитие» [2, с. 307]. Однако для подъема международного престижа молодого Советского государства большевикам предстояло пойти на компромисс с эмигрировавшей интеллигенцией, представляющей «сильный кулак», готовый при первой возможности нанести удар. Шагом к интеграции должна была стать провозглашенная новая экономическая политика (НЭП). Такой поворот кадетами был воспринят как эволюция коммунистической идеологии. В их лагере стали появляться мысли о налаживании с большевиками диалога. Первым о необходимости примирения с советской властью высказался ведущий идеолог «Смены вех» Ю. Ключников. В 1921 г. на заседании парижского комитета кадетской народной свободы он в своем докладе «Новые задачи кадетизма» сказал о бесперспективности вооруженной борьбы с большевизмом и обозначил новый вектор в развитии отношений с ними: «Наиболее реальное будущее как раз у большевизма… Необходимо, поэтому добиваться… исторически мирного сосуществования либерализма с революционным большевизмом и вместо борьбы с ним… взять из него все хорошее» [1, с. 32].

Оставление «белыми генералами» удерживаемых территорий, установление на них коммунистических порядков приводило к тому, что большая часть группы кадетов, эсеров и меньшевиков предлагали, опершись на иностранный капитал собрать новые силы и организовать «крестный поход» на Россию. Этот путь мог привести к очередным миллионным жертвам. Россия начавшая утопать в крови, могла бы в ней захлебнуться, чем были не прочь воспользоваться «союзники» и расчленить могущественное государство. При таком развитии событий кадетам пришлось бы забыть о возрождении былого величия. Ю. Ключникову, накануне Октября 1917 г. трудившегося в должности приват-доцента в Московском университете, после примкнувшего к Колчаку и ставшему в его правительстве министром иностранных дел, вероятный путь представлялся как «нож в спину» от русского народа, который устав от кровавой бойни не потерпит «защитников» под иностранным флагом. Осознание в том, что стремление ведение борьбы с «коммунистической заразой» до победного конца, не позволит им воплотить в жизнь демократические идеи по устройству страны, то необходимо приступить к выявлению точек соприкосновения с большевиками. Ю. Ключников приступил в выработке нового пути.

Активность Ю. Ключникова в поиске точек соприкосновения одну из своих научных статей посвятил подготовке Генуэзской конференции,

которая привлекла внимание В. Ленина, и он пригласил его в качестве эксперта советской делегации в Генуе. Там Ю. Ключников вел споры по международно-правовым вопросам с иностранными оппонентами советской стороны, которую «сменовеховец» считал единственным законным представителем России, ибо в большевиках видел единственную силу, оказавшуюся способной вывести широкие массы на большие исторические пути. С этого времени начинается активный период сотрудничества с эмигрировавшей интеллигенцией и возвращение ее в страну.

В возвращающейся из-за границы интеллигенции большевики видели «строителей» нового облика государства. Им необходимо было воспитать советскую интеллигенцию. Вернувшаяся интеллигенция вносила огромный вклад в сферу образования, науки, культуры, права (Ключников, Вернадский, Дюшен, Грушевский).

При непосредственном участии интеллигенции происходило строительство советской школы, едва ли не главного «генератора» советского общества. Большевиками в основу создания школы был положен принцип всеобщей грамотности. По их призывам за парты удалось усадить всю страну. На начальном этапе обучение вела вернувшаяся интеллигенция. 1920-е знаменовались складыванием красной профессуры – из выучившихся грамоте молодых людей выходили инженеры, технологи, гуманитарии. В дальнейшем именно им предстояло закрепить в сознании народа большевистские идеалы.

Во время сворачивания программы новой экономической политике в конце 1920-х гг. в среде красной профессуры произошло раздвоение. Одно направление составила интеллигенция, которая пропитавшись взглядами своих учителей, отстаивала строительство русского национально-демократического государства с «западным лицом»; другая часть видела будущее за коммунистическим «флагом». Первым предстояло разделить судьбу преподавателей. Они становились главными фигурантами в инспирированных полномочными представителями ОГПУ делах (Шахтинское дело, 1928). Вторые по спасительной дороге пошли разными тропами: одна вела к развитию внутренней злобы к установившемуся режиму и как следствие появление диссидентства (Чуковский, Олеша); другая – к созданию «верных псов», готовых при первой возможности «разорвать неугодных» (Елена Демешкан). Именно в ней большевики видели истинную «народную интеллигенцию». Отштампованные советские экземпляры воспевали и гордились коммунистической властью. К концу 1920-х – началу 1930-х гг. большевики получили «штампованную» интеллигенцию, которую можно было признать «прослойкой» между рабочим классом и крестьянством [4, с. 264]. Со временем советская интеллигенция расширилась до необъятных размеров, превратившись в средний класс общества. Пополнение происходило за счет полного (14-летнего) образования в школах и вузах. Произошел процесс трансформации «интеллигенции» в «образованщину» [5]. Метаморфоза привела к утрате

«природных» задач интеллигенции: генерировать идеологию и через тесное сотрудничество с властью внедрять ее принципы в «заржавевшую» почву. Она неизменно должна заниматься критикой существующей системы, указывать на ее минусы, давать рекомендации по улучшению всех сфер жизни. Советскому руководству, неуверенному в правильности выбранного пути, существующая под боком оппозиция была ни к чему.

На первоначальном этапе от интеллигенции требовалось «продвигать» проект «Советский Союз», обосновать всем его неизбежность. Уверовавшие в сменовеховские идеи были включены в запущенный механизм пропаганды. Однако не все верили надевшим маску большевикам, и возвращаться на родину. «Вернись я в Советскую Россию, там вообще никаких вопросов иметь бы не пришлось, – не полагается, – за «вопросы» – социалистическая каталажка; там – «спецы», – констатировал в одном из писем Ю. Ширинскому-Шахматову Н. Устрялов [2, с. 220–221]. Русский философ и политический деятель, кадет с проведением в СССР индустриализации и коллективизации видел крах надежд сменовеховизма, от которого отмежевался в 1925 г., и понимал, какая судьба ждет всех решивших вернувшихся. В 1935 г. его приехать в Москву заставили обстоятельства, и вскоре он очутился в «смертельном котле».

Интеллигенция даже после сворачивания программы новой экономической политики в конце 1920-х и вступления СССР на рельсы коллективизации и индустриализации не переставала верить в эволюцию общества. Возрождение Германии и внедрение на ее земле нацистских приоритетов заставляло их включиться в строительство крепкого и боеспособного государства. Однако ни что не могло заставить интеллигенцию полностью принять коммунистические принципы, стать большевиками. Сложившийся за время НЭПа диалог, продолжился, но приобрел относительный характер. Власть еще по инерции обращалась к интеллигенции, которая не смела отказать. Ведь судьба народа была определяющей и они готовы были идти вперед вместе с ним. Чем дольше интеллигенция оставалась в Советской России, тем явственнее чувствовала стесненность, со стороны обретшего устойчивость административно-бюрократического аппарата во главе с И. Сталиным. К 1936–1937 гг. руководство СССР пришло к выводу, что миссия интеллигенции выполнена сполна: достигнута основная цель – «воспитана» народная, советская интеллигенция, и причин оставлять ее у себя под боком не представляется возможным. Все, пожелавшие стать холопом своей страны, подверглись репрессированию. Кровавый ход был направлен не против одной интеллигенции, а всей «ленинской гвардии». Этим шагом И. Сталин планировал обезопасить себя и свою власть во время войны с Германией. Развернувшаяся кадровая чистка конца 1930-х гг. внесла изменения в облик оставшейся интеллигенции. В ней стала проявляться нравственное сострадание к народу, которое особенно проявилось во время противостояния с гитлеровцами.

1. Квакин, М. В. Между белыми и красными. Русская интеллигенция 1920–1930 годов в поисках Третьего Пути / М. В. Квакин. – М.: Центрполиграф. 2006. – 413 с.
2. Ленин, В. И. Что такое друзья народа и как они воюют против социал-демократов? (Ответ на статьи «Русского Богатства» против марксистов) / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. – Изд. 5-е. – М.: Изд-во полит. лит., 1967. – Т. 1. С. 125–346.
3. Ленин, В. И. Новый фазис борьбы с буржуазией / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. – Изд. 5-е. – М.: Изд-во полит. лит., 1969. – Т. 36. – С. 175–184.
4. Романовский, С. И. Нетерпение мысли или исторический портрет радикальной русской интеллигенции / С. И. Романовский. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та. 2000. – 368 с.
5. Солженицын, А. И. Образованщина / А. И. Солженицын // Солженицын А. И. Публицистика. – Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во. 1995. – Т. 1: Статьи и речи. – С. 670–701.

А. Ю. Кузьмина
Орловский государственный институт искусств и культуры

РАЗВИТИЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ БИБЛИОТЕКИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

После распада СССР и отказа от прежней идеологии библиотека утратила статус учреждения, цель работы которого – идеологическое воспитание граждан. Одновременно с этим в постсоветской библиотечной науке и практике постепенно сформировались две конфликтующие на мировоззренческом уровне системы взглядов на библиотечно-информационную деятельность: технократическая и гуманистическая. Первая стала опираться на информационно-сервисный подход, другая – на социокультурный.

Исходя из этого, нам представляется актуальным проанализировать взгляды библиотековедов дореволюционного периода, что позволит наиболее полно и четко представить вектор развития педагогической функции библиотек в современной России.

К середине XIX в. сложился особый взгляд на педагогическую деятельность библиотек. Ее суть сводилась к руководству чтением, при котором читатель ждал от библиотекаря всесторонней помощи в своем образовании и библиотекарь оказывал ее. Библиотекарь выступал как учитель, который знает, как освоить духовные богатства, накопленные человечеством, а значит вправе указывать, что надо, а что не надо читать.

Важным достижением библиотековедческой мысли XVIII – первой четверти XIX в. была теоретическая разработка проблем руководства чтением силами А. Ф. Бестужева, А. Н. Оленина, В. С. Сопикова, которые видели задачу библиотеки в том, чтобы регулировать чтение посетителей, оказывать им помощь в выборе литературы в целях «истинного» просвещения.

В руководстве чтением представители либерально-буржуазного и революционно-демократического движений России видели один из путей политического просвещения народных масс, для чего использовали кружки самообразования, легальные и нелегальные библиотеки. Рекомендация литературы, беседы о прочитанном, разъяснение читателям и слушателям

наиболее существенных моментов использовались как средства руководства чтением у библиотекарей и пропагандистов [4].

Оказанию квалифицированной помощи читателям в выборе книг, их освоении, распространению культуры и просвещения способствовал высокий интеллектуальный уровень, творческий потенциал библиотекарей. Многие из них были энциклопедически образованными людьми, членами Академии наук (В. И. Собольщиков, В. Ф. Одоевский, И. А. Крылов, А. Н. Оленин, М. А. Корф и др.).

Для успешного осуществления образовательной и воспитательной роли библиотеки необходимо было изучить читателей. Связано это в первую очередь с именами Х. Д. Алчевской и Н. А. Рубакина. Н. А. Рубакин считал, что изучение читателя должно осуществляться «в самих очагах чтения», т. е. в библиотеках, поскольку «нет места более удобного для изучения русского читателя». Он называл библиотеку «могущественным орудием просвещения», которое «может и должно стать учреждением педагогическим и играть общественно-просветительную роль» [6]. Поэтому считал необходимым постановку библиотечного дела «на рациональных педагогических основаниях».

Н. А. Рубакин разработал целую систему методов изучения читателей: наблюдение, беседа, учет и анализ удовлетворенного спроса и отказов, анализ отзывов о прочитанных книгах, анализ абонентных записей и статистических данных. Разработка экспериментального метода изучения читателей является одной из главных заслуг Х. Д. Алчевской.

Трехтомный критический указатель книг «Что читать народу?» (1884–1906), изданный под руководством Х. Д. Алчевской и рекомендательный указатель «Среди книг» (1911–1915) Н. А. Рубакина, составленные на основе данных изучения читателей были широко известны и использовались для комплектования фондов библиотек народных домов, народных читален. Фонд, организованный в соответствии с использованной в указателях классификацией книг по тематическим отделам, возрасту и степени подготовленности читателей, обеспечивал наилучшую организацию чтения.

В конце XIX – начале XX в. разработка проблем руководства чтением была продолжена силами Н. А. Рубакина, К. И. Дерунова, А. А. Покровского, К. И. Рубинского, Л. Б. Хавкиной. Значительный вклад в теоретическую разработку проблем руководства чтением внес Н. А. Рубакин. Суть руководства чтением он видел в организации самостоятельного выбора книг читателем, поскольку «сам читатель определяет и решает, каких знаний ему недостает, какие интересны, какие нет» [6]. Оставляя за читателем полную свободу выбора, Н. А. Рубакин в тоже время говорил о необходимости влияния на этот выбор, об активной помощи библиотекаря читателю. При этом библиотекарь должен держать себя весьма тактично и ничем не показывать своего «руководительства». В этом Н. А. Рубакин видел идеал руководства чтением.

По словам К. И. Дерунова, И. В. Владиславлева помощь читателю в выборе литературы – это лишь одна сторона руководства чтением. Другая

сторона заключается в том, чтобы формировать, исправлять и направлять вкус и интерес читателя к хорошей книге, воспитывать культуру чтения [2, с. 148]. Это положение позже было закреплено в материалах Первого Всероссийского съезда по библиотечному делу (Санкт-Петербург, 1911 г.).

Руководство чтением осуществлялось не только как прямое влияние библиотекаря на читателя, но и косвенно – через отбор литературы в фонд библиотеки. А. А. Громбах утверждал, что библиотекарю не обязательно брать на себя роль руководителя чтением, достаточно того, чтобы в библиотеке имелись только хорошие книги – «этого, пожалуй, будет вполне достаточно в целях руководительства, в пределах же этого хорошего, пусть читатель будет совершенно свободен» [Цит. по: 5, с. 42].

В последней четверти XIX в. педагогическая функция библиотеки получила новый импульс в развитии, тесно переплетясь с разработкой теории «всеобщего обучения» и обоснованием роли библиотек в ней. Значительный вклад в разработку этой проблемы внес видный русский педагог В. П. Вахтеров. В развитии всеобщего обучения он наряду со школами большое значение придавал народным библиотекам, рассматривая их как необходимое дополнение к школе.

Из этих взглядов в начале XX в. получила развитие концепция внешкольного образования, согласно которой библиотековедение включили в состав педагогики. Ряд прогрессивных педагогов – В. П. Вахтеров, Е. Н. Медынский, С. Н. Серополко, В. В. Розанов, Н. Ф. Федоров, В. И. Чарнолуский, В. П. Бахтерев, В. А. Зеленко, М. А. Корф и другие теоретики считали библиотеку важнейшим учреждением внешкольного образования, подчеркивали, что она является лучшим средством для самообразования личности. Первый всероссийский съезд по библиотечному делу еще раз подчеркнул эту мысль [1, с. 106].

А. А. Покровский, К. И. Рубинский, Л. Б. Хавкина, поддерживающие концепцию внешкольного образования, определяли библиотеку как культурно-просветительное учреждение, активно содействующее не только образованию, но и воспитанию населения, особое внимание уделяли дальнейшей разработке педагогической функции библиотеки [2, с. 156].

Существовали оппоненты, которые утверждали, что библиотеки не оказывают заметного влияния на уровень народного просвещения и поэтому могут рассматриваться только как подсобные учреждения в системе внешкольного образования. Стремление к расширению педагогической функции библиотеки объяснялось тем, что библиотеки долгое время были центром, вокруг которого объединялись люди, стремящиеся к просвещению народа. Поэтому, с точки зрения оппозиции, «…впереди должна стоять не библиотека, а «более активные собратья»: народные чтения, народный театр, курсы для взрослых и т. п.» [Там же, с. 158].

Тем не менее на основе работ теоретиков внешкольного образования и библиотековедов, рассматривающих внешкольное образование как одну

из составных частей просвещения, включающее в себя библиотечное дело, складывалось новое направление – библиотечная педагогика. Данный термин впервые использовал Б. П. Гущин в рецензии на книгу Е. Н. Медынского «Методика внешкольной просветительской работы». Под «библиотечной педагогикой» он понимал не только изучение библиотекарем книг, читательских запросов и комплектование фонда в соответствии с социально-демографическим составом читателей библиотеки, но и использование библиотекарем методов обучения взрослых, разработку программ систематического чтения [3, с. 119].

Обобщая, отметим, что руководством чтением в дореволюционный период сводилась к:

– квалифицированной помощи читателям в выборе литературы на основе изучения их интересов и вкусов;

– активному влиянию на расширение круга чтения абонентов посредством рекомендаций разного рода книг, закладывающих основы человеческой личности, развивающих ее нравственные установки, помогающих выстраивать межличностные отношения и вырабатывать взгляд на все окружающее;

– развитию самостоятельности читателей, воспитанию у них культуры чтения, не допуская при этом навязывания литературы или запретов в получении книг, запрашиваемых посетителями.

Таким образом, проанализировав основные взгляды дореволюционного отечественного библиотековедения на педагогическую функцию библиотеки, можно утверждать, что они актуальны и в настоящее время, когда основная деятельность библиотеки должна быть направлена главным образом на развитие ценностной, информационной, образовательной и самообразовательной составляющих культуры личности различных категорий пользователей, реализовываться через педагогической сопровождение их читательской деятельности. При этом библиотека и пользователь занимают равноправно активную позицию, в результате чего уважаются права и свободный выбор пользователя при осознании и реализации библиотекой целей и содержания профессионально-педагогической деятельности.

1. Анжеева, Е. Ю. Из истории первого библиотечного съезда России / Е. Ю. Анжеева // Библиотековедение. – 2007. – № 4. – С. 103–107.
2. Ванеев, А. Н. Развитие библиотековедческой мысли в России (XI – начало XX вв.) / А. Н. Ванеев. – М.: Пашков дом, 2003. – 232 с.
3. Збаровская, Н. В. Библиотечная педагогика как научная дисциплина / Н. В. Збаровская // Библиотековедение. – 2006. – № 2. – С. 118–125.
4. Иванова, Г. А. Школьный библиотекарь: становление профессии / Г. А. Иванова. – М.: Школьная библиотека, 2004. – 288 с.
5. Медынский, Е. Н. Методы внешкольной просветительской работы. Опыт методики для библиотекарей, лекторов, лиц, ведущих занятия со взрослыми, заведующими народными домами и пр. / Е. Н. Медынский. – Петроград, 1915. – 114 с.
6. Рубакин, Н. А. Избранное: в 2 т. Т. 2 / Н. А. Рубакин. – М., 1975. – 280 с.

А. Г. Лешуков
Челябинская государственная академия культуры и искусств

ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ РЕКЛАМЫ В РЕКЛАМНЫХ ОБЪЯВЛЕНИЯХ ЖУРНАЛА «НИВА» В КОНЦЕ XIX ВЕКА

Существует несколько концепций рассматривающих суть рекламы: социально-психологическая, маркетинг-коммерческая и концепция универсальности рекламы [2, с. 67]. Автор статьи придерживается культурологической концепции для изучения сущности и функций рекламы в историческом аспекте.

В рамках всех концепций выделяют несколько функций рекламы. Реклама выполняет также эстетическую функцию, проявления которой можно изучать, анализируя форму и содержание конкретных рекламных объявлений. Средствами этой функции являются рекламный текст, графические элементы объявления и рекламный образ.

Источником для данной статьи стали рекламные объявления из номеров журнала «Нива» (1886, 1891, 1892, 1894 гг.), одного из самых массовых отечественных изданий в конце XIX в. Кроме литературных материалов в журнале публиковались разнообразные рекламные объявления. Они часто включали иллюстрации (изображения товара, портреты промышленников, фантазийные композиции, сюжетные сценки). А также логотипы, гербы, эмблемы, графические рамки, орнаментальные композиции, символы, элементы типографики, выделение вывороткой.

Эстетическая функция рекламы выражена в том, что наиболее эффективно привлекают внимание потребителей, только те рекламные продукты, которые «интересно и приятно увидеть вновь, когда от их созерцания человек испытывает удовольствие» [3, с. 65]. То есть, рекламное объявление своим внешним видом может доставить удовольствие читателю, удовлетворить его эстетическую потребность.

Объявления представляют эстетические рекламные образы. Реклама «дает конкретное изображение, описание и характеристику рекламируемого изделия, создает позитивные образы производителя, товара и людей, владеющих определенными предметами» [1, с. 82].

Объявления, в которых объект рекламы принадлежит сфере искусства – живописные полотна, альбомы репродукций картин известных художников, предметы декоративно-прикладного творчества и ювелирного дела, музыкальные инструменты, музыкальные и литературные произведения, концертно-театральные мероприятия, участвуют в процессе удовлетворения эстетических потребностей людей. Такие объявления адаптируют произведения искусства к сфере досуга. Например: «Большая выставка пасхальных яиц и предметов для подарков»; «любимейшие вальсы этого сезона»; «Скрипки для учеников, музыкантов и артистов»; «Полное собрание сочинений

Ф. Шопена»; «Оригинал этой эффектной картины исполнен по заказу редакции известным художником К. В. Лебедевым»; «Гадание, картина проф. К. Е. Маковского»; «Рояли и пианино»; «700 художествено-выполненых гравюр»; «Альбом из 12 картин большого формата известной московской галереи К. Т. Солдатенкова»; «История искусств «архитектура, скульптура, живопись…»; «большое роскошно иллюстрированное издание»; «с 25-ю эстампами гравированными на меди и 130-мя гравюрами на дереве».

Ряд рекламных объявлений призывает читателей улучшить свою внешность и свой быт. Предлагается эталонный облик модного и современного человека. Подобная реклама объясняет человеку, что в настоящий момент считается красивым. Объявления обычно включают изображения женщин и мужчин приятной внешности. Текст содержит описания идеальных характеристик внешнего вида: «лицо, плечи и руки ваши приобретут всю красоту молодости»; «делает кожу необыкновенно нежной и придает ей ослепительную белизну»; «придает коже свежий вид». Рекомендуются различные косметические средства: «для сохранения и восстановления волос»; «для быстрого окрашивания седых волос и бороды»; «для туалета дам и детей». Спортивные тренажеры: «настоящие велосипеды»; «укрепитель рук и груди». Модная одежда: «выбор изящных шелковых тканей»; «роскошный выбор готовых платьев». Предметы интерьера: «бильярды и к бильярдной игре принадлежности»; «живописный обиходный календарь»; «художественная мебель».

Таким образом, проявление эстетической функции в рекламных объявлениях журнала «Нива» в конце XIX в. связано с созданием внешне привлекательных, часто иллюстрированных, оригинальных образцов. Являясь произведениями рекламного искусства, они формируют рекламные образы и удовлетворят эстетические потребности читателей. При этом адаптируют произведения искусства к сфере досуга и воспитывают эстетические вкусы населения в предметно-бытовой среде.

1. Кошетарова, Л. Н. Рекламный образ в контексте эстетического смыслообразования / Л. Н. Кошетарова // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Сер. Философия. Социология. Культурология. – Вып. 15. – 2009. – № 42 (180). – С. 82–86.
2. Романов, А. А. Концепции современной рекламной деятельности / А. А. Романов // Маркетинг. – 2004. – № 5. – С. 62–67.
3. Трищенко, Д. А. Социокультурные измерения рекламы: креативные стратегии и тактики в контексте массовой культуры : дис. на соиск. уч. степ. канд. филос. наук / Д. А. Трищенко. – Белгород, 2006. – 166 с.

М. А. Неклюдова
Челябинская государственная академия культуры и искусств

СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД В ИСТОРИОГРАФИИ КНИЖНОГО ДЕЛА ЮЖНОГО УРАЛА

Советский период в историографии книжного дела Южного Урала охватывает научные издания, сборники статей, вышедшие в 1960–1991 гг. Выдающимися учеными этого периода, положившими начало изучению истории книжного дела Южного Урала, являются Арлен Викторович Блюм, Борис Михайлович Мещеряков, Александр Андреевич Шмаков, Борис Тимофеевич Уткин.

Борис Тимофеевич Уткин – ведущий библиограф, краевед советского и современного периода. Он создал за свою научную жизнь огромное количество монографий, краеведческих публикаций, посвященных книжному делу на Южном Урале. В число его монографий вошли «В. К. Покровский и его библиотека в Челябинске», «Библиотечное дело на Южном Урале в 40–80-х гг. XIX века». Б. Т. Уткин рассматривал вопрос о создании «Систематического указателя лучших книг и журнальных статей» в Челябинске в 1883 году не только как памятника печати Южного Урала, но и отмечал его воздействие на развитие книжного дела.

Журналист, публицист, краевед Борис Михайлович Мещеряков – историк, сосредоточивший свою исследовательскую деятельность на периодической литературе, в основном на газетах. Так он знакомил читателя с подпольной типографией Челябинского и Златоустовского комитетов, где печаталась нелегальная газета южноуральских большевиков «Голос рабочего» (1908 г.), разоблачавшая политику царского самодержавия. Ученый подробно описывал внешний вид газеты, ее содержание. Сравнивая газету «Голос рабочего» с газетой «Крестьянин и рабочий» автор демонстрировал, что книжное дело Южного Урала явилось отражением книжного дела всей страны.

Б. М. Мещеряков положил начало изучению южноуральской периодики и с помощью функционального подхода попытался систематизировать материал. Таким способом он рассматривал «подпольную большевистскую организацию Златоуста, явившуюся одной из наиболее деятельных на Южном Урале», организовавшую выпуск газеты «Красное знамя» (1908–1909 гг.), которая играла роль агитатора и организатора трудящихся масс. Он воссоздавал картину революционной пропагандистской печати, связанной «с историей героической борьбы большевиков Челябинска и Златоуста в мрачные годы столыпинской реакции».

Писатель Александр Андреевич Шмаков в работах «В литературной разведке» и «На литературных тропах» осветил материал о революционной

литературе, изданной на Южном Урале. Так он рассказывал о революционере, публицисте, издателе Николае Никандровиче Накорякове – профессиональном революционере, оставившем обзорными статьями о литературе свой след в истории челябинской газеты «Голос Приуралья». А. А. Шмаков проводил исследования местной уездной газеты и выяснил, «что ядро сотрудников состояло из лиц с преступным прошлым в политическом отношении, а газета являлась органом местной группы оппозиционно-настроенных лиц, высмеивающих все, что может служить на пользу государству» [3, с. 23].

Арлен Викторович Блюм воссоздает историю первого литературно-художественного журнала края – журнала «Сдвиг» (1923 г.), первого литературного научно-технического журнала «Маховик» (1923–1926 гг.). Впервые в работах А. В. Блюма освещается издательская деятельность еще одного города Южного Урала – Магнитогорска, в частности издание рабочих литературно-художественных журналов «Буксир», «За Магнитострой литературы».

Таким образом, советские историки, краеведы, книговеды, библиографы много внимания уделили становлению первых типографий, библиотек, первых книг, напечатанных на Южном Урале. Они дополняли друг друга, находили новые сведения об истории дореволюционных типографий и изданий, понимая, что все издания, все типографии носят революционный, пропагандистский характер, подчинены одной цели.

1. Баханова, В. А. В. К. Покровский и его библиотека в Челябинске (Из истории распространения революционной и прогрессивной литературы на Южном Урале) / В. А. Баханова, Т. А. Лопаева, Б. Т. Уткин // Книга. Читатель. Библиотека. – Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1974. – С. 14–29.
2. Блюм, А. В., Дмитрин, Г. К. Книга и время: рассказы о редких изданиях и библиографических находках / А. В. Блюм, Г. К. Дмитрин. – Челябинск : Челяб. кн. изд-во, 1962. – 112 с.
3. Ливерстовский, И. В. Челябинское полиграфическое объединение «Книга» // Край наш южноуральский / И. В. Ливерстовский. – Челябинск, 1994. – С. 83–84.
4. Мещеряков, Б. М. Борцы за рабочее дело: из истории коммунистической печати на Южном Урале / Б. М. Мещеряков. – Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1964. – 44 с.
5. Мещеряков, Б. М. Важное дело газеты / Б. М. Мещеряков. – Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1964. – 44 с.
6. Мещеряков, Б. М., Козырев, А. И. Посланцы Ленина на Южном Урале / Б. М. Мещеряков, А. И. Козырев. – Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1970. – 50 с.
7. Уткин, Б. Т. Библиотечное дело на Южном Урале в 40–80-х гг. XIX в.: моногр. / Б. Т. Уткин. – Челябинск : ЧГАКИ, 2003. – 134 с.
8. Шмаков, А. А. В литературной разведке / А. А. Шмаков. – Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1973. – 140 с.
9. Шмаков, А. А. На литературных тропах / А. А. Шмаков. – Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1969. – 184 с.

Л. А. Николаева
Челябинская государственная академия культуры и искусств

ВКЛАД ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОГО УРАЛА: КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА

На рубеже XIX – XX вв., когда в России наблюдалось бурное развитие капитализма, промышленности, торговли, возникла острая необходимость в повышении не только грамотности, но и общего культурного уровня населения. В связи с этим наряду со школьным образованием широкое развитие получает внешкольное образование, главными принципами которого были общедоступность, бесплатность, планомерность, коллегиальность. Е. Н. Медынский, соотнеся внешкольное образование с всесторонним развитием личности, говорит о том, что «полная система содействия внешкольному образованию должна быть направлена к умственному, эстетическому, нравственному, физическому, одним словом, к всестороннему развитию человека. Таким образом, задачи всех учреждений по внешкольному образованию не столько образовательные, сколько развивающие [4, с. 10]. Другими словами, важно было то, чтобы население, посещая библиотеки, народные чтения, спектакли и концерты, получало не только эстетическое удовольствие, но и расширился его умственный кругозор, развился художественный вкус, появилось стремление к дальнейшему развитию.

Решающую роль в этом развитии сыграла деятельность культурно-просветительных объединений. На Южном Урале, на рубеже XIX – XX вв. свою деятельность развернули Общество попечения о начальном образовании г. Челябинска, Общество содействия начальному образованию в г. Оренбурге, общественные собрания, Уфимское общество любителей пения, музыки и драматического искусства. Общества были учреждены в период с 1885 по 1907 г. Все общества были добровольными и существовали за счет членских взносов, частных пожертвований и доходов от деятельности общества. Согласно уставов в состав обществ входили почетные и действительные члены, причем в обязанности последних и входило устройство народных чтений, спектаклей, концертов, заведывание библиотеками.

Деятельность Общества попечения о начальном образовании г. Челябинска и Общества содействия начальному образованию г. Оренбурга была направлена на распространение начального образования в городе и его окрестностях. Для этого членами обществ устраивались публичные лекции и народные чтения, главной целью которых являлось отвлечение народа «от обычных праздничных развлечений, сплошь и рядом грубых и вредных в нравственном отношении и часто разорительных в материальном, предоставляя ему возможность с пользой и удовольствием провести досуг праздничных дней» [7, с. 8]. За каждый год проводилось от 20 до

30 чтений, которые были бесплатными, а также сопровождались показом световых картин с волшебным фонарем, что было очень интересно и занимательно для народа. Челябинское общество для этих мероприятий приобрело 2 волшебных фонаря и несколько сотен световых картин, в отличие от Оенбургского, где световые картины изготавливали по собственному желанию члены общества: Ягодовский, Пьянпович, Носов и Альбинский.

Программы чтений всегда были разнообразными и повторялись только по желанию посетителей. Например, в Оренбурге за первый год существования общества (1907 г.) были устроены чтения следующего содержания: научно-популярные лекции «О воздухе» с опытами и «Как растения заботятся о сохранении своего потомства», литературные произведения «О великих и грозных явлениях природы» – Н. А. Рубакина, «Вильгельм Телль» – в пересказе В. П. Острогорского, «Песнь про купца Калашникова» – М. Ю. Лермонтова, «За щупленького» – К. М. Станюковича, «Налим» – А. П. Чехова и другие произведения. 24, 25 и 26 апреля 1911 г. в Городском театре этим же обществом были организованы 3 лекции-концерта на тему: Музыка до Бетховена, Бетховен и его творчество, о Чайковском. Лекции сопровождались игрой на рояле известного пианиста Д. С. Шора, которого Правление общества специально выписало из Москвы, пением артистки М. Тамаркиной и световыми картинами. Посетителей было 760 человек [2, л. 16–17об.].

Важно отметить, что многие чтения, устраиваемые челябинском обществом, сопровождались музыкальными и театральными постановками. На общих собраниях членами правления за участие в организации и проведении народных чтений, а также за устройство литературно-музыкальных вечеров, спектаклей и концертов неоднократно была объявлена благодарность хору Гг. Любителей под управлением И. Д. Искоскова, оркестру музыки Строительного Комитета и Гг. Любителям драматического искусства Н. М. Шефтель, З. И. Важениной, К. И. Раевской, Н. А. Фирсовой и др. Причем, музыкальное сопровождение чтений было бесплатным для слушателей, в отличие от концертов и спектаклей, устраиваемых обществом с платой за вход с целью увеличения средств. Платных спектаклей обществом устраивалось каждый год 2–3 раза, однако на генеральные репетиции бесплатно приглашали учащихся гимназий и училищ. Так, в 1902 г. на репетиции одного из спектаклей, а именно комедии Н. В. Гоголя «Ревизор», присутствовало около 500 учащихся женской прогимназии, городского 2-классного училища, 3 мужских, 2 женских городских начальных и железно-дорожного училищ [8, с. 6].

В программах обществ на каждый год значатся следующие направления деятельности: устройство народных чтений; устройство библиотек, читален, книжных складов; устройство литературных вечеров и лекций; изыскание средств путем устройства вечеров, спектаклей, сбора пожертвований; составление сведений о состоянии и нуждах народного образования, помощь школам в пределах средств Общества.

Следует выделить и деятельность музыкально-драматического общества, учрежденного в городе Челябинске в 1903 г. Общество занималось организацией музыкальных и литературных вечеров (субботников), спектаклей, концертов. В благоприятные годы общество проводило до нескольких десятков мероприятий в год, так, в 1911 г. состоялись 20 музыкальных «субботников», инициатором и организатором которых был руководитель народного хора при обществе В. А. Михаловский, 6 «обычных» спектаклей и несколько «мусульманских» [1, л. 307–310].

Некоторые спектакли общество ставило на сцене народного дома. Так, в 1904 г. (с 1 января по 1 июня) были поставлены следующие пьесы: «Каширская старина» – драма в 5 действиях Д. В. Аверкиева (2 раза); «Меблированные комнаты Королевы» – комедия-шутка в 3 действиях А. Крюковского и С. Урайского; «Школьные товарищи» – комедия в 4 действиях Л. Фульца (пер. с нем. Э. Матерна и А. Воротникова), «На жизненном пиру» – семейная драма в 4 действиях Вл. Александрова и др. Всего за 5 месяцев было поставлено 15 произведений, а некоторые ставились по 2 раза [1, л. 312].

Музыкально-драматические общества существовали в каждом уездном городе. В г. Верхнеуральске подобное общество было учреждено в 1911 г. За первый год своей деятельности оно дало 1 спектакль с дивертисментом, доход с которого пошел на покрытие расходов по организации общества и на первоначальное обзаведение: на канцелярию, на выписку книг в библиотеку. Следует выделить и деятельность железнодорожного общественного собрания в Челябинске, силами которого 6 января 1902 г. был открыт клуб и назывался он «рабочий клуб железнодорожного общественного собрания – первый очаг культуры на Южном Урале». В клубе функционировала театральная сцена, на которой выступали заезжие артисты и любительские кружки, «хор балалаечников, певчая капелла и кружок драматического искусства. Силами любителей театра в нем в разные годы ставились спектакли: «Степан Разин» Каменского, «Теплые ребята» Рассохина, «Безработные» Софьи Белон, «Дельцы» Колышко и другие» [5, л. 15].

В Уфе активная концертно-исполнительская деятельность велась Уфимским обществом любителей пения, музыки и драматического искусства, целью которого являлось: «а) доставлять жителям г. Уфы, устройством концертов и спектаклей и вообще исполнением лучших произведений вокальной и инструментальной музыки и драматического искусства, возможность иметь в свободные минуты приятное и нравственно освежающее развлечение, и этим путем содействовать оживлению и подъему уровня местной общественной жизни и развитию в среде населения вкуса к изящному и вообще эстетического чувства; б) содействовать, по возможности, развитию музыкальных и драматических талантов» [6, л. 56].

Согласно этим целям в обществе работало 3 отдела: пения, музыки (инструментальный) и драматического искусства. В каждом отделе в разные годы состояло около 30 человек. Первый концерт «любителей» состо-

ялся в Уфе в зале Дворянского Дома 2 января 1886 г. и привлек до 500 слушателей. За первый 1885/86 сезон было дано 9 музыкально-драматических вечеров, на которых было исполнено 102 вокальных и 83 инструментальных пьесы. Также драматический отдел дал 1 спектакль на сцене городского театра [6, л. 6–13].

Вокальные пьесы исполнялись хором мужским, женским, смешанным, соло, дуэтом, трио и квартетом. В программах концертов значились следующие произведения: из оперы «Африканка» муз. Дж. Мейербера: Молитва, Хор моряков, Хор женщин; Ратоплан из оперы «Гугеноты» муз. Дж. Мейербера; Хор крестьян из оперы «Евгений Онегин» муз. П. И. Чайковского; из оперы «Жизнь за царя» муз. М. И. Глинки: 2 картина IV акта, «В бурю, во грозу», Мазурка и др. [6, л. 17–18].

Инструментальные пьесы исполнялись на фортепиано в 2, 4 и 8 рук, трио на различных инструментах и на отдельных инструментах соло. В сезон 1889/90 гг. по инициативе члена правления общества В.В. Оглоблина был сформирован оркестр из 17 музыкантов. Позже был также организован оркестр мандолистов и гитаристов. Судя по программам вечеров, представленным в отчетах общества, произведения не повторялись, к каждому новому вечеру разучивались новые пьесы. По сложности программ можно говорить о профессиональности исполнителей и желании знакомить публику с серьезными произведениями классики и современности. Наряду с вечерами проводились и общедоступные репетиции, куда также допускались зрители-слушатели.

Об успешности проведения вечеров и спектаклей можно судить по многочисленным высказываниям в местных газетах. «18 ноября 1889 года, – отмечает Н. Гурвич в Уфимских Губернских Ведомостях, – Общество любителей пения, музыки и драматического искусства дало концерт в честь Антона Григорьевича Рубинштейна, слава которого признана всем музыкальным миром. Программа состояла из 12-ти вокально-инструментальных номеров, исключительно из произведений юбиляра. Исполнение было весьма удачное и доставило истинное эстетическое удовольствие многочисленной собравшейся публике» [3].

Из вышесказанного можно сделать вывод, что деятельность общественных объединений, являясь добровольной, оказала огромное влияние не только на воспитание и обогащение эстетического вкуса, но и на развитие социально-культурной жизни населения Южного Урала в целом. К тому же аналогичные общества существовали почти во всех уездных городах: Русское театральное общество в Уфе, Музыкально-драматический кружок в Златоусте, Верхнеуральске, Орске, Троицке, Общество любителей драматического искусства в г. Бирске, Драматический кружок в г. Стерлитамак, музыкально-драматические общества в г. Верхнеуральске, Оренбургское общество Музыкально-Драматического Литературного кружка и др.

Таким образом, актуальность нашего исследования обусловлена наличием социального заказа, повышенным вниманием государства к проблемам развития художественной культуры наряду с другими важными сторонами общественной жизни, что характерно и для государственной политики рубежа XIX – XX вв. На сегодняшний день в России в целом и на Южном Урале в частности существует гораздо меньше таких добровольных объединений как более ста лет назад, и деятельность их имеет не такие масштабы распространения и влияния на культурное развитие населения как в прошлом.

1. ГАОО. Ф. 10. Оп. 4. Д. 412.
2. ГАОО. Ф. 10. Оп. 4. Д. 10/12.
3. Гурвич, Н. Концерт любителей / Н. Гурвич // Уфимские Губернские Ведомости. – 1889. – 25 нояб. – № 47.
4. Медынский, Е. Н. Внешкольное образование, его значение, организация и техника / Е. Н. Медынский. – 5 изд. доп. – М.: Наука, 1919. – 292 с.
5. ОГАЧО. Ф. Р-1726. Оп. 1. Д. 2.
6. ЦГИА РБ. Ф. И-118. Оп. 1. Д. 1.
7. Отчет правления Общества попечения о начальном образовании в Челябинске за 1901 г. – Челябинск: Типо-Лит. Я. А. Елькина, 1902. – 40 с.
8. Отчет правления Общества попечения о начальном образовании в Челябинске за 1902 г. – Челябинск, 1903. – 33 с.

СЛОВО НАСТАВНИКА

Канд. ист. наук, доцент

О. С. Павлова
Стерлитамакская государственная педагогическая академия им. Зайнаб Биишевой

К ВОПРОСУ О РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ НАЧАЛА XX ВЕКА В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

На современном этапе теоретических разработок методологии истории, особый интерес представляет история повседневности. Это отрасль исторического знания, предметом изучения которой является сфера человеческой обыденности в ее историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах. В центре внимания истории повседневности – «реальность, которая интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве цельного жизненного мира», комплексное исследование этой реальности (жизненного мира) людей разных социальных слоев, их поведения и эмоциональных реакций на события [3].

Как отмечает исследователь А. Н. Сахаров, так называемая история повседневности или историческая антропология «позволяет в известной степени пролить дополнительный свет на глубинные личностно-общественные процессы, протекающие в том или ином обществе», так как «героями» истории становятся «живые», «простые люди» с их обыденными взаимоотношениями, надеждами, разочарованиями, причем на разных ступенях общественной лестницы [4; 15]. Этот подход позволяет, во-первых, сопоставить наблюдения над российской историей с западными аналогами, а, во-вторых, проследить эволюцию жизни «простых

людей» и их представлений, традиций в рамках развития самой российской цивилизации. И то, и другое позволяет глубже и совершенно с неожиданной стороны подойти к рассмотрению различных сторон истории России [2; 25].

Повседневность различных слоев российского общества представляется одной из наиболее интересных, но малоизученных тем. Особую актуальность эта проблема приобретает при анализе переломных эпох. Именно в такие периоды, когда менялись политические и социально-экономические ориентиры, различным социальным группам приходилось искать свое место в новых для них окружающих реалиях.

Известный интерес в этой связи представляет проблема интеллигенции в истории России конца XIX – начала XX в. Именно в этот период в условиях модернизации, предопределившей глубинные изменения в социально – экономической и общественно – политической сферах, социальный феномен интеллигенции проявился в ее динамичном росте и общем влиянии на общественную жизнь страны. Однако до настоящего времени в историографии не сложилось четких и единообразных научно – понятийных характеристик и оценок данной социальной группы. Также обращает на себя внимание далеко неоднозначная оценка ее места и роли в судьбах России [5; 3].

По мнению исследователя Д. В. Чарыкова, в анализе основных подходов к понятию «интеллигенция» наиболее распространенными и общепризнанными в современной исторической науке являются два подхода, которые им обозначены как социально-профессиональный и философско-культурологический подходы. У каждого из этих подходов имеются слабые и сильные стороны. Так, философско-культурологический (неформальный) подход ориентирован на качественные стороны феномена «интеллигенция». Однако он в высшей степени субъективен, обладает слабой научной верифицируемостью и ограничивает сферу его применимости в конкретно-исторических исследованиях. В свою очередь, социально-профессиональный (формальный) подход обладает более строгими критериями. В историографии эти критерии подвергаются критическому осмыслению и оспариванию, поскольку формальный подход во многом принадлежит прошлому, так как сформировался на ленинских положениях, что накладывает на него определенную идеологическую печать, а так же требует признания того факта, что критерии и постулаты данного подхода устаревают в условиях новой методологической реальности. Именно поэтому, в условиях активных теоретико-методологических исканий в области исторического знания, в рамках теории интеллигенции осуществляется поиск новых концептуальных моделей понимания данного феномена [6; 17–18].

Одним из важных проблемных срезов выступает вопрос взаимоотношений интеллигенции с Русской Православной церковью. В начале XX в. определенная часть интеллигенции искала контакты с духовенст-

вом. Ярким примером этого стали проходившие в столице с ноября 1901 г. религиозно-философские собрания с участием известных религиозных публицистов, представителей русской литературы, культуры, профессуры духовной академии и университета, представителей священнослужителей. Среди инициаторов этих собраний были «богоискатели» Д. С. Мережковский, Д. В. Философов, В. В. Розанов, З. Н. Гиппиус и др. На этих собраниях в полемической форме обсуждались вопросы взаимодействия православного духовенства и общественности, и отмечалось, что Православная церковь, несмотря на свое положение и мощь, оказывает малое влияние не только на идейно-нравственное состояние страны, но и на ее общественную жизнь.

Другой стороной заявленной проблемы, было то, что в масштабах империи в народе, особенно среди интеллигенции все более распространялись атеистические и религиозно-индифферентные настроения, причины которых пытались определить как представители интеллигенции, так и иерархи Православной церкви [1; 51–52].

В этой связи, на наш взгляд, представляется своевременным и перспективным в исследовании заявленной проблемы использовать опыт теоретико – методологических и методических поисков в области истории повседневности, который позволит взглянуть на социальную роль и участие интеллигенции в общественной, культурной, экономической и пр. жизни России в новых ракурсах, расширив тем самым границы исследования данной проблемы.

1. Бабкин, М. А. Священство и Царство (Россия, начало XX в. – 1918 г.). Исследования и материалы / М. А. Бабкин – М.: Индрик, 2011 – 920 с.; Воронцова, И. В. Русская религиозно-философская мысль в начале XX в. / И. В. Воронцова – М.: Изд-во ПСТГУ, 2008 – 424 с.
2. Поляков, Ю. А. Человек повседневности (исторические аспекты) / Ю. А. Поляков // Отечественная история. – 2000. – № 3.
3. Пушкарева, Н. Л. Предмет и методы изучения истории повседневности / Режим доступа: http:// www.perspektivy.info (дата обращения: 02.02.2011); Круглый стол «Большие резервы» малой истории // Отечественная история. – 2001. – № 6; Савельева, И. М. История и время. В поисках утраченного / И. М. Савельева, А. В. Полетаев. – М., 1997; Ревель Ж. Микроисторический анализ и конструирование социального / Режим доступа // http://www.tuad.nsk.ru/history/ (дата обращения: 04.02.2010); Журавлев, С. В. История повседневности – новая исследовательская программа для отечественной исторической науки / Людтке, А. История повседневности в Германии: новые подходы к изучению труда, войны и власти. – М.: РОССПЭН; Германский исторический институт в Москве, 2010. – С. 3–27.
4. Сахаров, А. Н. О новых подходах к истории России / А.Н. Сахаров // Вопросы истории. – 2002. – № 8. – С. 15.
5. Уваров, П. Б. Исторические методы исследования интеллигенции: концептуальные основания и когнитивные возможности: автореф. дис… докт. ист. наук / П. Б. Уваров – Челябинск, 2010.
6. Чарыков, Д. В. Изучение проблем теории интеллигенции в историографии 90-х гг. XX – начала XXI в. (на материале Урало-Сибирского региона): автореф. дис… канд. ист. наук / Д. В. Чарыков – Челябинск, 2009.

СЛОВО НАСТАВНИКА

Д-р искусствоведения, д-р ист. наук, проф.

Н. П. Парфентьев
Южно-Уральский государственный университет

ТРАДИЦИИ ИСКУССТВА ЗНАМЕННОГО ПЕНИЯ В СРЕДЕ СТАРООБРЯДЦЕВ-ПОМОРЦЕВ УРАЛА

Существование древнерусского церковно-певческого искусства (знаменного пения) в Уральских землях охватывает огромный период – более пятисот лет. Сменялись эпохи, а с ними – отношение к древнему искусству и его статус, исполнительская среда и само содержание музыкальных рукописей и произведений. Изменения были неизбежны: время формировало новые традиции.

Еще в XV в. появление первых крупных поселений русских людей на Урале (Соликамск, Чердынь и др.) сопровождалось строительством церквей и монастырей. В них, несомненно, звучали произведения древнего знаменного пения, без которого невозможно было совершение ни одной церковной службы. Более широкое проникновение русских на Урал проходило в XVI в. Особо выдающееся значение в хозяйственном и культурном освоении края имела деятельность Строгановых. К концу столетия вотчины этих купцов-промышленников занимали половину освоенного русскими Прикамья и вместе с их поморскими («усольскими») владениями, находившимися северо-западнее, составляли своего рода единый хозяйственный и культурный комплекс.

Располагая громадными средствами, Строгановы сосредоточивали для обслуживания своих вотчинных предприятий не только квалифицированных мастеровых, но и художественные творческие силы, обеспечившие высокий уровень местной культуры. Уже в XVI в. род Строгановых начал выступать в роли «покровителя» самых разных искусств. Первоначально толчком к тому послужили потребности сугубо практические. Освоение новых земель на Урале промышленники вынуждены были сопровождать строительством церквей для удовлетворения религиозных чувств приходящего русского населения и христианизации местных народов, из которых пополнялся работный люд. Так, в апреле 1559 г. митрополит всея Руси Макарий по ходатайству Григория Строганова специальной грамотой разрешил ему строить церкви в новых вотчинах. Эти церкви надо было снабжать всем необходимым для богослужения – иконами, книгами, сосудами и т.д., что стоило чрезвычайно дорого. У вотчинников возникла мысль об устройстве собственных мастерских.

Так, с 1580-х гг. началась деятельность строгановских «иконных горниц». Мастерские изготовляли сотни образов для рассылки по церквам, для даров и вкладов. Самые дорогие из икон выполнялись лучшими наемными мастерами, в том числе государевыми, и предназначались для господских хором. Изящное, виртуозное письмо, тщательная тонкая отделка деталей,

изысканность и богатство отнаментации, обилие золота – все это выделяет иконы особой «Строгановской школы». Другим видом искусства, получившим развитие во владениях Строгановых было «лицевое» шитье. Это – покровы к алтарным престолам и гробницам святых, подвесные пелены под иконы, воздухи, покровцы на церковные сосуды, плащаницы и хоругви для торжественных обрядов. В 1580-х гг. вотчинники создали также собственную книгописную мастерскую, где трудились писцы высочайшего класса. С этого времени строгановские храмы, семейные библиотеки регулярно пополнялись рукописными книгами самого разного содержания.

Переписывались и огромные по объему певческие сборники, что не было случайностью. Придя в вотчинные храмы в качестве составной части богослужения, знаменное пение вызвало особый интерес и внимание самих Строгановых. В окружении высоких искусств оно стало высокопрофессиональным. Строгановы приступили к подготовке певчих и священнослужителей. В качестве учителя знаменного пения они пригласили ученика известного новгородского мастера Саввы Рогова – Стефана Голыша. Так было положено начало знаменитому строгановскому «усольскому мастеропению», известному всей России в XVII в.

Распевщики-усольцы внесли собственную трактовку в музыкальное значение («розвод») многих сложных знамен, попевок, лицевых и фитных мелодических формул. По существу они не просто развили, но и создали свою теорию древнерусской музыки. Ими были написаны собственные распевы к песнопениям, которые переписывались из сборника в сборник, вливались в общерусскую культуру. Творчество этих распевщиков получило всероссийское признание.

Итак, продвижение Строгановых все дальше на восток и освоение еще в XVI в. значительнейшей части западного Урала сопровождалось строительством храмов, которые обеспечивались всем необходимым вотчинными мастерскими. Церкви снабжались книгами, в том числе певческими, написанными писцами строгановской мастерской. Уже самые ранние из певческих сборников зафиксировали песнопения «усольского роспева».

В строгановских владениях из посадской и даже крестьянской среды отбирались, готовились для храмов церковнослужители, обучавшиеся музыкальной грамоте и богослужебному пению также усольскими мастерами. Таким образом, если характеризовать знаменно-певческое искусство Урала XVI – XVII вв., то господствовавшими в нем следует признать традиции «усольского мастеропения».

Если в западных землях Урала развитие древнерусского церковно-певческого искусства было теснейшим образом связано с мощным центром музыкальной культуры, каковым стали строгановские владения, а вкусами Строгановых определялся состав певческих сборников и музыкальное содержание произведений, то о господствовавших традициях в пев-

ческом искусстве на остальной территории Урала говорить затруднительно. На севере (Чердынь, Соликамск) установилось воеводское правление, которое часто возглавляли представители известных боярских и княжеских родов, присылавшиеся из столицы. Обычно они имели свои домовые церкви либо «крестовые комнаты» в жилых хоромах. Певчие или крестовые дьяки, участвовавшие в домашнем богослужении, повсюду сопровождали хозяев, включая государеву службу в отдаленных городах. Поэтому, скорее всего, что вне строгановских вотчин на Урале преобладали традиции «московского пения».

Освоение русскими восточных земель Урала активизировалось в XVII в. Этот район был тесно связан с Западной Сибирью. С расширением границ столицей края стал Тобольск. А в 1620 г. здесь была учреждена особая епархия. Из Москвы с первым ее архиепископом Киприаном отправились в Тобольск певчие дьяки царского хора, которые обучали епархиальный хор. Из истории деятельности архиерейских хоров мы знаем, что они непременно сопровождали своих владык во время многочисленных «походов» по епархиальным городам и монастырям, причем в торжественных богослужениях часто с ними должны были петь «соборяне» городских храмов и монастырские певчие. Учитывая все это, мы можем полагать, что в восточных районах Урала XVII в., находившихся в ведении Тобольской епархии, знаменное пение развивалось под влиянием прежде всего московских традиций, привнесенных государевыми певчими.

Общий экономический и культурный подъем, рост грамотности населения в Уральских землях XVII в. способствовали распространению музыкальной грамоты, древнего искусства знаменного пения, являвшегося составной частью национальной духовной культуры. Певческая книга была известна в среде уральских городских, посадских, людей. Как показывают источники, в числе переселявшихся в то время на Урал северных крестьян были нередки грамотные, которые не только умели читать и писать, но и были «изучены грамоте пети», а также имели не только обычные книги, но и певческие. Интереснейшие сведения находим в грамотах о сысках крепостных и холопов, бежавших на Урал и в Сибирь. Документы довольно часто содержат такие характеристики беглых: «грамоте умеет, *петь* и писать», «кормитца письмом у церкви в дьячках и *учит петь*». У крестьян, имевших книги и владевших певческим искусством, скорее всего, были и певческие сборники.

Как видим, в XVI – XVII вв. самые разные источники показывают, что уже в те времена на Урале имелась тенденция к расширению и известной демократизации среды бытования знаменного пения и певческих книг.

Однако семнадцатым столетием существование древнерусского знаменного пения не исчерпывается. Его письменные памятники – книги «крюкового письма» – в дальнейшем переписываются, функционируют, сохраняются (вместе с самим искусством) в среде старообрядчества. В самом певческом искусстве, в сборниках, содержащих его произведения, на-

блюдаются довольно существенные изменения, которые свидетельствуют о рождении в среде старообрядцев особых традиций знаменного пения и создания певческо-рукописных памятников. Со старообрядческим периодом существования знаменного пения связана особенно широкая демократизация среды его бытования. Это объясняется самим характером движения староверов, которое подняло и увлекло огромные массы низших слоев населения, нашедших в нем своеобразную форму антифеодального протеста, привело к необычайному росту грамотности в этих слоях.

На первых порах священников дониконовского рукоположения хватало и церковь как организация в среде старообрядчества продолжала существовать. Однако такое положение было не везде. Уже в конце XVII в. закладывались основы формирования беспоповской практики совершения церковных таинств и служб. Постепенно рядовые старообрядцы, крестьяне, начали заменять профессиональных певчих (а затем и священнослужителей), все шире овладевая основами знаменного пения. Определенные исторические процессы способствовали дальнейшему развитию этой тенденции.

Благодаря деятельности посланцев знаменитой Выговской пустыни братьев Денисовых среди приписных крестьян уральских заводов, а также мастеровых и беглых, скрывавшихся в соседних лесах, уже в начале XVIII в. получило распространение старообрядческое *поморское согласие*. Уральский центр поморцев размещался на окраине Невьянского завода. Им руководил «олонецкого Выгорецкого общежительства обыватель» Гаврила Семенов Украинцев. Выговцы занимались рудознатным делом, пользовались большими привилегиями и покровительством Акинфия Никитича Демидова.

Так как социальной базой распространения на Урале беспоповской богослужебной практики с самого начала являлись низы горнозаводского населения, то бытование знаменного певческого искусства связано с этими слоями. Однако пока трудно судить о степени распространенности как певческих книг, так, следовательно, и самого «крюкового пения» среди уральских поморцев в XVIII в. К настоящему времени на Урале обнаружено (и, очевидно, сохранилось) небольшое количество крюковых рукописей поморского согласия той эпохи. Возможно, сказались немногочисленность самого согласия, а также то, что законодательство первой половины XVIII в. предписывало «рукописьменные книги» староверов тщательно разыскивать и сжигать. Между тем известно, что в самой Выгореции было прекрасное собрание книг и существовала школа по обучению «крюковому пению». Г. С. Украинцев также создал в Невьянском поморском тайнике собрание книг и училище, просуществовавшее до осени 1750 г. В нем чтению и пению обучались взрослые и дети. Так древнерусское знаменное пение в традициях поморского согласия получило распространение среди работных и крестьян Урала уже в первой половине XVIII в.

О том, как вера «выговских отцов» пришла на южно-уральские земли, повествует уникальный памятник местной письменности – «История

старыя веры в Златоусте и в округе и история некоторых лиц» (начало 1940-х гг.). Автор рукописи, житель Златоуста Петр Александрович Мельнов, ярко и эмоционально рассказывает о жизни и деятельности людей (и прежде всего настоятелей общины), сыгравших видную роль в становлении и развитии «староверства». Большинство из лиц, о которых ведется речь, было старшими современниками Мельнова; поэтому, несомненно, что сведения о событиях, происходивших на протяжении XIX в., получены автором от них.

Из «Истории» явствует, что в Златоуст «старую веру» принесли крестьяне с. Гагарье Курганского уезда, когда здесь в 1825 г. они «строили дорогу для царя Александра I-го». Особо отмечается деятельность Тельминова Степана Захарьевича, который «принял староверство от поморских выговских отцов». Именно он «крестил» и «немало» поучал первые семьи златоустовцев, примкнувших к поморскому согласию, став затем их настоятелем и духовным отцом. Из Златоуста «старая вера» распространилась в Кусу, Нязепетровск, Сатку и другие селения.

Рисуя образы златоустовских старцев, П.А. Мельнов в качестве одного из главных достоинств подвижников называет владение ими знаменным пением. Например, Ф. В. Мурдасов (1847–1922) не только обучал «по крюкам и по помете, писал знаменные книги от руки», но и «распевал стихиры», т. е. перекладывал на мелодии нераспетые тексты песнопений. Ученик этого мастера А. Т. Мельнов (1868–1935) настолько «крепко» изучил знаменное пение, что «сам распевал по крюкам каноны; между прочим распел Канон чудотворцу Николе по крюкам и наречь, ибо был ревнитель наречного пения». В качестве «ревнителей наречного пения» выступают также М. Ф. Воронов и Г. И. Сычев (1860–1937), имевший «сильнейший» низкий голос и певший «слишком 60 лет». «История» говорит и о других знатоках древнего искусства. «Великий знаменщик» Я. Кудряшов сам перед смертью пропел весь канон на исход души «и последний раз вздохнул и помер». «Хороший певец по знамени» А. П. Медведев «переписывал сам знаменные книги и имел много разных книг». Об А. В. Байдосове (1860–1934) и М. Ф. Мурдасове (1874–1934) говорится, что им довелось мало учиться крюковой грамоте, но они знали очень много песнопений наизусть и были хорошими певцами. Упоминается в «Истории» и женщина, прекрасно владевшая знаменным пением: жена Л. К. Мурдасова (1850–1932) Евдокия Васильевна так «знала хорошо по крюкам и по помете», что «учила молодых людей». Все, о ком повествуется в «Истории» трудились «в заводе», работали на мельнице, занимались кустарными промыслами. Таким образом, древнее певческое искусство в среде беспоповцев поморского согласия продолжали хранить представители самых демократических слоев населения.

Певческие книги уральских поморцев XIX – начала XX в. своими писцовыми и владельческими записями подтверждают эти сведения. С древних образцов списки книг создавались талантливыми народными

мастерами с учетом всех особенностей сложившегося «поморского письма». Не редко их книги представляли собой великолепные образцы книжно-рукописного искусства древнерусской традиции. Интересно, что преобладают книги, использовавшиеся в обучении «по крюкам и по помете» – Ирмологии, Азбуки. Вот «книга, глаголемая Фитник, сиречь начално учение осмогласного пения», написанная в середине XIX в., а «писал Кирилло Савельев». Скромно названная «Фитником», рукопись содержит обширную Азбуку знаменного пения (Фитник – лишь часть ее), в которой наряду с упражнениями, объяснениями знамен находим «Имена и попевки на осмь гласов» из Ирмология, Октоиха, Праздников – раздел (Кокизник), редко встречающийся и в поздних, и в древних музыкально-теоретических руководствах. Особенно часто переписывались Ирмологии. Так, Ирмологий с полным составом ирмосов в конце XIX в. был написан П. С. Кутиковым, крестьянином с. Пески. Тогда же аналогичный список книги выполнил крестьянин Н. И. Федулов. В 1900 г. «Ирмолой» переписал житель д. Митино Н. С. Охохонин, причем книгу украшает прекрасная заставка-рамка поморского орнамента. Еще более изукрашен Ирмологий, что «писал Яков Иванов Охохонин» в 1903 г. Обе рукописи Охохониных близки также полным содержанием в них песнопений.

Иногда певческие книги, бытовавшие среди уральских поморцев, писались в соседних районах. «На Вятке» в начале XIX в. работал «книгописец» Булдаков Фаддей Исаков сын. В 1810 г. им написан Обиходник, который «переплетал из Москвы посельщик храмой» А.С. Баженов. Ряд песнопений в рукописи приведено в различных вариантах распевов, в том числе Демественном и Малом («Знамя малое»). Другую рукопись Фаддей Булдаков закончил в марте 1813 г., указав, что «с книги, глаголемаго Стихираля, древлеписанного в четверть мелким писмом 7122 [1614] года, апреля 13 дня, преведен сей Фитник, сиречь собрание от всех церковных певчих книг разным лицам, фитам и узлам, и с показанием всего знамя от нискаго гласа и до высокаго, и которому всему дан розвод для хотящих навыкнути всего церковного пения старознаменнаго». Книга представляет собой обстоятельную певческую Азбуку. Привлекает внимание одно из упражнений, данное в уникальном для старообрядческих рукописей «Партесном розводе». Это свидетельствует о том, что Булдаков использовал при написании книги не только Стихирарь 1614 г., но и более поздние сборники. В целом же в среде поморцев (как и староверов иных согласий) партесный распев отвергался, да и «наречное пение» вводилось далеко не во всех поморских общинах.

Говоря о бытовании древнерусского певческого искусства и его письменных памятников в кругах поморцев Урала, отметим, что при явном преобладании «Ирмолоев» и «Фитников» (Азбук) репертуар знаменных книг был здесь все-таки разнообразным. Правда встречаются эти книги в единичных экземплярах: Триодь постная (XVIII в.), Праздники и Трезвоны (XIX в.), Избранные песнопения Октоиха. Обиходником в начале XX в.

владел «гражданин Далматовского поселка» Е.Н. Мочалов. Обиходник обнаруживаем и в сборнике, некогда принадлежавшем жителю «д. Чубарковой Верхней» Т. С. Сопельцову. Прекрасная рукопись начала XIX в., состоящая из Октоиха и Обиходника, была подарена некой А. И. Култышевой «настоятельницей и головщицей поморской общины» г. Казани А. М. Александровой. Сборник в числе многих нетрадиционных распевов содержит песнопения «Демеством», «Большим роспевом», «Демество, малой роспев», «Ин роспев, Греческой».

Итак, в среде уральских поморцев «крюковое» пение становится одним из явлений культуры. В условиях Урала, удаленного от центра, эта среда, состоящая главным образом из рядового горнозаводского населения, сохраняла древнейшие традиции певческого искусства.

Уже среди рукописей XVII и XVIII столетий наряду с певческими книгами, письмо и украшения которых выполнены высокохудожественно, мы встречаем памятники, написанные и украшенные довольно неумело (чаще– грубая стилизация под известные типы орнаментов). Кроме внешнего оформления книг на невысокую квалификацию писцов указывают также описки, исправления, пропуски текста с последующими вставками его на полях и т. п. Все это является признаками того, что рукописи не только бытовали, но нередко и создавались (переписывались) в демократической среде русского населения Урала. Прямое подтверждение сказанному мы находим в записях, оставленных самими переписчиками книг. Имеется значительно большее количество данных, позволяющих констатировать создание списков певческих памятников здесь же на Урале. Причем в среде старообрядцев-беспоповцев этим широко занимались крестьяне и «заводов жители».

В упомянутой «Истории старыя веры в Златоусте и в округе», составленной старообрядцами-поморцами, упоминается, что только в одной их небольшой общине знаменные книги переписывало два человека – работавший «в заводе» Ф. В. Мурдасов (1847–1922) и владелец мельницы А. П. Медведев (1860–1944).

Иногда в роли хранительницы не только певческой книги, но и соответствующей книжно-рукописной традиции выступала женщина. В беспоповских общинах среди женщин нередки были грамотные, читающие книги, поющие и обучающие детей. В курс обучения обязательно входило пение «по крюковым древним нотам». В. И. Малышев, говоря о рукописных традициях Поморья, указывал, что обучением и письмом книг (среди которых было много «нотно-крюковых») здесь занимались «грамотницы» или «писицы». Некоторые записи в уральских певческих книгах также упоминают женщину как автора списка.

Процесс демократизации среды бытования искусства знаменного пения и создания его письменных памятников находит отражение и во внешнем виде рукописей. Так, на протяжении XIX в. у старообрядцев часовенного согласия значительно упрощается оформление книг, их письмо.

Большинство памятников украшено примитивными заставками в виде вьюнков, полевых цветов, грубых геометрических орнаментов, изображений птиц, ваз с цветами, куполов церквей и т. д. Однако певческие книги старообрядцев-поморцев часто являются высокохудожественными образцами древнерусской книжно-рукописной традиции.

Сложившаяся в течение XVIII в. манера письма и возникший на основе роскошного московского барокко второй половины XVII в. поморский тип украшений с его цветовым решением бережно сохранялись независимо от места создания рукописи. Поморский орнамент отличается изящностью проработки. Как правило, он представляет собой сочетание небольших вычурно-витиеватых плоскостей с прорезями, характерных для стиля барокко, и извивающихся узколистных растений с цветами и ягодами (клюквой). При раскраске чаще всего использовались благородные зеленый и бордовый тона с чередованием золота. Титульный лист книги украшался заставкой-рамкой, внутри которой вязью или специфическим для поморских рукописей орнаментированным полууставом сообщалось название певческого сборника. Справа от заставки-рамки на поле обычно помещалось изображение цветка (не редко он удерживается в руке). На вершинах рамки и цветка рисовались птицы с ягодами в клювах. Начало нового раздела рукописи отмечалось заставкой менее сложной конструкции. Своеобразным было и поморское книжное письмо – строгий полуустав с размеренной расстановкой букв, отчего иногда терялась четкость разделения слов на слоги. Заметим, что некоторые книги уральских писцов из крестьянской среды –П. С. Кутикова, Я. И. Охохонина, Н. И. Федулова – написаны в лучших традициях «поморского письма».

Случалось, что переписчики являлись одновременно и переплетчиками своих рукописей. Однако чаще всего сами писцы книги не переплетали. Так, книга, которую «писал Яков Иванов Охохонин» в 1903 г., была переплетена 1910, августа 10-го» неким «К. Г. в Кургане». Обычно крестьяне или представители городских низов занимались переплетным делом с целью дополнительного заработка. Приходилось им переплетать заново и старые книги, переплеты которых были утрачены. В больших городах нередко рукописи отдавали переплетать профессиональным мастерам. Следует отметить, что переплетчики строго следовали древним традициям своего ремесла. Как и сотни лет назад, переплеты изготовлялись из досок, покрытых тисненой кожей, снабжались двумя застежками, иногда – жуковинами, предохранявшими кожу от трения. Готовая певческая книга, если она продавалась, стоила довольно дорого. Стоимость одной рукописной книги от четырех рублей серебром и выше для «завода жителя» или крестьянина – сумма весьма значительная (нередко приходилось покупать книгу вскладчину). Это также являлось причиной того, что именно в данной среде шла интенсивная переписка крюковых рукописей.

Создание списков древних певческих памятников представителями различных старообрядческих согласий, в каждом из которых была своя певческо-исполнительская практика, несомненно, отражалось на репертуаре песнопений, составе книг. Особенно ярко это видно на примере певческого сборника «Обиход».

Эта книга особо отразила такое специфическое свойство древнерусской книжности, как избирательность репертуара и расположение частей книги в зависимости от удобства пользования ею, а также приспособление к местным условиям, обычаям и традициям. Поэтому состав и структура рукописей Обихода на всем протяжении его существования очень подвижны. Но «классический» древнерусский Обиход всегда содержит «Последование велицей вечерни и утрени» (Всенощного бдения) и литургий. К этому обычно добавляются песнопения Великопостного и Пасхального циклов, а также чинов Погребения («Заупокойный») и Многолетия («Заздравной чаши») верховным властям. Сами эти разделы располагались в произвольном порядке, полностью зависящем от воли заказчиков, переписчиков, певцов.

Исторические изменения в идеологии, культуре, богослужебной практике староверов нашли яркое отражение в списках этой наиболее употребительной из певческих книг. Так, отказ от «молений за царя» повлек за собой полное исключение из старообрядческих рукописей Обихода чина «Заздравной чаши». Распространение на Урале беспоповского поморского согласия, а затем и трансформация крупнейшего софонтиевского также в беспоповское (часовенное) привело к отказу основной массы староверов от поповской богослужебной практики и от всех обрядов, связанных лишь с нею. Это вызвало варьирование состава и песнопений основных разделов Обихода, и самих этих разделов. Например, старообрядцы отказались от литургии как службы, поскольку ее мог совершать только священник в храме. Состав списков Обихода, следовательно, начинает определяться прежде всего их принадлежностью к согласию.

Широкая демократизация исполнительской среды и, конечно, то, что переписка певческих рукописей и обучение по ним также осуществлялись в этой среде, накладывало определенный отпечаток и на само исполнение произведений. Внешне это находит свое выражение, в первую очередь, в нотном письме. Например, в старообрядческих списках, в произведениях, записанных знаменной нотацией, заметно уменьшается количество мелодических формул – фит и лиц, украшающих песнопения, но сложных для заучивания и затрудняющих как обучение, так и исполнение песнопений. К некоторым из фит в тексте даются разводы после начертания формулы и указания «розвод». Многие же рукописи имеют только разводы формул, да и то в небольшом количестве.

В отношении других древних способов музыкального письма наблюдается следующее. Ни в одной старообрядческой рукописи мы не встречаем древнерусской путевой нотации, хотя сам термин «Путь» не ис-

чезает. Более того, обычно старообрядцы даже не знают, что когда-то существовало нотное письмо для песнопений данного стиля. Певцы воспринимают этот термин только как указание на особый распев. Все путевые произведения записаны, как правило, столповой нотацией, а рукописях часто помечено: «Путь столповой». Система же записи демественного распева в старообрядческий период существования крюкового пения оказалась более жизнеспособной. Торжественные песнопения в стиле Демества, записанные его нотацией, встречаются в рукописях. Сами уральские старообрядцы с удовольствием исполняют демественные песнопения, но предпочитают все-таки переведенные на обычную знаменную нотацию (столповое знамя), что нашло свое отражение и в рукописных памятниках.

Часто старообрядцы называют свое пение «солевым» (петь «по солям»). Действительно, основой их чтения крюковой нотации являются киноварные пометы, которые были изобретены к середине XVII в. и потому имеются в рукописях всех старообрядческих согласий. Совсем иное дело – призна́ки, принятые и введенные государственной комиссией 1669–1670 гг., когда старообрядчество как оппозиция официальной церкви и государству уже существовало. Поэтому естественным было бы непризнание староверами «новин» этой комиссии. Однако признаки отсутствуют только в рукописях поморцев. Старообрядцы остальных согласий, поют как по пометам, так и по признакам.

Еще одним отражением древних певческих традиций является наличие в старообрядческих певческих книгах различных вариантов распевов. Известно, что в русском профессионально-певческом искусстве XVI – XVII вв. бытовало большое количество всевозможных напевов к одним и тем же текстам. Это – безымянные произведения, обозначавшиеся в книгах ремарками «Ин роспев», «Ин перевод», «Ино знамя» и т. п., а также распевы, получившие свои названия от местностей зарождения, монастырей, реже – от имен авторов. Старообрядцы, преследуемые официальной церковью и государством, вынуждены были не только упростить обряды и перенести их совершение главным образом в домашние условия, но и резко сократить продолжительность служб. Варианты распевов в основном предназначались для того, чтобы скрасить однообразие повторяющихся песнопений. Однако, где это было возможно, старообрядцы эти повторения вообще исключали. Тем не менее, они сохранили достаточно большое число распевов, выходящих за пределы обще-традиционных (или гласовых) напевов и представляющих собой настоящую сокровищницу древнерусского певческого искусства.

Кроме многочисленных «иных» вариантов, особой популярностью пользовались песнопения, написанные в распевах Большом, или «Великом», и в Малом, или «Меньшом». Реже встречаются их демественные варианты: «Малодемественный», «Большое демество». В книгах поморцев, сохраняющих древнейшие традиции пения, попадаются и довольно

редкие распевы: Кирилловский, Соловецкий, Тихвинский, Псковский, Болгарский и другие.

Говоря о текстах песнопений, напомним, что развитие языка певческих рукописей прошло три этапа: старое истинноречие (примерно до XV в.), раздельноречие, или «хомония» (от характерного окончания многих слов: «гре*хомо*», «сотвори*хомо*» и т. п.), господствовавшая почти три века, и новое истинноречие, окончательно введенное комиссией мастеров в 1669–1670 гг. Известно, что некоторые идеологи старообрядчества активно выступали против раздельноречия. Аввакум гневно осуждал его в своих воззваниях. На Выге Семен Денисов переправлял «от себе» тексты хомовых книг. Однако от раздельноречия отказались только старообрядцы, связанные с поповщиной. На Урале хомония сохранялась в среде поморского согласия (сами поморцы называют такое свое пение «наонным» или «онным»). Поэтому их исполнительская манера отличается от пения остальных согласий. Как же поморцы относились к старообрядцам, сохранявшим наречное пение?

На Первом Всероссийском соборе поморцев в Москве (1909 г.) был поставлен вопрос: «Какое пение правильное: на-он или наречное? Можно ли оное пение называть еретическим и разделяться из-за этого?». В «Деяниях» собора было записано: «Пение на-он и на-речь предоставляется усмотрению прихода. Ни то, ни другое не хулить и из-за этого не крамолиться и не разделяться». Однако, это постановление собора оставалось, видимо, лишь благим пожеланием. На деле все складывалось несколько иначе.

В одном из рукописных сборников, поступивших из г. Кургана, содержатся материалы о спорах в начале XX в. между сторонниками «онного» пения и так называемыми «наречниками». Первые говорили, что наречное пение «наперекор древнему онному пению» – еретическое, поскольку «порождает раздор». Наречники объявлялись сторонниками патриарха Никона, так как «разукрасили пение под вид партесного Никонова изобретения». Сторонники наречного пения не оставались в долгу. Нижегородский наставник Кокунин И. М. в «Послании курганским, именуемым наречниками» (1925 г.) объявил «оновое» пение невежеством. С новой силой спор разгорелся на Курганском соборе 1926 г. Саратовский представитель Чуев В.К. «привез с собою Ирмосы новонаречного текста», в которых имелась «подпись», что они писаны в «1652-м году старцем Авраамием». Чуев утверждал, что наречное пение появилось до Никона. Но собор отверг его доводы, объявив, что книга исправлена Первой правительственной комиссией 1652 г.

По всей вероятности, в разных поморских общинах Урала установились различные правила исполнения текстов песнопений. В рассмотренной выше поморской «Истории старыя веры в Златоусте и в округе» подчеркивается, что наиболее авторитетные и «грамотные» певцы, деятельность которых пришлась на последнюю четверть XIX – первую треть XX в., вы-

ступали «ревнителями» именно «наречного пения». Сычев Г. И. сам ездил «в Тулу к Батову Д. В. и привез певчие наречные книги: Праздники, Ирмосы и Обиход», а Мельнов А. Т. говаривал: «Прилипни язык мой к гортани моему, если я буду петь на-он».

Отметим, что после царского Манифеста от 17 октября 1906 г., даровавшего гражданские права и свободы староверам, повсюду в России стали возникать и регистрироваться старообрядческие общины, а также молельни, часовни, церкви. Быстро было организовано и массовое издание богослужебных и прочих необходимых книг, в том числе певческих. Одним из крупнейших издательств, специализировавшихся на публикации крюковых сборников, являлось московское издательство «Знаменное пение». Оно ориентировалось на старообрядцев всех крупных согласий. Были опубликованы и наиболее важные певческие книги для старообрядцев-поморцев («Обиход крюковой оноваго напева», «Ирмосы крюковые оноваго напева»). За короткий срок был издан не только полный круг богослужебных знаменных книг, но и учебная литература по овладению древним певческим искусством («Азбука знаменного пения» и «Азбука демественного пения» Л. Ф. Калашникова, «Октай учебный» и др.). Издание некоторых из этих книг осуществлялось и в Киеве. Печатные певческие книги широко разошлись по России. Хорошо знали их и на Урале. Но, по-видимому, и это не удовлетворило спрос старообрядцев, так как они продолжали и далее хранить традиции древнерусского музыкального письма.

Чрезвычайно интересные сведения об активной творческой деятельности старообрядческих певцов сообщает «История старыя веры в Златоусте и в округе». Наставник общины поморцев и певчий Ф. В. Мурдасов (1847–1922) не только «учил пению по крюкам и по помете, писал знаменные книги от руки», но и «распевал сам стихеры по крюкам», то есть текстам нераспетых песнопений придавал мелодии знаменного распева. К сожалению, из источника не ясно, создавал ли Филипп Венедиктович свои, оригинальные, распевы или перекладывал стихиры на напевы по древнейшему принципу распевания текстов «на подобен» (используя песнопения-образцы с определенным количеством строк). Однако, установлено, что и пение «на подобен» не исключало творчества, а, напротив, являлось одним из его видов. Ученик Мурдасова А. Т. Мельнов (1868–1935) «так выучился крепко, что сам распевал по крюкам каноны; между прочим распел канон чудотворцу Николе по крюкам и наречь». Нам известно, что в среде поморцев обучение знаменному пению велось по Ирмологию. Зная наизусть ирмосы, Александр Трофимович без труда мог петь ненотированные каноны, перекладывать их на крюки.

На развитие музыкально-теоретической мысли в кругах старообрядческих мастеров пения огромное влияние оказывали условия жизни и ширящийся процесс демократизации певческо-исполнительской среды. Новые поколения приверженцев «древлего благочестия» обучались чтению,

книжному письму и обязательно крюковому пению в многочисленных уральских скитах. Поскольку основную массу староверов составляли крестьяне и «заводов жители», а обучающие и обучаемые были также из этой среды, то вряд ли они имели возможность долго и обстоятельно изучать все тонкости певческого искусства. Кроме того, на протяжении XVIII в. скиты постоянно подвергались разгромам правительственными войсками, изыманию книг, по которым велось обучение. Все это заставляло искать пути к облегчению процесса овладения «многотрудным» пением и одновременно к его ускорению. При этом старообрядческие музыкальные теоретики начали посягать даже на сами способы записи древнерусских певческих произведений. Так в среде старообрядцев появились новые виды нотного письма, как объясняли сами реформаторы, «ради удобного скоропонятия учащимся и способности в произвождении действительного пения».

М. В. Бражниковым было обнаружено две рукописи XIX в. «новой» нотации, представляющей собой упрощенную крюковую с раздельноречным текстом, что явно указывает на среду старообрядцев поморского согласия. По «явному преобладанию во всей нотации знамени палка» ученый присвоил ей наименование «палочной». В начале рукописи, в «Винословии» говорится, что некий «совет благоразумных мужей», сожалея «о многом напрасно времени, изнурении учащихся пети по великопространнейшему многому старому знамени, рассудихом... *избрати из оного самыя нужнейшие* к пению знамена, которые бы могли совершенство производити». Однако, предвидя «поношение» «древностей любителей», совет спешит оправдаться. Он говорит, что «издание сие не усиливательно вводится, но произволительно каждому препоручается», и что новое знамя «не с таким всехвальным духом издается, чтобы весьма возвышено перед старым было». Уточняя причины, вызвавшие появление этого «издания», «благоразумные мужи» отмечают: «Мы в роде своем по премногу суть слабы и немощны, *но нам чрез многие знамена не понятна есть сущность пения*». Так источником раскрываются цели, которые ставили перед собой музыкальные теоретики поморского согласия, а также соображения, которыми они руководствовались при составлении новой упрощенной нотации.

Как видим, поморские музыкальные теоретики, идя по пути упрощения нотации, избрали «самые нужнейшие к пению знамена». Поморское согласие сохраняло самые архаические традиции крюкового пения (раздельноречие, беспризначное письмо и т.д.), поэтому поморские теоретики недаром боялись «древностей любителей» и не случайно назвали свое предисловие «Винословием». Софонтиевцы, до конца 20-х гг. XIX в. принимавшие «беглых» от официальной церкви попов, сильнее испытывали влияние западноевропейской музыкальной системы, а приступая к созданию упрощенной нотации, прямо позаимствовали из нее нотный стан, несколько видоизменив его. Они создали «линейно-значковое письмо». Все это было попытками с помощью упрощенных нотных знаков передать из-

древле известный знаменный распев. Однако для его записи существует и пригодна только одна, в полной мере выражающая его нотация – знаменная (столповое знамя). Тем не менее и эти рукописи представляют значительный научный интерес как памятники теоретических изысканий в области древнего музыкально-певческого искусства, и как еще один штрих к культурно-историческому прошлому уральского горнозаводского населения.

Итак, выход древнерусского искусства знаменного пения за рамки профессионального функционирования, расширение и демократизация среды бытования певческих книг повлекли за собой широкую переписку этих памятников. Большинство рукописей создавалось в демократических слоях старообрядческого населения Урала. Изменялись материалы для изготовления книг, упрощались их письмо и оформление, но списки древних напевов создавались с особой любовью (певческие рукописи – самые иллюминированные), сохранялись десятилетиями в одних и тех же семьях, переходя из поколения в поколение вместе с самим искусством знаменного пения. Со временем каждое из крупнейших старообрядческих согласий смогло выработать свои рукописные традиции, внешним выражением которых являлось письмо и оформление книг. Некоторые из сторон письма, а также состав и содержание памятников, теснейшим образом связаны с певческо-исполнительской практикой, исторически сложившейся в том или ином согласии, с изменениями в идеологии и культуре старообрядчества. Непресекающиеся традиции «крюкового пения» у старообрядцев находят свое выражение и в создании новых произведений в стилях древнего искусства, а также в различных музыкально-теоретических изысканиях.

1. Парфентьев, Н. П. Традиции и памятники древнерусской музыкально-письменной культуры на Урале (XVI – XX вв.) / Н. П. Парфентьев. – Челябинск, 1994.
2. Малышев, В. И. Как писались рукописи в Поморье в XIX – начале XX вв. / В. И. Малышев // Известия Карело-финской научно-исследовательской базы АН СССР. – Петрозаводск, 1949.
3. Бражников, М. В. Древнерусская теория музыки / М. В. Бражников. – Л.: Музыка, 1972.
4. Покровский, Н. Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. / Н. Н. Покровский. – Новосибирск: Наука, 1974.
5. Мосин, А. Г. Златоустовские старцы / А. Г. Мосин // Урал (Свердловск). – 1993. – № 3. – С. 200–204.
6. Парфентьева, Н. В. Авторские произведения древнерусских мастеров церковно-певческого искусства в старообрядческой книжно-рукописной традиции Урала / Н. В. Парфентьева // Вестн. Юж.-Урал. гос. ун-та. Сер.: Социально-гуманитарные науки. – Вып. 15.– Челябинск: ЮУрГУ. – 2010. – С. 91–95.

Д. Е. Пельков
Челябинская государственная академия культуры и искусств

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАРОДНЫХ ДОМОВ УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ (НА ПРИМЕРЕ УФИМСКОГО УЕЗДА)

Народные дома Уфимской губернии в основном учреждались попечительствами о народной трезвости, при пособничестве местных городского и сельских обществ. Приступили к созданию собственной сети народ-

ных домов и земские учреждения, которые в условиях недостатка специальных зданий и острой необходимости проведения различных массовых мероприятий создавали своеобразный синтез народного дома и школы. В данной статье рассмотрим посещаемость этих учреждений, а также основные формы культурно-просветительной и массовой работы народных домов Уфимской губернии на примере Уфимского уезда. Именно в этом уезде народные дома получили наибольшее распространение, 31 дом располагался здесь и 59 – в остальных пяти уездах губернии.

Чаще всего народный дом в Уфимской губернии представлял собой одноэтажное здание с несколькими комнатами, в которых размешались чайная, библиотека-читальня, аудитория, иногда помещение состояло всего из одной комнаты, где размещались перечисленные учреждения. В народных домах проводились чтения, устраивались спектакли, концерты, танцы и рождественские елки для детей.

При каждом народном доме г. Уфы и Уфимского уезда функционировали библиотеки-читальни. В 1900 г. 11 библиотек-читален при народных домах, о посещаемости которых есть сведения, посетили 16161 человек [2, с. 70–71]. В 1907 г. 21 библиотеку читальню при народных домах, о которых есть сведения, посетили около 55870 человек [5, с. 34–35]. Данные о посещаемости приблизительны, поскольку служащие народных домов часто вели статистику произвольно. К основным проблемам, влияющим на достоверность, нужно отнести практику записи количества абонементов за количество посещений. С другой стороны, нередко случалось, что один записанный в библиотеку брал книгу и читал для целой группы неграмотных в помещении читальни, что как посещения не регистрировалось.

Все же картина представляется довольно отчетливо, охват библиотеками населения довольно широк, и численно, и географически, – от губернского центра и его окрестностей, до маленьких деревень с населением в несколько сот человек в разных уголках уезда. Причем в некоторых населенных пунктах количество посещений близко к общему числу жителей. Например, в селе Калинники в 1907 г при 1477 жителях зафиксировано 1377 посещений библиотеки, в д. Нижегородка при 6824 жителей – 4653 посещения [5, с. 34].

Одним из важных направлений работы народных домов было проведение чтений на различные темы. Проведение чтений приобрело довольно широкий размах в Уфимской губернии в целом и в Уфимском уезде в частности. Площадками для них становились различные учреждения, школы, училища, здания волостных и заводских правлений, парки и площадки под открытым небом, народные дома. Если в населенном пункте находились народные дома, то чтения почти всегда проводились в них. Особого размаха чтения достигли опять же в период с 1900 г. по 1907 г.

В 1900 году чтения проводились в 7 народных домах всего 144 раза, на которых присутствовали 13654 слушателя (без учета слушателей Благовещенского народного дома, где чтения проводились 21 раз, а сведений о коли-

честве людей не доставлено) [2, с. 79–80]. Для сравнения в следующем 1901 г. чтения, о которых существует информация, проводились уже в 16 народных домах 283 раза с общей аудиторией 47240 человек [3, с. 78–79]. В 1907 г. чтения прошли в 13 народных домах 198 раз при аудитории 48526 человек. Интересно, что при общем уменьшении количества чтений и площадок, где они проводились аудитория слушателей в 1907 г. возросла по сравнению с 1901 г. Это можно объяснить качественным улучшением сети народных домов, в статистику 1907 г. попали народные дома г. Уфы на Верхней торговой площади и в Северной слободе, которые посетили 11575 и 7220 человек соответственно, в 1900 г. и 1901 г. чтений в этих домах не проводилось [5, с. 44–46].

Из приведенных выше данных видно, что в деле организации чтений народные дома достаточно преуспели. Чтения как форма образования и воспитания народа приобрела на базе народных домов системность, охватывала большую часть населения как количественно, так и территориально.

К еще одному важному элементу работы народных домов следует отнести проведение спектаклей, литературных и танцевальных вечеров, маскарадов, детских елок и других культурно-развлекательных мероприятий. В г. Уфе и Уфимском уезде эта работа вылилась в следующие показатели. В 1900 г. спектакли проводились в двух пунктах – в Народном доме на Верхней торговой площади г. Уфы (7 раз при 2033 зрителях) и Народном доме Благовещенского завода (2 спектакля, количество зрителе не известно). Танцы были в народном доме Северной слободы 7 раз, а в Балашевском народном доме была проведена рождественская елка, на которой присутствовало около 900 человек [2, с. 85, 87]. В 1902 г. спектакли прошли в четырех народных домах, всего было дано 27 спектаклей, на которых присутствовало около 6735 человек [4, с. 73–74]. В 1907 г. было 37 спектаклей в 4 народных домах, где присутствовали около 8840 человек. Танцы, вечера, маскарады и другие мероприятия проводились 9 раз в трех народных домах [6, с. 53]

Таким образом, видно, что спектакли танцы, вечера и другие подобные мероприятия не получили широкого распространения. Регулярно же эти мероприятия проводились лишь в крупных населенных пунктах в г. Уфе, в Симском, Благовещенском и Миньярском заводах. Такое положение можно объяснить отсутствием соответствующих кадров. Если, например, для чайных не нужно особых профессионалов (для устройства чтений или библиотек привлекались отдельные специалисты: учителя и представители интеллигенции и духовенства), то для организации спектакля или концерта нужна была уже группа людей, любительские труппы, различные общества. Естественно, что такие объединения возникали только в крупных населенных пунктах. Также крупные народные дома посещали различные труппы и отдельные гастролеры.

Другие направления внешкольной и просветительной работы имелись в единичных случаях. Также не удалось установить фактов организации школ для взрослых.

К особенностям уфимских народных домов относится их широкое использование под земские школы, в условиях недостатка помещений, именно построенные в свое время народные дома стали площадками для организации начального образования, в то же время и школы, возводившие земством, предусматривали использование их во внешкольной культурно-просветительной деятельности.

Общее представление о посещаемости народных домов можно получить из анализа статистики деятельности чайных, часто именно за посетителей чайных записывали всех, кто посетил народный дом. Чайные размещались далеко не в каждом народном доме, в разное время в зданиях народных домов их функционировало 11. Наиболее успешно чайные действовали в следующих народных домах: на Верхней торговой площади г. Уфы, при Вавиловской и Оренбургской переправах, в Балашевском народном доме Симского завода, народном доме села Надеждено, в народном доме Миньярского завода, народном доме с. Сергеевка, Емашевском народном доме. Пик активной работы чайных при народных домах приходится на начало XX в. 1900–1902 гг. Так 9 действовавших чайных при народных домах в 1900 г. посетили 227854 человек [2, с. 55], что составляет почти 97 % от общего населения Уфимского уезда в тот период (на 1900 г. 235748 человек) [1, л. 10]. В 1907 г. 5 оставшихся чайных при народных домах посетили 156300 человек.

Таким образом, народные дома вели широкую культурно-просветительную деятельность и активно посещались населением. Именно народные дома стали площадкой для реализации начинаний различных форм внешкольного просвещения. Вместе с тем сеть народных домов, созданная в конце 1890-х – первой половине 1910 гг. не получила должного развития. Вместе с угасанием деятельности попечительств о народной трезвости, угасала и деятельность народных домов, государство оказалось не способным или нежелающим продолжать эту работу, а общество оказалось не готово подхватить эстафету у государства. В этих условиях инициативу могли взять на себя земства, что они и попытались сделать, учреждая синтезированные школы – народные дома, и позже разработав проект сети народных домов. Но начавшиеся вскоре война и революция остановили земские начинания. После революции народные дома были преобразованы в клубные учреждения, развиваясь в рамках нового политического строя и нового государства.

Архивные материалы

1. Национальный архив республики Башкортостан Ф. И-132, оп. 1, ед. хр. 676 Л. 10.

Опубликованные источники

2. Отчет о деятельности Уфимского Попечительства о народной трезвости за 1900 г. – Уфа : Губерн. тип., 1901. – 123 с.
3. Отчет о деятельности Уфимского Попечительства о народной трезвости за 1901 г. – Уфа : Губерн. тип., 1902. – 123 с.
4. Отчет о деятельности Уфимского Попечительства о народной трезвости за 1902 г. – Уфа : Губерн. тип., 1903. – 119 с.
5. Отчет о деятельности Уфимского Попечительства о народной трезвости за 1907 г. – Уфа : Губерн. тип., 1909. – 130 с.

СЛОВО НАСТАВНИКА

А. Е. Перебейнос
Канд. ист. наук, доцент
Челябинский государственный педагогический университет

ВНЕБОГОСЛУЖЕБНЫЕ РЕЛИГИОЗНО-НРАВСТВЕННЫЕ ЧТЕНИЯ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ УРАЛЬСКОГО ПРАВОСЛАВНОГО НАСЕЛЕНИЯ в 80-е годы XIX – начале XX века

Православная церковь России в 70-е годы XIX в. активизировала свое участие в совершенствовании организации разумного досуга верующих. Уральские епархии стали создавать религиозно-просветительские формы досуга, в которых особое место занимали внебогослужебные религиозно-нравственные чтения. Проводились они обыкновенно по воскресным и праздничным дням. «Цель бесед – дать народу хотя бы элементарные сведения и насколько возможно способствовать улучшению его нравственности, а так как предполагаемые собеседования назначались по воскресным и праздничным дням, то вместе с главною целью имелась ввиду и другая: отвлечь народ от пустого, часто беспорядочного, препровождения времени» [7, с. 292].

Часто уральская епархиальная печать, определяя цель внебогослужебных религиозно-нравственных чтений, на первое место ставила их досуговую значимость. Так, «Оренбургские епархиальные ведомости» в январе 1883 года, когда только начиналось их проведение, писали по этому поводу так: «Цель бесед – отвлечь народ от непристойного образа препровождения времени в праздники… а с другой – дать ему что-нибудь назидательное. …И народ с первого же разу стал посещать их в значительном количестве» [8, с. 152].

В Оренбурге каждый городской священник помимо своих прямых обязанностей был обременен еще многими побочными, то и вести беседы на первых порах решились только трое. «Это – священник при церкви юнкерского училища о.Павел Словохотов, кладбищенской церкви священник о.Петр Райский и Покровской церкви священник о.Владимир Ясенский» [7, с. 292].

Отцы-собеседователи «проводили беседы» по готовым печатным руководствам и притом так, чтобы эти беседы имели вид неторопливого и удобно-понятного чтения, иначе: чтобы беседы походили на чтения и чтения – на беседы» [Там же, с. 292]. Исходя из такой методики, Уральская епархиальная печать называла данные чтения то беседами, то собеседованиями, то чтениями, а позже лекциями. Учитывая, что религиозно-нравственные чтения проводились чаще всего для «простого народа», то от собеседователей требовалось, чтобы материал излагался «живой речью, а содержание должно достать искренностью, простотой и чувством». Вначале религиозно-нравственные собеседования в Оренбурге проводились в здании городской Думы и в зале мещанской управы. Первая «беседа-чтение» проходила 2 января 1883 г. с трех часов дня. «Перед началом чтений был отслужен молебен Господу Богу,

после которого народ в количестве до 200 человек, преимущественно женщины, разместились, кто где мог: одни уселись на скамьях, другие на полу, большинство же все продолжение чтений оставались на ногах». В ходе чтений шло «объяснение Евангелия, житие святителя Василия Великого, чтение и объяснение Апостола и назидательной статьи из журнала «Воскресное чтение», и все это сопровождалось пением молитвы «Достойна есть». Народ остался доволен первым опытом чтений и «многократно благодарил о.о. собеседователей».

Последующие чтения проводились в том же порядке. С каждой беседой число слушателей увеличивалось, а приготовленные для сидения скамьи, оказались ненужными: весь народ едва мог помещаться в зале, стояли на ногах. «Наплыв народа особенно увеличивался со времени, когда чтения стали проводиться с пением. Начало пению при духовно-нравственных чтениях в Оренбурге было положено 23 января хором архиерейских певчих. Затем по очереди стали принимать участие певчие хоры церквей: Вознесенской, Троицкой, Покровской, и хор любителей. Хоровое пение, с одной стороны, привлекало слушателей на беседы, а с другой, освежало утомленное чтением внимание слушателей и давало возможность короткого отдыха собеседователям. Иногда слушателям лекторы раскрывали содержание и церковных песнопений. Так, 13 февраля 1883 г. «хор певчих Вознесенской церкви исполнил «На реках Вавилонских», после чего последовало объяснение этого псалма» [7, с. 294].

20 февраля 1883 г. из-за все увеличивающегося наплыва слушателей, духовно-нравственные чтения из зала мещанской управы перенесли в собор на Караван-Сарайской площади, его вместительность до 1000 человек. С перенесением чтений в собор стало заметно больше разнообразия в составе слушателей. «Кроме простого народа стали посещать чтения купечество, чиновники и их жены, и их привлекало не одно простое любопытство» [8, с. 295].

Помимо Оренбурга внебогослужебные религиозно-нравственные собеседования стали проходить в соответствии с указом Оренбургской Консистории за № 1815 и в других приходах. Они стали устраиваться во всех городских и многих сельских приходах Оренбургской епархии [9, с. 847]. Внебогослужебные религиозно-нравственные беседы проводились священниками сельских церквей. Так, в селе Павловка священник Александр Граммаков с 27 ноября 1883 года начал проводить эти беседы. Здесь на первом собеседовании прихожан было «до 200 человек, которые слушали беседу с большим вниманием, а после ее окончания они благодарили за доброе слово и особенно за внятное и весьма понятное изложение беседы». Это было достигнуто за счет того, что священник «излагал текст своими словами» [10, с. 15].

В сельской местности внебогослужебные беседы проводились не только в храмах, но и местных школах, волостных правлениях, сельских управах, общественных избах. Летом чтения устраивались «везде, где только это удобно и прилично [10, с. 20].

К организации и проведению народных чтений во второй половине 80-х гг. XIX в. подключился Совет Оренбургского Михайло-Архангельского братства. Он оказывал материальную помощь в их проведении. Так, 27 января 1888 г. Совет Братства принял решение о приобретении туманных картин для волшебного фонаря, книг и брошюр. В принятом документе отмечалось, что световые картины фотографа Оже все были использованы при религиозно-нравственных чтениях в манеже юнкерского училища. Поэтому Совет постановил приобрести 25 картин с брошюрами для них за 55 рублей в собственность Братства. Кроме этого, «в интересах распространения между простым народом брошюр религиозно-нравственного содержания и для возбуждения в нем интереса к такому чтению, Совет признал полезным выписать 2,5 тысячи экземпляров Троицких листков и изданий Сытина для раздачи брошюр каждому посещавшему духовные чтения…» [11, с. 207].

В конце 80-х гг. XIX в. организаторы внебогослужебных религиозно-нравственных чтений пытались дифференцированно подходить к формированию аудиторий слушателей. В основе такой дифференциации лежал образовательный уровень прихожан. Для «простых горожан», как правило, в эту категорию попадали малограмотные или неграмотные жители Оренбурга, беседы устраивались в манеже юнкерского училища. Для «интеллигентной публики» чтения проводились в зале Городской думы [12, с. 28]. Здесь в 1888 г. были прочитаны следующие наиболее интересные статьи: «Что такое жизнь?», «Естественный Закон в духовном мире», «Нетление святых мощей угодников Божьих» и др. Если в манеже собиралось на чтения народу от 200 до 500 человек, то в здании Городской Думы, где устраивались чтения для «интеллигентной публики», слушателей было значительно меньше – 50–200 человек. В 1888 г. в помещении Думы было проведено 18, а в манеже – 19 чтений [12, с. 32].

Когда чтения для простого народ проводились «в соборной зале регентской школы… успех… был обеспечен непосредственным ведением дела самим Преосвященным Председателем Совета Братства Владимиром, Епископом Оренбургским и Уральским. Владыка принимал самое деятельное участие в устройстве этих чтений: сам составлял программы чтений, подбирал статьи, выдавал для иллюстраций чтений картины, которых было более тысячи, из своих собственных разнообразных коллекций; сам Владыка назначал соответствующие содержанию чтений церковные песнопения для певческого хора, и сам присутствовал на чтениях. Каждое чтение начиналось с выхода Преосвященного в аудиторию. Они начинались сопровождением и оканчивались церковным песнопением. Обыкновенно исполнялось от 8 до 12 номеров избранных духовных композиторов. Певчий хор, организованный и обучаемый при непосредственном наблюдении Владыки, точным исполнением доставлял слушателям чтений истинное духовное наслаждение. [13, с. 10–11] Чтений для народа, состояв-

шихся в соборном зале регентской школы с 29 ноября 1898 по 11 апреля 1899 г., составили более 20. Чтения проходили по воскресным дням с 7 часов вечера и были бесплатными. На них побывало 15200 посетителей. За этот же период времени было устроено 16 чтений для интеллигентной публики. Кроме религиозно-нравственных чтений для простого народа и интеллигенции проводились миссионерские беседы со старообрядцами в регентской школе. Они проходили по воскресеньям с 3 до 5 часов. Всех бесед с раскольниками состоялось 26 [14, с.14].

Челябинское отделение Братства внебогослужебные чтения проводило «в местной тюрьме и военных казармах» [14, с. 17]. А в Орске местное отделение Михайло-Архангельского Братства в течение нескольких лет организовывало внебогослужебные собеседования в чайной попечительства народной трезвости [15, с. 233].

В другой уральской епархии – Екатеринбургской, «внебогослужебные собеседования были введены почти во всех церквах…» [1, с. 149] Если в Оренбургской епархии проведение внебогослужебных религиозно-нравственных собеседований взял на себя Совет Михайло-Архангельского Братства, то в Екатеринбургской епархии это делал Совет общества праведного Симеона Верхотурского Чудотворца [2, с. 584]. Им в начале XX в. беседы были проведены в Екатеринбурге, Камышлове, Шадринске и ряде заводских поселков. Всех чтений в г. Екатеринбурге в 1901 г. было проведено 21. Народу на каждом внебогослужебном чтении собиралось по 100–150 и больше человек. Слушатели этих бесед «были по преимуществу люди простые, интеллигентов являлось мало». В г. Камышлове всех чтений в 1901 г. прошло 17 [3, с. 255].

В Екатеринбургской епархии многие религиозно-нравственные чтения проходили в церковно-приходских школах. Так, в Екатеринском уезде для собеседований с населением использовалось 12 школ. В школах поселков Верх-Исетского, Сысертского и Нижне-Исетского заводов чтения иллюстрировались туманными картинами волшебного фонаря. Эти «чтения везде сопровождались хоровым пением нравственного и патриотического содержания» [4, с. 199].

В Екатеринбургской епархии, как и в Оренбургской, народные религиозно-нравственные чтения проходили в присутствии Его Преосвященства. Это придавало им особую торжественность. 6 декабря 1911 г. в 7 часов вечера в зале театра Обухова он также был на чтениях, которые проводил протоиерей Екатеринбургского собора о.Дмитрий Пономарев, избравший темой чтения повесть из жизни первых христиан «Два мира». В антрактах пел хор архиерейских певчих под управлением регента М. В. Баталова. А в конце чтений хор исполнил «Боже царя храни». «Гимн был покрыт долгим несмолкаемым «ура» и был повторен дважды. Публики присутствовало до полутора тысячи человек. Помещение театра было переполнено» [4, с. 1159].

В этом же году 13 декабря в концертном зале театра Обухова в присутствии Его Преосвященства состоялась лекция, предназначенная для интеллигентной части жителей г. Екатеринбурга. Лектором был законоучитель мужской гимназии священник Николай Буткин. Для своего выступления он избрал тему «Богоборчества» на примере образа Ивана Карамазова. В перерыве, а также в начале и конце чтений хором архиерейских певчих было исполнено несколько музыкальных произведений церковных композиторов.

В этой епархии в 10-е гг. XX в. активное участие в устройстве лекций для интеллигенции и публичных чтений для простого народа принимало «Екатеринбургское общество хоругвеносцев». Для этих целей общество приобрело волшебный фонарь новейшей конструкции с двумя лампочками – электрической и спиртокалильной и 148 картин. Общество хоругвеносцев устраивало чтения не только в Екатеринбурге, но и Верх-Исетском заводе, Уктусе… «Екатеринбургские епархиальные ведомости» в 1913 г. по этому поводу писали: «Интерес к чтениям был огромный и желающих всегда было больше, чем размеры залов, и целым сотням людей приходилось отказывать…» [5, с. 50–51].

«Екатеринбургские епархиальные ведомости» с гордостью писали о том, что внебогослужебные религиозно-нравственные чтения успешно «конкурируют» со светскими массовыми формами досуга в г. Екатеринбурге. «13 января 1913 года в зале Екатеринбургского русского музыкального общества в присутствии Его Преосвященства Митрофана состоялись чтения… Зал был полон, несмотря на то, что в этот вечер в городе было в изобилии развлечений…. Казалось бы, где взять публику для скромного народного чтения, устраиваемого Братством Святого Симеона? Полный зал говорит, как необходимы эти чтения, как соответствуют они потребностям широких слоев населения» [6, с. 86].

Таким образом, внебогослужебные религиозно-нравственные чтения завоевали большую популярность у православных и получили «прописку» в повседневной жизни населения Урала, став самой массовой формой церковного просвещения в системе досуга.

1. Екатеринбургские епархиальные ведомости – 1901. – № 10.
2. Екатеринбургские епархиальные ведомости – 1897. – № 21.
3. Екатеринбургские епархиальные ведомости – 1902. – № 2.
4. Екатеринбургские епархиальные ведомости – 1903. – № 7.
5. Екатеринбургские епархиальные ведомости – 1911. – № 50.
6. Екатеринбургские епархиальные ведомости – 1913. – № 2 .
7. Оренбургские епархиальные ведомости – 1883. – № 8.
8. Оренбургские епархиальные ведомости – 1883. – № 4.
9. Оренбургские епархиальные ведомости – 1883. – № 2.
10. Оренбургские епархиальные ведомости – 1884. – № 1.
11. Оренбургские епархиальные ведомости – 1888. – № 8.
12. Оренбургские епархиальные ведомости – 1889. – № 4.
13. Оренбургские епархиальные ведомости – 1900. – № 1.
14. Оренбургские епархиальные ведомости – 1900. – № 24.
15. Оренбургские епархиальные ведомости – 1896. – № 8.

В. В. Переверзев
Магнитогорский государственный книверситет

**СОВЕТСКО-КИТАЙСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ 1964 года
В ЗЕРКАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МЕМУАРИСТИКИ
(на примере работ Ю. М. Галеновича)**

Начало 60-х гг. XX в. явилось переломным рубежом в развитии советско-китайских отношений. В это время начался раскол между КПК и КПСС – двумя партиями, который распространился и на сферу межгосударственных отношений, включая сюда и вопрос о границе.

Первоначально центральным звеном разногласий являлись идеологические проблемы. Постепенно китайское руководство начало муссировать тему так называемых спорных территорий. С 1960 г. начались массовые нарушения китайскими гражданами советских рубежей. Только по данным за 1963 г. было зафиксировано 4 тыс. случаев перехода границы [1, с. 294]. В этой связи СССР неоднократно выступал с предложениями о консультациях, направленных на уточнение линии советско-китайской границы на отдельных ее участках. Они начались только в 1964 г.

Современные отечественные китаеведы имеют разные точки зрения на переговоры 1964 г. Одним из наиболее аргументированных и взвешенных является мнение крупнейшего российского синолога, автора более двадцати работ по китайском тематике – Ю. М. Галеновича. Он являлся непосредственным свидетелем и участником этих переговоров. В своих мемуарах Ю. М. Галенович приводит цитаты из высказываний Мао Цзэдуна и китайских делегатов, после чего комментирует их с учетом особенностей китайского языка. Это позволяет автору выявить сильные и слабые стороны при переводе речей делегатов переговоров 1964 г.

Двусторонние консультации проходили в период с 25 февраля по 22 августа 1964 г. За это время стороны провели 8 пленарных заседаний. Советскую делегацию возглавлял начальник погранвойск СССР П. И. Зырянов, китайскую – замминистра иностранных дел Цзэн Юньцюань.

Важнейшей особенностью советско-китайских переговоров, по мнению Ю. М. Галеновича, являлась различная трактовка их целей. Советская делегация исходила из того, что между Москвой и Пекином не существует вопроса о границе, а имеются лишь нерешенные пограничные вопросы. Китайская сторона, наоборот, даже ввела специальный термин – «существующее положение на границе». Иными словами, Китай не признавал границу, установленную между странами договором «о дружбе, союзе и взаимной помощи» от 14 февраля 1950 г.[2, с. 443].

В процессе переговоров китайская делегация постоянно напоминала своим оппонентам о якобы неравноправном положении на границе: «…вы, нарушив установленную договорами пограничную линию, присвоили много китайских земель, злоупотребляя при этом доверием дружбой китайско-

го народа к великому Советскому Союзу» [цит. по: 2, с. 445]. Представители КНР предлагали Москве аннулировать русско-китайские договоры о границе и фактически тем самым отказаться от более 1,5 млн кв. км советской территории [3, с. 111]. Принципиальные изменения могли произойти после шестого пленарного заседания, открывшегося 16 мая 1964 г. На нем П. И. Зыряновым было заявлено согласие произвести уточнение линии границы и заключить договор. Стороны обменялись картами, на которых была отмечена линия границы. Несмотря на конструктивные предложения советской делегации, переговоры довольно быстро зашли в тупик и должны были продолжиться в Москве 15 октября 1964 г. Но этого не произошло [Там же, с. 115].

По мнению Ю.М. Галеновича, главная причина сворачивания двусторонних консультаций – антисоветская позиция Мао Цзэдуна. Его главная цель – столкнуть между собой не только КПСС и КПК, но также китайский и советский народы. Есть основания согласиться с выводом известного синолога о вероятном существовании у «великого кормчего» определенного плана в отношении СССР. Его основные составляющие: вытеснение всех русских из Китая; передача в состав КНР Монголии; ликвидация смешанных советско-китайских обществ в Синьцзяне; предъявление территориальных требований Москве [Там же, с. 90].

Все идеологические споры, инициированные Мао, являлись, говорит Ю. М. Галенович, лишь ширмой при решении стратегических задач, поэтому ненависть к советскому народу не была порождена расхождениями в теории и практике марксизма-ленинизма [Там же, с. 91, 92].

С точки зрения автора, советско-китайские консультации 1964 г. были для Мао Цзэдуна ненужными. Как только, китайский лидер начал понимать, что переговоры могут достичь положительного результата, он сделал все, чтобы они прекратились. С этой целью 10 июля 1964 г., в беседе с делегацией японских социалистов Мао выступил с открытыми притязаниями в адрес СССР: «Примерно сто лет назад район к востоку от Байкала стал территорией России, и с тех пор Владивосток, Хабаровск, Камчатка и другие пункты являются территориями Советского Союза. Мы еще не предъявляли счета по этому реестру» [цит. по: 4]. Немногим позднее китайская делегация на консультациях 1964 г. выдвинула требование, чтобы переговоры продолжились бы в Москве при условии включения в черновые материалы будущего пограничного соглашения пункта о неравноправности ныне действующих договоров [2, с. 455].

Вместе с тем Ю.М. Галенович отмечает, что китайское руководство не имело единого мнения относительно советско-китайских консультаций о границе. Во всех своих работах автор противопоставляет позицию ярых противников СССР – Мао Цзэдуна, Чжоу Эньлая, Дэн Сяопина с точкой зрения Лю Щаоци, Линь Бяо и Ху Яобана, настроенных в отношении Москвы более конструктивно. Инициатива проведения консультаций, вероят-

но, исходила именно от председателя КНР Лю Шаоци. Ему удалось добиться обмена картами с нанесенной на них каждой из сторон линией границы [3, с. 109,110].

Ю. М. Галенович особо отмечает роль Н.С. Хрущева в переговорах о границе 1964 г. В данном конкретном случае, по мнению автора, Н. С. Хрущев поступил как дальновидный политик. Поэтому, даже несмотря на выдвижение Мао Цзэдуном неразумных требований, Н. С. Хрущев, демонстрировал определенную гибкость. Это позволило двум делегациям на консультациях согласовать прохождение границы на всем протяжении, кроме островов Тарабаров и Большой Уссурийский, вопрос о которых решить не удалось [Там же, с. 115].

Тем не менее, по мнению Ю. М. Галеновича, советско-китайские переговоры о границе 1964 г. имели и положительные итоги. Во-первых, состоялся обмен географическими картами. Советская сторона тем самым сделала шаг навстречу китайской. Этим была заложена основа для завершения демаркации границы в 2008 г. [Там же, с. 127]. Во-вторых, переговоры в Пекине дали возможность советской стороне довести свою точку зрения до сведения Лю Шаоци, Ху Яобана и Линь Бяо [Там же, с. 103].

Во многом схожую с Ю. М. Галеновичем позицию занимает другой известный синолог – М. С. Капица. Он считает, что советская делегация на переговорах внесла предложения, принятие которых китайской стороной позволило бы в кратчайшие сроки уточнить и согласовать линию границы на спорных участках, но позиция маоистов не была конструктивной. Они стремились искусственно создать территориальную проблему и не пожелали снять ее с повестки дня, когда это было необходимо [5, с. 77].

Иную позицию относительно рассматриваемых событий занимают бывшие советские дипломаты – Б. Т. Кулик и В. П. Федотов. Они оба винят в провале переговоров между Пекином и Москвой Н. С. Хрущева.

Б. Т. Кулик считает, что переговоры о границе почти достигли определенного результата. Делегации парафировали выработанное соглашение о границе, оставив вопрос о принадлежности нескольких остров за скобками. Однако советский лидер заявил, что если острова у Хабаровска не признаются советской территорией, то это перечеркивает все результаты переговоров [6, с. 362].

В. П. Федотов отмечает несколько важных моментов. С одной стороны, Китай является виновником обострения ситуации на границе, так как советские пограничники несли свою службу с момента создания КНР в 1949 г. и никаких крупных инцидентов не возникало. С другой стороны, китайцы в определенной степени были правы, отстаивая прохождение линии границы по фарватеру рек. Кроме того, с советской стороны, по мнению мемуариста, также имели место непреднамеренные нарушения границы. Но при этом китайцы не должны были явочным порядком вторгаться на участки, которые они считали «своими».

Вместе с тем, В. П. Федотов подчеркивает роль Н. С. Хрущева в срыве двусторонних консультаций. Он считает, что советская делегация обладала хорошими инструкциями Правительства СССР. Советская сторона ждала лишь разрешения из центра на парафирование договора, но «несуразная позиция» Н. С. Хрущева не позволила подписать договор о границе. Он указал не парафировать проект до полного согласования границы [7, с. 242, 243].

Возвращаясь к событиям 1964 г. в трактовке Ю. М. Галеновича, следует отметить, что советско-китайские переговоры были едва ли не последней возможностью избежать дальнейшей эскалации напряженности на границе, вылившейся через 5 лет в военные столкновения. СССР на данном этапе занимал гибкую позицию и был готов идти на уступки. Но русофобия Мао и его аннексионистские планы завели переговоры в тупик.

1. Борисов О. Б. Советско-китайские отношения 1945–1977 / О. Б. Борисов, Б. Т. Колосков. – М.: Мысль, 1977. – 582 с.
2. Галенович Ю. М. история взаимоотношений России и Китая. В 4-х т. / Ю. М. Галенович. – М.: СПСЛ; Русская панорама, 2011. Т. 3, ч. 1 – 464 с.
3. Галенович Ю. М. Пятьдесят лет с Китаем / Ю. М. Галенович – М.: Вагриус, Изограф, 2010. – 352 с.
4. Газета «Правда», 2 сентября 1964 г.
5. Капица М. С. На разных параллелях. Записки дипломата / М. С. Капица. – М.: Книга и Бизнес, 1996. – 480 с.
6. Кулик Б. Т. Советско-китайский раскол: причины и последствия / Б. Т. Кулик. – М.: ИДВ РАН, 2000. – 640 с.
7. Федотов В. П. Полвека вместе с Китаем: Воспоминания, записи, размышления / В. П. Федотов – М.: РОССПЭН, 2005. – 639 с.

Л. В. Попова
Челябинская государственная академия культуры и искусств

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ МУЗЕЙНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В СОВЕТСКОЙ РОССИИ в 1920-е годы

На современном этапе общественного развития объективно повышается роль музеев, причем не только в стране в целом, но и в каждом регионе в отдельности. Становление и развитие музеев на каждом историческом этапе является частью единого процесса. В этой связи, повышается и значение исследований музейного дела в разные периоды отечественной истории. На наш взгляд, значительный интерес представляют исследования послереволюционных лет, потому что они раскрывают особенности теоретико-методологических взглядов известных исследователей данного периода.

В Советской России в 20-е гг. существовали разные подходы на роль и значение музеев, что нашло, например, отражение в докладах первой Всероссийской конференции по делам музеев, состоявшейся в феврале 1919 г. [3]. Проанализировав данный вопрос, известный исследователь А. Б. Закс выделяет три точки зрения, существовавшие на тот момент относительно музейного дела. Первая – согласно ее музей считался непри-

косновенным храмом сокровищ, доступным лишь немногим людям. Сторонники второй исходили из того, что музей – это устаревшая организация, где в основном хранятся произведения классического искусства, которое отжило свое время, и, следовательно, музеи должны быть заполнены новыми произведениями. Третьи отмечали, что музей «должен быть живым организмом... распространять свое влияние далеко во «вне», в том числе и в сферу образования [2].

Кроме того, в те годы активно обсуждался вопрос о сотрудничестве музеев с другими образовательными учреждениями, и, прежде всего со школой. Именно, тогда создаются предпосылки для получившей широкое распространение в последующие десятилетия концепции «музея-учебника»[1].

По сути дела, общее для того времени утвердилось направление – превратить случайные посещения музея в систему организованных занятий. Об этом говорится во многих работах. Как считает Г. Ятманов: «Недостаточно "организованно" прийти в музей, необходимо, чтобы самое посещение музея входило в программы и курсы обязательных посещений» [4]. Помимо этого, в других публикациях также указывается на важность разработки каждым учебным заведением законченной системы экскурсионных программ по всем предметам, с распределением тем по классам и с четкими методическими рекомендациями [4].

В послереволюционные годы опубликовано значительное количество работ, где пропагандируются идеи «живого» музея как места самодеятельного творчества масс. В основном это публикации о школьных музеях и краеведческих музеях. В них, по сути дела, речь идет о конкретном содержательном наполнении одного из ключевых принципов образовательной концепции 20-х гг. – участия в общественно-полезном труде. Как отмечается в одной из работ, это сводится к «активному, подвижному знакомству с миром... Цель трудовой школы не дрессировка того или иного ремесла... Ребенок должен учиться всем предметам гуляя, коллекционируя, рисуя, фотографируя, моделируя, лепя, склеивая из картона, наблюдая растения и животных, растя и ухаживая за ними» [1].

В первые годы советской власти, кроме всего прочего возникает и новая форма деятельности музея. Это, так называемые уличные витрины с наглядными пособиями. «Широкие народные массы, в общем, еще мало посещают разные музеи... Это и понятно: музеи нужно искать, они бывают открыты в "приемные" часы, они о себе ничем не говорят. А между тем мы знаем, сколько всегда пребывает народу у какой-либо интересной витрины». Более того, «для обозрения какого-либо музея нужно иметь уже воспитанный и привитый интерес... Следовательно, нужно воспитать массы так, чтобы их тянуло в музей, чтобы они находила там интерес и пользу для себя» [4]. Таким образом, уличные витрины с наглядными пособиями предназначались для подготовки непосвященного зрителя. Первой такой витриной была

витрина на Крымской площади в Москве вблизи Наркомпроса, что оказалось удачным. Руководствуясь таким подходом, подотдел Отдела единой школы «Наглядные пособия» подготовил ряд других «уличных витрин, стенных рам на столбах с популярно-научной целью...» [4].

Таким образом, мы видим, что в ряде публикаций 20-х гг. имела место широкая трактовка функции музея, понимание его как центра образования и культуры, как места общения, «живой» трансляции традиций и самодеятельного творчества.

На основании анализа исследований тех лет можно утверждать, что проблема о содержании и организационных формах музейно-образовательной деятельности была весьма актуальной и находилась в центре поисков нового всей, как школьной, так и внешкольной сферы образования. При этом с музеями связывались надежды на достижение несколько иного качества образования и, как отмечалось в одной из публикаций, «просветительская работа музеев приобретает исключительное значение перед всякими другими методами преподавания, основанными на отвлеченном обучении в стенах школы» [5].

1. Актуальные проблемы музейного дела в РСФСР / под ред. П. Я. Букшпана, Ю. Б. Самсонова. – М.: ГИМ, 1987. – 119 с.
2. Грицкевич, В. П. История музейного дела XVIII – XX вв. / В. П. Грицкевич. – М., 2007. – 112 с.
3. Закс, А. Б. Первая Всероссийская музейная конференция / А. Б. Закс // Музейное дело в СССР. – М., 1979. – 256 с.
4. Музейная пропаганда 1920 –30 годов в зеркале прессы : пособие для аспирантов / М-во культуры РСФСР, АН СССР, НИИ культуры; авт.-сост. Н.Г. Колокольцова, М.Ю. Юхневич. – М., 1991. – 74 с.
5. Проблемы теории истории и методики музейной работы. – М., 2002. – 234 с.

СЛОВО НАСТАВНИКА

В. М. Свистунов
Канд. ист. наук
Управление культуры Каслинского городского округа

К ВОПРОСУ ИСТОРИИ СТАРООБРЯДЧЕСТВА ЮЖНОГО УРАЛА XVIII – XIX веков

История старообрядчества Южного Урала XVIII – XIX вв. неразрывно связана с историей уральской металлургии. В Оренбургской губернии, занимавшей с 1744 по 1781 г. всю территорию Южного Урала, все металлургическое производство в XVIII в. принадлежало исключительно частным горнопромышленникам. Их имена, фамилии достаточно широко известны в уральской историографии: Твердышевы и Мясниковы, Коробковы и Демидовы, Осокины, Масаловы, Лугинины. Именно этим фамилиям принадлежало большинство металлургических заводов на Южном Урале в XVIII в. Как показывает анализ биографических данных и ряда исторических свидетельств, представители вышеуказанных фамилий в действительности были покровителями Старой Веры. Если говорить более определенно, именно они явились теми тайными, а некоторые, как например,

Осокины, явными старообрядцами, кто не побоялся и направил свои торговые и промышленные капиталы в развитие металлургического производства Южного Урала XVIII в. На данный факт следует обратить особое внимание, так как именно это обстоятельство сыграло решающее значение в формировании прослойки старообрядческого населения на заводах Южного Урала. Последнее, и способствовало образованию в начале XIX в. на ряде металлургических заводов региона новых и достаточно влиятельных старообрядческих центров. Факты свидетельствуют, что как только могущественный покровитель старообрядчества уходил из жизни или его лишали всех гражданских прав по суду, для старообрядцев, проживавших при его заводах, наступали трудные времена, связанные с религиозными преследованиями и назойливыми попытками их «обращения» в официальное православие.

Прежде чем переходить к изложению обстоятельств формирования старообрядческого населения при заводах Южного Урала, необходимо осветить один, но весьма важный аспект. Дело в том, что как бы небыли успешны, талантливы и самоорганизованы в торговле, промышленности купцы и горнозаводчики из среды старообрядчества, в деле развития металлургического производства им никак нельзя было обойтись без соответствующей эффективной промышленной политики государства. В данном случае важно понять, что в условиях неблагоприятной, в какой-то степени даже враждебной промышленной политики, невозможно запустить в действие ни одно, даже самое незначительное частное металлургическое производство. Украсть, разумеется, возможно, даже что-то построить, но чтобы частное горноперерабатывающее предприятие имело долгосрочную перспективу и приносило прибыль – никогда.

Если проанализировать в совокупности основополагающие и подзаконные акты горного права России за период с 1719 по 1758 г., то прослеживается общая для них тенденция. Смысл, которой сводится к декларации и законодательному поощрению частной инициативы в горнозаводском деле. Причем, частной инициативы не каких-либо случайных лиц, а тех самых искателей полезных ископаемых, которым Берг-Регламент 1739 г. (ст.3) передавал преимущественное право перед землевладельцами на полезные ископаемые. Другими словами, Берг-Регламент 1739 г., провозглашая неограниченную горную свободу в России, тем самым инициировал и законодательно поддерживал развитие частной инициативы в самых важных отраслях промышленности – черной и цветной металлургии. Законодательная поддержка частной инициативы стала возможной только после провозглашения в 1719 г. и подтверждения в 1739 г. государственной собственности на недра земли (горной регалии).

Государство, предоставляя преимущественное право на недра искателю полезных ископаемых перед землевладельцем-вотчинником, тем самым максимально полно учло специфику земельных отношений в Уфим-

ской провинции (Башкирии), составляющей, как известно, значительный процент территории вновь образованной Оренбургской губернии. Российское государство, в лице сената и Берг-коллегии, исходя из общенациональных интересов, встало тогда на защиту частных интересов, как горнозаводчиков, так и вотчинников-башкир, причем, в равной степени. И до тех пор, пока соблюдался этот баланс интересов, горнозаводское производство на территории Оренбургской губернии – Южного Урала, без всякого преувеличения, интенсивно развивалось. Решающее значение в этом сыграл сенатский указ от 16 апреля 1744 г. Его восьмая статья (т.н. кондиций), причем, единственная, отстаивающая интересы башкир, имела революционный характер. В ней башкирские вотчинники признавались, несмотря ни на что, равноценными участниками, как горных отводов, так и всей купли-продажи земли в Оренбургской губернии (Южного Урала) вообще и в Уфимской провинции, в частности.

В связи с чем, необходимо признать, что отводы башкирских лесов и земельных участков под горнозаводское строительство в период неограниченного действия горной свободы в России носили организованный и взаимовыгодный характер. А горнозаводчики, включая, как тайных, так и явных старообрядцев не являлись хищниками, ворами и обманщиками трудового башкирского населения. Все горные и лесные отводы на территории Оренбургской губернии, включая Уфимскую провинцию, в период неограниченного действия горной свободы 1744–1776 гг. проводились в соответствии с общегосударственными актами горного права России – Берг Привилегией 1719 г., Берг Регламентом 1739 г. и связанными с ними подзаконными актами. В силу того, что вышеуказанные акты горного права стимулировали в горнозаводском деле частную инициативу, то прямым следствием и явилось развитие частной предпринимательской деятельности в таких областях экономики России XVIII в., как промышленность, торговля, кредитно-финансовая сфера. Именно этими, вышеуказанными обстоятельствами, причем, в полной мере и воспользовались наиболее яркие и талантливые представители старообрядчества России. Учитывая, что от степени их финансово-экономического могущества зависело не только материальное состояние старообрядческих общин, но и степень безопасности духовных старообрядческих центров, то можно представить с какой удвоенной энергией и высокой степени ответственности трудились старообрядцы на поприще промышленности и торговли. Значительную роль в их самоорганизации сыграла круговая порука, помогавшая приверженцам Старой Веры успешно противостоять духовному угнетению. Она же помогала и в формировании, как торговых, так и промышленных капиталов. Чем сильнее становилось финансово-экономическое положение купцов, промышленников-старообрядцев, тем большее влияние и авторитет они завоевывали, как в среде своих единоверцев, так и тех, кто не противился церковной реформе патриарха Никона.

Вне всякого сомнения, экономическая независимость старообрядческих общин способствовала расширению сфер их влияния в российском государстве. Это прекрасно понимали идейные противники Старой Веры. Тем не менее, в силу государственной важности горнозаводского дела, которое ему придавалось в самых высших политических кругах России, начиная с Петра I и до начала 60-х гг. XVIIIв., против горнозаводчиков, покровителей Старой Веры, светская власть не возбуждала следствия по старообрядческим делам и в открытую не обвиняла их в расколе. Она находила иные способы влияния, которые, в конечном итоге приводили к финансово-экономическому ослаблению старообрядчества. Разумеется, духовная власть вела негласный надзор и посредством тайных осведомителей собирала компрометирующие материалы, но довести дело до судебного разбирательства было практически невозможно. Покровители Старой Веры не принимали личного участия в протестном движении урало-сибирских старообрядцев.

Одним из способов ослабления старообрядческих капиталов, соответственно и ряда старообрядческих общин, стал принудительный раздел движимого и недвижимого имущества. Пока невозможно однозначно утверждать, что отмена петровского указа «О единонаследии», произошедшая в 1731 г. при Анне Иоанновне, была совершена именно с такой далеко идущей целью. Как бы там ни было, но в последующие десятилетия XVIIIв. указом об отмене единонаследия активно пользовалась светская власть для принудительного дробления горнозаводских имений, принадлежавших промышленникам – старообрядцам. Первый такой раздел произошел в 1745 г. После смерти Акинфия Никитича Демидова все его металлургические заводы, невзирая на имеющееся завещание покойного, были в принудительном порядке поделены между его наследниками. Тем самым был нанесен значительный вред не столько старообрядческим общинам Невьянска и Нижнего Тагила, хотя пострадали и они, сколько конкурентоспособности демидовского железа, продаваемого на английском рынке металлов. Последовавшие в 1755 и 1758 г. два крупных имущественных раздела раздробили металлургические заводы Масаловых и статского советника Демидова, что также отрицательно сказалось на конкурентоспособности этих уральских заводов.

Тем не менее, до прямых массовых розысков по старообрядческим делам на заводах Южного Урала еще не доходило. Данное обстоятельство было связано с тем, что в период с 1744 по 1758 г. светская власть была заинтересована в том, чтобы податное население, включая тайных старообрядцев, не разбегалось, а приходило и селилось в слободах и поселках при металлургических заводах. Значительную роль в этой кампании сыграла II ревизия тяглового населения России.

Указ о генеральной ревизии (переписи) купечества, крестьянства, прочих разночинцев, вышел 16 декабря 1743 г. «Во все губернии, провинции и города, – говорилось в указе, – отправлены генералитета штат и с ними обер-офицеры по инструкции». В ее 16-м пункте было указано:

«Ежели при генеральной ревизии явятся разночинцы и незаконнорожденные люди боярские, отпущенные из домов с отпускными вечными паспортами, а никого себе помещиков поныне не сыскали и в подушные оклады ни за кем не записаны, а ни у каких Е. И. В. дел не обретаются, таковых всех и с детьми по желанием их, ежели которые имеют торговые промыслы или ремесла, писать в посады и в цеха, а протчих, кои годны будут, в службу писать в солдаты и отсылать в Военную коллегию, а кто в посаде и цехах, и в службе быть не пожелают, а пожелают быть у помещиков, таковых всех писать к помещикам и вотчинникам, и на фабрики, кому они во услужение идти пожелают, и кто их из платежа подушного окладу взять похочет, дабы ни один без положения не остался». Этим пунктом инструкции и воспользовались сенат, Берг коллегия и губернатор Оренбургской губернии И. И. Неплюев при составлении контрактов на строительство заводов в Оренбургской губернии. Горнозаводчикам было разрешено: «…ежели какие люди найдутся, и которых по указам к заводам вновь приписывать повелено, о том… позволено просить в канцелярии генеральной ревизии». Этим положением воспользовались И. Б. Твердышев и И. С. Мясников, строившие медеплавильные заводы в Уфимской провинции, а также посадские люди Коробковы и промышленники Осокины, строившие Каслинский и Нязепетровский заводы в Исетской провинции. В связи с чем, на вновь построенных заводах указанных промышленников, образовалось две категории населения, получившие в официальных документах тех лет название: 1. «незаконнорожденные»; 2. «не помнящие родства». Как показывает анализ ряда архивных документов, люди, вошедшие в эти категории, не имели при себе «отпускных вечных паспортов», как это было предусмотрено 16-м пунктом инструкции. Тем не менее, во всех официальных документах тех лет их нейтрально называли «пришлыми» и по силе 16-го пункта селили при заводах. В действительности это были беглые люди, выходцы из разных уголков Урала и России. В дальнейшем, эти две категории были объединены в одну и указом от 30 декабря 1755 г. были «навечно» оставлены при частновладельческих заводах. Тот факт, что «незаконнорожденные и не помнящие родства», получившие по указу 1755 г. название «вечноотданные», на момент прихода на вновь строящиеся заводы уже являлись старообрядцами, точно подтверждается в ходе изучения переписки, возникшей между Оренбургской губернской канцелярией, канцелярией Главного заводов правления и Берг коллегией. Так в рапорте, направленном из Оренбургской губернской канцелярии в Государственную Берг-коллегию от 16 декабря 1751 г., помимо прочего, было представлено обоснование того, что пришлые люди, оставленные при заводах по указам, должны работать там постоянно, а не за один подушный оклад. Чиновники канцелярии полагали, что отданные по указам к тем или иным заводам, должны числиться, согласно пятому пункту, все той же Генеральной ревизии, как крепостные. Также, они настаивали на разъяснении этим заводским

жителям, чтобы они себя не причисляли к государственным крестьянам приписных сел и деревень. «...Жители находящиеся не токмо при оных Петра и Ивана Осокиных, но и при всех партикулярных заводах, по силе вышепрописанных имянных указов, всегда при работах находится безотлучно должны, – говорится в продолжении рапорта, – не сравнительно приписным к заводам из государственных крестьян селам и деревням, ибо они с прежних жилищ сошли и при заводах поселились из своей воли, а не по переводу или какой-либо приписке и по... силе указов... утверждены тут быть для работ заводских, а не для других каких промыслов. К тому же из них есть многие раскольники, каковых по указу из кабинета 1735 г. велено употреблять в заводские работы...».

Вот так. Когда только принимали беглых к заводам, то именовали «пришлыми», «незаконнорожденными», «не помнящими родства». Когда речь зашла о «вечном» прикреплении к заводам, то – раскольниками. Не смотря на явное ограничение личной свободы, лишь незначительная часть из этой категории заводских жителей пустилась в бега. Большинство осталось при заводах. Почему? Дело в том, что на тот момент светская власть добивалась выполнения только экономических требований. К тому же, это было в интересах частных горнозаводчиков. Именно с подачи демидовского приказчика Блинова началась кампания по закреплению беглых людей при частных заводах Оренбургской губернии. Но главным являлось, то обстоятельство, что в 40–50-х гг. XVIII в. на южноуральских заводах не проводилось массовых следствий по старообрядческим делам. Тогда как в государственных селах и деревнях Исетской провинции, других ведомствах Сибирской губернии шли повальные розыски, связанные с расколом. На некоторых аспектах этих розысков, следует остановиться чуть подробнее.

Дело в том, что указы от 15 декабря 1743 г. (О второй ревизии) и от 31 августа 1744 г. призывали тайных старообрядцев безбоязно записываться в двойной подушный оклад. В тоже время, указ от 13 мая 1745 г. отменял многие положения указа от 31 августа 1744 г., который старообрядцы уже успели причислить к «милостивым царским указам». Но указ от 13 мая 1745 г. подтверждал положение об отмене всех следствий во время ревизии по старообрядческим делам. В связи с чем, часть старообрядцев и решили воспользоваться этой возможностью и легализовать свои религиозные убеждения. В результате по итогам II переписи в двойной подушный оклад в Тобольской епархии, куда входила территория Исетской провинции и демидовские заводы Среднего Урала, записалось около 10 тысяч старообрядцев. Число записавшихся так возмутило Сибирскую духовную консисторию, что она объявила результаты переписи незаконными. Указом от 18 мая 1750 г. консистория добилась всеобщего розыска по старообрядческим делам. В первую очередь, церковь стремилась путем прямого полицейского насилия изменить в свою пользу результаты записи в раскол по II ревизии. С этой целью всех записавшихся в двойной подушный оклад,

принялись с немалым ожесточением «обращать» в православие. В тоже время, когда в ходе следствия находили тайных старообрядцев, им ставилось в вину то, что они не записались в двойной подушный оклад. После чего чиновники духовной консистории открывали новые следственные дела. Другими словами, преследовали и тех, кто записался и тех, кто не записался в раскол. Самых упорных, не желавших «обращаться» хватали, заковывали в кандалы и увозили в Тобольск. В застенках тобольской консистории «увещевания» чередовались с дыбой и физическими пытками. Тех, кто «обращался», отпускали по домам. Тех же, кто стоял на своем и не переходил в православие, забивали до смерти и закапывали на задворках духовной консистории, «яко падаль».

В конце 1750 г. Сибирская консистория сняла всякие ограничения в следственных делах и потребовала «увещевать и разыскивать» всех записных старообрядцев независимо от времени записи и прочих обстоятельств. В центре внимания следователей, таким образом, оказались: методы деятельности руководителей раскола, организация тайных приходов, заключение браков, крещение детей, старообрядческие тайники для укрытия беглых крестьян, солдат. Розыски о тайных старообрядческих центрах и их руководителях охватывали многие десятки людей, но гораздо больший массовый характер они имели по двум вопросам, которые касались каждой старообрядческой семьи: 1. О записи в раскол по II ревизии; 2. О незаконных старообрядческих требах, включая венчания и крещения. Другими словами, официальная церковь своими полицейско-увещевательными действиями пыталась создать невыносимые условия существования для старообрядческих семей, и тем самым принудить их перейти в православие. В результате, епархиальным чиновникам, отчасти, даже удалось достигнуть некоторых успехов в этих насильственных «обращениях».

Тем ужасней был ответ, последовавший, как со стороны явных, так и тайных старообрядцев, на все эти коварные действия церковников. Ответ был такой силы, что заставил светскую власть отказаться от этой полицейско-увещевательной кампании. Старообрядчество Зауралья и Западной Сибири прибегло к самому радикальному методу протеста – коллективному самосожжению. В огне гибли, как женщины, старики и дети, так и работоспособное мужское население. Эти факты документально подтверждены в книге Н. Н. Покровского «Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян – старообрядцев в XVIII в.». По имеющимся у Покровского источникам, в 1750–1753 гг. старообрядцы Исетской провинции, Тюменского, Ялуторовского и других ведомств Сибирской губернии 25 раз собирались для самоуничтожения. Только дважды властям удалось предотвратить гари. Н. Покровский отмечает характерную особенность для самосожжений начала 50-х гг. XVIII в. Старообрядцы уже не дожидались открытого нападения солдат, чтобы зажечь огонь. Сам розыск они считали обстоятельством, которое оправдывало самосожжение и оно признавалось уже не самоубийством, а защитой свободы

Веры. Такие события провоцировали массовые побеги старообрядцев из государственных деревень Исетской провинции. К проторенной дороге на Алтай, в указанное время, для беглецов добавилось и южноуральское направление.

В начале 50-х гг. XVIIIв. на заводах Среднего Урала, ранее принадлежавших Акинфию Демидову, сибирская консистория разгромила несколько скитских центров. Среди них был и монастырь уральских беспоповцев-поморян, находящийся на окраине Невьянского завода. Часть скитников была арестована, но большинство разбежалось. Следы некоторых их них обнаруживаются на Каслинском и других заводах Оренбургской губернии (Южного Урала).

Принцип расселения старообрядцев при заводах Южного Урала повторялся, практически один в один тому, который существовал при Невьянском, Нижне-Тагильском, Шайтанском и других демидовских заводах Среднего Урала. Какая-то часть старообрядцев открыто селились в заводских поселках (слободах). Другие, строили в окрестностях заводов тайные скиты, где и оседали, ведя скрытый образ жизни. К примеру, в окрестностях Каслинского завода старообрядцами были построены небольшие скиты у подошвы восточного склона Уральских гор. Первоначально этот склон назывался как Биябинские горы. В дальнейшем, стараниями скитников были освоены самые глухие районы Южного Урала – верховья реки Уфа и окрестности горы Юрма. Факт существования старообрядческих скитов в районе Юрмы подтверждается архивными материалами.

До тех пор, пока Каслинский, Верхне-Кыштымский и Нижне-Кыштымский заводы находились во владении дворянина Н. Н. Демидова, являвшимся таким же тайным покровителем Старой Веры, как и его отец – статский советник Н. Н. Демидов, об этих скитах мало кто знал. После смерти дворянина Н. Н. Демидова в 1806 г., вышеуказанные заводы перешли по завещанию П. Г. Демидову. Надо отдать должное последнему, он держал заводы в своих руках до тех пор, пока не был найден достойный покупатель – вольский купец первой гильдии, беспоповец Л. И. Расторгуев. Тем самым, старообрядческие общины Каслей и Кыштыма остались в целостности и сохранности. Но, как показали дальнейшие события, ненадолго. После открытия золотых россыпей в дачах Каслинского и Кыштымских заводов в 1809–1819 гг., беспоповец Л. И. Расторгуев привлек к себе пристальное внимание не только духовных, но светских властей. Только скоропостижная смерть горнозаводчика спасла его от судебного дела и уговоров перейти в единоверие. Но этой участи не избежали, породнившиеся с ним, еще два беспоповца – П. Я. Харитонов и Г. Ф. Зотов. Методы воздействия светской власти на неугодных ей приверженцев Старой Веры, со временем, не претерпели больших изменений. Против старообрядцев-беспоповцев не стали возбуждать судебного дела по расколу. Следствие, первоначально, было начато в связи с хищениями золота на заводских приисках. Затем дело продолжили, обвинив в жестоком обращении с рабочими Г. Ф. Зотова. Пока шло следствие, к Петру Харитонову и

Григорию Зотову приезжали из Перми высокопоставленные чиновники, с уговорами. При этом, все как один, обещали прекратить все следственные дела, как только беспоповцы перейдут в единоверие. В 1837 г. их осудили и, лишив всех гражданских прав, отправили в ссылку. Через год П. Я. Харитонов умер в возрасте 44 лет. Дальнейшая судьба Г. Ф. Зотова пока неизвестна. В заводах начались следствия, в результате которых, многих старообрядцев «уговорили» перейти в единоверие. Сунгульский старообрядческий скит, открытый в 1811 г. на пожертвования Расторгуева, закрыли, а все заводы Кыштымского горного округа в 1843 г. взяли в казенное управление.

Эта волна преследований старообрядцев I половины XIX в. прокатилась, с разной степенью разрушений, по всем заводам Южного Урала. Для того чтобы удобнее и менее затратно было «обращать» старообрядцев в единоверие, металлургические заводы Южного Урала, под разными благовидными предлогами, брались в казенное управление. Часть получаемых доходов от их деятельности шла на строительство православных церквей в горных округах и оплату миссионерской деятельности чиновников и духовенства. Другими словами, маховик преследований за Веру докатился и до южноуральских заводов.

В советский период история судебных преследований старообрядца-беспоповца Г. Ф. Зотова получила дальнейшее продолжение. На основе докладной записки флигель-адъютанта царя, полковника А. С. Строганова был составлен его ложный психологический портрет и дана старообрядцу-беспоповцу кличка «Кыштымский зверь». И никого совершенно не интересовало и не интересует сейчас, что дело Зотова это сфабрикованное по указке сверху дело, имеющее двойное, если не тройное дно. Формально осужденный за «жестокое обращение с рабочими», Г. Ф. Зотов фактически пострадал за Веру.

Борьба между официальным православием и отдельными старообрядческими общинами, имеющих, по выражению Н. Н. Покровского, гетерогенный (неоднородный по составу) характер продолжалась с переменным успехом до тех пор, пока маховик сталинских репрессий не снес и тех и других. Палачи и жертвы на долгие годы оказались по одну сторону колючей проволоки.

Н. А. Терентьева
Челябинская государственная академия культуры и искусств

РЕГИОНАЛЬНЫЙ БАЛЕТ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ МЕДИЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Сегодня на современном рынке средств массовой информации широко представлена периодическая печать. Журналы по искусству и культуре на отечественном рынке не так многочисленны, и одной из причин этого является их нерентабельность. Такие журналы требуют большого капиталовложения. К тому же большинство журналов по искусству не рекламоемкие и,

следовательно, не имеют достаточных бюджетов на запуск и развитие. Тем не менее некоторые из специализированных изданий по искусству интересны не только узкому кругу профессионалов, но и обычным людям, которым в силу тех или иных причин интересно узнать что-то новое. Среди специализированных изданий по искусству можно выделить журнал «Балет».

Первые печатные сообщения о балетных представлениях в России появились во второй половине XVIII в. На страницах публиковались краткие анонсы, заметки, рецензии, печатались статьи иностранных авторов.

В 1830-е гг. началось изучение конкретных хореографических произведений, балетные заметки появляются на страницах газет: «Северная пчела», «Молва», «Галатея», «Московские ведомости» и пр.

Первые значительные исследования балетного театра, его истории появились в России на рубеже XIX–XX вв. Балет привлек внимание деятелей культуры, о хореографии начали писать А. Н. Бенуа, А. Я. Левинсон, А. Л. Волынский, А. А. Черепнин, Б. В. Асафьев.

В 1970–1990-е гг. была издана серия монографий и биографических очерков о крупнейших балеринах и танцовщиков современности: «Аскольд Макаров» [7] и «Ирина Колпакова» [8] М. Ильичевой, «Алла Осипенко»
Н. Зозулиной [6], «Николай Фадеичев» Е. Гришиной [5], «Сергей Корень» Б. Львова-Анохина [10] и др.

В связи с тем, что в советское время балет становится брендом, средства массовой информации уделяют постоянное внимание этому виду искусства. Появляется необходимость создания специализированного издания об искусстве хореографии. Таким изданием становится журнал «Советский балет», позднее переименованный в «Балет». В журнале широкий круг авторов, состоящий из балетных критиков и журналистов. О Челябинском театре оперы и балета им. М. И. Глинки, и о его балетной труппе пишут серьезные материалы балетоведы и сами деятели балета.

Статья «Александр Мунтагиров» Татьяны Вольфович посвящена творческой деятельности артиста: «Свой творческий путь в Челябинске молодой артист начал с освоения классического репертуара» [4], автор подробно описывает все достижения, все исполненные партии сценической биографии, все этапы творческой зрелости народного артиста России А. А. Мунтагирова.

В рубрике «Портретная галерея» опубликована обширная статья «Балетная труппа Челябинского театра оперы и балета им. М. И. Глинки» [1], где представлены солисты, ведущие артисты балета, освещены значительные балетные премьеры, и их балетмейстеры. Такие портретные материалы о театре носят познавательный характер, позволяют читателю узнать биографию и проследить творческий путь талантливых исполнителей.

Важно, что журнал «Балет» освещает значительные балетные премьеры не только столичных театров. Такие публикации позволяют быть в

курсе новых балетных спектаклей, которые создаются во многих оперно-балетных театрах России.

Например, статья В. Тейдера «Труден путь к сатире» [11] посвящена премьере балета «Двенадцать стульев» Г. Гладкова (балетмейстер-постановщик А. Б. Петров) в Челябинском оперном.

Статья А. Щелкуновой «Челябинские сезоны Тлеубаева» [13] посвязается премьере балета «Дама с камелиями» (на музыку Дж. Верди – В. Милова). Приоритет хореографической интерпретации этого балета принадлежит Мынтаю Тлеубаеву.

В статье Д. Лидовой «Два веронца, патер Лоренцо и фея Маб» [9] рассказывается о премьере балета «Ромео и Джульетта» С. С. Прокофьева (балетмейстер-постановщик К.С. Уральский) также на сцене Челябинска.

В 2010 г. в Челябинском театре оперы и балета им. М.И. Глинки состоялись премьеры двух балетов «Чехов. Отражения» на музыку П. И. Чайковского и танцсимфония на музыку второго концерта С. В. Рахманинова. Этому событию в журнале «Балет» посвящена статья В. Ванслава: «Зачем мы живем, зачем страдаем…» [3].

Кроме того, заслуживают внимания материалы, автором которых является С. И. Чадов [12], педагог балета Челябинского театра, директор музея, заслуженный работник культуры. Очерки авторов Т. Марьиной и С. Бабаскиной [2] обогащают базу знаний любителей Челябинского балета и прививают хороший эстетический и художественный вкус у зрителей и читателей.

Следует заметить, что в Москве нет ни одного научного центра, объединяющего балетоведов, которые чаще всего работают изолировано в разных учреждениях Ассоциации деятелей хореографии в Москве, как и секция музыкального театра в Союзе театральных деятелей, малочисленны и работают с творческим составом не очень активно. В этих условиях журнал «Балет» с его широкими связями и активом приобретают особую роль. Он становится своеобразным центром, объединяющим балетоведов и критиков, артистов и деятелей хореографии, не только города Москвы, но и всей страны в целом. Журнал «Балет» благотворно влияет на нормальное развитие творческого процесса отечественной хореографии. Как свидетельство этого – безукоризненный стиль и следование высоким художественно-эстетическим принципам, широта охвата событий в публикуемых материалах и глубина анализа балетоведческих и журналистских статей.

1. Антонова, К. И. Балетная труппа Челябинского театра оперы и балета им. М. И. Глинки / К. И. Антонова // Белат. – 1997. – № 2 (апрель-май). – С. 14–20.
2. Бабаскина, С. Челябинский театр оперы и балета им. М. И. Глинки / С. Бабаскина // Балет – 2009. – № 6. – С. 50–51.
3. Ванслав, В. Зачем мы живем, зачем страдаем / В. Ванслав // Балет. – 2010. – № 5 (октябрь). – С. 16–18.
4. Вольфович, Т. Александр Мунтагиров / Т. Вольфович // Совет. балет. – 1991. – № 5. – С. 21–22.
5. Гришина, Е. М. Николай Фадеичев / Е. М. Гришина. – М.: Искусство, 1990. – 246 с.
6. Зозулина, Н. Н Алла Осипенко / Н. Н. Зозулина. – Л.: Искусство, 1987. – 220 с.

7. Ильичева, М. А. Аскольд Макаров / М. А. Ильичева – Л.: Искусство, 1984. – 156, [2] с.
8. Ильичева, М. А. Ирина Колпакова / М. А. Ильичева. – Л.: Искусство, 1987. – 204 с.
9. Лидова, Д. Два веронца, патер Лоренцо и фея Маб / Д. Лидова // Балет. – 2007. – № 2 (март-апр.). – С. 34–36.
10. Львов-Анохин, Б. А. Сергей Корень / Б. А. Львов-Анохин. – М.: Искусство, 1988. – 208 с.
11. Тейдер, В. Труден путь к сатире / В. Тейдер // Совет. балет. – 1987. – № 4. – С. 29–30.
12. Чадов, С.И. Челябинск 45 и 36,6… / С. И. Чадов // Балет. – 2002. – № 4–5 (июль-октябрь). – С. 16–17.
13. Щелкунова, А. Челябинские сезоны Тлеубаева / А. Щелкунова // Балет. – 1992. - № 2. – С. 32–33.

СЛОВО НАСТАВНИКА

Канд. ист. наук, доцент

А. Н. Терехов

Челябинская государственная академия культуры и искусств

МОРСКАЯ ИСТОРИЯ СТОЛИЦЫ ЮЖНОГО УРАЛА (275-ЛЕТИЕ Г. ЧЕЛЯБИНСКА)

Города имеют свою историю, свою судьбу, они дороги и необходимы горожанам, которые связывают с ними жизнь и надежды на будущее. Каждый город отличается от других своей неповторимой красотой и обликом. Прекрасные слова написал о городах, расположенных на берегах морей и океанов, журналист Юрий Хрящев, побывавший во многих дальних плаваниях, в своей книге «Первые мили пути»: «В приморских городах каждая улица уходит в океан. Эти города часто провожают корабли в далекие и трудные дороги. Как будто частицы родной земли, оторвавшись от берега, уходят они в дальние дали. Берег и корабль соединяют незримые нити. Это великая ответственность перед Родиной, и ожидание встречи с близкими, и тревога за них. Берег всегда думает о корабле. Знает, где он находится в данное время, что делает и что ему нужно».

Челябинск – город сухопутный, отдаленный от морей и океанов. Но и до него доходят бескрайние морские волны, крепкая дружба и прочные традиции связывают его с флотом нашей страны.

В разработку морской проблематики в Челябинске внесли вклад краеведы А. И. Александров, А. В. Апрелков, Л. А. Попов. Их статьи и книги посвящены подводным лодкам, подвигам челябинских моряков. Эти авторы в своих работах не рассматривали значения Челябинска в морской истории России. Поэтому данная проблема остается не исследованной и является актуальным комплексное изучение морской истории Челябинска и связей города с отечественным Флотом.

Имя «Челябинск» носили многие корабли российского флота. Им было названо три теплохода Российского флота [2]. Удивительна судьба первого теплохода «Челябинск». Он был построен в Соединенных Штатах Америки в 1919 г. и первоначально назывался «Кеевер», долгое время ходил под американским флагом и работал в береговой охране. 13 марта 1945 г. вместе с грузом в 6 155 тонн теплоход передали в СССР и включили в состав торгового флота, переименовав в «Челябинск». Функция теплохода «Челябинск» состояла в том, чтобы доставлять грузы и боевое снаряжение по ленд-лизу из США. До 9 мая 1945 г. он успел побывать во многих «огненных рейсах».

В начале 1950-х гг. было решено, что срок эксплуатации судна вышел. Теплоход загрузили скальной породой и затопили на входе в бухту Большой Камень. И на морском дне корабль продолжал нести службу – он сдерживал морскую волну, которая захлестывала берег.

В 1960-х гг. название города Челябинска вновь появилось на борту корабля. Это было торговое судно опять-таки немецкого производства, рассчитанное на 25 лет эксплуатации. «Челябинск» – читали в портах Иокогамы, Коломбо, Осака, Ханой, Хошимин, Сингапур, Гонконг. «Челябинск» – произносили с улыбкой в Корее. Но по-особому встречали много лет теплоход во Вьетнаме. В годы войны доставлял он туда самые мирные грузы: хлеб, соль, медикаменты, стройматериалы и даже новогодние елки для вьетнамских детей. Отслужив свой положенный срок, 22 января 1986 г. теплоход «Челябинск» был списан с баланса Дальневосточного морского пароходства.

Но на этом не закончилась дружба челябинцев с экипажем, не разорвались нити связей. В г. Челябинске широко развернулось движение «Теплоходу “Челябинск” – вторую жизнь». В мае 1985 г. ученики решили собирать металлолом на изготовление нового судна. Школьниками города, поддержавшими инициативу учащихся школы № 96, было собрано около четырех тысяч тонн металлолома. Более 1000 машин с металлоломом, собранным юными горожанами, ушли в мартен № 1 ЧМК.

В октябре 1986 г. решением Министерства морского флота СССР контейнеровозу Дальневосточного морского пароходства было дано имя «Челябинск». Современный теплоход «Челябинск» относился к классу крупнотоннажных судов, и до сих пор прекрасно работает на просторах Мирового океана [13].

Единство флота и народа в годы Великой Отечественной войны проявилось в сборе средств на строительство кораблей, подводных лодок, катеров. В этом патриотическом движении приняли участие и наши сухопутные город и область. За короткий срок было собрано более 55 миллионов рублей на строительство боевых кораблей.

Лодка М-105 «Челябинский комсомолец» считалась одной из лучших именных «малюток». Она была построена на средства челябинцев на кораблестроительном заводе в Сормово. Командиром лодки был капитан Шранга Виктор Николаевич Хрулев [1]. За год действий на Северном флоте подводная лодка «Челябинский комсомолец» совершила 10 боевых походов, потопила 6 вражеских судов общим водоизмещением 37 000 тонн.

В мае 1944 г. по приказу командования подводная лодка «Челябинский комсомолец» по железной дороге была перевезена на Черное море, где экипаж продолжил службу и встретил День Победы. По боевой и политической подготовке лодка была на первом месте среди кораблей Черноморского Флота. В августе 1955 г. подводную лодку «Челябинский комсомолец» как физически устаревшую списали, а экипаж был расформирован.

Вторым рождением подводная лодка «Челябинский комсомолец» обязана юным челябинцам – ученикам школы № 10. Несколько лет под руководством Анатолия Ивановича Александрова они вели поисковую работу, собирали материал о лодке военного времени, организовывали циклы бесед о ее боевых делах [1]. Ученики не только оживили историю «Челябинского комсомольца», но и обратились в областной комитет комсомола с предложением продолжить традиции своих отцов, присвоить современной подлодке имя фронтовой «малютки»» и взять над ней шефство. Инициативу школьников поддержали в Челябинском областном комитете ВЛКСМ и Министерстве обороны СССР.

18 января 1963 г. одной из лодок Северного флота было присвоено имя «Челябинский комсомолец» для сохранения славных боевых традиций подводной лодки М-105, построенной в годы Великой Отечественной войны на средства, собранные жителями Челябинской области.

Подводная лодка проявила себя в дальних походах, участвовала в 1962 г. в событиях, разыгравшихся под водой в тревожные дни Карибского кризиса. За участие в Кубинском походе командир корабля капитан IIранга Рюрик Александрович Кетов был награжден орденом Красной Звезды. Вспоминая в 2002 г. о своем участии в Карибской одиссеи Р. А. Кетов говорил: «Мою лодку тоже обнаруживали, преследовали и бомбили. Но удавалось отрываться. Тут был элемент везения» [9].

В 1963 г. служить на «Челябинский комсомолец» были направлены Н. Усольцев. В. Тятюшин, В. Сабохарь, С. Калачевский, В. Куринов, Ю. Дюкарев, Л. Черкасов, Ф. Портнов. Они принесли в прочный корпус корабля горсть родной земли. Шкатулка с уральской землей и наказом молодым морякам хранились в комнате боевой славы корабля [10].

О жизни экипажа «Челябинского комсомольца» снято два документальных фильма – «Горсть земли в океане», «Уральская эскадра», написаны книги А. И. Александровым «Подводная лодка «Челябинский комсомолец», В. Н. Сорокиным «Подводная уральская», А. В. Апрелковым и Л. А. Поповым «Морские истории». К различным памятным датам и комсомольским конференциям военно-морского соединения и подшефной подводной лодки была выпущена целая серия памятных знаков, которыми награждались лучшие члены экипажа.

С палубы подводного корабля «Челябинский комсомолец» шагнула по стране популярная песня А. Пахмутовой на стихи С. Гребенникова и Н. Добронравова «Усталая подлодка».

Существует два Челябинска: в глубине России и в глубине океанской. Между городом и подшефным атомным подводным ракетным крейсером установлены прочные связи. АПРК «Челябинск» был построен на верфях Северодвинска. В строй кораблей Северного флота вступил в 1990 г., а в 1991 г. «Челябинск», перейдя на Дальний Восток, вошел в состав флотилии атомных подводных лодок Тихоокеанского флота.

4 декабря 1997 г. был подписан договор о сотрудничестве между главой города Челябинска В. М. Тарасовым и командиром АПРК «Челябинск» капитаном I ранга С. В. Яркиным. В мае 1998 г. на корабле начали проходить службу моряки, направленные на Тихоокеанский флот Челябинским облвоенкоматом: Р. Бурибаев, А. Игнатенко, К. Мещеряков, Е. Шевляков. Когда они в 2000 г. приехали в Челябинск в отпуск, А. Игнатенко сказал: «Это, здорово – хотя бы на месяц вернуться в родной город. На Южном Урале моряков нет, поэтому, когда мы сели в трамвай, пассажиры как-то по-особому смотрели на наши черные шинели, разглядывали якоря на шевронах, удивлялись немного, откуда мы тут взялись. Приятно, конечно»[11].

Экипаж АПРК «Челябинск» считается экипажем первой линии по уровню боевой подготовки.

С 1990 по 1999 г. АПРК «Челябинск» прошел 58 275 миль, из них под водой 46. 620 миль, что равняется расстоянию 2,7 раза вокруг земного шара.

Далеко от берегов Тихого океана жители города следят с интересом за тем, как крепнет и развивается дружба между Челябинском и одноименным крейсером. Этой теме газета «Челябинский рабочий» посвятила целую серию публикаций. Челябинским художником – дизайнером Б. Гриневичем, служившим на флоте, был разработан нагрудный знак для экипажа подшефного атомохода. Знаменательным событием стало освящение в Свято-Троицком храме Челябинска Андреевского флага корабля. Известные краеведы А. В. Апрелков и Л. А. Попов рассказали об атомоходе «Челябинск» в своей книге «Морские истории».

Установившейся традицией стали поездки делегаций Челябинска на подводную лодку и встречи моряков подшефного корабля в городе.

След замечательных побед, великих свершений, героических подвигов наших предков лежит на нас.

Порт – Артур. Это слово мало что говорит сегодня молодым нашим соотечественникам. А когда-то город – порт, построенный русскими в самом конце XIX в. на китайском полуострове Ляодун, был для каждого россиянина символом чести, патриотизма, мужества. Под воздействием событий на Дальнем Востоке в г. Челябинске имя крепости стал носить поселок, который примыкал с востока к станции Челябинск за железной дорогой. Поселок хаотично застраивался железнодорожниками. А. М. Нечаева в своем очерке «Челябинские впечатления» в 1909 г. писала: «Второй многочисленный класс челябинского населения составляют железнодорожные служащие. Они преимущественно населяют крупные поселки, расположенные около станции: Николаевский поселок, Колупаевку и знаменитый «Порт-Артур», который возник в печальную годовщину падения крепости Порт-Артур на Дальнем Востоке. Поселок этот представляет собой обширную площадь, застроенную в высшей степени бессистемно самыми разнообразными постройками, начиная от тесовых изб с палисадниками и кончая лачугами, сложенными из гни-

лых железнодорожных шпал. Нередки здесь и землянки, вырытые прямо в земле и обложенные хворостом» [5].

Появление на карте Челябинска названия легендарной крепости не было случайным. Жители города были непосредственно информированы о героях Порт-Артура. Через Челябинск шли воинские эшелоны на Дальний Восток. В Народном доме размещался лазарет для раненых. В 1905 г. в первом кинотеатре Челябинска «Грезы» показывали кадры из жизни осажденного Порт-Артура. В конце XX в. челябинский поселок с именем «Порт-Артур» был заменен современными жилыми микрорайонами, застроен новыми многоэтажными домами. Но в памяти жителей г. Челябинска сохраняется это название. В повседневной жизни можно часто услышать словосочетания: «Поеду в порт», «Живу в порту», а это означает, что история челябинского Порт-Артура продолжается.

Корабли живут в море, только в море. А этот старый трехтрубный крейсер давно не вспенивает винтами морские просторы. В его иллюминаторах отражаются шумные магистрали Петербурга, с которым крепче всяких швартовых соединила «Аврору» история.

Впервые имя крейсера в нашем городе появилось в 1967 г. В июне этого года в Ленинском районе был открыт кинотеатр «Аврора» на 600 мест [6].

В 1965–1966 гг. выполнялся проект привязки здания и благоустройства сквера. Первым директором кинотеатра стал Г. А. Бродягин.

В 1998–1999 гг. была осуществлена реконструкция здания в современный многофункциональный культурно-досуговый центр. Автором эскизного проекта являлся архитектор В. А. Квач, главным инженером – А. Н. Кувшинов. Досуговый центр «Аврора» был открыт 15 сентября 1999 г. (генеральный директор В.В. Середкин). Входная группа досугового центра декорирована имитацией корабельного орудия, воссоздающего образ легендарного крейсера «Аврора» [12].

Среди памятных мест Челябинска особое положение занимает Алое поле. Оно вызывает чувство законной гордости у всех, кто небезразличен к сохранению нашего историко-культурного наследия. В этом городском парке находится много достопримечательностей [14]. В сентябре 1986 г. в честь 250-летия Челябинска на Алом поле была открыта аллея памяти пионеров - героев.

Для тех, кто бережно сохраняет память о Военно-Морском Флоте, особенно дорог барельеф, на котором изображён юный участник Великой Отечественной войны в бескозырке с надписью «Северный флот» и ленточками с якорями. Это юнга Саша Ковалёв, чье имя стало легендарным[8].

В мае 1944 г. Саша Ковалёв совершил подвиг. Торпедный катер № 209 пошёл в атаку на фашистский транспорт. В разгар боя осколком вражеского снаряда был пробит коллектор мотора.

Понимая, что нужно немедленно устранить пробоину на выхлопном коллекторе мотора, Саша бросился вперёд и своей грудью закрыл ее.

Своим самоотверженным поступком юнга сохранил катеру ход и жизнь экипажу. За героический подвиг Александр Николаевич Ковалёв посмертно был награжден орденом Отечественной войны I степени. Ему было семнадцать лет. О юном герое, его бессмертном подвиге напоминает жителям города барельеф в Челябинске, установленный в аллее на Алом поле.

Челябинск становится все красивее и красивее. В 2003 г. город украсился множеством новостроек – и не только жилых кварталов, а также объектов, которые радуют и горожан, и гостей.

В июле 2003 г. в Ленинском районе г. Челябинска открылся новый торговый комплекс «Андреевский». Его название говорит о флотских традициях, славе российских моряков. Торговый комплекс «Андреевский» представляет собой уникальное сооружение. Высоко ввысь устремляется крыша – мачта, венчает которую флагшток с Андреевским флагом. На мачтовых реях раскинута светящаяся сетка, которая имитирует паруса. С правой и левой стороны здания установлены на постаментах пушки с ядрами. В вечернее и ночное время пушки выполняют роль фонарей, освещение которых направлено на Андреевский флаг. Перед входом в торговый комплекс установлен фонтан в виде изысканного корабля – парусника, бегущего по волнам.

Здание торгового комплекса представляет собой большой интерес в художественно-архитектурном отношении и производит массу впечатлений у всех посещающих его. Многие жители Ленинского района и города не просто делают здесь покупки, но и соприкасаются с романтикой моря.

Изучая жизненный путь и деятельность кандидата исторических наук, ветерана Великой Отечественной войны, капитана I ранга в отставке Алексея Васильевича Апрелкова, поражаешься и восхищаешься тем, какой это уникальный человек с удивительной судьбой.

В 1939 г. верхнеуралец Алексей Апрелков по комсомольской путевке становится моряком – балтийцем. Служил в морской пограничной охране, был командиром отделения на «Морском охотнике». Старшине II статьи А. В. Апрелкову довелось участвовать в финской кампании, освобождать Выборг. Позднее он стал старшим инструктором учебного отряда сторожевых кораблей Черноморского флота. В годы Великой Отечественной войны А. В. Апрелков участвовал в большинстве крупных операций флота на Черном море. За боевые подвиги А. В. Апрелков награжден орденом Отечественной войны I степени и 27 медалями.

Многие годы А. В. Апрелков вместе с Л. А. Поповым по крупицам собирал биографии военных моряков, бесценные материалы о подводных лодках «Ленинский комсомол» и «Челябинский комсомолец», теплоходах «Челябинск». В 1995 г. ими была написана книга «Моряки – южноуральцы на боевых фарватерах». Продолжая изучать биографии моряков Южного Урала, А. В. Апрелков и Л. А. Попов к 55-летию Победы подготовили исторические очерки «По морям и океанам». Эта книга содержит оформленные в короткие рассказы воспоминания челябинских ветеранов ВМФ.

В 1996 г. вышла его книга в соавторстве с Л. А. Поповым «Из морских глубин». В ней рассказывается об истории подводных лодок «Ленинский комсомол» и «Челябинский комсомолец», построенных на средства, которые были собраны жителями Челябинской области в годы войны, а также подводных лодок «Ленинский комсомол» и «Челябинский комсомолец» послевоенного периода.

В 1998 г. А. В. Апрелков и Л. А. Попов издают очередную книгу из жизни моряков «Морские истории» [3].

В своем творчестве А. В. Апрелков восстановил одну из героических страниц истории Южного Урала, бережно сохранил ее и передал молодому поколению.

Имя композитора, поэта, ученого Олега Владимировича Кульдяева широко известно. Он автор более 300 песен о Челябинске, Южном Урале, людях нашего края [7]. Особое место в его творчестве занимает морская тема.

В 1970 г. О.В. Кульдяев в составе делегации Челябинской области побывал на Северном флоте. Морякам он посвятил свои песни. Это – знаменитые «Моряки с подводных дизелей» и «Марш североморцев – подводников».

О подводной лодке «Челябинский комсомолец» Олег Владимирович написал песню с проникновенным названием «Частица уральской земли».

В последние годы О. В. Кульдяев создал новые песни о нелегкой службе моряков. В 1999 и 2001 г. он побывал на современных боевых кораблях – атомном крейсере стратегического назначения «Челябинск» Тихоокеанского флота и эскадренном миноносце «Безудержный» Северного флота.

Песни О. В. Кульдяева «Пишите нам» и «Родной «Безудержный» стали гимнами наших подшефных кораблей. Молодые моряки с большим удовольствием исполняют их в отсеках подводной лодки «Челябинск» и каютах эскадренного миноносца «Безудержный».

Челябинский геральдист Борис Матвеевич Гриневич многие годы живет вдали от морей и океанов – в нашем сухопутном городе, несколько десятков лет отдано им Челябинскому тракторному заводу. Художник изобразил в своих произведениях подвиг Танкограда, его прославленных героев, боевые традиции армии и при этом остался верен самой любимой теме – морской [4].

Всплески волн застыли на его гравюрах, рисунках, эскизах нагрудных знаков для экипажей кораблей. В 1970–1980-е гг. Б. М. Гриневичем были созданы значки «Челябинский комсомолец», «Магнитогорский комсомолец» и значок, посвященный двадцатилетию подшефного подводного корабля.

В 2001 г. Б. М. Гриневич разработал памятный нагрудный знак для экипажа современного атомного подводного ракетного крейсера «Челябинск» Тихоокеанского флота. По заказу Администрации г. Челябинска, шефствующей над кораблем, его изготовили специалисты предприятия художественных изделий «Брегет».

К 300-летию российского флота Борисом Матвеевичем было разработано несколько серий значков. В серии «Борения за моря» представлены значки с изображением известных кораблестроителей и флотоводцев. На знаках серии «Державный флот» можно увидеть основоположников регулярного флота России и корабли составившие гордость и славу парусного флота.

Изучение морской истории Челябинска показывает, что, несмотря на то, что наш город – сухопутный, он тесным образом связан с историей Военно-Морского Флота России.

Именем города Челябинска было названо несколько теплоходов и подводных лодок, которые вписали много ярких страниц в военно-морскую летопись Отечества. Сегодня новое поколение челябинцев проходит службу на АПРК «Челябинск», продолжая морские традиции города.

Тема истории флота присутствует и в современной городской среде, она активно используется в сфере торговли, досуга (кинотеатр «Аврора», торговый комплекс «Андреевский»).

Написанные краеведом А. В. Апрелковым книги о челябинских моряках, созданные поэтом и композитором О. В. Кульдяевым песни о подшефных кораблях, разработанные художником и геральдистом Б. М. Гриневичем серии морских знаков являются заметным явлением в культурной жизни города и свидетельствуют о большом интересе челябинцев к прошлому и настоящему Российского Флота.

1. Александров, А. И. Подводная лодка «Челябинский комсомолец» / А. И. Александров. – Челябинск, 1969.
2. Аненкова, А. Соленые шторма «Челябинска» / А. Аненкова // Синегорье. – 2001. – 23 мая. – № 21.
3. Апрелков, А. В. Морские истории / А. В. Апрелков, Л. А.Попов. – Челябинск, 1998.
4. Вайнштейн, Л. Автографы времени / Л. Вайнштейн // Челяб. рабочий – 1982. – 6 фев.
5. Дореволюционный Челябинск в слове современников – Челябинск, 1997.
6. Калентьева, А. Что тебе снится, кинотеатр «Аврора» / А. Калентьева // Веч. Челябинск. – 1997. – 2 июля.
7. Кульдяев, О. В. Люблю тебя, Уральский край / О. В. Кульдяев. – Челябинск, 2004.
8. Лисин, И. С. Сражались мальчишки на море / И. С. Лисин. – Самара, 2000.
9. Смелым покоряются моря. Южноуральцы на морских рубежах. – Челябинск, 2005.
10. Сорокин, В. Н. Подводная уральская / В. Н. Сорокин. – М., 1973.
11. Терехов, А. Н. «Челябинск»: 15 лет на морских просторах / А. Н. Терехов // Челябинск за неделю. – 2006. – 21 февраля.
12. Филинских, Ю. «Аврора» плывет на север / Ю. Филинских // Бюллетень архитектуры. – 1999. – № 7.
13. Челябинск бороздит морские просторы // Моск. комсомолец – 2001. – 29 марта – 5 апр.
14. Шатов, А. Алое поле: Заметки писателя / А. Шатов // Челяб. рабочий. – 1969. – 10 авг.

М. А. Фабричнов
Челябинская государственная академия культуры и искусств

ПЕРИОДИЗАЦИЯ ИСТОРИИ ТЕЛЕВИДЕНИЯ

Согласно определению Большой Советской Энциклопедии, «телевидение (от греч. téle – вдаль, далеко и слова видение) – область науки, техники и культуры, связанная с передачей зрительной информации (подвижных изображений) на расстояние радиоэлектронными средствами; собственно способ такой передачи.

Телевизионное вещание – одно из массовых средств информации и пропаганды, воспитания, просвещения, организации досуга населения».

Итак, история первых телевизионных передач со звуком берет свои истоки с 1 октября 1931 г. Передачи принимались практически на всей территории СССР, а также в ряде зарубежных стран, например, в Англии, Швеции, Чехословакии, Румынии.

Разумеется, никто из пионеров телевизионного вещания даже не представлял, насколько телевидение изменит мир, людей, как оно будет влиять на ход истории. Особенностью телевидения является то, что оно всегда соответствовало ожиданиям и потребностям социума, иногда даже предвосхищая их.

Для попытки всестороннего осмысления феномена телевидения немаловажным фактором является проблема его неформальной хронологической периодизации.

Одна из попыток из подобных попыток, но только отечественного телевидения, была предпринята И. Г. Кацевым в его «Истории российского телевидения 1907–2000 гг.» [1].

С точки зрения автора, развитие телевидения можно разделить на следующие 4 этапа:

1. 1907–1957 – этап зарождения телевидения и превращения его в массовое СМИ.

2. 1957–1970 – превращение телевидения в самостоятельную информационную отрасль.

3. 1970–1985 – период полного и безоговорочного контроля телевидения со стороны государства.

4. 1985–2000 – этап «перестроечного» и постперестроечного телевидения.

Как видим, данная периодизация проведена по разным основаниям или, говоря другими словами, существенные признаки, выделяющие каждый этап, различны. Да и сам автор говорит об условности своей периодизации. Однако, будучи субъективной, периодизация, тем не менее, комплексно подходит к оценке феномена телевидения. Каждый обозначенный период акцентирует внимание на конкретном качественном признаке исследуемого объекта.

Поскольку телевидение отличается сильной взаимосвязанностью и взаимной обусловленностью технологий, лежащих в его основе, и способов воздействия на общество, то невозможно рассматривать аспекты этого феномена по отдельности, без ущерба для комплексного, целостного восприятия всей проблематики, относящейся к телевидению.

К периодизации истории телевидения необходим комплексный подход при этом необходимо учитывать самые различные факторы, начиная от политических и технологических, и заканчивая психологическими и социальными факторами.

Существует и следующая периодизация истории телевидения и тележурналистики в России, представленная Мелик-Пашаевой Аллой Александровной, канд. филос. наук:

- 1931 г. Начало экспериментального вещания «механического» телевидения.
- 1934 г. Начало звукового вещания.
- 1950-е гг. Приход журналистов на ТВ.
- 1957–70 гг. «Золотая пора», ознаменованная переходом от «островного» к общесоюзному вещанию, появлением «прямого эфира», новых авторских рубрик, программ, которым суждено оказать большое влияние и на последующее развитие телевидения, а некоторым – всемирная слава (КВН).
- 1970–85 гг. Этот период характеризуется централизацией программной политики, расширением объема общественно-политического вещания, совершенствованием системы подготовки телевизионных работников. Вместо прямого эфира используется видеозапись.
- 1986–1991 гг. «Перестройка и гласность», определяется возвращением к прямому телевидению, появлением программ и рубрик, активно влияющих на общественное сознание (альтернативные новости, «12-й этаж», «Взгляд» и др.).
- 90-е гг. Постсоветское телевидение. С распадом СССР разрушается общегосударственная система Гостелерадио, возникают и развиваются коммерческие каналы. Появление НТВ и его закат. Разделение на производящее и вещательное телевидение.
- Начало тысячелетия. Новые технологии. Господство форматов. «Диктатура» рейтинга. Утверждение идеологии всеобщего «инфотейнмента». ТВ предлагает новые модели жизни.
- Ближайшее будущее: новейшие технологии диктуют новую эстетику экрана, мультимедиа (журналистика в Интернете); индивидуальные телеменю и тотальный интерактив. Перспективные направления: кабельное и космическое телевидение; домашнее видео и компьютер.

Учитывая предложенные вышеназванными авторами примеры периодизации истории телевидения, мы можем предложить собственный ее вариант.

Концентрируясь лишь на сугубо технической стороне дела, началом исторического периода телевидения можно считать не 1907 г., когда профессор Петербургского технологического института Борис Львович Розинг смог передать изображение на расстояние с помощью электронно-лучевой трубки, а более ранее время.

До того, как 25 июля 1907 г. Розинг запатентовал способ «электрической телескопии» (ему удалось передать изображения решетки и креста), в истории телевидения произошло важное открытие – в 1883 г. немецкий студент Пауль Нипков произвел «умственный эксперимент», как он сам назвал его, который заключался в создании диска, значительно упрощающего процесс развертки, т. е. превращения двухмерного изображения в последовательность электрических сигналов. «На приемной станции устанавливался аналогичный диск между источником света и зрителем. На передающей станции диск размещался между фотоэлементом и тем объектом, который предлагалось увековечить с помощью телевидения. При вращении диска на фотоэлемент падал свет только через одно отверстие, перемещавшееся по дугообразной траектории. Когда это отверстие уходило за рамку кадра, с другого края рамки надвигалось следующее отверстие, расположенное несколько ниже. Таким образом, за один оборот диска перед фотоэлементом проходили поочередно все участки изображения» [2].

15 января 1885 г. Нипков запатентовал свое изобретение. Таким образом, изобретение диска Нипкова можно условно считать началом первого периода в истории телевидения. Дело не в технологической новизне совершенного открытия, а в превращении изобретения в символ времени. Открытие стало стимулом для многих изобретателей.

Например, в Америке разверзлась настоящая борьба между радиокомпаниями за первенство в сфере телевизионного вещания. Так, в конце июля 1931 г. радиосеть «Си-би-эс» (CBS) открыла телестанцию выступлением мэра Нью-Йорка и попурри из популярных песен и танцев, но через полтора года была вынуждена закрыть ее. Следом за CBS свою антенну на крыше Empire State Building установила сеть «Эн-би-си» (ABC).

В 1935 г. было положено начало регулярному телевизионному вещанию. В связи с этим следует отметить несколько важных исторических вех в развитии телевидения. Во-первых, 9 апреля 1935 г. в берлинском музее почт был открыт первый телесалон на 30 человек с двумя телевизорами. Через полгода появился телетеатр с проектором на 300 человек.

Важнейшим политическим и научно-техническим успехом Германии в то время была трансляция Олимпийских Игр в 1936 году. Объем прямых трансляций возрос до 8 часов в сутки. Кабель был проложен в другие города страны, так что за Играми можно было наблюдать в Гамбурге, Лейпциге, Нюрнберге, Мюнхене и Кельне.

Таким образом, можно заключить, что первый этап становления телевидения характеризуется эволюцией от изобретения технологии до превращения его в социальное явление.

Второй этап развития телевидения (с 1940-х гг. до конца 1980-х) знаменует превращение телевидения в самостоятельное социальное явление. Оно становится не просто социальным институтом со своими собственными выразительными средствами, но важнейшим социальным явлением, формирующим общество и его представления об окружающем мире. Этому во многом способствовала глобализация, поэтому нельзя рассматривать лишь в национальных масштабах. В этот исторический промежуток времени к власти пришел М. С. Горбачев, провозгласивший новый политический курс – «перестройку», которая в итоге повлекла распад СССР. Новая политика, проводимая Горбачевым, предоставила СМИ неслыханную свободу говорить о том, что раньше было запрещено.

Третий этап – с 1990-х гг. до настоящего времени – этап «дигитализации и конвергенции» [3] телевидения и других современных источников информации, прежде всего, Интернета. Е. Л. Вартанова в своем труде «Медиаэкономика зарубежных стран» дает следующие определения этим понятиям. Так, дигитализация – это перевод содержания СМИ во всех его формах – текстовой, графической, звуковой – в цифровой формат, понятный современным компьютерам. Конвергенция (от лат. converge – приближаюсь, схожусь) – термин, принятый в естественных и общественно-политических науках для обозначения процессов схождения, взаимоуподобления. В медиаэкономике используется для обозначения интеграции информационных и коммуникационных технологических платформ (компьютеров, телевизоров, телефонов), а также передаваемых ими содержательных (информационных) продуктов.

Таким образом, телевидение вместе с информационной функцией приобретает функцию воздействия и тиражирования социально приемлемых стереотипов поведения и мышления. Этот исторический период характеризуется индивидуализацией потребителей информации. Телевидение больше не владеет умами людей, оно становится в условия борьбы за аудиторию. В связи с этим важным элементом телевидения этого этапа становится интерактивность.

1. Кацев. И. Г. История российского телевидения (1907–2000) / И. Г. Кацев. – М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2004.
2. Фортунатов, А. Н. Проблемы истории телевидения: философский и культурологический подход / А. Н. Фортунатов.
3. Засурский, Я. Н. Информационное общество и средства массовой информации / Я. Н. Засурский // Информационное общество. – 1999. – Вып.1. – С. 36–40.

А. Ю. Фурсова
Челябинская государственная академия культуры и искусств

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ в 60–70-е годы XX века (на материалах Челябинской области)

Формирование и развитие сферы культуры на Южном Урале в 1960–1970-е гг. можно представить как весьма динамичный, повсеместный процесс укрепления материально-технической базы учреждений культуры, подготовки кадров культпросветработников, организации и расширения сферы деятельности новых культурных объединений.

К середине 1970-х гг. Челябинская область достигла впечатляющих результатов в развитии культурной инфраструктуры. Количественные показатели приведены в *табл. 1*.

Таблица 1 [1]

Число культурно-просветительных учреждений в Челябинской области в 1960-е – 1970-е гг. (на 1 января каждого года)

Год / Учреждения культуры	1961	1971	1981
Массовые библиотеки	981	983	986
В том числе на селе	550	571	577
Фонд массовых библиотек, тыс. экз.	10600	17765	23765
Клубы, дома и дворцы культуры	899	1091	1223
В том числе на селе	693	829	965
Киноустановки	975	1572	1475
В том числе на селе	630	1159	977

На территории области действовало семь государственных театров, Магнитогорская хоровая капелла, филармония, три Дома музыки, а также, высшие и средние образовательные учреждения творческого профиля (Челябинский государственный институт культуры, Магнитогорское музыкальное училище им. М. И. Глинки, музыкальное училище в г. Челябинске, Областное культурно-просветительное училище).

Модель культурного обслуживания городского и сельского населения, по которой учреждения культуры и искусства работали практически до начала 1990-х гг., представляла собой жестко централизованную систему. Посредством постановлений, приказов ЦК КПСС, Министерство культуры СССР, областные и районные комитеты партии осуществляли официальную политику в сфере культуры: утверждали планы работы, контролировали кадровую ситуацию, формировали репертуар, следили за деятельностью культурно-просветительных учреждений. В 1960–1970-х гг. большое значение центральными и местными органами власти придава-

лось укреплению связи между городом и деревней и ускорению коренной перестройки сельского быта и образа жизни. В плане мероприятий Министерства культуры РСФСР на 1960 г. перед культпросветработниками ставились задачи «как можно теснее увязывать свою деятельность с жизнью тружеников сельского хозяйства с тем, чтобы активно способствовать подъему их творческой активности, коммунистического сознания» [2]. Например, местным краеведческим музеям только за 1960 г. поручалось организовать 4500 передвижных выставок [3]. Творческим союзам писателей, композиторов и художников вменялось в обязанность «создавать произведения искусства для театров, концертно-эстрадных коллективов и исполнителей», а также «произведения изобразительного искусства, которые бы отображали подъем социалистического сельского хозяйства, современную жизнь советской деревни и образы передовиков труда» [4]. Повсеместно шло строительство новых зданий клубов и библиотек, особенно в сельских районах, где, в большинстве случаев, дома культуры и помещения библиотек находились в запущенном состоянии, или, что встречалось довольно часто, отсутствовали вовсе. С увеличением ассигнований в культуре к 1965 г. из 80 запланированных объектов в эксплуатацию были введены 23. Выполнить план в полном объеме предполагалось за 2,5 года.

Особой поддержкой со стороны центрального управления пользовались государственные театры. Всероссийское театральное общество (ВТО) оказывало помощь областным и районным театрам страны в деле расширения культурной работы на селе. Правление местного отделения ВТО в г. Челябинске ежегодно направляло в районы области творческие бригады в составе местных специалистов (режиссеров, актеров, заведующих постановочной частью) для оказания помощи самодеятельным театрам в вопросах формирования репертуара, повышения качества спектаклей и исполнительского мастерства. В целом, театры Челябинской области занимали лидирующее положение среди других областей Южного Урала по объему зрительской аудитории. Например, в 1969 г. ими было обслужено 1342,6 тыс. человек [5], а в 1978 г. – 1591,7 тыс. человек [6]. Данные показатели были в два, три раза выше, чем в Оренбургской (821,8 тыс. человек в 1978 г.) и Курганской областях (422,3 тыс. человек в 1978 г.) [7]. К слову, одной из составляющих успеха в выполнении плана по «средней наполняемости» зала являлся принцип выбора репертуара. Чем «жизненнее», реалистичнее являлся спектакль, чем более он отражал действительность, допускал возможность реализации «диалога» между зрителем и автором, тем он был актуальнее, предпочтительнее, обеспечивал интерес и наибольшее число зрителей. Например, спектакль «Цветы на асфальте» (автор А. Кайданова, режиссер Ю. Тамерьян; 1975 г.) Магнитогорского драматического театра им. А. С. Пушкина, посвященный теме наставничества, стал воспитательным средством в работе с молодежью, занятых на промышленных предприятиях и строительных организациях города. Кроме того,

придавая большое политическое и этическое значение данной постановки, бюро горкома КПСС вынесло специальное распоряжение об организации совместных просмотров и дальнейших обсуждений спектакля в коллективах строителей треста «Магнитострой», обувной фабрики и пединститута. В Челябинском театре оперы и балета им. М. Глинки сложилась целая система коллективных посещений спектаклей трудящимися предприятий города. Дирекции тракторного и трубопрокатного заводов, радиозавода, учебных заведений регулярно организовывали проведение «Дней театра». Проводились целевые спектакли для учащихся школ и ГПТУ города с целью эстетического воспитания детей и молодежи.

Одной из форм деятельности хоровой капеллы г. Магнитогорска, музыкальных училищ, областной филармонии, хорового общества, являлась активная пропаганда музыкального искусства, развитие кружков художественной самодеятельности в молодежных общежитиях, учреждениях города и на предприятиях. Коллектив музыкального училища им. М. И. Глинки под руководством заслуженного деятеля искусств РСФСР С. Г. Эйдинова, практиковал шефскую помощь сельским творческим группам. Артисты филармонии проводили специальные конференции, которые формировали и подготавливали аудиторию к восприятию и пониманию музыкальных произведений. Помимо выпусков брошюр, листовок, программ с разъяснениями, использовался метод социологического опроса слушателей (анкетирование). Введение абонементной системы посещения концертов стало выгодной формой работы с населением – обеспечивало филармонии стабильное финансирование, наполнение зала [8].

Самое масштабное объединение – хоровое общество, в состав которого входило более 20 тысяч человек, стало местом сосредоточения разнообразных и эффективных методов культурно-воспитательной работы с населением. На базе домов музыки проходили тематические вечера, лекции-концерты, занятия по вокалу с детьми и т.д.

Дворцы и дома культуры, ставшие общественно значимыми центрами проведения досуга для тысяч горожан, в организации клубов по интересам нашли действенные формы сближения с различными категориями трудящихся. Формы клубной работы некоторых из них разберем на конкретных примерах. Так, во дворце культуры им. Мамина-Сибиряка (г. Магнитогорск) действовало 25 кружков художественной самодеятельности в которых занималось 950 человек (1975 г.), работали три народных коллектива – танцевальный, хоровой и кукольный театр. ДК металлургов проводил культурно-массовую работу не только на стационаре, но и организовывал работу по месту жительства населения. Летом коллектив выезжал во многие районы города. На эстрадных площадках перед жителями микрорайонов проводились лекции, беседы, сопровождающиеся концертами художественной самодеятельности, демонстрацией фильмов.

В культурном просвещении деятельное участие принимали библиотеки Челябинской области. Их стремительный количественный рост начинается с 50-х гг.: на начало 1950 г. имелось 550 массовых библиотек [9], а к 1960 г. их количество выросло до 981. В последующие десятилетия этот показатель сохранялся (в 1970 г. – 983 библиотеки, в 1980 г. – 986) [10]. Книжный фонд библиотек непрерывно пополнялся – в 1950 г. он составил 2039,4 тыс. экз.; в 1960 г. – 10587,5; в 1970 г. – 17757; в 1980 г. – 23765,1 тыс. экз. [11]. К тому же, в системе культпросветучреждений области библиотеки стояли, пожалуй, на первом месте по уровню подготовки кадров. По данным областного управления культуры за 1965 г. в библиотеках работало 57 % специалистов с высшим и средним специальным образованием, остальные, имевшие общее среднее или незаконченное среднее образование, продолжали получать его заочно [12]. Данная кадровая ситуация положительно сказалась на качестве библиотечного обслуживания населения. По количеству читателей на одного библиотекаря в 1960-х гг. Челябинская область стояла на четвертом месте в России после Москвы, Ленинграда и Краснодарского края, по количеству книговыдач на одного библиотекаря занимала третье место после Ленинграда и Ростовской области. Ведущим направлением в работе библиотечного актива считалось политическое просвещение читателей посредством основных форм массовой работы: конференции, литературные вечера, книжные выставки, библиотечные обзоры, консультации по самообразованию, лекции, доклады и т. д.

Особое место в системе культурно-просветительных организаций занимали краеведческие музеи. Наряду с государственными краеведческими музеями области в гг. Челябинске, Магнитогорске и Златоусте, в конце 1960-х-начале 1970-х гг. возникает ряд народных музеев в Копейске, Кыштыме, Карабаше, Еманжелинске, Кусе, Карталах и др. Поддержку в подготовке экспозиций для данных музеев оказывали научные сотрудники областного краеведческого музея. Индивидуальная работа, встречи с известными людьми, «дни открытых дверей» поднимали уровень популярности музеев. Согласно отчетам Златоустовского музея, увеличение посещаемости составило 60112 человек в 1963 г. до 61447 человек в 1966 г. и 61629 человек – в 1967 г. [13]. Практически это означало, что в 1966 г. почти каждый третий житель города ознакомился с краеведческой экспозицией. В итоге, в 1967 г. музей Златоуста занял первое место среди государственных музеев Челябинской области.

Таким образом, в 1960-1970-х гг. учреждения культуры и искусства, реализуя на практике просветительскую, воспитательную, организационную функции, посредством поиска новых возможностей, принципов, методов деятельности, дали новое направление в развитии всей культурно-массовой работы.

1. Таблица составлена по материалам: Народное хозяйство Челябинской области: стат. сб. – Челябинск: Госстатиздат, 1961. – 178 с.; Челябинская область в девятой пятилетке: 1971–1975 гг.:

стат. сб. – Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1981. – 272 с.; Челябинская область. 75 лет: прошлое и настоящее: стат. сб. – Челябинск: 2008. – 328 с.
2. Государственный архив Российской Федерации. Ф. А-501. Оп. 1. Д. 2986. Л. 86.
3. Там же. Л. 89.
4. Там же. Л. 95.
5. Областной государственный архив Челябинской области. Ф. П-288. Оп. 166. Д. 159. Л. 74.
6. Российский государственный архив экономики. Ф. 1562. Оп. 60. Д. 1868. Л. 60 – 61.
7. Там же.
8. Музыка для всех // Челябинский рабочий. – 12 сентября, 1971 г. – № 217. – С. 3.
9. Народное хозяйство Челябинской области и города Челябинска: стат. сб. / ЦСУ СССР Статист. упр. Челябинской области. – Челябинск, 1957. – С. 152.
10. Челябинская область. 75 лет: прошлое и настоящее: стат. сб. – Челябинск: 2008. – С.108, 127.
11. Там же.
12. Областной государственный архив Челябинской области. Ф. П-288. Оп. 161. Д. 178. Л. 27.
13. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 10010. Оп. 5. Д. 459. Лл. 31, 62, 74.

М. А. Шицкова
Челябинская государственная академия культуры и искусств

К ВОПРОСУ О РАЗНОСНОЙ ТОРГОВЛЕ КНИГАМИ В ПРОВИНЦИИ

Распространение книжной и другой печатной продукции в провинции началось с деятельности офеней-книгонош. Время появления российского книгоношества – середина XVIII в.

Особенно перспективным офенский промысел представлялся в уральских губерниях с их обширной территорией и недостаточно развитой транспортной системой. Работа офеней осложнялась удаленностью от книжных центров и низкой плотностью населения в крае. Для успешной торговли офеней немалое значение имел ассортимент продаваемых книг. Преимуществом у малограмотного деревенского крестьянина пользовалась лубочная литература[1]. Среди лубочных изображений преобладали сцены из жизни былинных богатырей, монастырские листовки, песни с иллюстрациями, карикатуры на городских купцов, портреты царей и генералов, пророческие предсказания о судьбе богатых и скупых людей, попавших в ад, сцены народных гуляний и т. д.

Издателей лубочной литературы было немало, среди наиболее крупных столичные фирма «Посредник», издательства И. Д. Сытина и А. С. Суворина. Каждый издатель лубочной литературы старался привлечь к себе как можно большее число офеней, предоставляя провинциальному покупателю-разносчику большую скидку.

Лица, желающие производить разносную продажу книг, должны были иметь свидетельства на право разносной торговли, а также получить разрешение продавать книги у губернатора той губернии, в которой пред-

[1] Лубочное издание, лубок – специфичная форма книгоиздательской продукции XV – начала XX в., дешевое массовое печатное издание, представляющее собой оттиск изображения на листе бумаги. Отличалось доступностью, красочностью и яркостью изображения. Имело широкое распространение среди крестьян и городских низов, в том числе неграмотных [3, с. 386].

полагалась торговля. Обязательным условием положительного ответа губернатора являлась грамотность будущего торговца. Именно по этой причине в 1914 г. крестьянину Оренбургского уезда Захару Тихоновичу Кичигину было отказано производить разносную книжную торговлю, так как «от малограмотности его, нельзя ожидать правильной и согласованной с законом торговли» [2, л. 26].

Факты продажи книг офенями, не подтвержденные архивными документами, компенсируют записи, оставленные владельцами книг. Так, на одной из книг редкого фонда Челябинской областной универсальной научной библиотеки – «Артикул воинский» (Спб., 1755) сохранилась запись владельца В. Протасова «приобрел у букиниста Каторадова, который, будучи неграмотным, торговал книгами близь моста через реку Миасс, за 25 коп. (в нач. 900-х годов)» [1, с. 41].

У грамотного офеня торговля велась гораздо успешнее. Крестьяне охотнее покупали книги, если с их содержанием офеня познакомил чтением вслух. Насколько важна грамотность для офеней, видно из сравнения заработка грамотных и неграмотных офеней: «средний ежемесячный заработок [*грамотных торговцев. – доп. М. Ш.*] равняется 17 руб., а [*неграмотных. – доп. М. Ш.*] только 12 руб.» − писал «Вестник воспитания» в 1903 г. [4, с. 111].

Деятельность офени-книгоноши находила отражение в дореволюционной периодической печати. В частности, неизвестный автор «Оренбургских епархиальных ведомостей» так описывает образы офеней: «Прискучив ожиданием утоления духовного голода от руки старшего своего брата, русского интеллигента, русский крестьянин, благодаря своей богатой природной сметке, сам стал изобретать способы утоления духовного своего голода. Так в Харькове на главном базаре можно видеть двух нищих чтецов из крестьян, которые запасшись вчерашним нумером газеты или книженкой, усаживаются на пустых ящиках в местах сбора рабочего люда и собирают толпы слушателей… Уличные лекторы таким способом зарабатывают до одного рубля в день, доставляя себе и своему брату простолюдину духовное утешение. Такие же чтецы стали появляться между нищенствующими детьми в городах… Один из ростовских лесогрузчиков – рабочий, сломавший себе на работе руку, купил на три рубля на толкучем рынке подержанных книг и стал посещать места производства… и прочитывать наиболее любопытные для народа книги. За прочтение вслух чтецу… [*платили*] по 1 коп. от слушателя. Этим и промышляет потерявший руку рабочий, известный… под именем «Николы-книжника». Библиотека Николы состоит из 70 названий… Недавно появилась еще одна разновидность народника-книгоноши. Грамотей-крестьянин из любителей словеснага искусства набирает в городе торбу книг и разносит их по своему селу и по соседним селам, посещая по преимуществу многолюдные собрания, свадьбы, вечеринки молодежи и проч. Здесь он и продает книги и за известный гонорар прочитывает книги из своей библиотеки-торбы…» Любо-

пытно восхищение автора предприимчивостью простого народа – «…удивительно просто и разумно русский крестьянин решает тот вопрос, над разрешением которого томится его старший брат многодумный интеллигент… в то время как целые учреждения озабочены изысканием средств на устройство народных аудиторий, читален… харьковский нищий, ростовский «Николка» и деревенский серый грамотей с торбой книг за плечами уже решили вопрос, открыли народные аудитории под открытым небом. Таковые и подобные аудитории самый простой и доступный способ распространения книги в народе… Безспорно, желательно было бы в каждом селе или деревне иметь благоустроенные аудитории с просвещенными лекторами и богатым складом книг; но при настоящих эпидемических голодухах, десятки и сотни лет пройдет до установления той степени народного благосостояния, при котором возможным станет осуществить желание, а невежество русского крестьянства с каждым годом… все более вытравляет лучшие свойства народной души…» [6, с. 28].

Деятельность спонтанно возникающих книгонош автор статьи предлагает организовать следующим образом: «…истинным печальникам блага народного надо ускорить открытие книжных складов в больших поселках … кроме того, набрать комплект благонадежных «Николок», поставить их в известные отношения к тому или иному складу, дать им подбор книг, по возможности удешевив продажу их, и распространение хороших книг в народе обеспечено. В подборе комплекта книгоношь, затруднений быть не может. Для этого во всяком приходе есть так называемые «пешие», безтяглые, безродные одиночки, люди с физическими недостатками и т. д. В рядах этих людей можно найти религиозных, трезвых, безупречной жизни» [Там же, с. 33].

Идею, высказанную автором статьи о приближении книги к потребителю путем создания книжных складов и прикрепления к ним книгоношей, попытались воплотить в жизнь земства. По мнению Т. Д. Рубановой, в целом земское книгоношество не получило значительного распространения в уральских губерниях. Согласно данным опроса, проведенного Курским губернским земством, такая форма торговли использовалась только в семи земских губерниях, а общее количество земских книгонош на всю обширную земскую Россию было всего 13 [5, с. 199].

Даже в конце XIX в. офени оставались единственными «носителями печатного слова» в деревне во многих российских губерниях, в том числе и в Оренбургской губернии. Именно в деревне офени меньше всего зависели от конкуренции и влияния купца с более крупным капиталом. Однако с появлением в селах библиотек и читален при школах коммерческая деятельность офеней несколько ослабела.

1. Бурлакова, Е. С. История библиотек Южного Урала: вторая половина XVIII – начало XX в.: дис. … канд. ист. наук / Е. С. Бурлакова. – Челябинск, 2010. – 171 с.
2. Государственный архив Оренбургской области. Ф. 10. Оп. 2. Д. 154. Л. 26.
3. Книга: энциклопедия. – М., 1999. – С. 386.

4. О современном положении офеней // Вестник воспитания. – 1903. – № 7. – С. 110–114.
5. Рубанова, Т. Д. Земская концепция книжно-библиотечного дела: историко-теоретическая реконструкция (по материалам земских губерний Урала): моногр. / Т. Д. Рубанова; Моск. гос. ун-т культуры и искусств, Челяб. гос. акад. культуры и искусств. – Челябинск, 2006. – 420 с.
6. Способы распространения книг в народе // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1901. – № 1 (1янв.). – С. 28–33.

Е. В. Шуляк
Ханты-Мансийская государственная медицинская академия

ПРОБЛЕМА ЗЕМСКОЙ МЕДИЦИНЫ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

В условиях развивающегося современного российского общества вопрос об актуальности изучения исторического опыта органов земского самоуправления и его деятельности в области здравоохранения не вызывает сомнения. Такие достижения земской медицины, как участковая система обслуживания населения и единство лечебной и санитарно-профилактической работы прочно вошли в практику отечественного здравоохранения еще в 20-е гг. XX в. Однако коммерциализация современной медицины, подготовка и профессиональная деятельность врачей общей практики и семейных врачей, функции которых в дореволюционной России выполняли земские врачи, требуют сегодня глубокого и детального анализа всех преимуществ и недостатков земской медицины.

Хотя в последнее десятилетие историческая наука обогатилась серьезными исследованиями, посвященными истории земской медицины, однако земское здравоохранение многих губерний России на сегодняшний день еще не изучено. Обращаясь сегодня к исследованию исторического опыта земской медицины, необходимо расширить проблематику изучаемых вопросов и, прежде всего, проанализировать развитие земской медицинской статистики, организацию работы земских участковых врачей, деятельность губернских съездов земских врачей и уездных врачебных советов, роль земского медицинского персонала в распространении санитарно-гигиенических знаний среди населения, условия труда, быта земских врачей и предоставления им прав государственной службы, их правовую защищенность.

Детального изучения требуют также и такие аспекты земского здравоохранения, как развитие специализированной медицинской помощи, взаимодействие земского медицинского персонала с местным населением в целях борьбы с эпидемическими заболеваниями, организация и роль санитарных попечительств в развитии санитарно-профилактического направления земской медицины, внедрение новейших достижений научной медицины в лечебную практику, научно-исследовательская деятельность земских врачей и земских лечебных учреждений. В условиях модернизации системы образования в России большой интерес представляет и исторический опыт деятельности специальных земских медицинских образо-

вательных учреждений, которыми являлись фельдшерские и фельдшерско-акушерские школы.

Как взаимодействовали земская, городская и государственная медицина? Какова была взаимосвязь между земской и фабрично-заводской медициной? Как повлияло земское здравоохранение на развитии национальной системы медицинского обслуживания? Как был использован ее опыт в зарубежных странах? В чем состояли особенности организации земского здравоохранения и профессиональной деятельности земского медицинского персонала в мирное и военное время? На эти и другие вопросы, касающиеся земской медицины, еще предстоит ответить историкам.

СЛОВО НАСТАВНИКА

Д-р. филол. наук

Е. М. Юхименко
Государственный исторический музей, г. Москва

ВЫГО-ЛЕКСИНСКОЕ ОБЩЕЖИТЕЛЬСТВО – ГЛАВНЫЙ ДУХОВНЫЙ И КУЛЬТУРНЫЙ ЦЕНТР ПОМОРСКОГО СТАРООБРЯДЧЕСТВА

Выго-Лексинское общежительство, основанное в 1694 г. в глухих лесах Обонежья, очень быстро выросло в крупнейший в России конфессиональный, экономический и культурный центр старообрядцев-беспоповцев. Взору многочисленных паломников, посещавших эти места в XVIII – XIX вв., после изнурительной дороги по чащам, болотам и неудобьям открывалась удивительная картина: гладь реки, заливные луга на противоположном берегу, широкий пологий спуск, окаймленный полосой отступившего леса - и золотисто-красноватый в лучах заходящего солнца деревянный монастырь-городок-крепость. Колокольный звон растекался по всей округе, оповещая окрестные скиты о начале службы в соборной часовне.

Федор Петров Бабушкин, приехавший на Выг из Романова в 1786–1787 гг., а позднее ставший киновиархом пустыни, с молодым восторгом писал домой об увиденном: «Точно, государони матушка, состоит святое место оно, яко древний монастырь, стенами твердыми чювственными и святых отец молитвенными ограждено четыре ограды» [6, т. 1, с. 83].

Это был старообрядческий град Китеж, новый, небесный Иерусалим, сохранивший древлеправославную благодать в мире, измененном реформой патриарха Никона.

Первоначально в Выговском старообрядческом суземке существовало два типа поселений: мирские (напр., «становища» Емельяна Повенецкого и Викулина) и скитские (основанные иноками, в том числе иноком Корнилием), в последних не допускалось совместное проживание мужчин и женщин. После пожара, случившегося осенью 1694 г. и уничтожившего все строения и запасы в поселении Даниила Викулина и Андрея Денисова, его руководители вместе с жителями соединились с поселением Захария Стефанова Дровнина, на этом месте на берегу Выга возникло старообряд-

ческое мужское общежительство (ныне дер. Данилово). Новое собрание принципиально отличалось от всех предыдущих: оно было основано по типу общежитийного монастыря, т. е. изначально мирское поселение было введено в рамки монастырских уставов. Идея подобной организации принадлежала иноку Корнилию (поэтому он особо почитался на Выгу), именно в беседах с ним Даниила Викулина, Андрея Денисова и Захария Дровнина определился выговский путь спасения «старой веры». Начало Выговскому общежительству было положено в октябое 1694 г. («во осень после Покрова Богородицы») [4, с. 105], вскоре была построена часовня в честь Богоявления Господня – первое молитвенное здание в этих местах.

В новом поселении действовали принципы монастырской киновии: общая молитва, общая трапеза, общее имущество. Проводя в жизнь принцип раздельного проживания мужчин и женщин, основатели пустыни выстроили для женщин обитель: сначала неподалеку от Выговской (т. н. Коровий двор), в 1706 г. – на новом месте, в 20 верстах на р. Лексе с часовней в честь Воздвижения Креста Господня (Лексинское Крестовоздвиженское общежительство, его первой настоятельницей стала сестра Андрея и Семена Денисовых Соломония).

Для организации внутренней жизни Выговского общежительства основатели воспользовались уставами Соловецкого, Кириллова Белозерского, Троице-Сергиева и Иосифова Волоколамского монастырей, выписки из уставов этих обителей встречаются уже в ранних выговских сборниках. Традиции древнерусской монастырской жизни Выг впитывал не только через книги, но и благодаря монахам, покинувшим свои обители в результате неприятия богослужебных реформ и переселившимся на Выг. Постепенно выговцы выработали свой богослужебный устав, учитывающий отсутствие священства [3].

Дисциплинарная часть выговского устава, сложившаяся в первые годы существования общежительства, получила письменную фиксацию в 20–30-х гг. XVIII в. Согласно статьям, составленным братьями Денисовыми, в общежительстве были обязательны неукоснительное соблюдение принципа раздельного проживания мужчин и женщин, постоянное присутствие на церковной службе, исполнение келейного правила, повиновение настоятелю, отказ от личного имущества; осуждались излишества в одежде, пище, украшении икон. Руководство повседневной жизнью осуществляли келарь, казначей, нарядник, городничий; круг их обязанностей также был закреплен уставом [2].

Выго-Лексинское общежительство стало одним из главных идейных центров беспоповства. Здесь разрабатывались основные идеи этого направления в старообрядчестве: теория духовного антихриста, идея вынужденного отсутствия священства, определение «нужно-потребных» таинств (Крещение и Покаяние) и обоснование возможности их совершения «простецами», образование института духовного наставничества. Источники конца XVII в. свидетельствуют о сложившихся к этому времени на Выгу почита-

нии старообрядческих мучеников и их мощей, отсутствии моления за царя, существовании обряда причащения Богородичным хлебом, особенном совершении таинства Крещения и обряда погребения. Выговские наставники и жившие в поселении иеромонахи отправляли требы для местных жителей – крестили, исповедовали, причащали. В дискуссиях с федосеевцами, которые вели в первые годы XVIII в. Андрей Денисов, Леонтий Федосеев и другие выговцы, получили обоснование главные пункты разделения этих двух крупнейших направлений беспоповства: вопрос о браке, «торжищном брашне» (продуктах, покупаемых на рынке) и о титле на Кресте Христовом.

Быстрому развитию Выговского общежительства способствовало изменение отношения государства к старообрядчеству. Хотя провозглашенная Петром I в 1702 г. веротерпимость в отношении последователей «старой веры» имела существенные ограничения, тем не менее она дала возможность легализовать существование поморского центра. Указом за подписью губернатора Ингерманландии А. Д. Меншикова, данным в сентябре 1704 г., признавалось право общины жить «по книгам московской печати давних лет выходов» и в то же время предписывалось быть «во всяком послушании, как и прочих погостов жители» [5, с. 41].

Переломным моментом в истории Выговского общежительства явились 1713–1717 гг., когда в Новгороде под арестом находился С. Денисов. Его активное противодействие попыткам Новгородского митр. Иова присоединить его к правосл. Церкви могло стать причиной преследования и закрытия общежительства. Многочисленные выговские литературные памятники, относящиеся к данным событиям, раскрывают духовный переворот, который пережила в этот короткий отрезок времени Выговская пустынь [6, т. 1, с. 94–152]. Выговцы осознали свою преемственность по отношению к раннему старообрядчеству и значение общежительства как оплота «древлего благочестия». Отказавшись от планов переселения в другие места, поморские старообрядцы окончательно связали свою судьбу с Выгом.

После возвращения Семена Денисова на Выг в 1717 г. общежительство пережило период подлинного расцвета, связанный в первую очередь с деятельностью киновиархов Андрея (1702–1730) и Семена (1730–1740) Денисовых. В 1717–1718 гг. развернулось большое строительство в мужском общежительстве: были выстроены настоятельская и братские кельи, более просторная часовня с трапезной, большая столовая, больница, гостиница, многочисленные хозяйственные сооружения (келарская, хлебная, нарядническая, «возачья», кожевенная, портная, чеботная, медница, кузница, плотницкая, конный двор, амбары). Архитектурно Выговское и Лексинское общежительства были организованы как монастыри: в центре стояла соборная часовня, соединенная с трапезной, из которой крытые переходы вели в столовую; по периметру располагались жилые кельи, больницы, хозяйственные постройки; все строения были обнесены высокой деревянной оградой, главные ворота которой именовались Святыми. Труда-

ми первых киновиархов на Выгу был создан старообрядческий центр с прочным экономическим и общественным устройством, со многими институтами духовной культуры: системой образования, книжным делом, литературой, музыкой.

В структуру старообрядческого суземка – заселенной старообрядцами территории на Выгу – входили два общежительства: мужское Выговское Богоявленское и женское Лексинское Крестовоздвиженское, с подворьями (женским на Выгу, носившим название Коровий двор, и мужским на Лексе), и окружавшие их «скиты», где допускалось проживание семьями. По ревизии 1723 г. в общежительствах было записано 213 душ муж. пола (в Выговском значилось 25 дворов и один скотный двор, в Лексинском – 15 дворов) и 322 души в «скитах»: Шелтопорожском (11 дворов), Верхнем (13 дворов), Тихвиноборском (15 дворов), Волозерском (15 дворов и 4 двора «нищенских», Тагозерском (13 дворов и 2 двора «нищенских») и скитах Выгорецкого Верховья (13 дворов). Сохранилась рукописная карта-схема Выговского суземка середины XVIII в. с указанием 20 скитов. Руководящим органом всего суземка являлся собор, состоявший из киновиарха, должностных лиц общежительства и выборных от «скитов». Соборными постановлениями оформлялось решение духовных и светских дел.

Развивая древнерусские традиции, Выг наполнял их собственным содержанием. В 10–30-х гг. XVIII в. прочно укоренилась традиция почитания настоятелей (духовных наставников), сохранявшаяся на протяжении всего существования Выговской пустыни и вызвавшая к жизни большое количество литературных произведений, к которым относятся поздравительные слова на дни тезоименитства наставников, слова надгробные и воспоминательные. На Выгу бережно сохранялись автографы духовных наставников и списки их сочинений. Одним из главных направлений деятельности настоятелей общежительств было устроение богослужебной жизни – строительство храмов, обучение певцов и чтецов, развитие иконописания и литья медных икон. Сложилась традиция посещения наставниками «скитов» в дни престольных праздников.

Выговское общежительство было тесным образом связано со всей предшествующей историей старообрядчества – благодаря восходящему к старообрядческим первоучителям благословению, отношениям духовного и кровного родства с известными деятелями старообрядчества. Стремясь сохранить память о своих первых учителях, выговцы разыскали почти все их сочинения, настойчиво собирали и записывали устные предания о них. Этот материал лег в основу многочисленных исторических и агиографических сочинений выговских авторов. В 10–30-х гг. XVIII в. на Выгу был создан исторический цикл о старообрядческом движении в России начиная со второй половины XVII в, который включил в себя «Виноград Российский» и «Историю об отцах и страдальцах соловецких» Семена Денисова и «Историю Выговской пустыни» Ивана Филиппова.

Трудами братьев Денисовых и их учеников на Выгу была собрана богатая библиотека (согласно описям середины XIX в., данное собрание, к этому времени уже сильно поредевшее, насчитывало 194 рукописи и 212 печатных книг). Книжное собрание Выговского общежительства состояло не только из рукописных и старопечатных богослужебных книг, но также из учебной и полемической литературы. Наряду с собиранием древних книг и икон выговцы занимались подбором других церковно-археологических свидетельств в защиту старой веры. Этот материал был использован при написании «Дьяконовых ответов» (1719) и «Поморских ответов» (1723). Лишенные типографских возможностей, выговцы были вынуждены возродить, и в весьма значительных масштабах, книгописное дело: в их скриптории переписывались как древнерусские произведения (преимущественно в выговских списках сохранились многие редкие памятники русской агиографии), так и сочинения писателей-старообрядцев, в том числе выговских.

В Выго-Лексинском общежительстве была создана единственная в старообрядчестве литературная школа, явившаяся вариантом московского барокко 2-й половины XVII в. Особая стилистика, восходящая к древнерусскому стилю «плетения словес», многообразие риторических приемов, сложный и порой архаизованный язык этих произведений предполагали высокий уровень грамотности читателей. Основатели школы, сами талантливые и плодовитые писатели, братья Денисовы воспитали плеяду учеников, к числу которых относятся Трифон Петров, Даниил Матвеев, Гавриил и Нинифор Семеновы, Мануил Петров, Иван Филиппов, Василий Данилов Шапошников, Алексей Иродионов и др. В выговской литературной школе получили продолжение практически все жанры, существовавшие в Древней Руси: агиографические, историческое повествование, летописание, жанры сказаний, видений, различные виды слов (торжественные, воспоминательные, надгробные и др.), проповеди, послания, поучения, полемические сочинения, службы, силлабическая поэзия.

Художественное наследие Выга исключительно обширно и многообразно: живописные произведения (иконы, лубки, книжные миниатюры, картины маслом), предметы мелкой пластики (резные деревянные и литые металлические иконы и кресты, предметы церковного и домашнего обихода) и прикладного искусства (лицевое и орнаментальное шитье, роспись и резьба на мебели и предметах домашней утвари из дерева, плетение из бересты). Творческое развитие древнерусских традиций, приведшее к выработке собственного стиля, получившего название «поморский», во всех видах искусства и высочайший профессионализм позволяют говорить о выговском наследии как об уникальном явлении в русской культуре XVIII – XIX вв.

Проведение в самом общежительстве и скитах следствия по доносу И. Круглого (1739–1744) внесло некоторое расстройство во внутреннюю жизнь Выга, однако уже в 80-х гг. XVIII в. начался период возрождения,

обновления традиций и расцвета выговских художеств. Главная заслуга в этом принадлежала Андрею Борисову, образованному выходцу из московской купеческой семьи, в 1780–1791 гг. являвшемуся киновиархом пустыни. В этот период возродилась традиция торжественного поминовения первых киновиархов и почитания здравствующих наставников, получили развитие различные формы почитания благодетелей. Были созданы агиографические циклы, посвященные первооснователям пустыни, которые включали в себя жития, службы, воспоминательные слова, были написаны иконы соименным святым и изображения старообрядческих учителей иконного типа.

На 80-е гг. XVIII в. – 20-е гг. XIX в. приходится подъем выговского искусства; к этому времени относится подавляющая часть культурного наследия Выговского общежительства – поражающие богатством оформления и обилием золота рукописи, лубки и иконы разных сюжетов. Их анализ свидетельствует о несомненном влиянии на старообрядческих мастеров городской и даже столичной культуры.

Выговское общежительство дало начало поморскому согласию. Наставники пустыни заботились о распространении своего учения и основании поморских общин в различных районах России, в частности на Севере, в Сибири, Пермском крае, С.-Петербурге, Москве. Принимая участие в развитии горнозаводской промышленности Сибири (посланные с Выга рудознатцы вели разведку месторождений, ими, в частности, в 1723 было открыто Колывано-Воскресенское меднорудное месторождение), выговцы поддерживали возникавшие там поморские общины. Посланцами Выга были братья Семеновы, служившие приказчиками у А. Н. Демидова (6, т. 2, с. 117–188), в лице которого пустынножители обрели заступника перед властями и щедрого благотворителя: Демидов жертвовал на Выг колокола (в 1733 и 1738) и медные слитки. Поморцы многих регионов России на Выгу заказывали заздравные молебны и заупокойные службы по своим родственникам. В «Росписи панихидам», совершавшимся в выговских часовнях в конце XVIII – начале XIX в., записаны семьи старообрядцев из С.-Петербурга, Москвы, Ярославля, Рыбинска, Петрозаводска.

Выговская пустынь была единственным крупным организационно оформленным центром старообрядцев-беспоповцев, сохранявшимся на протяжении всего XVIII в. На исключительное значение Выга в истории старообрядчества указывает то, что с последней четверти XVIII в., с изменением содержания внутристарообрядческой полемики, и другие беспоповские согласия, в частности федосеевское, начинают включать Выговскую пустынь времен братьев Денисовых в родословия своих согласий.

В 1912 г. на проходившем в Москве 2-м Всероссийском соборе христиан поморского церковного общества был поставлен вопрос об увековечении памяти поморских отцов, основателей Выговского общежительства и поморского согласия. Собор единогласно признал, что «сохранение от

расхищения и разрушения остатков Выголексинского общежительства... есть непременная обязанность церкви», и поручил советам 2-й Московской и С.-Петербургской общин обратиться к министру внутренних дел с ходатайством «о передаче Выголексинского общежительства (богадельни или больницы) вместе с кладбищами в ведение советов Второй Московской и С.-Петербургской общин» [1, с. X]. Первая мировая война помешала осуществлению этих планов.

В настоящее время на месте Выговского общежительства и «скитов» располагаются поселки лесорубов и небольшие поселения дачного типа, в 90-х гг. XX в. в Данилове в руинированном виде сохранялись несколько деревянных построек середины XIX в. О существовавшем здесь прежде обширном общежительстве (или деревянном городке, каким его видел в 1866 фольклорист П. Н. Рыбников) напоминает только рельеф местности.

На протяжении XVIII – XIX вв. Выговское общежительство было признанным центром староверия: организация церковной жизни на древних монастырских началах, успехи в культурном строительстве, высокий уровень книжной грамотности и начетничества, создание фундаментальных исторических и полемических трудов, а также ставших образцами для подражания произведений искусства обеспечили поморской обители безусловный авторитет среди старообрядцев различных согласий по всей России. Разоренное в середине XIX в., Выговское общежительство не исчезло бесследно, подобно граду Китежу: оно оставило богатейшее духовное и культурное наследие как самому старообрядчеству, так и всему культурному сообществу.

1. Второй Всероссийский собор христианского поморского церковного общества. Деяния. – М., 1913.
2. Выгорецкий чиновник: в 2 т. : факсим. воспроизв. рукоп. сб. из Древлехранилища Пушкинского Дома, коллекция И. Н. Заволоко, № 3 / изд. подгот. Г. В.Маркелов. – СПб., 2008.
3. Изд.: Устав: Круг вселетнаго богослужения поморскаго Выгорецкаго монастыря. – Саратов, 1913.
4. Филиппов, И. История Выговской старообрядческой пустыни / И. Филиппов. – СПб., 1862.
5. Юхименко, Е. М. Выговская старообрядческая пустынь: духовная жизнь и литература / Е. М. Юхименко. – М., 2002. – Т. 1.
6. Юхименко, Е. М. Литературное наследие Выговского старообрядческого общежительства: в 2 т. / Е. М. Юхименко. – М., 2008.

Научное издание

Составитель
Елена Викторовна Швачко

МОЛОДЕЖЬ В НАУКЕ И КУЛЬТУРЕ XXI ВЕКА

Часть I

**Материалы
международного научно-творческого форума**

Челябинск, 2–3 ноября 2011 г.

В авторской редакции

Технический редактор В. А. Макарычева
Компьютерная верстка Т. А. Жолобовой

Сдано в РИО 17.10.2011 Подписано к печати 20.10.2011
Формат 60x84 1/16 Объем 20,6 п. л.
Заказ № Тираж 500 экз.

Челябинская государственная академия культуры и искусств
454091 Челябинск, ул. Орджоникидзе 36а

Отпечатано в типографии ЧГАКИ. Ризограф

Уважаемые коллеги!

Предлагаем Вам опубликовать результаты Ваших научных исследований.

Большая часть научных изданий – результат тяжелого компромисса между расходами и тиражом. Большой тираж – больше шансов быть услышанным научным сообществом. Большой тираж – большие расходы. Маленький тираж – нет расходов, но и возможности общественного признания работы – увы, малы.

Мы предлагаем Вам возможность публикации **электронного издания** (с присвоением **ISBN**, рассылкой экземпляров по крупнейшим библиотекам России и стран Ближнего Зарубежья) **за 3000 рублей**.

Это – полноценное издание, его **юридический статус равен печатной публикации**. Единственный минус – в том, что Вам не получится поставить «пухлый томик» на свою книжную полку. Но может быть сначала стоит взвесить плюсы?

- **НИЗКАЯ СТОИМОСТЬ РАБОТ ИЗДАТЕЛЬСКОГО ЦИКЛА**
- **ШИРОЧАЙШЕЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ВАШЕГО НАУЧНОГО ТРУДА**
- **ОПЕРАТИВНОСТЬ И БЫСТРОТА ПУБЛИКАЦИИ**
- **ОТСУТСТВИЕ ОГРАНИЧЕНИЙ НА ОБЪЕМЫ РУКОПИСИ: БОЛЬШЕ МЫСЛЕЙ! БОЛЬШЕ ИЛЛЮСТРАЦИЙ!**
- **ИННОВАЦИОННЫЕ ФОРМЫ: ПРЕЗЕНТАЦИОННОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ, АУДИОВЕРСИЯ, ИНТЕРАКТИВНЫЕ ПРИЛОЖЕНИЯ**

Единственный минус цифрового издания – отсутствие книжного корешка на Вашей полке. Впрочем, может быть, вы будете *первым* среди коллег, кто поставит на эту полку красочно-оформленный компакт-диск.

Условия публикации:

1. Автор представляет рукопись в электронном виде в форматах документов Microsoft Office или OpenOffice.org и 2 рецензии – доктора и кандидата наук[1]

2. В **базовый издательский комплект** входит: подготовка рукописи *в авторской редакции* к публикации (верстка, подготовка макета, разработка обложки), *издание* на CD-носителе, обязательная рассылка, 5 бесплатных авторских экземпляров компакт-диска, распространение по вузовским, государственным и электронным библиотекам России и стран ближнего зарубежья. Стоимость базового комплекта – 2500–3000 рублей

3. **Дополнительные услуги**:

– техническая редактура (18 рублей за страницу)

– литературная + техническая редактура (35 рублей за страницу)

– запись аудио-версии (в зависимости от сложности и объемов текста)

– авторские экземпляры на CD-носителях: 100 рублей за экземпляр

– подготовка издания в специальном формате (графическое изображения, защищенное от копирования текста, разработка слайд-шоу версии, специальные текстовые форматы, гиперссылочная версия) – в зависимости от сложности и объемов текста.

4. Автор принимает на себя ответственность за содержание текста рукописи, включая возможные нарушения авторских прав и интеллектуальной собственности.

---

[1] Цветную сканированную версию. Возможно получение рецензий в нашем издательстве. Рецензия доктора наук – 500 рублей, кандидата наук – 300 рублей. Срок представления рецензий – 7 дней с момента оплаты.